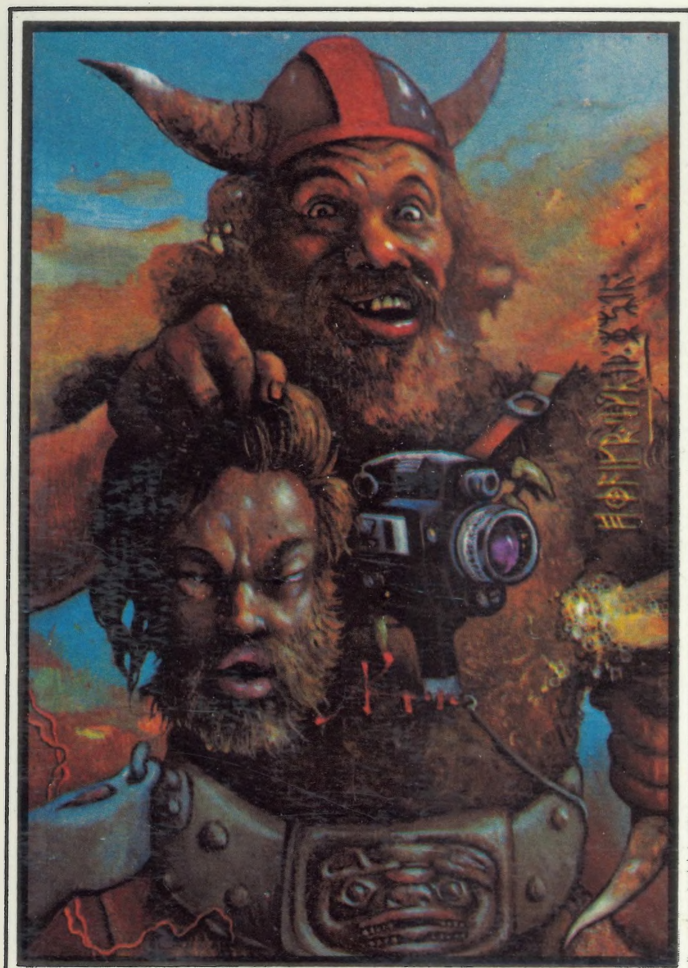

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

СП

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRI HARRISON

Volume five

**SENSE
OF OBLIGATION**

**PLAGUE
FROM SPACE**

**THE TECHNICOLOR
TIME MACHINE**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга пятая

ЧУВСТВО ДОЛГА

ЧУМА

ИЗ КОСМОСА

**ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
САГА**

Издательская фирма «Полярис»

1993

Sense of Obligation
Copyright © 1962 by Harry Harrison

Plague from Space
Copyright © 1965 by Harry Harrison

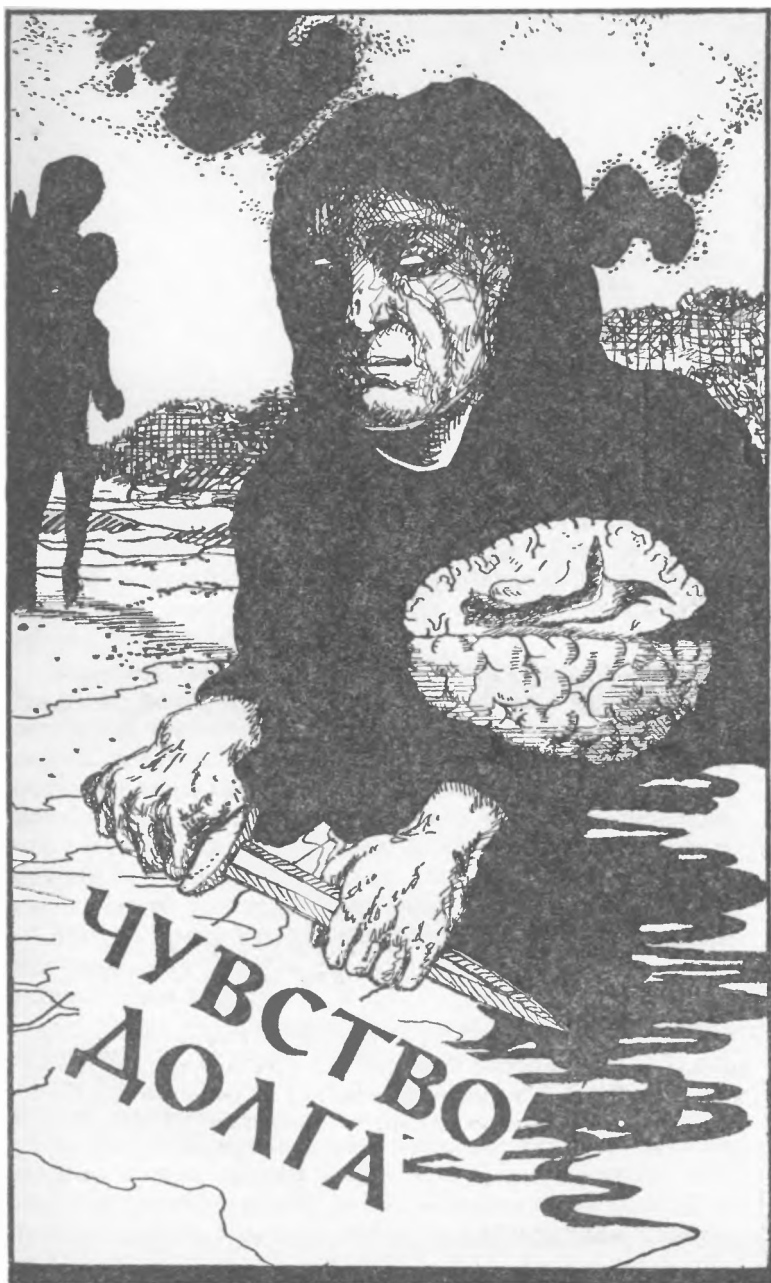
The Technicolor Time Machine
Copyright © 1967 by Harry Harrison

© 1992 Издательская фирма «Полярис», перевод на русский язык, оформление, составление, название серии.

**Печатается с разрешения автора
и его литературного агента.**

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

ISBN 5-88132-020-4

Человек сказал Вселенной:
— Я существую!
— Этот факт, — ответила
Вселенная, — не пробуждает
во мне чувства долга.

Стивен Крейн

Глава 1

Пот струился по телу Брайна и стекал в набедренную повязку — другой одежды на нем не было. Легкая фехтовальная рапира будто налилась свинцом и оттягивала руку. Болели мышцы — сказывались перегрузки последнего месяца.

Впрочем, все это не имело значения. Порез на груди, из которого сочилась кровь, боль в глазах, даже огромный амфитеатр с тысячами зрителей — все было сейчас несущественно. От всей необъятной Вселенной осталось лишь сверкающее стальное острие — тонкая полоска металла, рвущаяся к его груди и отводящая его оружие. Он чувствовал хищное дрожание этого острия, заранее догадывался, когда и куда оно двинется, и всякий раз парировал удар.

Выпад! Брайн мгновенно среагировал, но его рапира пронзила воздух, и в следующую секунду он ощутил острый укол в грудь.

— Удар! — проревел заполнивший весь мир голос, и в ответ обрушилась лавина аплодисментов.

— Одна минута! — произнес тот же голос; пошел отсчет времени.

Брайн немедленно расслабился. Минута это не много, нужно использовать каждую секунду. Под мерный стук метронома он расслабил каждый мускул — только сердце и легкие продолжали работать в преж-

нем ритме — закрыл глаза и позволил секундантам отнести себя на скамью. Пока они массировали его и промывали рану, Брайн отключился и впал в полузабытие. Сразу же всплыло неприятное воспоминание, и он снова попытался проанализировать странные события прошлой ночи.

Случившееся было для Брайна полной неожиданностью. Покой участников Игр тщательно оберегался, поэтому по ночам в спальнях было тихо, как на кладбище. Разумеется, в первые дни распорядок соблюдался не очень строго: все пребывали в возбужденном состоянии, и почти никто не ложился спать после отбоя. Но состязания шли своим чередом, и очень скоро тишина стала воцаряться в спальнях сразу после наступления темноты. А в последнюю ночь занятыми остались всего две спальни, тысячи других пустовали, и ничто не могло нарушить покоя двух претендентов на звание Победителя.

Тем не менее Брайна разбудила какая-то перепалка. Сквозь тонкую металлическую дверь ясно доносились слова: два человека о чем-то спорили. Один громко назвал его имя.

— Брайн Бренд? Конечно, нет! Кто вам сказал? У вас будут крупные неприятности.

— Не будьте идиотом! — прозвучал другой голос, резкий, явно принадлежащий человеку, привыкшему командовать. — Я здесь по делу чрезвычайному, и мне необходимо срочно видеть Бренда!

— Но Игры...

— К черту ваши проклятые Игры! У меня важное дело, иначе ноги моей здесь не было бы!

Второй — это, скорее всего, был дежурный — ничего не ответил, но Брайн понял, что он уже вне себя. Очевидно, он достал пистолет, потому что незванный гость быстро сказал:

— Уберите. Не валяйте дурака!

— Вон! — услышал Брайн, потом наступила тишина и, все еще удивленный, он опять заснул.

— Десять секунд... — голос вернул Брайна к действительности, он почувствовал, что тело опять напряжено, и в этот момент с огорчением осознал, что силы его на исходе.

Целый месяц он находился в постоянном напряжении, и вот наступил предел — трудно было даже стоять. Но Брайн понимал: сейчас необходимо собрать в кулак всю свою волю, мобилизовать все свое искусство и во что бы то ни стало выиграть бой.

— Какой счет? — спросил он у секунданта, с трудом переводя дыхание.

— Четыре-четыре. Для победы тебе нужен только один удар.

— И ему тоже... — прошептал Брайн, глядя на другой конец ковра, где разминался его противник. Слабый боец вообще никогда не добирается до финала Игр, а Ироли был не просто сильным — он был одним из сильнейших на планете. Этот рыжеволосый гигант с неистощимым запасом энергии, искусный в бою, представлял серьезную опасность.

Итак, последний раунд! Один удар — и ты Победитель...

Брайн снова закрыл глаза и понял, что наступил момент, которого он надеялся избежать. Каждый участник Игр владел каким-то особым, только ему известным приемом. У Брайна таких приемов было несколько, и до сих пор они всегда ему помогали.

Например, он считался довольно сильным шахматистом и почти всегда выигрывал. Как правило, победу ему приносил оригинальный стиль игры, выработанный в результате многолетних занятий. У Брайна было много знакомых среди торговых агентов на других планетах: они доставали ему старые книги по теории шахматной игры, изредка попадались совсем древние... Он изучил и проработал тысячи партий. Законами Игр это не запрещалось. Законами вообще разрешалось все, что не было связано с использованием наркотиков или механических приспособлений.

Разрешался и самогипноз... Брайну пришлось упорно трудиться два года, чтобы научиться в полной мере использовать скрытые силы организма. Хотя явление это было давно известно и неоднократно описывалось в литературе, проделать такое самому оказалось невероятно сложно. Подобные эксперименты могли привести человека к полному истощению и даже к смерти.

В истории были известны случаи, когда берсеркеры* продолжали сражаться, не обращая внимания на смертельные раны: люди, пораженные в сердце или в голову, бились с врагом, пока не умирали.

Существовала и другая возможность — гипнотическая жесткость — сила, позволяющая, например, поддерживать тело в горизонтальном положении, опираясь только на две точки. Для этого нужно было входить в транс: в нормальном состоянии такие штуки невозможны. Работая в этом направлении, Брайн овладел искусством черпать силу из того источника, который поддерживает в человеке жизнь.

Такая форма самогипноза тоже могла привести к гибели от истощения, но сейчас у него не было выбора. Участники Игр умирали и раньше, а в финале смерть всегда предпочитали поражению. Глубоко и размеренно дыша, Брайн постепенно погружался в транс. Усталость и боль исчезли, зрение и слух обострились до предела, с каждой секундой он черпал новые силы из источника своей жизни, истощая тело и приближаясь к той грани, за которой нет ни жизни, ни смерти.

Когда прозвучал гонг, Брайн выхватил рапиру из рук секунданта и стремительно бросился вперед — Ироли едва успел схватить оружие и парировать удар. Сила натиска была столь велика, что противники столкнулись, а их рапиры буквально переплелись между собой. Не ожидавший такого начала Ироли немного опешил, но быстро пришел в себя и улыбнулся — он решил, что это последняя вспышка Брайна. Поэтому, когда их развели, Ироли не стал атаковать: он предпочел дожидаться, пока противник растратит последние силы в бесплодных атаках, и тогда...

Но Брайн и не думал уставать. Он неудержимо рвался вперед, усиливая натиск. Улыбку на лице Ироли сменил ужас — он осознал свою ошибку. Брайн увидел отчаяние в глазах противника и понял, что пятый удар за ним. Выпад. Еще один... С каждой секундой

* Берсеркер — неистовый, так называли викингов, давших обет богу Одину; викинги верили, что во время битвы в них вселяется дух Одина; эти воины отличались бесстрашием и первыми шли в бой.

Ироли реагирует все хуже, его оружие движется все медленнее и уже не угрожает, а только пытается отразить мощные удары Брайна. Собрав все силы, Брайн рванулся вперед, нырнул под рапиру противника, и в следующее мгновение кончик его рапиры коснулся груди Ироли!

Аплодисменты и крики приветствия обрушились на арену, подобно горному обвалу, но Брайн почти ничего не слышал. Он только видел, как Ироли выронил рапиру и пытается пожать ему руку... а потом стал падать. Брайн подхватил противника и потащил навстречу секундантам; ему казалось, что он очень долго пробирается сквозь густой туман... Ироли потерял сознание, а Брайн опустился на колени и понял, что наступил долгожданный миг — наконец-то он может позволить себе упасть и закрыть глаза.

Глава 2

Ночной гость Брайна появился в больнице через день после окончания Игр. Он узнал, что новый Победитель не умер, и, хотя еще ночью был очень плох, теперь его жизнь вне опасности. Этого незнакомцу было вполне достаточно.

Он с рычанием прокладывал себе путь к палате Брайна, но возле самой двери натолкнулся на сильное сопротивление.

— Вы не имеете права, Победитель Айджел! — кричал на него врач. — И если вы будете рваться силой, мне придется разбить вам голову.

Айджел начал было объяснять врачу, насколько малы у того шансы осуществить задуманное, но тут их прервал Брайн. Он узнал голос ночного гостя.

— Впустите его, доктор. Я очень хочу увидеть человека, который считает, что на свете есть что-то важнее Игр.

Пока врач нерешительно мялся на пороге, Айджел быстро вошел в палату и, захлопнув дверь у него перед носом, внимательно посмотрел на лежащего в постели Победителя. Борьба со смертью, которую Брайн только что пережил, оставила отпечаток на его лице: глаза глубоко запали и налились кровью; квадратная челюсть напоминала кость, обтянутую кожей; картину довершал заострившийся нос и выступающие

скулы. Лишь ежик коротко стриженных волос напоминал прежнего Брайна. Вообще он был похож на человека, перенесшего длительную и тяжелую болезнь.

— Примерно так должен выглядеть кающийся грешник после долгого поста, — заметил Айджел. — Поздравляю вас с победой.

— А вы что-то не очень похожи на Победителя, — парировал Брайн.

Айджел не обратил на эту шпильку никакого внимания, наверное, он уже привык к такой реакции на свой титул. Все его тело обросло жиром, и на Анваре, где почти не встречаются толстые люди, он выглядел довольно необычно. С трудом верилось, что такой толстяк мог стать Победителем Игр. Но вместе с тем чувствовалась в нем какая-то внутренняя сила, и в глазах его читалась такая уверенность в себе, что Брайн смущенно отвел взгляд. Он зря обидел гостя — человек с такими глазами вполне мог быть Победителем.

Он вновь взглянул на Айджела и понял, что того сейчас занимают проблемы поважнее, чем внешний вид Брайна или его уколы; похоже, что и Игры интересовали этого человека, как прошлогодний снег.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Неожиданно за спиной Айджела беззвучно отворилась дверь — в проеме показались врач и двое полицейских. С грацией, доступной лишь спортсмену, толстяк обернулся и шагнул им навстречу. В следующую секунду клубок барахтающихся тел вылетел в коридор, а Айджел плотно закрыл дверь и щелкнул замком.

— Мне нужно поговорить с вами. — Он выключил видеофон на тумбочке. — Наедине!

— Ну давайте, если я смогу...

— От вас ничего не требуется, лежите и слушайте. Минут через пять они выломают дверь, поэтому не стоит зря терять время. Хотите отправиться со мной на другую планету? Необходимо выполнить важное задание. Это моя работа, но мне нужна помощь. Вы — единственный человек, который может мне помочь. — Айджел сделал паузу и, прежде чем Брайн успел ответить, добавил: — А теперь отказывайтесь.

— Конечно, я отказываюсь, — сказал Брайн и тут же почувствовал себя одураченным, словно именно этих слов и добивался от него Айджел. — Анвар — моя родина, чего ради я должен отсюда улетать? Здесь у меня работа, друзья... Кроме того, я только что победил в Играх, и это налагает на меня определенные обязательства.

— Глупости! — отрезал Айджел. — Я тоже Победитель, но вот улетел же — и ничего. На самом деле вам просто хочется насладиться славой, которая досталась с таким трудом. Ведь здесь титул Победителя приносит почет и уважение, а за пределами Анвара никто даже не знает, что такое Игры. Перед вами, Бренд, открылась дверь в необъятный мир, и вполне понятно, что вы немного... испуганы.

В этот момент кто-то громко заколотил в дверь.

— У меня даже нет сил рассердиться. Вы полагаете, это дает вам право оскорблять меня?

— Извините, — сказал Айджел без тени раскаяния в голосе. — Но есть на свете вещи поважнее, чем ваше оскорбленное самолюбие. Объяснять все подробно нет времени, придется ограничиться кратким изложением основной идеи.

— Как я понимаю, идея окажется столь привлекательной, что я сразу соглашусь покинуть родную планету.

— Отнюдь... Вряд ли мне удастся переубедить вас сию секунду. Но советую хорошенько обдумать мои слова, и после этого, надеюсь, рухнут ваши иллюзии. Как и все жители Анвара, вы исповедуете идеи гуманизма, занимаетесь наукой, а почти все свободное время отдаете подготовке к Играм. Вы принимаете все это как должное. А задумывались вы о тех, кто обеспечил вам такой образ жизни? Думали вы когда-нибудь о многих поколениях людей, тысячелетиями влачивших жалкое, полуголодное существование? Пока человечество медленно карабкалось по лестнице цивилизации и прогресса, миллиарды никому не известных людей жили и умирали в нищете, страдали под властью тиранов и боролись против суеверий. Вы никогда о них не думали, а ведь именно эти люди

своим потом и кровью создали те блага, которыми вы ежедневно пользуетесь.

— Конечно, я никогда об этом не думал. А к чему? Я ведь все равно не могу изменить прошлое...

— Зато можете изменить будущее! Вы изрядно задолжали предкам и должны это понимать. Не хотите отдать хотя бы часть долга и помочь тем, кому сегодня приходится так же несладко, как вашим далеким предкам?

В дверь забарабанили сильнее. Стук мешал Брайну сосредоточиться, а голова плохо работала после лошадиной дозы лекарств. Он с трудом собрался с мыслями.

— В принципе, я с вами согласен. Но вы же знаете, что логическое решение имеет смысл только тогда, когда оно подкреплено эмоциональной сопричастностью. Я ничего не смогу сделать, пока не буду вовлечен в ваше дело лично.

— Вот мы и добрались до самого главного, — мягко сказал Айджел. Он прижался спиной к двери, в которую били уже чем-то тяжелым, и быстро продолжал: — Как видите, мне некогда входить в подробности, но даю честное слово Победителя, что лично для вас это дело значит очень много. И кроме того, если вы мне поможете, мы спасем восемь миллионов жизней. Вот так!

Замок наконец не выдержал, и дверь начала поддаваться. Айджел снова изо всех сил навалился на нее и с трудом закрыл.

— И последнее... — Он перевел дыхание. — Подумайте, почему, когда в Галактике свирепствуют войны и льется кровь, на Анваре люди поставили свою жизнь в такую зависимость от сложной системы Игр?..

Глава 3

Больше держать дверь Айджел не стал. Он отступил в сторону, и в комнату ворвались люди. Пока они осматривались, Айджел, не говоря ни слова, спокойно вышел.

— Что случилось? Что он здесь делал? — спросил врач, испуганно глядя на Брайна.

Остаток дня Брайну было над чем поразмыслить. От избытка лекарств и сильной усталости перед глазами стоял туман, мысли лениво перепрыгивали с одного на другое, неизменно возвращаясь к словам Айджела.

Что же он все-таки имел в виду? Что за ерунду нес об Анваре? Анвар такой, потому что... Да просто потому, что он такой, и все тут!

История планеты проста и незатейлива. Она лежала в стороне от торговых путей, на ней не было залежей полезных ископаемых или драгоценных металлов — словом, ничего интересного с коммерческой точки зрения. Охота на пушного зверя, правда, приносила определенный доход, но о завоевании мирового рынка не могло быть и речи. Нет ничего удивительного, что не делалось никаких попыток колонизировать Анвар. Заселение носило случайный характер. Сначала группа ученых построила здесь обсерваторию и несколько исследовательских станций для наблюдения за необычным анварским годом, потом многие перевезли на

Анвар семьи, и население планеты стало медленно, но верно увеличиваться. Со временем к ученым добавилось некоторое число охотников... Такой была заря цивилизации на Анваре. От тех времен не сохранилось почти ничего, и история первых шести веков Анвара по большей части основана на вымыслах и мифах.

Затем произошел Великий Перелом: Земная Империя распалась, Галактику охватили войны и хаос. Для Анвара это был тяжелый удар. Обсерватория и исследовательские станции обнаружили, что представляют несуществующие более научные институты; охотники потеряли рынок сбыта; на планете не осталось ни одного космического корабля. Анвару пришлось начать нелегкую борьбу за существование.

Правда, лишения периода Перелома почти не затронули Анвар — планета могла обеспечить себя всем необходимым. Когда поселенцы свыклись с мыслью, что они теперь народ независимого мира, а не сборище постояльцев с различным подданством, жизнь пошла своим чередом. Трудности — жить на Анваре всегда было тяжело — внешне как будто не отражались на поведении анварцев, но их образ мыслей и привычки претерпели значительные изменения.

В те времена было сделано много попыток создать на планете стабильное общество и наладить устойчивые социальные связи. К сожалению, и об этом периоде не сохранилось почти никаких письменных свидетельств. Известно лишь, что кульминацией этих поисков стало появление Игр.

Чтобы понять, что такое Игры в жизни Анвара, надо иметь некоторое представление о необычной природе планеты. Продолжительность анварского года — семьсот восемьдесят дней. Большую часть этого времени планета, вращающаяся по сильно вытянутой орбите, находится вдали от солнца — и тогда на ней царит зима. Когда Анвар наконец приближается к своей звезде, наступает короткое жаркое лето, длится оно всего восемьдесят дней.

Местные флора и фауна давно приспособились к резкой смене времен года. Зимой большая часть животных впадает в спячку, только в покрытых снегом тропиках некоторые хищные виды сохраняют актив-

ность и охотятся на немногочисленных травоядных. Все формы растительной жизни переживают холода в виде спор или семян. В общем, зима на Анваре — это сезон мира.

Зато лето — это время бешеного роста. Летом все пробуждается к жизни, все растет, цветет и активно размножается. Изменения происходят прямо на глазах — снежный покров тает, и поля за день превращаются в джунгли. Растения карабкаются друг на друга и рвутся вверх, стараясь получить побольше живительной солнечной энергии. В этот короткий период каждый ест и каждого едят...

Чтобы выжить, людям тоже пришлось приспособливаться к анварскому циклу. Адаптация произошла не сразу, сменилось не одно поколение, пока безумное лето и бесконечная зима перестали казаться анварцам чем-то из ряда вон выходящим. Теперь первая оттепель вызывала глубокие изменения в организме человека: исчезали слои подкожного жира, почти пропадала потребность в отдыхе — нескольких часов сна хватало на неделю. Люди привыкли к бешеному темпу анварского лета: они собирали урожай и готовили запасы на зиму. К первым морозам зерно и мясо были уже законсервированы в специальных хранилищах, и теперь поселенцы могли не опасаться голода.

За несколько веков человек сумел стать неотъемлемой частью природы Анвара, ему удалось приспособиться и выжить... Но оставалась еще одна проблема. На смену короткому лету приходила долгая анварская зима, и тогда главным врагом каждого жителя планеты становилась скука. Даже охотники не могли заниматься своим делом всю зиму, а каково было остальным?! На Земле эскимосы умели впадать в случае необходимости в полубессознательное состояние, почти в спячку... Для Анвара это был не выход. Разве можно проводить так зиму, которая длится почти два земных года?

Одни нашли для себя выход в пьянстве, другие — в ярости. Алкоголизм и убийства — двойной ужас зимних сезонов после Перелома. Конец этому кошмару положили Игры.

Когда они прочно вошли в жизнь Анвара, трудности зимы отошли на второй план, а лето стало восприниматься лишь как перерыв между Играми. Это были не просто соревнования — это был образ жизни, который идеально соответствовал условиям планеты. В основе Игр лежало десятиборье, причем шахматы и создание поэтических композиций занимали такое же место, как прыжки с трамплина или стрельба из лука.

Каждый год устраивались два всепланетных турнира: один — среди мужчин, другой — среди женщин. О дискриминации не было и речи, просто такой порядок отражал реальное положение вещей. Половые различия мешают справедливому соревнованию: например, всем известно, что женщина не может выиграть большой шахматный турнир.

Принять участие в Играх мог любой. Никаких преимуществ или ограничений не существовало. Побеждал лучший, и это действительно был лучший. Сложная система соревнований и всевозможных чемпионатов держала население планеты в напряжении всю зиму. Но все это служило лишь прелюдией к финалу... Выигравший финал получал титул Победителя.

Брайн повернулся в кровати и посмотрел в окно. Он — Победитель Анвара! Теперь его имя попадет в книги по истории, он станет одним из героев планеты. Теперь школьники будут учить его биографию, как сам он когда-то учил биографии Победителей прошлого. Вдохновленные его примером, они будут мечтать о победе и ежедневно готовиться к ней. Ведь быть Победителем — величайшая честь для жителя Анвара!

Полуденное солнце слабо светило в темном небе, и этот тусклый свет поглощали бесконечные ледяные поля. Одинокий лыжник медленно пересекал безжизненную равнину... На Брайна обрушилась бесконечная усталость, и вдруг жизнь предстала перед ним в совершенно ином свете. Неожиданно он ясно понял, что быть Победителем на Анваре ровным счетом ничего не значит! Это все равно что быть лучшей крысой на какой-нибудь захудалой помойке.

Что такое Анвар? Закованная в лед, никому не известная планета... Помойка на краю Галактики, населенная несколькими миллионами крыс. Здесь аб-

солютно не за что было бороться. Войны, захлестнувшие Галактику после Перелома, обошли планету стороной. Анварцы всегда очень гордились этим, как будто тот факт, что никто не обращает на вас внимания, может служить предметом гордости. Другие миры сражались, побеждали или терпели поражения, росли и, самое главное, — менялись. Лишь на Анваре ничего не менялось; жизнь повторялась, как заезженная пластинка.

Глаза Брайна увлажнились, он заморгал. Слезы!.. Он плачет? Осознав этот невероятный факт, Брайн даже немного испугался. Неужели напряжение финального поединка сказалось на психике? Никогда в жизни он не испытывал жалости к себе, откуда она взялась теперь?! Анвар — его родина, его Вселенная, как он может так думать о ней? Что же с ним случилось? Кто внушил ему эти мысли?

Ответ пришел быстро — Победитель Айджел, этот толстяк, заявившийся к нему со странным предложением и не менее странными вопросами. Он что, волшебник? Или дьявол? Нет, это чепуха! И все-таки ему удалось каким-то образом заронить в Брайне сомнение. Брайн по-прежнему не понимал, что произошло, но теперь он не сомневался, что виновником случившегося был Айджел.

Брайн включил видеофон — на экране появилась дежурная сестра.

— Ко мне сегодня приходил человек, — начал Брайн, — Победитель Айджел. Вы не знаете, где он сейчас? Мне надо его увидеть...

Вопрос явно застал сестру врасплох: она принялась путанно извиняться, а потом экран погас. Когда он засветился вновь, вместо сестры Брайн увидел человека в форме охранника.

— Вы спрашивали о Победителе Айджеле? Он задержан охраной больницы за бесчестный поступок — вторжение в вашу палату.

— Я никому не собираюсь предъявлять обвинение. Попросите его зайти ко мне.

— Мне очень жаль, Победитель Брайн, но... доктор распорядился, чтобы вы...

— Доктор не имеет никакого права вмешиваться в мою личную жизнь! Я не инфекционный больной, чтобы запрещать мне контакты. Я вообще не болен, просто сильно истощен. Я хочу его видеть!

Охранник вздохнул:

— Сейчас он будет у вас.

— Как вы это сделали? — воскликнул Брайн, едва увидев Айджела. — Надеюсь, вы не будете отрицать, что засунули мне в голову чужие мысли?

— Нет, не буду, — невозмутимо ответил Айджел. — Я как раз этого и добивался.

— Но как вы это сделали? — повторил Брайн.

— Хорошо, сейчас расскажу. Я вам еще много чего расскажу... Важно, чтобы вы не только услышали, но и поверили. А ключ ко всему — это истинное положение вещей здесь, на Анваре. Как, по-вашему, возникли Игры?

Брайн запил водой двойную порцию стимуляторов.

— Точно не знаю, я ведь не историк. Помню только, что основателем Игр был Джиральди, а первые соревнования состоялись в триста семьдесят восьмом году. С тех пор Игры проводились ежегодно и очень скоро стали всепланетными.

— Все верно. Но вы рассказываете, что произошло, а я спрашиваю, как это произошло. Как мог один человек превратить планету, населенную полубезумными охотниками и спившимися фермерами, в отлаженную социальную машину? Вам никогда не приходило в голову, что этого просто-напросто не могло быть?

— Но было же! С фактами не поспоришь! Игры — естественное решение проблем жизни на Анваре. Все ведь логично.

Айджел иронически хмыкнул:

— Ну-ну... Логично, значит? А часто вы видели, чтобы социальные группы или правительства руководствовались логикой? Поставьте себя на место Джиральди: представьте, что вы чудесным образом додумались до идеи Игр и теперь осталось только убедить всех остальных в своей правоте. Вы идете к первому попавшемуся вшивому, пьяному и наверняка осатаневшему от скуки охотнику и четко и ясно излагаете ему программу спасения планеты. Вы рассказываете, как

его любимые виды спорта — шахматы, стрельба из лука, поэзия — изменят всю его жизнь, сделают ее интересной и добродетельной. Так вот, когда закончите, мой вам совет — побыстрее унесите ноги.

Брайн улыбнулся — очевидный абсурд; конечно же, так не могло быть. Но так или иначе Игры прочно вошли в жизнь Анвара, и этому должно иметься какое-то простое объяснение.

— Мы можем толочь воду в ступе хоть целый день, но до истины не дойдем, пока... — Айджел неожиданно замолчал и посмотрел на видеофон. Пустой экран слабо мерцал в полумраке комнаты. Толстяк подошел к тумбочке и выдернул штекер. — Ваш врач слишком любопытен. Я ему уже сказал один раз, что это не его дело. Что касается истины... Вы должны понять — социальная структура Анвара создана искусственно. Ваш образ жизни разработан экспертами-социологами и внедрен усилиями полевых агентов.

— Чепуха! Социальную структуру нельзя изменить без насилия, да еще так быстро.

— Нет, это не чепуха. Просто вы читались земной классики и вообразили себе, что любые перемены обязательно замешаны на крови. Человечество всегда стремилось к изменениям в социальной сфере. То, что считается нормой сегодня, еще вчера было смелым новшеством. Уже в древности люди пытались создать такое общество, где все были бы счастливы. Кстати говоря, большая часть этих попыток провалилась из-за излишнего радикализма идеи. Анвар — пример того, что может дать разумный подход. Однако с тех пор много воды утекло. Мы уже не пытаемся толкать цивилизации на путь всеобщего благоденствия. Как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад... Теперь мы стараемся защитить молодые культуры и дать толчок развитию окостеневших, чтобы предотвратить их гибель. Когда велись работы на Анваре, наука еще не продвинулась так далеко, не было еще теории искусственных культур...

— Но как это делается? — перебил его Брайн. — Как это делали на Анваре?

— О, вы делаете успехи! Уже спрашиваете «как». В операции были заняты сотни агентов, и стоила она

немалых денег. Сначала внедрялось понятие личной чести, потом вводились дуэли... Постепенно в обществе возник интерес к поединкам, они вошли в обиход, стали обыденным явлением. Вот тогда-то и возникла мысль, что специальные соревнования могут быть даже интересней, чем дуэли. С интеллектуальными состязаниями были, конечно, определенные сложности, но мы решили и эту проблему. Детали я опускаю, сейчас нас интересует конечный результат. А конечный результат — это вы и есть. Вы мне нужны!

— Но почему именно я? Что во мне такого особенного? Да, я победил в Играх, но ведь дело не в этом. По совести говоря, я ничем не лучше других Победителей. Почему вы не обратились к кому-нибудь из них? Они справятся не хуже меня.

— Нет, не справятся. Чуть позже я объясню, почему только вы можете мне помочь. Но не сейчас. В моем распоряжении осталось всего три часа, и за это время я должен убедить вас присоединиться к нам.

— Да... Непростое дело. На вашем месте я для начала объяснил бы, кто такие «мы».

— Центр развития и усовершенствования — тайная неправительственная организация. Центр считает своей главной задачей поддержание мира в Галактике во имя процветания независимых планет... а также в интересах распространения идей гуманизма.

— Смахивает на цитату.

— Это и есть цитата из устава нашей организации. Все это, конечно, хорошо и красиво, но сейчас речь идет о конкретном деле. И на мой взгляд, дело как раз для вас. Вы родились и выросли на Анваре, в мире, где правительство не оказывает практически никакого давления на граждан. Образование вы получили прекрасное, участие и победа в Играх тоже немало значат. Будет весьма обидно, если с такими данными вы проведете остаток жизни где-нибудь на ферме в горах.

— Хорошего же вы обо мне мнения! Я, между прочим, собираюсь учиться...

— Забудьте Анвар! — Айджел хлопнул рукой по столу. — Этот мир прекрасно обойдется без вас, здесь и так все в порядке. Вы должны понять, что в масштабах Галактики Анвар — пылинка. Подумайте о

сотнях других планет, где сегодня нет мира, где страдают миллиарды людей. Им надо помочь. Употребите свои знания и способности на благое дело.

— Но что я могу? Что вообще может один человек, когда речь идет о судьбе целых миров? Я ведь не Наполеон, не Александр Македонский, да и времена сейчас не те, чтобы вершить историю в одиночку.

— Все это правильно в принципе и совершенно неверно по существу. Некоторые люди, оказавшись в центре событий, попав в круговорот борьбы, действуют как катализатор — говоря языком химии, они ускоряют прохождение реакции. Вы — такой человек. Объективности ради должен заметить, что не могу подкрепить это утверждение никакими доказательствами. Вам придется поверить мне на слово. А поскольку я не могу больше тратить время на дискуссии, мне остается воззвать к вашему чувству долга.

— Долга? Перед кем это?

— Перед человечеством, конечно. Перед теми миллиардами мертвецов, которые крутили колесо истории, пока вам не досталась ваша удобная и счастливая жизнь, с чем вас и поздравляю. Видит Бог, они немало сделали для вас, теперь и вы должны кое-что сделать для других. Все очень просто — этот принцип лежит в основе любого гуманистического учения.

— Согласен. Ваши аргументы были бы хороши в ученом диспуте, но вряд ли они убедят меня покинуть эту кровать, а тем более Анвар.

— О, уже лучше! Вы согласились со мной в главном, и теперь мы можем перейти к деталям. Я хочу сообщить вам следующее... Существует планета с населением восемь миллионов человек. Ситуация такова, что все они могут погибнуть. Я отправляюсь туда, чтобы предотвратить катастрофу. Но я знаю, что один не справлюсь, поэтому мне необходима ваша помощь. Никто другой для этой миссии не подходит, только вы!

— Хорошо, позвольте мне вставить несколько слов. Предположим, я вам поверил. Вы говорите правду, и, будь у нас время, с легкостью доказали бы мне истинность каждого слова. Но я никак не могу взять в толк, почему никто, кроме меня, не может вам помочь?

На секунду Айджел задумался, потом, как бы решившись, коротко сказал:

— Вы обладаете уникальной способностью!

— Какой способностью? — растерялся Брайн. — Я ничем не отличаюсь от остальных жителей планеты.

— Ошибаетесь, Брайн Бренд. Отличаетесь, и очень сильно отличаетесь. Вы обладаете способностью *проникновения*. Таких людей ничтожно мало в Галактике, а на Анваре первые появились всего два поколения назад.

— Ничего не понимаю. Что такое это ваше *проникновение*? И с чего вы взяли, что именно мне присуще это, как вы говорите, уникальное качество?

— Мне оно тоже присуще, — улыбнулся Айджел, — поэтому я могу видеть эту способность в другом человеке. Вы хотите знать, что такое *проникновение*?.. Ну вспомните, какие необычные мысли об Анваре посетили вас каких-нибудь полчаса назад. Вы еще спрашивали, как я «засунул» чужие мысли вам в голову. Вот лишнее доказательство того, что вы, Бренд, обладаете этой способностью. Пройдет, конечно, еще немало времени, прежде чем вы научитесь в полной мере пользоваться своим даром, но он у вас есть — тут спорить не о чем. Проникновение — это мысленное прикосновение к чувствам или, если хотите, к душе другого человека. Вы проникаете в его эмоции, в его радости и печали, вы ощущаете его отношение к миру, к вам, к людям вообще. Здесь ничто не зависит от разума, поэтому абсолютно невозможна никакая ложь или фальшь. Ваш талант уже оказал вам большую услугу — благодаря ему вы победили в Играх. В бою или в шахматном поединке вы всегда на ход впереди противника: вы угадываете направление удара еще до того, как он поднял рапиру. Не трудитесь отвечать, я по вашим глазам вижу, что прав.

— Откуда вы знаете? — изумился Брайн. Он никогда никому об этом не говорил; это был главный секрет его успеха — самая сокровенная его тайна.

— В основном догадки, — усмехнулся Айджел. — Но не забывайте, в свое время я тоже стал Победителем. И тогда я тоже ничего не знал о *проникновении*. Как видите, у нас много общего. А теперь вернемся к

нашим баранам. Минуту назад вы хотели получить четкий и ясный ответ на вопрос, почему никто другой не может мне помочь. Сейчас я отвечу. Но я не буду ничего говорить, не буду больше произносить речей о процветании Галактики и развитии культуры. В конце концов, на словах всегда можно солгать. Я дам вам ответ на том единственном языке, который не умеет лгать. Хотите узнать, что я чувствую? Хотя нет, «узнать» — не то слово. Лучше будет сказать: хотите разделить мои чувства, проникнуть в мой мир? Хотите?

Брайн хотел что-то сказать, но не успел.

— Дис... — громко произнес Айджел. — Восемь миллионов жизней. Водородные бомбы. Брайн Бренд...

Это были ключевые слова. С каждым звуком на Брайна волнами обрушивались эмоции собеседника. Айджел сказал правду — здесь не было места неискренности.

Дис... Дис... Дис... этот мир... эта планета... это слово гремит как гром... гром... гром... и окружает пустыня... пустыня... планета смерти... планета смерти... планета... там жизнь есть смерть и смерть гораздо лучше жизни.

Смерть... Смерть...

Восемь миллионов трупов... восемь миллионов обгоревших трупов... они навсегда останутся в твоих снах... навсегда...

Водородные бомбы... Водородные бомбы...

Они несут смерть... смерть... остановить их... остановить... ты, Айджел... ты должен... остановить смерть... смерть... смерть... ты не сможешь один... один... помощь... помощь!.. Брайн Бренд...

Брайн Бренд... он один может помочь!!!

Когда все кончилось, Брайн обнаружил, что лежит весь в поту, откинувшись на подушку, и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Айджел сидел около кровати, закрыв лицо руками, — он медленно поднял голову, и Брайн только сейчас заметил, что вокруг глаз у него — черные круги.

— Смерть... — прошептал Брайн. — Запах смерти! Какой-то кошмар. И я знаю, гибель Диса тут ни при чем... Это что-то очень личное.

— Да, — подтвердил Айджел. — Это смерть... Моя смерть. Она уже близка. Страшную цену подчас приходится платить за свой дар. Я могу чувствовать будущее; не знать, а именно чувствовать. Как-то это связано со способностью проникновения, но как — никто не знает. Пока феномен предвидения или, точнее, предчувствования плохо изучен.

Смерть даже одного человека так ужасна, что отбрасывает отражение в прошлое. Чем ближе я к ней, тем сильнее ощущаю ее приближение. Но самое страшное, что я не знаю точной даты. Скорее всего, я погибну вскоре после прибытия на Дис, но задолго до завершения операции. А провалить операцию нельзя ни в коем случае. Я знаю только одного человека, который способен справиться с этой задачей... Теперь вы знаете все. Вы пойдете со мной?

— Да, — ответил Брайн не раздумывая. — Я пойду с вами.

Глава 4

— Доктор был просто вне себя, — сказал Брайн. — Мне и в голову не приходило, что человек может так рассердиться.

— Его можно понять. — Айджел общался с бортовым компьютером. Он быстро пробежал пальцами по клавишам и глянул на экран. — Мы лишили его возможности прославиться. Не каждый день выпадает возможность вернуть здоровье Победителю.

— Да, пожалуй. Интересно и как это он поверил, что на корабле мне будет не хуже, чем в больнице? Как ты ухитрился убедить его?

— И не пытался. Просто и у Центра, и у меня есть влиятельные друзья на Анваре. Должен признаться, я даже немного перегнул палку. — Он взял распечатку курса следования. — Время терпит, но я предпочитаю ждать на другом конце дистанции. Сейчас надену на тебя статис-поле, и сразу тронемся в путь.

Статис-поле было замечательно тем, что человек, попав туда, не чувствовал ни боли, ни перегрузок, ни страха — он вообще ничего не чувствовал. Брайн пришел в себя, когда Айджел ловко снимал с него специальные ремни. Внутри корабля все осталось по-прежнему, и только в иллюминаторах мелькала красная пустота, как это обычно бывает в джамп-режиме.

— Как ты себя чувствуешь? — осведомился Айджел.

Очевидно, корабельный компьютер интересовало то же самое — откуда-то как чертик из коробки выскочил датчик и моментально впился Брайну в руку. Врач с Анвара дал инструкции на все случаи жизни, и теперь компьютер регулярно обследовал пациента, каждый раз снимая десятка два показаний. Вероятно, здоровью Брайна пока ничто не угрожало, потому что «доктор» ограничился инъекцией глюкозы с витаминами.

— Не могу назвать свое состояние великолепным, — отозвался Брайн, когда датчик исчез в своем гнезде, — но с каждым днем мне становится лучше.

— Будем надеяться. Мы доберемся до Диса через две недели. К этому времени ты должен быть в форме.

— Ничего не обещаю, но думаю, что справлюсь. Завтра начну делать легкие упражнения — это пойдет мне на пользу. А теперь, может, ты расскажешь мне о Дисе? И кстати, что мы там будем делать?

— Мне очень не хочется читать эту лекцию дважды, поэтому умерь свое любопытство. Наш отряд должен состоять из трех человек — через несколько дней мы возьмем на борт экзобиолога*. Как только он окажется здесь, я введу вас обоих в курс дела. А пока советую вплотную заняться изучением дисанского языка — через две недели он тебе понадобится.

С помощью гипноизлучателя Брайн за несколько дней освоил дисанский словарь и грамматику. Но возникли сложности с произношением: язык был богат звуками, произносимыми на выдохе, и Брайн постоянно глотал окончания. Когда он, вооружившись звукоотражателем и анализатором, пытался освоить дисанскую речь, Айджел уходил на другую палубу. Язык и без того нельзя было назвать благозвучным, но в интерпретации Брайна получалась такая жуть, что мороз продирал по коже.

Корабль продолжал полет в джамп-режиме по заданному курсу. Он исправно кормил и поил свой немногочисленный экипаж, аккуратно восстанавливал

* Э к з о б и о л о г — специалист по внеземным формам жизни; в данном случае речь, очевидно, идет о негуманоидной жизни.

свежий воздух и следил за температурным режимом. Компьютер заботился о здоровье Брайна и отмечал постоянное улучшение. В то же время умный корабельный мозг старательно отсчитывал секунды, и, когда наступил расчетный момент, сработала система оповещения. Вспыхнула красная лампа, и по всему кораблю мягко, но настойчиво загудели зуммеры.

Айджел зевнул, отложил в сторону документы по проблеме Диса и направился в контрольную рубку. Проходя мимо каюты, где Брайн упражнялся в произношении, он невольно вздрогнул и стукнул в дверь.

— Эй, Брайн, выключи этого умирающего бронтозавра и пристегнись. Мы прибыли в точку рандеву и скоро выйдем в нормальное пространство.

Они оба успели добраться до рубки и пристегнуться, когда компьютер отключил джамп-режим и корабль выбросило из подпространства в обычный космос. Они не стали отстегиваться, а спокойно сидели и смотрели на непривычный рисунок созвездий за иллюминатором.

Компьютер тем временем вычислял координаты и определял местонахождение корабля. Вскоре зазвенел предупредительный звонок, включился и тут же опять выключился джамп-режим. Эта операция повторялась еще дважды, пока компьютер не удовлетворился наконец результатом, и тогда в рубке загорелась надпись: «Двигатели выключены».

Айджел отстегнул ремни, потянулся и отправился готовить обед...

Вскоре показался другой корабль — пассажирский рейсовый лайнер. Айджел немедленно передал свои позывные. Вместо ответа встречный корабль выбросил капсулу — металлическое яйцо метра три длиной — и исчез в подпространстве.

Айджел записал координаты яйца, ввел их в компьютер и засел за расчеты. Минут через десять ему удалось вычислить точку встречи с учетом углов движения, силы отталкивания, эффекта Доплера и прочих параметров.

Еще минут через пять сверкающее яйцо появилось на главном экране, потом подплыло к входному люку

корабля. Магнитные захваты мягко щелкнули и втянули яйцо внутрь.

— Иди и выпусти доктора Морриса из этой скорлупы, — сказал Айджел Брайну. — А я на всякий случай останусь у приборов.

— Как это делают? — поинтересовался Брайн.

— Надень скафандр, спустись к внешнему люку и открой капсулу. Не советую утруждать себя поисками люка — его там нет. Надо просто сделать резакон дыру. А когда доктор будет на борту, выбросишь остатки капсулы. Только захвати передатчик и локаатор — могут пригодиться.

Оказавшись во входном тамбуре, Брайн первым делом закрыл внешний люк, а потом занялся капсулой. Он осторожно взрезал тонкую металлическую фольгу, и в тот же миг доктор Моррис вылетел из яйца, отбросив Брайна в сторону.

— В чем дело? — ошарашенно спросил Брайн.

В скафандре Морриса не было радио, и он только гневно потрясал кулаками, что само по себе довольно красноречиво свидетельствовало о его настроении. Брайн попытался разглядеть лицо доктора, но ничего не увидел сквозь темный пластик шлема и, пожав плечами, вернулся к люку, чтобы выбросить капсулу. Когда давление опять пришло в норму, он снял шлем и жестом предложил Моррису сделать то же самое.

— Вы все — свора грязных лживых псов! — таковы были первые слова доктора.

Брайн удивленно посмотрел на него и потерял дар речи. Волосы у доктора были длинные и черные, глаза — большие и очень красивые, рот — правильной формы... Доктор Моррис оказался женщиной.

— Значит, вы и есть та грязная свинья, которая затеяла эту авантюру? — гневно зашипела гостья, подступая к Брайну.

— В контрольной рубке, — быстро ответил тот, — вы можете найти человека по имени Айджел. Ему как раз по силам выдержать такой натиск. Вы это сразу же поймете, а я готов присоединиться к вам...

Последние слова он договаривал уже на ходу — доктор Моррис, не дослушав, пулей вылетела в кори-

дор, и Брайн отправился за ней следом, не желая пропускать интересное зрелище.

— Это же самое настоящее похищение! Какая низкая ложь! Какое возмутительное насилие над личностью! Не думайте, что это сойдет вам с рук! Я буду просто визжать от радости, когда увижу вашу толстую рожу за решеткой!

— Идиоты! — вздохнул Айджел, словно не слыша ее. — Кого они нам прислали! Я дал запрос на квалифицированного экзобиолога, достаточно молодого и крепкого для работы в полевых условиях повышенной сложности. И что же? Эти кретины из отдела вербовки прислали сюда какую-то паршивую фитюльку, которая растает под первым же дождем!

— Не бойтесь! Не растаю! — У доктора Моррис самолюбие тут же взяло верх над злостью. — Женская выносливость вошла в поговорку, а мои физические данные много лучше, чем у средней женщины, — парировав таким образом выпад Айджела, она без передышки продолжала: — Я — доктор Леа Моррис. На Земле меня наняли для работы в университете планеты Моллер. Я подписала соответствующий контракт. Потом этот дурак агент заявил, что контракт изменен — смотри параграф сто восемьдесят девять, пункт два — и меня передают какому-то Айджелу для другой работы. Даже не извинившись, меня затолкали в это чертово яйцо и вышвырнули за борт! Это грубое нарушение неприкосновенности личности и...

— Ясно! — довольно бесцеремонно оборвал ее Айджел. — Брайн, нам придется прокладывать новый курс. Разущи какую-нибудь населенную планету поблизости и направляйся прямо к ней. Там мы высадим эту истеричку и подберем себе стоящего парня. Я, конечно, просил специалиста — хотя бы потому, что для экзобиолога нет места интересней, чем то, куда мы направляемся, — но нам нужен человек, который умеет четко и правильно исполнять любые приказы и не падает в обморок при первом удобном случае.

Брайн немного растерялся. До сих пор навигацией занимался исключительно Айджел, и Брайн даже не знал, с какой стороны подходить к карте. Но тут вмешалась Леа.

— Ну уж нет! — заявила она, моментально изменив позицию. — Так легко вы от меня не избавитесь! Я, между прочим, заняла первое место на курсе, а там было пятьсот человек и почти все — мужчины. Вселенная для мужчин, да? Слышали, слышали... Старый миф. И держится только благодаря титаническим усилиям самих мужчин. Короче говоря, как называется эта ваша райская планета?

— Дис, — ничуть не удивившись такому повороту событий, ответил Айджел. — Я расскажу вам о ней, как только мы ляжем на курс. — И он отвернулся к приборам.

Леа Моррис хмыкнула, выскользнула из скафандра и отправилась в приготовленную для нее каюту, наводить красоту.

Только тут Брайн понял, что уже довольно давно наблюдает за всем происходящим открыв рот, и поспешил изобразить на лице подобающую мину.

— Это, по-вашему, называется прикладной психологией? — как можно серьезней спросил он у Айджела.

— Не совсем, — ответил тот. — Подумай сам, она все равно должна работать — она ведь подписала контракт, пусть даже и не удосужилась ознакомиться со всеми его пунктами. Просто-напросто ей надо было на ком-то сорвать злость. Ну я помог ей, натолкнув на мысль о вечном мужском превосходстве. По опыту знаю, большинство женщин, выполняющих мужскую работу, очень болезненно воспринимают эту тему.

Айджел не спеша ввел в компьютер курсовые данные и задумался. Неожиданно он помрачнел и тихо сказал:

— Но, к сожалению, в моих словах большая доля истины. Нам действительно нужен молодой, выносливый и квалифицированный экзобиолог, причем доброволец. Но я никак не думал, что мне пришлют женщину, а сейчас уже нет времени отправлять ее обратно... Дис — не место для женщины.

— Почему? — спросил Брайн.

В этот момент в рубку вошла Леа.

— Ну, вот и все в сборе, — заметил Айджел. — Садитесь. Теперь, пожалуй, самое время ответить на твой вопрос, Брайн.

Глава 5

— Дис... — Айджел заглянул в толстую папку, — третья планета системы Эпсилон Эридана. Четвертая — Ниджор, запомните, это очень важно. Мало кто посещает Дис без крайней нужды, и уж точно никто не горит желанием там задерживаться. Слишком жарко и слишком сухо — температура там редко опускается ниже сорока градусов; вся планета — сплошь обожженный камень и горячий песок. Местами встречаются соленые озера, вода в которых совершенно непригодна для питья. В этой папке собрана подробная информация о Дисе, и чуть позже вы сможете с ней ознакомиться. Пока же я хочу убедить вас, что эта планета — самое отвратительное и негостеприимное место во Вселенной. То же самое можно сказать о ее обитателях... Вот так выглядит дисанец...

Леа с интересом посмотрела на экран компьютера... Ее поразили не физические отличия — как специалист по чужим формам жизни она видела много странного, — нет, ее поразило другое: поза, выражение лица, зловещий оскал.

— Он так смотрит... будто хочет убить фотографа, — прошептала она.

— Он так и сделал, — отозвался Айджел. — Все дисанцы ненавидят и презирают чужеземцев. Эта раса возникла во времена Перелома. Подробности я не

знаю, но общая картина ясна. Очевидно, раньше на Дисе велась добыча полезных ископаемых — планета очень богата залежами минералов, и разработка этих месторождений не представляет труда. Но воду там необходимо очищать, и по большей части она ввозилась с других планет. В начале Перелома о Дисе забыли, как, впрочем, и о многих других планетах. Дальнейшее подтверждает теорию о безграничной приспособляемости человека. Вода и пища исчезли, а изношенная техника перестала работать, и людям пришлось несладко. Многие умерли, умерли в страшных мучениях, но в целом раса выжила. Когда сломалась последняя машина, достаточно много людей уже приспособились к окружающей среде.

Их потомки по-прежнему населяют планету. Они сильно изменились, но остались человекоподобными. Нормальная температура тела у дисанцев — пятьдесят четыре и четыре десятых градуса, у них развились органы, накапливающие воду. Есть и другие изменения, не такие заметные. Я не вдавался в детали, но доклад нашего эксперта полон восторгов по поводу симбиоза человека и природы Диса. И еще в докладе утверждается, что впервые человек стал частью экологической системы чужой планеты.

— Удивительно! — воскликнула Леа.

— Неужели? — нахмурился Айджел. — С научной точки зрения, это, наверное, интересно. Вы, доктор Моррис, можете делать заметки, а потом напишите книгу. Ничуть не сомневаюсь, что все эти морфологические изменения приведут вас в восторг. Но когда будете определять группу крови и колдовать над термометрами, не забудьте уделить должное внимание дисанцам. Вы должны выяснить, почему они такие, — в противном случае мы станем свидетелями гибели этого замечательного мира!

— То есть как?! — возмутилась Леа. — Вы что, хотите уничтожить их? Почему?

— Потому что они невменяемы, вот почему! К ним в руки попало несколько примитивных кобальтовых бомб. Теперь они хотят подпалить фитили и закидать этими погремушками Ниджор — соседнюю планету. От Ниджора требуют полной капитуляции, уже уста-

новлен крайний срок для выполнения этих безумных требований. Ниджорцы капитулировать не собираются: им самим нравится их планета, и они не желают никому ее отдавать. Переговоры ничего не дали — дисанцы помешаны на идее расового истребления. Уже несколько недель флот Ниджора висит над Дисом. У ниджорцев есть водородные бомбы, и, поверьте мне, их достаточно, чтобы сжечь в атомном пламени всю планету. Мы должны это предотвратить.

Айджел замолчал. Брайн взглянул на экран, стараясь составить представление о дисанцах. Почти голый человек, всей одежды — клоч материи на бедрах. С плеча свисает какая-то веревка, похожая на кусок лозы. За поясом — несколько странных предметов из камня, металла и кожи. Единственная знакомая вещь — большой нож с непонятным орнаментом: какие-то петли, колокольчики и узелки сплетались в бессмысленном рисунке, возможно, религиозного значения. Но выглядел нож так, будто им часто пользовались. Брайн почувствовал некоторое беспокойство: если им пользовались, то для чего?

— Не могу поверить, — наконец заключил он. — Этот низколобый субъект похож на выходца из каменного века. Не понимаю, как такие существа могут угрожать целой планете.

— Ниджорцы верят, и мне этого достаточно, — отрезал Айджел. — Они заплатили Центру хорошие деньги, чтобы мы предотвратили войну. Короче говоря, нас наняли, и мы обязаны выполнить просьбу клиента.

Брайн проигнорировал эту ложь, решив, что она предназначена для Леа. Но про себя решил при случае расспросить Айджела об истинном положении вещей.

— Вот доклад инженеров, — Айджел бросил на стол пачку бумаг. — Как я уже говорил, у Диса есть кобальтовые бомбы. Но это еще полбеды. У них, кроме того, имеется установка джамп-режима, которая может доставить бомбы на Ниджор. Дисанцы заявили, что когда они это сделают...

— И когда же? — перебила Леа. — Когда истекает срок ультиматума?

— Через восемь дней, если все осталось по-прежнему и ниджорцы еще не стерли Дис с лица Галактики.

Уверяю вас, они никому не хотят зла — они очень мирные люди, но им придется сбросить эти проклятые бомбы, чтобы уцелеть.

— А что должна делать я? — спросила Леа, перелистывая страницы доклада. — Я ведь экзобиолог с уклоном в антропологию. Чем я могу вам помочь?

— Вы для нас просто находка! — радостно заявил Айджел. — Вы сухопары, как недокормленный цыпленок, достаточно молоды и имеете шансы выжить, особенно если мы за вами присмотрим. Так что моя вера в наших вербовщиков полностью восстановлена. — Он жестом остановил девушку, которая уже собралась достойно ответить на его колкости. — А теперь хватит болтать, у нас и так мало времени. Пытаясь найти бомбы, ниджорцы потеряли тридцать человек. Наша организация потеряла шесть агентов, в том числе моего предшественника на посту руководителя операции. Он был хорошим человеком, но пошел по неверному пути. Я думаю, что эта проблема из области культуры.

— Проблему надо изучать в развитии, — Леа слегка нахмурилась. — а пока речь идет исключительно о нынешнем дне.

— Вопрос о происхождении проблем такой же древний, как история про Ньютона и яблоко. Все когда-то имело начало. Если мы найдем причину, по которой эти люди так хотят отправиться в преисподнюю, возможно, нам удастся ее устранить. С другой стороны, я не собираюсь прекращать поиски бомб и установки джамп-режима. Надо использовать все шансы.

— Вы умнее, чем кажется на первый взгляд, — заметила Леа, собирая со стола бумаги и вставая. — Можете на меня рассчитывать. Все это я изучу в постели, если кто-нибудь из вас покажет мне каюту с крепким замком. И не надо меня беспокоить — я сама вас позову, когда проголодаюсь.

Брайн проводил девушку до ее каюты и отправился на поиски Айджела. Тот обосновался на камбузе и самозабвенно уписывал огромную порцию холодца.

— Тебе не кажется, что она слишком мала для землянки? — спросил Брайн. — Ниже меня на голову.

— Вполне возможное дело. Земля — свалка старых генов: слабые спины, плохие глаза... Не будь там университетов, Земля вообще ничего не стоила бы.

— Зачем ты ей солгал насчет Центра?

— Затем что Центр — организация секретная, — пробурчал Айджел с набитым ртом. — Это для тебя достаточно веская причина? Чем задавать дурацкие вопросы, лучше съешь что-нибудь. Восстанавливай силы. Мы должны действовать тайно, только тогда мы добьемся успеха. Зачем мисс Моррис знать, кто в действительности проводит операцию? Она отработает и спокойно вернется домой. Если же она вдруг надумает присоединиться к нам... Вот тогда можно все и рассказать. Но лично я сомневаюсь, что ей понравятся наши методы и... В общем, если мы не сумеем предотвратить войну, я сам сброшу на Дис несколько водородных бомб.

— Что ты сказал?! — изумился Брайн.

— Именно то, что ты услышал, и нечего тарашить на меня глаза. Лучше я сам скину бомбы, но не дам сделать это ниджорцам. Тогда есть шанс спасти их.

— Как спасти? Они же все перемерут от радиации! — воскликнул Брайн.

— Речь идет не о дисанцах. Я хочу спасти Ниджор. Перестань сжимать кулаки, лучше сядь и возьми кусочек этого восхитительного торта. В этой игре стоит принимать в расчет только ниджорцев. Когда Дис оказался отрезан от мира, его обитатели превратились в банду помешанных убийц. Ниджор чаша сия миновала. Климат там благодатный: можно круглый год питаться фруктами и жить себе, не зная забот. Небольшое население планеты отличалось образованностью и интеллектом. Другие на их месте предавались бы безделью и потихоньку деградировали, а ниджорцы создали жизнеспособное процветающее общество. В основе их цивилизации лежит не инженерная мысль — когда Ниджор вновь открыли, там даже колесом не пользовались, — а гуманитарная культура. Они далеко продвинулись в сфере человеческих взаимоотношений — машинной цивилизации еще никогда не удавалось преуспеть в этой области. Разумеется, для нашего Центра они были находкой. Миролюбие — врожден-

ная черта этих людей. И если им придется уничтожить Дис, вся их философия рухнет. Они, конечно, уцелеют, но на планете воцарятся такие же волчьи законы, как и на Дисе.

— Тебя слушаешь — так у них там рай.

— Не кощунствуй. Это нормальный человеческий мир со своими проблемами, но они научились жить без злобы и крови. А это уже очень много! Возможно, в будущем именно они укажут путь всему человечеству. Ниджор стоит того, чтобы заботиться о нем. Теперь иди к себе — учи язык и читай доклады. Скоро все это пригодится.

Глава 6

— Пожалуйста, назовите себя, — донеслось из динамика на контрольной панели.

Спокойный тон говорящего никак не соответствовал изображению на главном экране. Корабль, который шел параллельным курсом, еще не так давно был торговым судном. Теперь же его украшала внушительная орудийная башня; черное жерло орудия глядело прямо на них. Айджел включил передатчик.

— Я — Айджел, код сетчатки глаза 490-ВИ-67. Одновременно это пароль для вашей эскадры. Хотите проверить код?

— В этом нет необходимости. Включите, пожалуйста, запись, для вас получено сообщение от Прима-1.

— Давайте, записываю, — сказал Айджел и добавил, обернувшись к Брайну: — Черт! Опять какие-то неприятности. Всего за четыре дня до срока! Прима-1 — наш штаб на Дисе. Чего хорошего можно ждать от штаба! Мы можем идти прямо в космопорт — у нас на борту груз для Диса. Но похоже, обстановка опять изменилась, и мне это очень не нравится.

Айджел что-то не договаривал, и Брайн, сам того не желая, заглянул в его мысли. Айджел волновался: внизу их ждали неприятности и, возможно, подстерегала опасность.

Компьютер застрекотал, и из щели принтера поползла лента с записью. Наклонившись над ней, Айджел читал слово за словом по мере их появления. Когда лента кончилась, он еще раз перечитал все сообщение, раздраженно фыркнул и отправился на камбуз.

Брайн подобрал ленту с пола и прочитал:

«Айджел! Айджел! Айджел! Садиться в космопорту опасно! Координаты для посадки: 46 92 МН 76. Рекомендуем садиться ночью. Корабль немедленно отошлите. Вас встретит Рион. Конец».

Рекомендуют садиться ночью, подумал Брайн. Надо понимать, что у дисанцев нет аппаратуры для обнаружения космических кораблей.

Через несколько часов мягкий толчок оповестил экипаж, что посадка благополучно завершилась. Все огни на корабле были погашены, лишь лампочки на панели слабо светились в темноте. Приборы ночного видения ничего тревожного не зафиксировали: экран заливал серовато-белый свет — почва еще не успела остыть, но вокруг корабля не было никакого движения.

— Кажется, мы первые, — заметил Айджел, быстро затемнив иллюминаторы и включив свет.

Они посмотрели друг на друга — их лица блестели от пота.

— Зачем вы устроили эту парилку? — спросила Леа, входя в рубку и вытирая лицо платком.

В легком коротком платье она показалась Брайну еще стройней и изящней. Хотя Леа была маленького роста, выглядела она очень женственно, чтобы не сказать — соблазнительно: высокая грудь, тонкая талия, пышные бедра... Брайн не мог отвести взгляд.

— Может быть, мне повернуться, чтобы вы могли осмотреть меня и со спины? — ехидно осведомилась Леа.

За несколько дней Брайн уже усвоил, что на такие замечания лучше не реагировать. Девушка за словом в карман не лезла, и с чувством юмора у нее тоже все было в порядке, поэтому он не стал вступать в пререкания, а только сказал:

— Снаружи еще жарче. Мы подняли температуру, чтобы немного привыкнуть. Иначе тепловой удар почти гарантирован.

— Я прекрасно знаю теорию, но потеть от этого не перестаю.

— Ничего другого я вам предложить не могу, — заметил Айджел. В шортах и майке он был похож на мокрый волейбольный мяч. Допив бутылку пива, он достал из холодильника еще одну. — Пива хотите?

— Нет, спасибо. Боюсь, что почки выплывут наружу. На Земле мы никогда...

— Брайн, вынеси багаж доктора Моррис, — прервал ее Айджел. — Кажется, приближается Рион — вон он сигналил. Как только выйдем, я отошлю корабль, не дай Бог, туземцы увидят...

Когда они ступили в крошечную тьму ночного Диса, лица им опалила волна сухого, горячего воздуха. Брайн услышал, как Леа тихо вскрикнула от неожиданности, и помог ей спуститься по трапу. Кругом простиралось мертвое песчаное море; горячий песок жег ступни даже через подошву обуви.

Айджел с небольшим передатчиком в руках спустился последним и, как только они отошли подальше от корабля, нажал кнопку старта. Черная машина бесшумно взмыла вверх и быстро исчезла из виду. На гребне одной из дюн вдруг возникло темное пятно — легкий вездеход с выключенными огнями направлялся в их сторону. Айджел шагнул ему навстречу...

Мощный электрический разряд сбил его с ног, и яркое синее пламя охватило тело. Почти одновременно раздался крик со стороны вездехода и тут же оборвался, будто кричавшему полоснули ножом по горлу. Раньше чем погасла вспышка, Брайн отшвырнул пакеты и ящики в темноту и бросился на песок. Падая, он успел увлечь за собой Леа, надеясь, что у нее достанет ума лежать тихо и не двигаться.

Еще одна лиловая вспышка разорвала ночь — заряд лег совсем близко, в долю секунды испепелив их багаж. Этот выстрел уже не застал Брайна врасплох: он еще сильнее вжался в землю, но все-таки успел заметить, откуда по ним стреляют. Он медленно поднял пистолет... Когда за несколько часов до посадки Айджел протянул ему оружие, Брайн без разговоров сунул пистолет в кобуру и забыл о нем думать: ему и в голову не могло прийти, что оружие понадобится так

скоро. Тщательно прицелившись, Брайн нажал на спуск. По пустыне прокатился грохот выстрела, и с гребня соседней дюны скатилось тело — пуля нашла цель. В следующий миг кто-то прыгнул ему на спину — страшный удар вдавил Брайна в песок, а жгучая боль обожгла горло.

В бою Брайн никогда не терял рассудка, всегда умел подчинить эмоции разуму. Но ведь то были соревнования — игры, пусть даже и с большой буквы. А сейчас в двух шагах отсюда лежал мертвый Айджел — его друг, которого эти гады хладнокровно убили... И Брайн первый раз в жизни почувствовал ненависть, настоящую ненависть к противнику. Холодная ярость захлестнула его и заставила встать...

Всем известно, что глупо и опасно курить сидя на бочке с бензином или совать пальцы в розетку, но мало кто знает, что гораздо опасней посягнуть на жизнь Победителя. Нападавших было двое, но для Брайна это не имело никакого значения. Первый умер сразу — стальные пальцы Победителя быстро нашли его горло; второй успел перед смертью вскрикнуть.

Разгоряченный, с пистолетом наготове, Брайн бросился на поиски остальных, но больше поблизости никого не оказалось. Тогда он опустил на песок рядом с Леа, сунул оружие в кобуру и позволил себе немного расслабиться. После схватки гудело в голове, болело тело, пот заливал глаза, дыхание было тяжелым и неровным. Минут через пять Брайн сел и занялся девушкой. Она была без сознания, но зато жива и невредима, если не считать небольшой ссадины на виске. Очевидно, Леа ударилась головой, когда падала, и это спасло ей жизнь.

Брайн окончательно пришел в себя и почувствовал наконец резкую боль в горле. Пальцы нащупали какой-то шнурок на шее, он снял его и внимательно осмотрел. Это была тонкая, но очень прочная веревка, похожая на металлическую струну, с железными шариками на концах — орудие убийства, варварское, но весьма эффективное. Струна разрежала кожу на шее, впилась в мясо и все-таки не смогла перепилить могучие мышцы Победителя. Презрительно усмехнувшись, Брайн отбросил удавку в сторону.

Прекрасно понимая, что нет никакой надежды, он подошел к Айджелу. Одного взгляда было вполне достаточно...

В темноте жалобно застонала Леа, и Брайн быстро двинулся к вездеходу. Переступив через обутленное тело у дверцы — очевидно, это был Рион, — он заглянул в кабину. Водитель сидел, запрокинув голову — ему перерезали горло той же страшной струной. Брайн положил убитого на песок и закрыл ему глаза, полные ужаса и боли. Потом, взяв из кабины флягу с водой, вернулся к Леа.

Девушка уже очнулась.

— Голова... я разбила голову, — прошептала она с явным усилием.

— Это всего лишь ушиб. Выпейте воды, вам станет легче. Лежите спокойно, все уже кончилось.

— Они убили Айджела! — Леа вдруг все вспомнила. — Что произошло?

Она попыталась встать, Брайн осторожно поддерживал ее.

— Я сейчас все расскажу, вы только не вставайте. Мы нарвались на засаду. Они убили Айджела, убили Риона и водителя вездехода. Их было трое, и теперь они мертвы. Похоже, что больше здесь никого нет. Сейчас мы немного подождем, пока вам станет лучше, а потом возьмем вездеход и поедем.

— Верните корабль! — В голосе девушки послышались истерические нотки. — Нам нельзя здесь оставаться! Мы не знаем, куда идти и что делать. Айджел мертв — все пропало! Надо улетать.

— Мне очень жаль, Леа, но о корабле лучше забыть, — Брайн старался говорить мягко, чтобы хоть немного сгладить впечатление от своих слов. — В Айджела стреляли из ионного бластера, передатчик сгорел. У нас нет выбора. Остается попробовать добраться до города.

К его удивлению, Леа не стала спорить. Ни слова не говоря, она встала и пошла к вездеходу. Над дюнами взошла красная неяркая луна, и в ее неровном свете Брайн вдруг увидел, что двигатель вездехода раскрыт. Он стремительно бросился к машине, уже заранее зная, что там увидит. Нападавшие, к несча-

стью, оказались людьми проворными и сообразительными. За несколько минут они успели не только убрать Риона и водителя, но и превратить двигатель в грудку бесполезного железа.

— М-да... — вырвалось у Брайна, но он вовремя вспомнил о своей спутнице и взял себя в руки. — Похоже, придется идти пешком. Город отсюда километрах в ста пятидесяти. Мне кажется, если не спеша...

— Это верная смерть! — Леа была на грани истерики. — Вся эта планета — смертельная западня! К черту все, вернемся на корабль!

Брайн не стал ее утешать или уговаривать: он понимал, что это шок. Посадив девушку в вездеход, чтобы она немного отдохнула и пришла в себя, он стал готовиться к долгому переходу.

Итак, прежде всего — одежда. С каждой минутой становилось все холоднее, дневное тепло стремительно улетучивалось. Леа уже мерзла, Брайн достал из чудом уцелевшего баула кое-какие вещи и велел ей одеться. Найти удалось немного — фляжка с водой, аптечка... Ни карт, ни радио не оказалось. Очевидно, в этой голой пустыне направление определялось по компасу. Вездеход был оснащен гироманнитным компасом, но его тоже разбили во время нападения.

Брайн постарался припомнить карту, которую видел на корабле, и пошел искать следы вездехода. Он нашел прямую, ровную колею — скорее всего, вездеход шел из города по кратчайшему пути, никуда не сворачивая. «Придется ориентироваться по следам», — подумал он.

А между тем время шло... Брайн очень хотел похоронить Айджела и Риона с водителем, но сейчас каждая минута была на счету. Единственное, что он мог для них сделать — это положить трупы в вездеход, чтобы уберечь их от хищников. Заперев дверцу, Брайн зашвырнул ключ подальше в темноту.

Леа спала, и он осторожно ее разбудил.

— Вставайте. Нам придется немного прогуляться.

Глава 7

Идти по слежавшемуся песку было сравнительно нетрудно. Ночная прохлада бодрила, и путешествие представилось Брайну не таким уж тяжелым. Но все портила Леа... Оглушенная событиями последних часов, девушка впала в глубокий шок и совершенно потеряла способность трезво мыслить. Мозг ее дремал, зато язык работал без отдыха. Бессознательно бредя вслед за Брайном, она высказывала все свои страхи и опасения, которые в данном случае было бы гораздо лучше оставить при себе. Она бормотала, что они никогда не найдут дорогу, ни за что не доберутся до города, а так и умрут в этой проклятой Богом пустыне от жажды, жары и ночного холода. Сюда же примешивались страхи прошлого, выплывшие из глубины подсознания. Кое-что из этого бреда Брайн понял, хотя и старался не слушать ее причитания. Ее преследовал страх лишиться доверия, потерять хорошее место, остаться позади всех, затеряться среди людских орд, борющихся за место под солнцем в перенаселенных городах-государствах Земли, — страх женщины в мире, которым правят мужчины. Ее терзало и еще что-то, какой-то почти животный ужас, но для человека с Анвара это и вовсе было лишено смысла.

Брайн остановился и взял девушку на руки. Она покорно приникла к его широкой груди и немедленно

уснула. Идти сразу стало легче, несмотря на дополнительную ношу, и Брайн быстро двинулся вперед своим обычным широким шагом, стараясь не потерять ни минуты драгоценного ночного времени.

Иногда следы гусениц пропадали на каменных россыпях и приходилось их искать. Он внимательно следил за звездами и вскоре определил, где находится север — похожее на квадрат созвездие медленно поворачивалось вокруг невидимой оси планеты. Им нужно было на запад, поэтому Брайн старался все время оставлять это созвездие справа.

Когда заболели руки, он бережно опустил Леа на песок, а сам лег рядом. Девушка даже не проснулась. Глядя в ночное небо чужой планеты, Брайн вдруг поразился окружающей пустоте. Вокруг, сколько хватало глаза, не было никого и ничего — сплошная тьма и мертвая тишина под куполом незнакомых звезд. Он привык к уединению, но сейчас со всех сторон подступало одиночество — жуткое, первобытное... Оно пронизывало до костей, проникало в душу и выворачивало человека наизнанку. По спине пробежала странная дрожь, но Брайн уже отогнал непонятные мысли и встал. Пора идти.

Он тщательно укутал Леа в свою куртку. Если подвесить ее за спину, идти будет гораздо легче. Вскоре местность изменилась: на смену ровному как стол плато пришли пологие песчаные дюны, протянувшиеся в бесконечность. Следующие несколько часов мучительные восхождения на гребень очередного холма чередовались с не менее мучительными спусками во тьму к подножию следующего.

При первых проблесках света на востоке Брайн остановился, чтобы немного отдохнуть. Казалось, что грудь вот-вот разорвется от напряжения. Он выпил немного воды и сел на песок рядом со спящей Леа. Золотые полосы света пронизывали серое небо, сметая звезды. Зрелище было настолько величественное, что Брайн замер от восхищения.

«Это надо запомнить, это ощущение стоит сохранить на всю жизнь. Лучшее всего подойдет четверостишие — короткое, но способное отразить всю гамму переживаний». Брайн прославился своими четверости-

шениями в Играх, но это будет особенным. Тэйн — его учитель поэзии — был бы им доволен.

— Что вы там бормочете? — сонно спросила очнувшаяся Леа, с удивлением глядя на его орлиный профиль, темнеющий на фоне розоватого утреннего неба.

— Стихотворение. Тсс... минутку.

После такой ночи это было, пожалуй, уже слишком, и девушка в голос расхохоталась. Ее смех звонким эхом разнесся между дюн...

Взошедшее солнце осветило горизонт. Стало теплее.

— Брайн! — испуганно воскликнула Леа. — У вас на горле рана. Вы истекаете кровью!

— Нет, — спокойно ответил он, слегка дотронувшись до кровоточащего пореза. — Рана поверхностная.

События прошедшей ночи вдруг отчетливо встали перед глазами, и ему стало не по себе. Леа не видела его лица, она рылась в аптечке, но Брайну пришлось быстро помассировать скулы, чтобы согнать гримасу боли и отвращения. Как легко он убил! Трех человек... Как быстро пробудились в нем звериные инстинкты! Он применял эти приемы сотни раз, никогда даже не помышляя о смерти противника — ведь эти схватки были неотъемлемой частью Игр. Он всегда свято верил, что жизнь человека неприкосновенна... Но когда убили его друга, сам стал хладнокровным убийцей. Он не выдержал испытания, но даже сейчас не чувствовал за собой никакой вины. Он пережил шок, и не более того...

— Поднимите подбородок! — Леа размахивала каким-то флаконом, найденным в аптечке.

Брайн послушался, и холодная жидкость обожгла ему шею. Антибиотики были бы лучше, поскольку рана почти затянулась, но он не стал говорить этого вслух. Потом они проглотили по таблетке стимулятора.

— Начинает припекать, — сказала Леа, сбрасывая верхнюю одежду. — Нам надо побыстрее найти салун с кондиционером или, на худой конец, холодную пещеру, где можно будет отсидеться до вечера.

— Что-то я сомневаюсь насчет пещеры. Здесь, кроме песка, вообще ничего нет. Нужно идти...

— Нечего мне лекции читать. Я и сама прекрасно знаю, что нужно идти. Вы серьезны, как земной банк. Расслабьтесь. Сосчитайте до десяти тысяч, глубоко вдохните и начните сначала, — Леа говорила и говорила не останавливаясь, пытаясь в словах выплеснуть наружу весь свой страх и неуверенность.

— У нас нет времени. Идемте. — Брайн с трудом поднялся на ноги и закинул за спину узел с поклажей. Он посмотрел на запад и не увидел там никаких ориентиров — одни только дюны до самого горизонта.

— Подождите минуточку. Куда мы идем? — Леа тоже встала.

— Вон туда, — Брайн показал рукой. — Ориентироваться придется по солнцу, а если не дойдем до ночи — то по звездам.

— И это все на пустой желудок? А как насчет завтрака? Я голодна и хочу пить.

— Еды нет. Воды очень мало, она нам потом понадобится. — Брайн потряс флягой; когда он ее нашел, там было меньше половины, а теперь...

— А мне она нужна сейчас. У меня рот, как невычищенная пепельница. Я суха, как бумага...

— Один глоток, — сказал он после некоторого колебания. — У нас и так почти ничего не осталось.

Леа проглотила воду с закрытыми глазами. Брайн засунул фляжку в узел, даже не притронувшись к воде. Когда через пять минут они взобрались на гребень первой дюны, оба обливались потом.

Пустыня была совершенно безжизненна — только они одни шли вперед под палящим солнцем. Тени понемногу укорачивались, а жара усиливалась. Платье на Леа промокло насквозь, пот заливал глаза, она ничего не видела и могла идти только опираясь на Брайна, который невозмутимо шагал от дюны к дюне, невзирая на жару и прочие мелкие неудобства.

— Вряд ли эти штуки съедобны, но, может, в них есть вода? — хриплый голос Брайна вывел Леа из оцепенения.

Девушка заморгала и, когда к ней вернулось зрение, увидела на песке какие-то странные предметы. Круглые, сморщенные, усеянные толстыми шипами... Это могли быть в равной степени и растения, и

животные. Брайн пнул один шар — тот покатился вниз и зарылся в песок, а на башмаке осталась царапина и пятно зеленоватой жидкости.

— Должно быть, яд. — Брайн вытер башмак о песок. — Нам не стоит здесь задерживаться.

В полдень Леа упала... Она хотела подняться, но тело не слушалось. Тонкие подошвы не могли защитить от раскаленного песка, и ступни жгло огнем. Она часто дышала, и горячий воздух вливался в горло, как расплавленный металл, обжигая легкие. С каждым новым ударом сердце гнало кровь к ране на голове, и ей казалось, что череп сейчас расколется. На ней не было почти никакой одежды: в начале пути она сняла все, кроме платья, хотя Брайн предупреждал об опасности ожогов. Теперь она стояла на четвереньках и горячий песок обжигал руки и колени, но подняться все равно не было сил, и она могла только бороться с собой, чтобы не упасть совсем. А перед глазами плыли бесконечные черные крути.

Брайн поднял девушку и понес ее на руках. Платье Леа было разорвано, и обнаженная грудь неритмично поднималась и опускалась в такт дыханию. Кожа сильно покраснела, и, когда Брайн дотронулся до ее руки, он ощутил зловещую сухость... Налицо были все признаки теплового удара: неровное дыхание, сухая обожженная кожа. Тело перестало бороться с жарой, и его температура стремительно поднималась, а тонкая одежда не могла служить защитой от палящего солнца. Брайн влил ей в рот часть оставшейся воды и упорно продолжал идти вперед.

Неожиданно на горизонте появился небольшой утес. Даже не утес, а так — обломок скалы. Но там была тень! Собрав все силы, он двинулся туда...

Под скалой песок, защищенный от прямых солнечных лучей, по контрасту казался холодным. Когда Брайн положил Леа в тень, девушка открыла глаза. Она хотела извиниться за свою слабость, но пересохшее горло отказывалось издавать звуки.

Перед глазами еще мелькали крути и точки, и Леа показалось, что Брайн раскачивается над ней взад и вперед, словно дерево под напором ветра. Но понемногу у нее прояснилось в голове, и она увидела, что он

и в самом деле качается. Внезапно Леа поняла, что сейчас ее жизнь целиком и полностью зависит от этого человека, от его силы и выносливости... И вот, кажется, он тоже дошел до последней черты и не может больше бороться. Брайна водило из стороны в сторону, хотя он и пытался сохранить равновесие. Мышцы его напряглись, потом опали, жилы на шее чудовищно вздулись, рот был широко открыт, и этот беззвучный крик был ужасней самого неистового вопля. Прошло несколько долгих секунд — Брайн рухнул на песок как подрубленное дерево.

Обморок или смерть? Леа поднялась и, шатаясь, побрела к нему. Брайн без движения лежал на раскаленном песке и стремительно потел. «Значит, жив!» — мелькнуло в голове у девушки. Но что это с ним? Она лихорадочно рылась в памяти, вспоминая все, что знала или слышала из области медицины, но все равно не понимала, что происходит. А происходило с Брайном что-то невероятное, причем прямо у нее на глазах. Его тело покрылось потом — из всех пор сочились крупные капли жидкости; потовые железы работали в непостижимом темпе. Взглянув на его руку, Леа испуганно вскрикнула: волосы на руке стояли дыбом — каждый волосок раскачивался, дрожал и, казалось, жил совершенно самостоятельной жизнью. В полной растерянности девушка смотрела на Брайна и думала, что она, наверное, сошла с ума перед смертью.

Внезапно Брайн закашлялся, потом открыл глаза. Пот все еще ручьями струился по телу и медленно стекал в песок.

— Я не хотел вас путать, — сказал он. — Слишком неожиданно все получилось. Хотите воды? У нас еще осталось немного.

— Что случилось? Вы упали... Я в жизни ничего такого не видела.

— Два глотка, не больше. — Он протянул ей флагу. — Всего лишь летнее изменение. На Анваре это ежегодно происходит с каждым, но, конечно, не так явно. Зимой почти полностью прекращается потовыделение и на теле нарастает слой жира — защита от холода. А когда становится тепло, начинается обратный процесс: жир усваивается, и интенсивно работают

потовые железы. Благодаря этому человек нормально переносит жаркое лето, да еще все время работает и почти не спит. Здесь климат похожий, и, наверное, организм среагировал на привычные раздражители.

— Вы хотите сказать, что вот так просто, за пять минут ваш организм приспособился к условиям этой кошмарной планеты?

— Почти. Но здесь все-таки жарковато. Скоро мне потребуется много воды, поэтому не стоит задерживаться. Выдержите переход, если я вас понесу?

— Не знаю... — Леа говорила с трудом, кружилась голова. — Но здесь тоже не сахар. Лучше пойдем.

Едва они вышли на солнце, на девушку обрушилась волна горячий, обжигающей боли — она почувствовала, что теряет сознание. Брайн взял ее на руки и двинулся вперед, но через несколько шагов песок неумолимо потянул его к себе, и он понял, что силы на исходе. Теперь каждая следующая дюна казалась выше и круче предыдущей. Он шел все медленнее и медленнее, и все чаще и чаще попадались обломки скал, которые приходилось обходить.

Рядом с одним таким обломком Брайн заметил узловатый сухой куст и сначала прошел мимо, но потом остановился, пытаясь понять, что же привлекло его внимание. Что-то там было необычное... Он стоял и, беспомощно мигая, смотрел на растение. Несколько ветвей были срезаны у самого основания — не обломаны, а именно срезаны чем-то острым, скорее всего, ножом. Перед Брайном замаячила слабая надежда: он получил первое подтверждение того, что в этой выжженной солнцем пустыне живут люди. И если кому-то понадобились эти ветки, значит, от них есть польза! Может быть, они съедобны, а может, там — вода. При одной мысли об этом у Брайна задрожали руки, и он тяжело опустил Леа в тень скалы. Девушка даже не пошевелилась.

Хватая пересохшим ртом воздух, Брайн с остервенением принялся пилить крепкий ствол ножом. Нож был острый, но силы покидали его, и работа шла тяжело. Когда ветка наконец поддалась, на срезе показались капли жидкости. Брайн вылил ее в горсть

и поднес ко рту. Жидкость приятно холодила ладонь и быстро испарялась. Он поднес руку ко рту — очень хотелось пить, но заставил себя остановиться и попробовал непонятный сок на язык. В первую секунду ничего не произошло, потом острая боль обожгла рот и его вырвало.

От отчаяния Брайн чуть не заплакал. Проклятое растение несомненно можно как-то использовать! Наверняка существует способ очистки сока... Но Брайн — чужак на этой планете, он умрет раньше, чем узнает все эти тонкости. Он попытался отогнать мысли о неизбежном и скором конце.

Взвалить Леа на спину не удалось, и несколько минут он боролся с искушением оставить ее здесь. Потом заставил себя поднять девушку и двинулся дальше. Каждый шаг требовал невероятных усилий. Сам уже не зная, на каком он свете, Брайн вскарабкался на гребень очередной дюны и в нескольких метрах от себя увидел дисанца.

Оба они замерли и почти минуту не двигаясь смотрели друг на друга. Наконец Брайн уронил Леа и потянул из кобуры пистолет. Дисанец в свою очередь выхватил из-за пояса духовую трубку и поднес ее ко рту. Действие разворачивалось, как в замедленном кино.

И тут Брайн вспомнил о *проникновении*. Он окунулся в чувства дисанца и ощутил страх, ненависть, недоверие, но сильнее всего было нежелание убивать — туземец не хотел их смерти. Резким движением Брайн отбросил оружие в сторону и тут же подумал, что поступил опрометчиво: не стоило рисковать, не стоило так полагаться на свою способность проникновения, мало ли что говорил Айджел... Пистолет упал на песок — дисанец не шевельнулся и не опустил трубку. Прошла минута... Наконец он оценил поступок Брайна и сунул свое оружие за пояс.

— У тебя есть вода? — спросил Брайн, с трудом выдавливая из себя дисанские слова.

— Есть. — Дисанец по-прежнему не двигался с места. — Кто вы? Что вам здесь надо?

— Мы с другой планеты. У нас случилась... авария. Нам нужно в город. Вода...

Дисанец бросил взгляд на потерявшую сознание девушку и, видимо, принял решение. Он снял с плеча зеленую веревку, Брайн уже видел такую — на фотографии, и она зашевелилась у него в руках. Вербка была живая — трехметровая зеленая плеть, кусок лозы, без листьев, но с каким-то странным бутонем на конце. Туземец достал из-за пояса заостренный крючок, сунул его в бутон и тут же выдернул. Лоза дернулась, как от боли, и обвилась вокруг его руки, бутон раскрылся. Дисанец протянул извивающуюся плеть Брайну.

— Пей.

Леа больше нуждалась в воде, но Брайн решил проверить этот странный живой источник на себе. Раскрывшийся бутон был наполнен мутной жидкостью неопределенного цвета. Брайн осторожно сделал несколько глотков — вода оказалась горячей и пахла болотом. Внезапно вокруг рта вспыхнула резкая боль, и он отшатнулся как ужаленный... Из «лепестков» вылезли мелкие острые шипы, они-то и впились ему в лицо. Брайн резко обернулся к дисанцу, но промолчал, увидев его лицо: вся кожа вокруг рта была иссечена мелкими, едва заметными шрамами.

— *Bega* не любит отдавать воду...

Брайн еще немного отпил, потом поднес веду ко рту Леа. Девушка застонала и рефлекторно потянулась к спасительной жидкости, но в себя так и не пришла. Когда она напилась, Брайн осторожно вытащил из ее губ шипы и напился сам. Дисанец присел на корточки и смотрел на них без всякого интереса. Брайн вернул ему веду и прикрыл Леа остатками одежды, чтобы хоть немного защитить ее от солнца.

Покончив с этим, он опустился на песок и внимательно посмотрел на дисанца. Тот неподвижно сидел на корточках и, казалось, наслаждался отдыхом под палящим солнцем. Из одежды на нем была только набедренная повязка, но на теле не было ни капли пота. Веда снова висела на плече и все еще недовольно подергивалась. На поясе болтались те же самые непонятные предметы, что Брайн видел на фотографии. Впрочем, теперь уже не все они были непонятными: трубка — своеобразное духовое ружье, а вот этим

крючком открывают веку. Логично предположить, что и остальное имущество аборигена имеет какое-то практическое назначение. В таком случае его нельзя считать темным дикарем.

— Меня зовут Брайн. А тебя?

— Тебе ни к чему знать мое имя. Зачем вы здесь? Чтобы убить мой народ?

Брайн отогнал воспоминания о ночной схватке. Да, ему пришлось убить... В глазах туземца читался искренний интерес, и Брайн сказал правду:

— Я здесь, чтобы предотвратить гибель вашей планеты.

— Докажи.

— Отведи меня в город, в штаб-квартиру Центра развития, и я докажу.

Впервые лицо дисанца утратило выражение непроницаемости и на нем явственно отразилась внутренняя борьба, происходящая в этом человеке. Он нахмурился и что-то пробормотал себе под нос. Через минуту он решительно встал.

— Идем. Я отведу вас в город. Но сначала скажи — вы с Ниджора?

— Нет.

Дисанец неопределенно хмыкнул и отвернулся. Брайн поднял Леа и двинулся за ним. Они шли часа два, потом туземец остановился и показал на небольшую скалу.

— Ждите здесь. За вами придут. — Он подождал, пока Брайн уложит девушку в тень, и нерешительно сказал: — Меня зовут... Ульв. — И тут же исчез.

Устраивая Леа поудобней, Брайн подумал, что ей срочно нужна медицинская помощь, иначе обезвоживание организма и шок прикончат ее.

Незадолго до захода солнца он услышал гул вездехода.

Глава 8

Гул стремительно приближался, и вскоре вездеход в облаке пыли вылетел из-за скалы и остановился рядом с ними. Водитель распахнул дверцу.

— Забирайтесь, и побыстрее! Напустите жары в кабину, — раздраженно крикнул он, сердито глядя на Брайна.

Брайн, не обращая на водителя никакого внимания, бережно уложил Леа на заднее сидение и только после этого закрыл дверцу. Вездеход рванул с места, из кондиционера ударила волна прохладного воздуха. В машине температура была градусов на пятнадцать ниже, чем снаружи, и Брайн прикрыл Леа какими-то тряпками, чтобы защитить ее обожженную кожу от таких резких перепадов.

Водитель, вцепившись в руль, гнал вездеход на предельной скорости и больше не проронил ни слова и даже ни разу не посмотрел на своих пассажиров. Неожиданно из задней части вездехода вышел худой седовласый человек. Остановившись в метре от Брайна, он направил на него пистолет и холодно спросил:

— Кто вы?

К таким приветствиям Брайн как-то не привык. Разговор начинался странно, но он уже понимал, что Дис — вообще место довольно странное. Не видя реакции на свой вопрос, седой нервно закусил губу.

Брайну совсем не хотелось получить пулю в живот, и он спокойно сказал:

— Меня зовут Бренд, Брайн Бренд. Мы высадились в пустыне прошлой ночью. А теперь я сообщу вам неприятную новость, только не вздумайте стрелять. Айджел убит и Рион тоже...

Пистолет в руке седого дрогнул, глаза его расширились. Водитель бросил на него испуганный взгляд через плечо и снова склонился к рулю. Проверка удалась. Кто бы ни были эти люди, но о Центре они знают. Хотя Брайну было бы намного спокойней знать наверняка, что они из Центра.

— Нам с девушкой удалось спастись. Мы шли через пустыню. Хотели добраться до города и найти вас. Вы ведь из Центра, да?

— Да-да, конечно, — рассеянно отозвался седой, опуская пистолет.

Какое-то время он молча смотрел сквозь Брайна ничего не видящим взором и нервно покусывал губы, потом, опомнившись и, вероятно, испугавшись собственной небрежности, снова поднял пистолет.

— Если вы Бренд, то должны знать... — Свободной рукой он вытащил из нагрудного кармана желтый листок и что-то там прочитал. — Теперь скажите мне, из каких соревнований состоит финал... — тут он снова заглянул в листок, — в Анварских Играх?

— Шахматы, стрельба из лука и фехтование. Ну и что?

Седой удовлетворенно усмехнулся и сунул листок в карман, а пистолет в кобуру.

— Я — Фоссел. — Он протянул Брайну руку. — С ниджорской эскадры нам передали приказ Айджела... последний приказ. Видимо, Айджел знал, на что идет, и предчувствия его не обманули. Он назначил вас своим преемником, и с этой минуты вы — директор группы ЦРУ на Дисе и руководитель операции. Я был заместителем Мерва, пока его не убили. Потом я был заместителем Айджела... Теперь, по-видимому, буду вашим заместителем. По крайней мере, до завтра, пока мы не упакуем вещи и не уберемся с этой проклятой планеты.

— А почему завтра? Срок ультиматума истекает только через три дня. Мы еще можем успеть.

Фоссел, который тяжело опустился на сидение, снова вскочил на ноги и вцепился в поручень, чтобы не упасть — вездеход мотало из стороны в сторону.

— Три недели, три дня, три минуты — какая разница? — С каждым словом его голос поднимался все выше; затем он сделал видимое усилие, чтобы овладеть собой, и продолжал: — Послушайте! Вы же ничего не знаете. Вы только что прилетели, и видит Бог, как я вам завидую! А я уже давно тут и всякого насмотрелся. И туземцы эти проклятые!.. Они убивают моих друзей, а я должен смотреть и ничего не могу сделать. А на орбите кружат ниджорцы и держат палец на кнопке бомбосбрасывателя. Один раз у кого-нибудь не выдержат нервы, и вся эта чертова планета сгорит!

— Сядьте, Фоссел. Сядьте и успокойтесь, — Брайн старался говорить мягко, но в его голосе отчетливо слышались командные нотки.

Фоссел покачался еще секунду, потом упал на сидение и отвернулся к окну. Остаток пути до города они проделали в полном молчании.

В штаб-квартире Центра царила атмосфера отчаяния и уныния. Единственным человеком, не разделявшим общего настроения, оказался доктор Стайн — он без лишних слов утащил Леа в госпиталь. Наверняка у доктора было много пациентов и мало свободного времени. Остальные уже давно впали в депрессию, свежему человеку это сразу бросалось в глаза. Пораженческие настроения буквально витали в воздухе, все сидели на чемоданах и с нетерпением ждали приказа об эвакуации. Все, что он увидел, Брайн определил для себя одним словом — развал.

Поев, он в сопровождении Фоссела отправился в кабинет директора, теперь — его кабинет. Одна стена в кабинете была из толстого прозрачного стекла, и Брайн увидел, как в большом зале сотрудники упаковывают архивы. Фоссел уже не казался таким взвинченным — он больше не отвечал за исход операции.

Брайн твердо решил никому не говорить, что работает в Центре без году неделю. Сейчас не время пускаться в откровения, сейчас нужно употребить

власть, и чем дольше никто не узнает о некомпетентности нового начальника, тем лучше.

— Запишите, Фоссел, и распорядитесь отпечатать. Печатное слово имеет больший вес. Пишите: «С этой минуты все приготовления к эвакуации прекращаются. Мы покинем планету только в случае окончательного провала операции. Если до этого дойдет, разрешаю брать с собой только личные вещи — прочее имущество останется здесь». Может быть, вы этого и не понимаете, но мы должны спасать планету, а не архивы. — Краем глаза он заметил, как лицо Фоссела вспыхнуло от гнева. — И принесите мне доклады по операции. Пока все.

Фоссел вышел, и минуту спустя до Брайна донеслись гневные крики и возмущенные возгласы. «С приездом», — подумал он и выдвинул верхний ящик стола. В ящике лежало письмо, адресованное Айджелу. Брайн задумчиво повертел его в руках и вскрыл конверт:

«Айджел! Я получил официальное согласие на замену и очень рад, что мою просьбу наконец удовлетворили. У вас богатый опыт полевой работы, и вы справитесь, я уверен. Что касается меня, то последние двадцать лет я занимался исследованиями, чистой наукой. Я ученый, а не администратор, думаю, никто не будет с этим спорить.

У вас будут трудности с командой. Надо иметь в виду, что почти все сотрудники — добровольцы по необходимости. Некоторые из них религиозны и работают за идею, но большая часть этих людей попала сюда случайно. То, что случилось, для всех было полной неожиданностью. Теперь я понимаю, что мы сделали очень мало или, лучше сказать, вообще ничего не сделали. Мы не достигли никакого прогресса в отношениях с туземцами. Это ужасно! Их поведение совершенно не укладывается в распределение Пайсона, которое учитывает сотни различных факторов. Экстраполяция Парето тоже не действует. Нашим полевым агентам не удастся даже поговорить с туземцами, двое из них погибли при попытке наладить контакт. До правителей планеты просто невозможно добраться, а остальные держат рот на замке.

Сегодня я попытаюсь поговорить с Лиг-магтом. Возможно, из этого что-нибудь получится. Если я вернусь обратно, вы этого письма не получите, а если нет — прощайте. Постарайтесь справиться с этим делом лучше меня.

Астон Мерв.

P. S. Проблема с командой. Считается, что они спасатели, но все без исключения ненавидят дисанцев. Боюсь, я тоже».

Брайн вздохнул. Придется выяснять, что такое экстраполяция Парето. При этом придется тщательно скрывать свое полное невежество в вопросах социологии. Если в команде пронюхают, что новый директор ничего не смыслит в предмете, их всех через пять минут и след простынет. О распределении Пайсона он, правда, кое-что слышал. В физике этот метод применялся для определения явлений, происходящих постоянно и неизменных с течением времени: например, полураспад радиоактивных изотопов. Из письма Мерва можно было понять, что в общественной жизни тоже существуют такие неизменные явления. Во всяком случае, на других планетах существуют. А на Дисе, похоже, вообще никакие законы природы не действуют. Айджел, кстати, так и говорил, а смерть директора Мерва лишний раз подтверждала его правоту. «Интересно, а кто такой этот Лиг-магт?» — подумал Брайн.

Осторожное покашливание нарушило ход его мыслей, и он понял, что уже несколько минут не замечает Фоссела, стоящего около стола. Брайн поднял голову и вытер пот со лба.

— У вас, кажется, кондиционер не работает, — сказал Фоссел. — Прислать мастера?

— Не надо. Кондиционер в порядке. Я просто привыкаю к местному климату. Что вы хотели, Фоссел?

Заместитель посмотрел на него с откровенным недоверием и положил на стол несколько папок.

— Вот вся информация, какую нам удалось собрать о дисанцах. Не очень много, но если принять во внимание кошмарные нравы, царящие на планете... — Тут Фоссела осенила какая-то мысль, глаза его сузи-

лись. — Скажите... Этот туземец, который сообщил о вас... Никто не понимает, как вам удалось уговорить его помочь. С нами они даже разговаривать не хотят, а вы не успели приземлиться и уже заставили одного работать на себя. Согласитесь, все это выглядит довольно странно. Вы не можете запретить людям думать об этом...

Он остановился на полуслове, наткнувшись на полный холодной ярости взгляд Брайна.

— Я, конечно, не могу запретить думать, но могу запретить говорить. Наша задача — предотвратить войну, а для этого необходимо наладить контакт с дисанцами. За один день я сделал в этом направлении больше, чем вся ваша команда за несколько месяцев. Отсюда следует только один вывод: я гожусь для этой работы, а вы все — нет. Других объяснений у меня нет и не будет! Вы свободны.

Фоссел переменился в лице и пулей вылетел из кабинета.

«Сейчас будет рассказывать всем, что новый директор самодур и деспот», — подумал Брайн. Очень скоро его возненавидят лютой ненавистью. Впрочем, он сознательно шел на это. Может быть, хоть ненависть расшевелит этих людей, выведет их из оцепенения, толкнет на какие-то действия. Хуже уже все равно не будет.

Впервые с момента прибытия на эту негостеприимную планету у Брайна появилась возможность сесть и спокойно подумать. А не слишком ли много он на себя берет? Он свалился сюда как снег на голову: он ничего не знает об этом мире, о его обитателях, о силах, которые участвуют в конфликте. И вот он сидит здесь и изображает из себя директора организации, о существовании которой даже не подозревал несколько недель назад. Может быть, отступить пока еще не поздно?

И тут же он понял: нет, нельзя! Сейчас никто лучше его с этим делом не справится. Он вспомнил Айджела. Айджел был уверен, что только Брайн сможет помочь ему завершить операцию, и Брайн наконец сам в это поверил. Была и еще одна причина. Он не мог уронить честь анварца и Победителя. Айджел, тоже анварец и

тоже Победитель, верил в него, и теперь, когда Айджела нет, Брайн обязан оправдать это доверие. Пусть все идет как идет.

Приняв решение, он почувствовал облегчение. На столе стоял пульт интеркома, и Брайн нажал кнопку с надписью: «Заместитель».

— Да? — В голосе Фоссела слышалась откровенная ненависть.

— Кто такой Лиг-магт? И вернулся ли директор Мерв после встречи с ним?

— Магт — это титул, примерно соответствующий титулу лорда или графа. Иными словами, местный дворянин. Лиг-магт — один из правителей планеты, живет в каменной крепости за городом. По всей видимости, он глава группы магтов, развязавшей эту идиотскую войну. Что же касается вашего второго вопроса, то не могу сказать ни да ни нет. Голову директора Мерва мы нашли на следующий день у ворот штаб-квартиры. Кожа с нее была снята. Мы опознали его по коронкам во рту. Понятно?! — Как ни старался Фоссел держать себя в руках, из этого ничего не вышло, и последнее слово он буквально выкрикнул.

«Да они здесь все на грани безумия!» — подумал Брайн и быстро сказал:

— Спасибо, Фоссел, это все. Передайте доктору, что я хочу с ним поговорить. Пусть свяжется со мной, как только освободится.

Он отключился и открыл первую папку. К тому времени, когда на интеркоме загорелся вызов доктора, Брайн успел, не вдаваясь в тонкости, просмотреть почти все документы. Переодевшись, он направился в больничный корпус.

У доктора Стайна были розовая сверкающая лысина и большая черная борода. Брайну он сразу понравился. Носить бороду в таком климате мог только человек с твердым характером.

— Как ваша пациентка, доктор?

Стайн запустил толстые пальцы в бороду.

— Обезвоживание организма, ожоги и как следствие — длительный обморок. Еще немного — и был бы

тепловой удар. Я обработал ожоги, сделал вливание и дал снотворного. Сейчас ей ничто не угрожает.

— Завтра утром мне понадобится ее помощь. Сможет она работать?

— Сможет, но, честно говоря, мне это не очень нравится. Последствия...

— Нужно попытаться, доктор. Меньше чем через трое суток планета погибнет. Чтобы не допустить этого, я готов пожертвовать и собой, и всеми остальными. Вы согласны?

Доктор порылся в бороде и внимательно посмотрел на Брайна.

— Согласен, — произнес он с явным облегчением и после минутного молчания добавил: — Как приятно увидеть человека, не впавшего в отчаяние. Я — с вами.

— Отлично. Тогда приступим к делу прямо сейчас. Я просмотрел список сотрудников и обнаружил, что среди двадцати восьми членов команды нет ни одного ученого, если не считать вас.

— Банда бездельников, — проворчал доктор. — Только и умеют, что кнопки нажимать. Ни один из них не пригоден к полевой работе.

— Тем более мне не обойтись без вашей помощи. Как я понял, операция очень сложная, и обычные методы тут не годятся. Даже распределение Пайсона и экстраполяция Парето в данном случае не работают.

Стайн кивнул в знак согласия, и Брайн немного успокоился. Он попытался оживить свои знания по социологии, но ничего дельного не вспомнил и продолжал:

— Чем больше я об этом думаю, тем больше склоняюсь к выводу, что перед нами биологическая проблема. Как вы думаете, доктор, может непонятное стремление дисанцев швырнуть бомбу в соседей как-то быть связано с их фантастической способностью существовать в этом адском окружении? Вы понимаете, о чем я говорю?

— Может быть... может быть... — Доктор быстро заходил по комнате, сцепив руки за спиной. — Вы чертовски правы, молодой человек! Наконец кто-то додумался, что нельзя сутками сидеть перед компью-

тером и ждать от него ответов на все вопросы. Знаете ли вы, что дисанцы добились удивительного симбиоза со всеми формами жизни на этой планете? Даже с паразитическими! У наших дураков это вызывает отвращение, а я восхищен. Отвращение может испытывать только тот, кто никогда не испытывал жажды.

Стайн замолчал, потом быстро подошел к шкафчику в углу.

— Эти разговоры о жажде совсем меня иссушили, — пояснил он, точным движением наливая спирт в колбу. Разбавив его водой и добавив каких-то кристаллов, доктор разлил полученный напиток по стаканам и протянул один Брайну. На вкус оказалось совсем неплохо.

— Что вы имете в виду, говоря о паразитизме, доктор? — спросил Брайн, немного отдышавшись. — По-моему, человек всегда паразитировал на других формах жизни. Мы потребляем в пищу мясо животных, вырубает леса...

— Нет, не об этом речь. Я говорю о паразитизме в прямом значении этого слова. С точки зрения биологии, нет никакой разницы между паразитизмом, комменсализмом, мутуализмом...

— Постойте! Не так быстро, доктор. Я не понимаю и половины из того, что вы говорите.

— Ничего страшного. Попросту говоря, это другие названия симбиоза. Вот вам пример. В местных озерах живет ракообразное с большими клешнями, напоминающее обычного краба. В клешнях этот краб держит анемону — такое животное со щупальцами, которое не может само передвигаться. Своими щупальцами оно собирает пищу и для себя, и для краба. Это тоже симбиоз. Два существа живут вместе, хотя каждое из них способно существовать самостоятельно. Но у того же самого ракообразного есть паразит — деградирующий вид улитки, живущий под его панцирем. Самый настоящий паразит: получает пищу из организма хозяина и ничего не дает взамен. А в кишечнике этой улитки живет простейший организм, питающийся уже переваренной пищей. Но этот маленький организм не паразит, как кажется на первый взгляд, а симбиот. Он берет от улитки пищу, а его выделения помогают ей эту

пищу переварить. Разобрались хоть немного? Между всеми формами жизни существует сложнейшая взаимосвязь.

Брайн сосредоточенно кивнул и отпил из стакана.

— Да, кое-что прояснилось. Паразитизм и все прочее — разные способы совместной жизни. И, очевидно, существуют взаимоотношения, которые трудно причислить к какому-либо разряду.

— Совершенно верно! — Доктор явно обрадовался его сообразительности. — Здесь нет конкуренции между видами, она просто невозможна в таких жутких условиях. Все местные формы жизни взаимодействуют между собой, и только благодаря этому они уцелели. Кстати, здешняя жизнь — что-то среднее между растениями и животными. Есть тут такое существо — дисанцы называют его ведой, — которое дает туземцам воду. У него сохранилась способность к движению, как у животного, и в то же время в нем происходит процесс фотосинтеза, как в растении. Веда накапливает воду, а когда дисанцы пьют, высасывает у них кровь, получая таким образом необходимые для жизни вещества.

— Знаю, — устало произнес Брайн. — Видите шрамы? Я пил из нее. Я, кажется, начинаю понимать, как дисанцам удалось уцелеть в этом мире. Значительные физиологические изменения были неизбежны. Может быть, они сказались на социальной организации туземцев?

— Вполне возможно. Но наверное, вам лучше обратиться к специалистам. Я и так высказал уже слишком много ни на чем не основанных предположений.

Брайн просмотрел доклады социологов и не нашел там ничего ценного — сплошная мешанина из непонятных символов и диаграмм.

— Продолжайте, доктор. Специалисты проглядели какой-то важный фактор. А вы — пока единственный, кто дает разумные ответы на мои вопросы.

— Хорошо. Я считаю, что на Дисе вообще нет общества в нашем понимании. Здесь каждый сам по себе. Если у них и есть общество, то оно организовано на других началах, нежели наше, и ориентировано

совсем на другие ценности. И уж во всяком случае, это не человеческое общество. Возможно, в их социальной структуре главенствуют иные формы жизни.

— А как же магты? Насколько я понимаю, они — и правители планеты, и причина всех бед.

— А вот магты не укладываются в мою теорию, — согласился доктор. — Магты — исключение, не поддающееся объяснению. Они кровожадны, не внимают голосу разума, стремятся развязать уничтожительную войну и вообще сильно отличаются от остальных дисанцев. Кстати говоря, никакие они не правители. На первый взгляд кажется, что они захватили власть на планете, но на самом деле туземцы не имеют никакого представления ни о государстве, ни о власти. Никому, кроме магтов, эта власть не нужна и не интересна. Кроме того, магты дают инопланетникам концессии на шахты, и опять-таки остальные дисанцы просто не знают, что такое собственность. Конечно, я могу ошибаться... Но мне кажется, если вы поймете, почему магты так не похожи на других дисанцев, вы найдете ключ ко всей проблеме.

Брайн ощутил прилив энтузиазма — впервые с момента прибытия на Дис. Теперь он был почти уверен, что можно найти выход из этого заколдованного круга. Он осушил свой стакан и встал.

— Надеюсь, доктор, рано утром ваша пациентка будет на ногах. Вы должны быть заинтересованы в этом не меньше меня. Если мы с вами на верном пути, то именно она сможет найти ключ. Эта девушка — доктор Леа Моррис, квалифицированный экзобиолог и антрополог.

— Замечательно! Теперь я буду смотреть за ней с удвоенным вниманием: не только потому, что она хорошенькая женщина, но и потому, что она — великий ученый. Смешно сказать, но после разговора с вами у меня появилась надежда — в первый раз за все время работы на Дисе.

Глава 9

Охранник на пропускном пункте у ворот штаб-квартиры вдрогнул от ужасного звука и схватился за оружие. Но тут же опустил пистолет и, глуповато улыбаясь, отсалютовал новому директору. Брайн еще раз громоподобно чихнул и плотнее запахнул плащ.

— Пойду прогуляюсь, тут у вас воспаление легких схватить недолго, — бросил он на ходу.

Часовой внимательно посмотрел на контрольный экран, погасил свет и осторожно приоткрыл тяжелую дверь. Брайн выскользнул наружу. Воздух еще не остыл от дневного жара, он счастливо вздохнул и распахнул плащ.

С одной стороны, надо было провести разведку, с другой — очень уж хотелось согреться. В штаб-квартире все равно нечего было делать: доклады он перечитал по нескольку раз и мог теперь цитировать по памяти, а сотрудники давно отправились спать. Брайн вздремнул полчаса, почувствовал себя свежим и бодрым и решил поближе познакомиться с главным городом Диса. Неторопливо шагая по темным улицам, он начинал понимать, насколько чужд местный образ жизни и ему, и, наверное, любому человеку вообще.

Название города — Хоувстад — переводилось как «Главное место». Место — и все тут. На самом деле, город возник только стараниями инопланетников. Да-

же в темноте бросались в глаза многочисленные вывески горнорудных, торговых и транспортных компаний по обеим сторонам улицы. Но сами здания выглядели заброшенными, пустыми, кое-где автоматы еще включали свет, но большинство были погружены во тьму, как и дома дисанцев. Их было совсем немного, этих местных сооружений, и они казались чужими среди панельно-блочных строений пришельцев.

Брайн не удержался, подошел к дисанскому дому и в тусклом свете неоновой вывески: «Веганская сталеплавильная компания, лимитед» осмотрел его. В открытую дверь виднелась большая комната с земляным полом, окон не было вовсе, а сам дом был сооружен из каких-то непонятных досок, но без гвоздей. Он уже хотел войти, как вдруг услышал какой-то звук — слабый, еле слышный, сразу затерявшийся в ночи. При обычных обстоятельствах Брайн и не заметил бы ничего, но здесь, на Дисе, он слушал всем телом. Кто-то шел за ним, прячась в тени зданий. Брайн замер на месте — потом крадучись двинулся назад вдоль стены.

Скорее всего, за ним следит дисанец, кому же еще быть? И тут он вспомнил об отрубленной голове директора Мерва...

Похоже, наступило время прибегнуть к *проникновению*. Сначала Брайн ничего не почувствовал — он еще не до конца освоился с новыми возможностями, да и вообще... могло ведь померещиться — но вскоре уловил что-то знакомое, некую душевную ноту, которую он уже где-то слышал. Его осенила догадка.

— Ульв, — очень спокойно произнес он. — Это я, Брайн.

— Знаю, — послышался тихий голос из темноты. — Молчи и спокойно иди как шел.

Брайн не стал спорить и пускаться в расспросы и как ни в чем не бывало двинулся дальше. Дома попадались все реже и реже, и вскоре он очутился в пустыне. А если это ловушка? Вдруг он ошибся? Вдруг это не Ульв? Он очень тихо говорил, этот дисанец, почти шепотом, Брайн мог и перепутать... Да, риск есть, но упускать такой шанс нельзя.

Из темноты вынырнула какая-то тень, и горячая ладонь коснулась его руки.

— Я пойду вперед. Иди за мной.

Не дожидаясь ответа, Ульв — на этот раз Брайн сразу узнал его голос — снова растворился в ночи. Брайн ускорил шаг, и они долго шли через песчаные холмы в полном молчании.

Постепенно песок под ногами сменился твердой почвой, барханы уступили место оврагам. Ульв спустился в глубокий и совсем уж темный овраг. Они прошли еще немного, и Брайн заметил впереди слабый желтый свет — свет сочился из дыры в склоне оврага. Ульв быстро опустился на четвереньки и, ловко протиснувшись в эту дыру, исчез. Брайн последовал за ним, стараясь заглушить растущее беспокойство и каждую секунду ожидая подвоха. Кривой и узкий туннель стеснял движения — здесь негде было повернуться, здесь он был совершенно беззащитен и любая неприятность могла стать последней в его жизни. А неприятности не заставили себя ждать. Едва высунув голову из туннеля, Брайн услышал шум и почти физически ощутил ненависть.

Как всегда, в минуту опасности он действовал стремительно, не раздумывая. Выкатиться из туннеля, перевернуться на спину, выхватить пистолет — все это было делом двух-трех секунд, и тем не менее, если бы не Ульв, он уже валялся бы с проломленной головой. Рослый туземец занес над Брайном каменный топор с явным намерением покончить с ним одним ударом, но Ульв вцепился ему в руку и не давал опустить топор. Они боролись в полном молчании, только песок хрустел под ногами. Брайн отодвинулся в сторону и, поднявшись на ноги, на всякий случай направил пистолет на незнакомца. Тот злобно сверкнул глазами и выронил топор — нападение сорвалось.

— Зачем ты привел его?! — закричал он на Ульва. — Почему не дал мне убить его? Почему не убил сам?

— Он уже здесь, Геб, давай слушаем его.

— Пусть говорит, — согласился Геб со злобщей улыбкой. — Мы слушаем его, а потом убьем.

Он не шутил, он, наверное, вообще не умел шутить, и Брайн понял, что, хотя опасность миновала, следует держать ухо востро. Спрятав пистолет, он осмотрелся.

Они попали в пещеру — невысокий сводчатый потолок напоминал купол. Здесь было тепло, даже жарко, и Ульв, моментально сбросив кусок шкуры, которым спасался от ночного холода, остался в одной набедренной повязке. У дальней стены Брайн заметил женщину и девочку — до этого ни женщин, ни детей он на Дисе не видел, впрочем, он много чего не видел на Дисе, — они перебирали какие-то коренья. Обе были без одежды, лишь длинные распущенные волосы чуть прикрывали их обнаженные тела. Женщина, отложив корни в сторону, тяжело поднялась и направилась к небольшому очагу, слабый свет которого озарял пещеру. На огне стоял глиняный горшок с каким-то варевом. Женщина разложила еду по мискам и знаками пригласила всех к столу, роль которого выполняла постеленная на пол шкура. Дисанское угощение отвратительно пахло, а вкуса Брайн так и не разобрал, потому что старался глотать целиком, не разжевывая. Ели все руками. Трапеза протекала в полном молчании, было даже не совсем понятно, то ли это такой ритуал, то ли просто привычка. Давясь горячими кусками, Брайн с интересом наблюдал быт туземцев.

Пещера явно служила жилищем этой небольшой семье. Она была вырублена в твердой глине, и Брайн подумал, что строителям пришлось помучиться. Голые стены выглядели довольно убого, только одна из них была покрыта густой сетью не то корней, не то побегов. Все они тянулись вверх и у самого потолка сплетались в один толстый корень. На этом корне, вцепившись в него шипами, висели три веды, туда же повесил свою и Ульв. Очевидно, здесь веды набирали воду, которую отдавали потом людям — еще одно звено жизненного цикла дисанцев. Почувствовав на себе пристальный взгляд, Брайн поднял глаза от миски и приветливо улыбнулся девочке, которая смотрела на него совсем не по-детски — очень серьезно и внимательно. Никакой реакции на его улыбку не последовало. С тем же утрюмым выражением на лице девочка взяла у матери какой-то стебель и принялась тщатель-

но очищать его от кожуры. Закончив эту довольно нелегкую работу — стебель все время дергался у нее в руках, — она немедленно проглотила его и взяла следующий.

Ульв поставил свою миску и сыто рыгнул.

— Я сдержал слово — отвел тебя в город. А ты выполнил обещание?

— А что он обещал? — спросил Геб.

— Что остановит войну. Ты сделал это?

— Я пытаюсь, но это не так легко, и мне нужна помощь. Вам грозит гибель, вам и вашим семьям. Если вы поможете мне...

— Где правда? — прервал его Ульв. — Я слышу много слов, но не понимаю, где правда. Мы всегда слушали магтов. Мы приносили им еду, а они давали нам воду и железо. Они говорили, что это правильно. Они обещали не убивать нас и отобрать для нас землю у людей с неба. А это хорошо.

— Все знают, что людей с неба надо убивать, — подтвердил Геб.

Брайн посмотрел на них.

— Тогда почему ты не убил меня, Ульв? В пустыне, помнишь?

— Я могу убить тебя и сейчас, но я хочу понять. Это важнее, чем твоя жизнь. Где правда? У магтов? Или здесь? — И он протянул Брайну какую-то пластинку — металлический кружок не больше ладони.

С одной стороны пластинки была кнопка, а с другой — рисунок: рука, нажимающая кнопку. Пластинка оказалась примитивной звуковой листовкой — стоило нажать кнопку, и она начинала вибрировать, как мембрана. Тихий, но отчетливый голос убеждал дисанцев не слушать магтов, которые развязали бессмысленную войну против мирного соседа. «Полное уничтожение Диса и гибель всех его жителей — единственный возможный исход этой войны», — объяснял голос и призывал свергнуть власть магтов.

— Это слова правды? — спросил Ульв.

— Может, это и слова правды, — проворчал Геб, — но мы ничего не можем сделать. Эту говорящую железку нашли мы с братом. Брат пошел к магтам и

все рассказал. Они убили его. Если магты узнают, что мы слушаем эти слова, мы все умрем.

— А железка говорит, что мы умрем, если будем слушать магтов! — хрипло выкрикнул Ульв, видимо, совсем отчаявшись разобраться в противоречивых и слишком сложных для него суждениях.

— Это правда, — сказал Брайн. — Но я знаю, как остановить войну...

Он замолчал, лихорадочно соображая, как привлечь этих людей на свою сторону.

— Говори, — потребовал Ульв.

— Мне надо встретиться с магтами — я хочу понять их. Я буду говорить с ними и постараюсь убедить их. Помогите мне — и войны не будет.

— Никто не может говорить с магтами, — неожиданно вмешалась женщина. — Они убивают всех, кто с ними не согласен. Их очень легко понять — они никогда не меняются.

— Мор права, — сказал Ульв. — Тебе нельзя говорить с магтами. Что еще можно сделать?

Брайн взглянул на собеседников и сел поудобней, невольно коснувшись пистолета.

— У магтов есть бомбы, которыми они хотят забросать Ниджор. Если я смогу найти и уничтожить эти бомбы...

— Ты хочешь, чтобы мы помогли врагам! — закричал Геб, вскакивая на ноги. — Ты хочешь превратить нас в рабов!

Ульв усадил его на место и холодно сказал Брайну.

— Ты просишь слишком много! А теперь уходи.

— Но вы поможете мне? Поможете спасти Дис? — Брайн понимал, что зашел слишком далеко, но уже не мог остановиться.

— Ты просишь слишком много! — повторил Ульв. — Уходи. Потом поговорим.

— Когда? Как мне связаться с тобой?

— Мы сами найдем тебя, — ответил Ульв, и больше Брайн не смог вытянуть из него ни слова.

Зато Геб, встав и натянув одежду, внимательно посмотрел на Брайна и заявил:

— Я тебе не верю! Каждое твое слово — ложь. Если я увижу тебя еще раз, ты умрешь... — И с этими словами скрылся в туннеле.

Переговоры закончились... Ульв, продолжая хранить гробовое молчание, проводил Брайна до города и растворился в темноте.

Стало совсем холодно. Брайн, кутаясь в плащ, рассеянно брел по пустым улицам, мысли его снова и снова возвращались к недавнему разговору с дисанцами. К штаб-квартире Центра он подошел с первыми лучами солнца. Охранник у ворот уже сменился, а новый часовой наотрез отказался пускать незнакомца, заявившего, что он — новый директор. Ни уговоры, ни угрозы на него не действовали, и Брайну пришлось торчать под дверью довольно долго, пока не появился заспанный Фоссел. Зевая и моргая после неожиданного пробуждения, он принялся извиняться, но Брайн быстро прервал его и велел одеваться и приниматься за работу.

Сам он немедленно отправился к себе — его обу-ревала жажда деятельности. Переступив порог, Брайн громко выругался: за ночь кондиционер основательно выстудил кабинет. Минут через пять явился Фоссел — он все еще зевал в кулак и явно не горел желанием работать.

— Пока вы не упали, пойдите сделайте кофе, — встретил его Брайн. — И сами тоже выпейте.

— В этом нет необходимости, директор Бренд, — в голосе Фоссела звучали металлические нотки. — Если вы хотите кофе, я распоряжусь.

За всеми волнениями Брайн совсем забыл, что успел создать себе среди подчиненных репутацию деспота и тирана, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Приведите себя в порядок, — коротко бросил он, снова входя в роль. — Еще раз зевнете, и в вашем личном деле появится отрицательная запись. Если вам все ясно, то извольте коротко рассказать мне об отношениях Центра с дисанцами. Прежде всего, как они к вам относятся?

Фоссел едва сдержал зевок.

— По-моему, туземцы считают нас людьми слабыми, но не вредными. Традиционно они ненавидят всех инопланетников — из поколения в поколение передавались рассказы о том, как их бросили на произвол судьбы во времена Перелома. В соответствии с их представлениями о жизни мы должны платить им тем же. Мы же, напротив, — раздаем воду, лекарства, продовольствие. Я полагаю, что дисанцы терпят Центр, пока он не причиняет им особого беспокойства.

Он героически боролся с зевотой, и Брайн отвернулся, чтобы не мучить человека.

— А ниджорцы? Они знают о нашей операции?

— На Ниджоре каждый гражданин имеет доступ к любой информации. Они знают о проекте и часто помогают нам.

— Что ж, придется обратиться к ним еще раз. Вы можете связаться с ниджорским флотом?

— Да, у нас прямая линия. Одну минуточку. — Фоссел подошел к видеофону и набрал код.

— Вы свободны, Фоссел. — Брайн предпочитал говорить без свидетелей. — Как зовут командующего?

— Профессор Крафт. Он физик — профессиональных военных у них вообще нет, — занимался созданием водородной бомбы, а теперь командует флотом. — Фоссел чудовищно зевнул и удалился.

Засветился экран видеофона: изображение мерцало, потом прояснилось. Профессор Крафт оказался человеком почтенного возраста; у него были седые волосы, лицо, испещренное морщинами, и умные, проницательные глаза.

— Вы, должно быть, Брайн Бренд, — обратился он к Брайну. — Нам стало известно о смерти нашего друга Айджела. Мы глубоко скорбим... Он и двое других погибли, помогая нам. Мне очень жаль...

— Да-да... конечно... — Брайн попытался собрать разбежавшиеся мысли. Столько проблем свалилось на него в последние часы, что даже смерть Айджела успела отойти на второй план. — Очень вам признателен за сочувствие, но сейчас мне нужно кое-что узнать.

— Все, что угодно. Можете на нас рассчитывать. Но, прежде чем мы перейдем к делу, я хотел бы

поблагодарить вас и вашу организацию за участие в этой операции. Даже если придется сбросить бомбы, мы никогда не забудем, что сделал Центр для прекращения войны.

Брайн подумал было, что Крафт лицемерит, но потом вспомнил рассказы Айджела о культуре Ниджора — очевидно, они действительно превыше всего ставили ненасилие. Ему очень захотелось попасть на Ниджор и поближе познакомиться с этими необычными людьми. Впрочем, сначала надо спасти обе планеты от уничтожения.

Профессор терпеливо ждал.

— Будем надеяться на лучшее... — вымолвил наконец Брайн. — Сегодня я собираюсь посетить Лиг-магта — хочу посмотреть на этого вождя. Но мне нужен какой-нибудь повод для визита. У вас есть с ним связь?

— Практически нет. В самом начале конфликта я отправил ему передатчик, мы думали, что так будет легче вести переговоры. Но Лиг-магт отказался вступить в переговоры: от лица всех магтов Диса он потребовал полной и безоговорочной капитуляции Ниджора. И добавил, что ему не нужен передатчик — ему нужен только ответ, причем только один ответ — да.

— Надо думать, он зря рассчитывает на такой ответ, — заметил Брайн.

— Теперь уже да, — со вздохом подтвердил Крафт. — Надеюсь, вы понимаете... Решение о бомбардировке Диса далось нам нелегко... Многие, в том числе и я сам, голосовали за капитуляцию, но, к сожалению, с перевесом всего в несколько голосов верх взяла иная точка зрения.

Брайн задумчиво посмотрел на экран — такое философское смирение никак не укладывалось у него в голове — и решил не отвлекаться от главного.

— Сколько у вас агентов на планете? И смогут ли они оказать мне помощь в случае необходимости? Я все-таки надеюсь найти бомбы и установку, и тогда мне понадобятся люди для захвата оружия.

— В Хоувстаде у нас не осталось ни одного человека — те, что были, либо эвакуированы, либо убиты. Сейчас на планете действуют несколько групп

командос — они должны прикрывать высадку десанта в том случае, если удастся найти оружие. Поисками занимаются специальные агенты, которых мы регулярно забрасываем на Дис. К сожалению, почти все они погибают, так и не успев ничего найти. Кроме того, есть еще одна группа... — Крафт немного поколебался. — Я полагаю, вы должны знать все. В пустыне, недалеко от города, находится небольшой отряд ниджорцев. Они действуют на свой страх и риск: мы запретили им работать на Дисе, хотя они пользуются поддержкой общественности. Отряд в основном состоит из молодых людей, которые задались целью отыскать оружие магтов, не останавливаясь ни перед чем. Они нападают на крепости, убивают... В общем, это террористы, которым неведомы угрызения совести.

Крафт говорил с явным неодобрением, что было вполне понятно, но Брайна такая новость привела в полный восторг. Он постарался овладеть собой и осторожно сказал:

— Может быть, вы знаете, как их найти?

Крафт чуть улыбнулся.

— Вы можете связаться с ними по радио, я дам вам частоту. Они называют себя «Ниджорская армия». Думаю, если вы вступите с ними в контакт, никакой беды не случится. Все настолько плохо, что хуже уже быть не может. Наши специалисты провели зондирование коры планеты и в нескольких местах обнаружили следы работы установки джамп-режима — очевидно, дисанцы проводят последние испытания. Мы вынуждены перенести сроки бомбардировки. Мне очень жаль, но в вашем распоряжении осталось всего два дня. — В его взгляде читалось сочувствие. — Я понимаю, как это усложнит вашу задачу, но у нас нет другого выхода.

Брайн на секунду закрыл глаза — ему не хотелось даже думать о потере еще одного драгоценного дня.

— Дисанцы знают об этом? — быстро спросил он.

— Еще нет. Мы приняли решение всего полчаса назад. Сейчас я свяжусь по радио с Лиг-магтом и обо всем ему сообщу.

— Не могли бы вы отменить разговор? Я хочу лично передать ему эту новость.

— Я, конечно, могу... — Крафт ненадолго задумался. — Но для вас это означает верную смерть: магты не колеблясь убивают наших агентов и всех, кто нам сочувствует. Поэтому я все-таки предпочел бы воспользоваться радио.

— Это спутает мне все карты! — довольно резко заявил Брайн. — Под предлогом спасения моей жизни вы ломаете план операции. Мне кажется, я имею право распоряжаться собственной жизнью.

Профессор Крафт сильно смутился.

— Простите, Бренд, я, право же, не хотел навязывать вам свое мнение. Конечно, вы вольны поступать, как считаете нужным... Я отменю разговор. И мы все желаем вам удачи. Конец связи.

— Конец связи, — машинально повторил Брайн и тут же нажал кнопку интеркома. — Фоссел! Вездеход, хорошего водителя и двух человек, которые умеют держать в руках оружие и знают, что такое приказ. Все должно быть готово через десять минут! Мы приступаем к активным действиям.

Глава 10

— Это самоубийство, — пробормотал высокий охранник.

— Я туда пойду, а не вы, — огрызнулся Брайн. — Поэтому извольте не рассуждать, а лучше повторите приказ.

Охранник отвел взгляд и бесстрастно сказал:

— Вы идете в башню, мы остаемся здесь и ждем. Двигатель не глушить, к машине никого не подпускать, самим из вездехода без команды не выходить. Огонь не открывать ни в коем случае. Если возникнет необходимость, вы отдадите приказ по радио, и тогда мы должны обстрелять замок.

— Будь я проклят, если она не возникнет очень скоро — необходимость эта самая... — сказал второй охранник, передернув затвор тяжелого автоматического пистолета.

— Повторяю! — Брайн холодно посмотрел на охранников. — Без команды не стрелять! Начнете палить раньше времени — пеняйте на себя. Выполняйте приказ и зарубите себе на носу: ваше дело — обеспечить прикрытие и отход, все остальное я сделаю сам. Это моя операция! Понятно?

Дождавшись, пока они хмуро кивнут, Брайн достал свой пистолет и задумчиво на него посмотрел. «Брать или не брать? Глупо, конечно, идти без оружия, —

подумал он, проверяя обойму, — но и с оружием идти опасно, да и толку от него в замке будет не много». Брайн положил пистолет на сидение и еще раз проверил миниатюрный передатчик, приколотый к вороту рубашки — передатчик работал. Тогда он сбросил плащ, распахнул дверцу вездехода и спрыгнул на песок.

Было раннее дисанское утро, но солнце уже немилосердно палило, песок плавился под ногами, горячий воздух обжигал лицо. Вокруг лежала мертвая, безжизненная пустыня, а прямо перед ним высилась крепость — одинокая массивная башня из черного камня, окруженная высокой неровной стеной. Брайн осторожно приблизился, время от времени поглядывая вверх — вдруг что-нибудь шевельнется на изломанном гребне стены. Но там ничего не шевелилось: черная крепость хранила мрачное, угрожающее молчание.

Стараясь не думать о голове директора Мерва, Брайн двинулся вдоль стены на поиски входа. Ему пришлось обойти крепость кругом, но ни ворот, ни двери нигде не было. Да что там ворота — не было даже никакой дыры или щели в черном, твердом камне. Наконец он нашел место, где стена казалась не такой отвесной и гладкой — при желании здесь можно было вскарабкаться наверх. Судя по осыпавшимся камням, торчащим из стены как ступени огромной лестницы, дисанцы так и поступали, чтобы попасть в крепость. С тоской посмотрев на крутой склон, Брайн сложил ладони у рта и громко крикнул:

— Я пришел к Лиг-магту с посланием от ниджорцев!

Ответа не последовало: мертвую тишину по-прежнему нарушал только скрип песка под ногами да негромкое урчание вездехода. Брайн вздохнул и полез на стену. Восхождение не доставило ему удовольствия: камни шатались, некоторые не выдерживали его веса и скатывались вниз — приходилось все время думать, куда поставить ногу, и в то же время он боролся с искушением посмотреть вверх — не летит ли оттуда что-нибудь тяжелое прямо ему на голову...

Но все обошлось. Брайн добрался до вершины живой и невредимый, если не считать нескольких ссадин и ободранной ладони. Подъем порядком его вымотал, и несколько минут он просто стоял на широком гребне стены — восстанавливал дыхание, а потом начал осматриваться. Снаружи казалось, что за стеной должен быть маленький внутренний дворик, посреди которого возвышается черная башня. На самом деле все оказалось не так. Стены крепости были стенами башни — ее высокая круглая крыша начиналась в метре от того места, где стоял сейчас Брайн. В нескольких местах были прорублены дыры, служившие, очевидно, входами в башню. Брайн заглянул в одну из них — там было темно как в могиле. Бросив последний взгляд на вездеход, похожий с такого расстояния на жука, Брайн пригнулся и нырнул в ближайшую дыру.

Внутренняя архитектура крепости оказалась на редкость причудливой и напоминала видения больного разума. Он очутился в комнате — судя по обстановке, это все-таки была комната, — которая больше походила на тюремный коридор: достаточно сказать, что в высоту она была больше, чем в ширину. Неровный пол круто опускался вниз, к центру башни, и там темнела еще одна дыра. Брайн двинулся вперед. Миновав два или три темных коридора и несколько раз повернув, он заметил впереди отблески яркого света и пошел на этот свет. Жилые помещения стали попадаться чаще. В комнатах он видел обычные предметы дисанского обихода — одежду, пищу, посуду, но нигде ему не встретилось ни одной живой души. Свет впереди становился все сильнее, и наконец широкий коридор вывел Брайна в большой круглый зал.

Он сразу понял, что оказался в самом сердце черного замка. Вся эта странная крепость от фундамента и до крыши, от неприступных стен и до самой маленькой комнаты возводилась с единственной целью — защитить от врага этот огромный зал; и все эти лабиринты коридоров и нескончаемые анфилады переходных комнат служили лишь подступами к нему. Зал напоминал усеченный конус: черные стены сужа-

лись кверху, но потолка почему-то не было, и яркий солнечный свет лился через круглую дыру.

В центре зала стояла группа людей. Магты! Они смотрели на Брайна и ждали. Краем глаза он успел заметить около стены какие-то ящики, тюки, непонятные механизмы, несколько передатчиков и даже что-то похожее на оружие, но разглядывать это добро не было времени — в центре зала стояли закутанные в плащи магты, и Брайн забыл обо всем...

Наконец-то он встретился лицом к лицу с врагом и только сейчас понял, как ждал этой минуты. Он пережил смерть Айджела, выдержал страшный переход через пустыню, приспособился к Дису, научился постоянно ждать удара из-за угла, но без этой встречи все остальное было бы напрасно. Вот теперь начинается главная игра!

Все эти мысли вихрем пронесли в голове у Брайна, пока он медленно шел через зал. А тем временем тренированные мышцы Победителя непроизвольно напряглись, и он с удовлетворением осознал, что готов увернуться от любого коварного удара или ответить ударом на удар. Но пока ему ничто не угрожало — во всяком случае, ничто не угрожало его жизни.

«Надо прощупать их сознание», — подумал Брайн и остановился как вкопанный. Какое сознание? С чего он вообще решил, что перед ним люди? Ни один из них не двинулся, не произнес ни слова... Они так закутаны, что, кроме глаз, ничего не видно... Глаза! Брайн вдруг увидел их пустые, лишенные всякого выражения глаза, и ему стало жутко. Они смотрели на него, как на пустое место, и он неожиданно понял, что точно так же они будут смотреть, если его будут рвать на куски или жарить живьем на костре. Магтов окружала глухая невидимая стена, сквозь которую не просачивались никакие эмоции.

Но так ведь не бывает! Брайн настроился на глубокое проникновение. Сейчас он должен услышать какие-то желания, стремления, подсознательные страхи — хоть малую часть того эмоционального поля, которое есть у каждого человека и которое иногда называют аурой. Владеющий даром проникновения,

хочет он того или нет, всегда ощущает это поле. Примерно так человек листает книгу и, даже не пытаясь прочитать и понять написанное, все равно успевает заметить буквы, слова, какие-то заголовки... Перед Брайном лежала абсолютно чистая книга. Он переворачивал страницу за страницей, но тщетно — магты были пусты, как лист белой бумаги. До него доносились лишь основные нервные импульсы, которые постоянно поддерживают жизнеспособность организма... И больше ничего.

Еще пытаясь почти бессознательно хоть за что-нибудь зацепиться, Брайн уже все понял: либо эти люди полностью лишены чувств и эмоций (что казалось совершенно невероятным), либо они способны свои чувства и эмоции экранировать (что уже и вовсе лежало за пределами разумного).

В зале тем временем ничего не изменилось. Мучительно тянулись секунды, но все так же ни один звук не нарушал томительного молчания, и все так же магты стояли плотной группой в центре зала, глядя на Брайна, и ждали. Они даже не проявляли никакого интереса — просто стояли и молча ждали, пока он объяснит причину своего появления. Первый ход был за Брайном, и он начал партию.

— Кто из вас Лиг-магт? Я пришел говорить с ним! — Под сводами огромного зала его голос прозвучал слабо и как-то неуверенно, что Брайну очень не понравилось.

Один из магтов сделал слабое движение, давая понять, что он и есть Лиг-магт. Остальные словно вросли в пол.

— У меня к вам дело, — с расстановкой произнес Брайн, тщательно подбирая слова. Сейчас надо действовать наверняка, любая ошибка неминуемо обернется катастрофой, но, как говорится, знал бы, где упасть... — Я из Центра развития и усовершенствования. Вы наверняка о нас слышали. Час назад я говорил с ниджорцами, и они просили передать вам сообщение.

Магты по-прежнему молчали. Брайну это начало надоедать: он не мог говорить дальше, не получив ответа, он не знал, что говорить, а гробовое молчание магтов сбивало с толку. Напряжение нарастало. Наконец Лиг-магт заговорил:

— Ниджор сдается.

На минуту Брайн потерял дар речи. Мало того, что абсурдность такой мысли была совершенно очевидна, но Лиг-магт произнес эти два слова так, словно... в общем, он их произнес *никак*. Раньше Брайн никогда не задумывался, как много в речи человека значит интонация — она меняет смысл сказанного, придает словам эмоциональную окраску, выдает настроение говорящего. Лиг-магт мог произнести эти слова с подъемом, и тогда они означали бы ликование и радость: «Победа! Враг сдается!». Он мог сомневаться, и тогда это был бы вопрос: «Они сдаются?». Но ничего такого в его словах не прозвучало, как, впрочем, не прозвучало и никакой другой интонации. Голые слова... Чистый лист бумаги... Все очень просто и очень страшно.

Магты готовы были выслушать только один ответ: «Ниджор сдается». Брайн пришел от ниджорцев, и от него ждут именно этих слов. Стоит сказать что-нибудь другое, и магты потеряют к нему всякий интерес. Хотя, нет... Он посланец врага, и он принес не тот ответ — значит, он сам враг. И тогда его убьют не задумываясь.

Придя к столь неутешительному выводу, Брайн еще раз взвесил все «за» и «против» и понял, что отступать некуда — придется ему говорить с этими роботами или кто они там есть на самом деле...

— Вы не сможете победить Ниджор. — Он старался говорить как можно убедительней, хотя и знал, что напрасно старается.

Никто из магтов даже не шелохнулся.

— Ниджорцы засекали вашу пусковую установку и приняли решение начать боевые действия на день раньше срока. Вы понимаете, что это значит? Меньше чем через двое суток на Дис упадут сотни водородных бомб и вы все погибнете — все до последнего человека.

— Это сообщение, — тем же бесцветным голосом сказал Лиг-магт, и Брайн не сразу сообразил, что ему задают вопрос.

— Да.

Два обстоятельства спасли ему жизнь: во-первых, он все время держался настороже, с самого начала подозревая, что разговор с магтами ничем хорошим не кончится, а во-вторых, никто не мог застать врасплох Победителя.

Лиг-магт напал мгновенно, меньше секунды понадобилось ему, чтобы из неподвижного изваяния превратиться в атакующую пантеру. Выхватив из-под одежды длинный обоюдоострый нож, он стремительно прыгнул. Лезвие сверкнуло на солнце и со свистом рассекло воздух, но удар не достиг цели, Брайн успел броситься на пол. Мгновенно перевернувшись на спину, он увидел нависшего над собой дисанца и сделал подсечку...

Почти одновременно они вскочили на ноги, и схватка продолжалась. Ловко перебросив оружие из одной руки в другую, Лиг-магт сделал неожиданный выпад и едва не распорол Брайну живот — отбить такой удар мог далеко не каждый. Дисанец сражался яростно и умело, он постоянно атаковал — нож так и мелькал в воздухе, — и каждая следующая атака оказывалась опасней предыдущей. Брайн прекрасно понимал, что в обороне он долго не протянет, рано или поздно вооруженный противник одолеет его. Пришло время менять тактику.

Улучив момент, он быстро шагнул под удар, навстречу сверкающей стали, и схватил дисанца за руку. На секунду нож замер в воздухе, потом Брайн ощутил резкую боль — свободной рукой Лиг-магт ударил его по лицу, — но не разжал ладонь, а еще крепче стиснул пальцы на запястье противника, стараясь отвести в сторону смертоносное лезвие. Теперь у него не было другого выхода — теперь все решали сила и выносливость: или он дождет врага, или наоборот. Брайн знал, что держит в руке свою жизнь, поэтому отчаянно сжимал пальцы, не обращая внимания на удары, и лишь старался защитить глаза от острых когтей Лиг-магта. Несколько раз ему не удалось увернуться, по лицу уже текла кровь, но сейчас это не имело значения, сейчас его волновало только одно — не отпустить руку...

Наконец Брайну удалось и второй рукой вцепиться дисанцу в запястье — теперь они стояли лицом к лицу и оба тяжело дышали. Капюшон слетел с головы Лиг-магта, и холодные, пустые глаза пронизывали Брайна насквозь, но бесстрастное лицо дисанца напоминало восковую маску, лишенную какого-либо выражения — даже сильная боль ничего не меняла в его резких чертах.

Удача медленно, но верно склонялась на сторону Брайна. Навалившись всем своим весом на противника и выкручивая ему руку, он ждал, когда же нож выпадет из ослабевших пальцев Лиг-магта, но дисанец упорно не выпускал оружие, и тут Брайн с ужасом понял, что он не сделает этого, пока жив. Раздался отвратительный хруст ломающейся кости, Лиг-магт чуть дернулся, Брайн отпустил его руку, и она безжизненно повисла вдоль тела.

На лице дисанца не дрогнул ни один мускул — он рванулся, пытаясь высвободить другую руку, чтобы перехватить нож и продолжать бой. Ударом ноги выбив оружие и отшвырнув его далеко в сторону, Брайн расслабился и тут же пропустил сильный удар в пах — Лиг-магт продолжал сражаться, как будто ничего не случилось.

— Прекратите! — крикнул Брайн, отступая. — Вы все равно не сможете победить. Это безумие! Остановите его!

Он обращался к остальным магтам, которые равнодушно следили за поединком, но никто ему не ответил и никто не двинулся с места. Похолодев внутри, Брайн вдруг осознал, что бой может кончиться только смертью одного из них. Лиг-магт абсолютно не дорожил собственной жизнью, и точно так же не дорожил он жизнью тех людей, которых убивал, и судьба всей планеты тоже была ему безразлична. Он будет нападать снова и снова, и только смерть остановит его. На секунду перед Брайном мелькнуло жуткое видение: дисанец, весь в крови, со сломанными руками и ногами, ползет к нему, чтобы зубами вцепиться в горло.

Выбора не оставалось. Никогда раньше он не применял этот прием на деле, лишь на тренировках иногда

разбивал короткими точными ударами толстые доски. Брайн предельно сконцентрировался, собрав всю свою энергию на кончиках пальцев, и сделал обманный выпад. Пытаясь парировать, Лиг-магт раскрылся — под одеждой хорошо угадывалась точка, которую следовало поразить — главный нервный узел.

Брайн ударил. Он знал, что это смертельный удар — его ладонь глубоко погрузилась в тело противника, и мощный всплеск энергии в долю секунды загасил жизнь. Лиг-магт сложился пополам и рухнул на пол.

Глава 11

Стоя над мертвым дисанцем, Брайн глядел на неподвижных магтов и пытался представить, что будет дальше. Хорошо, с одним покончено. Но эта передышка ненадолго, скоро они опомнятся и тогда... «Зря я не взял пистолет, — подумал он. — Впрочем, что уж теперь! Что же делать?»

Дисанцы молча смотрели на него, но нападать пока не собирались. «А ведь они не знают, что Лиг-магт мертв, — осенило Брайна. — Ждут, когда он встанет и продолжит бой. Пожалуй, на этом можно сыграть».

— Лиг-магт потерял сознание, но он скоро очнется, — громко произнес он, указывая на распростертое тело.

Магты как по команде посмотрели в сторону мертвеца, и Брайн медленно попятился к выходу.

— Я не хотел причинить ему вреда, он сам виноват! Он не стал слушать меня! А теперь я хочу кое-что показать вам!.. — Он пытался отвлечь их внимание, заговорить зубы и плел первое, что приходило в голову.

Продолжая сыпать словами и поправляя на ходу одежду, он прошел через весь зал и был уже почти у цели, когда дисанцы наконец опомнились. Один из магтов наклонился над неподвижным телом и чуть к нему притронулся.

— Мертв! — прозвучало в наступившей тишине.

Брайн не стал дожидаться, пока магты перейдут к активным действиям, он метнулся к выходу и нырнул в темный коридор. За его спиной в стену ударились несколько ножей, краем глаза он заметил, как один из магтов подносит к губам духовое ружье, но тут коридор резко повернул, и Брайн помчался вверх по крутой лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

Его преследовала безмолвная вооруженная толпа — будто сама смерть шла по пятам и дышала в затылок. Он не мог остановить погоню или сбить ее со следа, и оставалось только бежать изо всех сил, надеясь на свои ноги и на удачу. Достаточно споткнуться — и конец.

Вскоре Брайн понял, что этой гонки ему не выиграть: враги настигали, и он был, можно сказать, обречен. Впереди отделилась от стены какая-то фигура и тускло блеснуло лезвие — женщина с ножом в руке загородила ему дорогу. Она тоже хотела убить Брайна, но допустила ошибку, слишком рано выскочив в коридор, и тем самым спасла ему жизнь. Легко увернувшись от удара, Брайн схватил женщину за руку и рванул на себя, она выронила нож и тихо вскрикнула — первый человеческий звук, услышанный им в замке. Преследователи были уже совсем близко, и он сильно толкнул женщину прямо на них — передние упали, задние, налетев на упавших, тоже повалились на пол, а Брайн помчался наверх, выигрывая такие драгоценные сейчас минуты.

На гребне стены его ждал вооруженный магт.

Недолго думая Брайн включил передатчик на воротнике:

— Тревога! Можете стрелять!..

Охранники, похоже, только этого и ждали — его последние слова слились с грохотом выстрелов. Прошлый крупнокалиберными пулями дисанец упал. Брайн перепрыгнул через него и бросился к спуску со стены, прокричав на бегу в микрофон:

— Я спускаюсь. Не стреляйте пока!

Охранники, очевидно, уже пристрелялись и, пропустив его, обрушили на стену шквал огня — крутом свистели пули и осколки камней. Брайн быстро спу-

скался, думая только о том, чтобы не сорваться случайно с этой чертовой стены. Сквозь грохот выстрелов доносился звук работающего мотора вездехода, и сейчас он звучал лучше всякой музыки. Войдя во вкус, охранники с упоением палили по крепости.

— Прекратить огонь! — приказал Брайн, скатившись на землю.

Водитель хорошо знал свое дело — вездеход оказался у подножия стены одновременно с Брайном, а едва он протиснулся в дверцу, машина развернулась в облаке пыли и на предельной скорости понеслась в сторону города.

Высокий охранник осторожно вытащил из одежды Брайна короткую деревянную стрелу и брезгливо выбросил ее за окно.

— Хорошо, что эта штука вас не задела. Они пропитывают свои стрелы для духовых ружей ядом, и смерть наступает почти мгновенно. Еще чуть-чуть — и вам не жить. Легко отделались.

Легко отделался! Только теперь Брайн начал понимать, что ему просто сказочно повезло: он ушел оттуда живым, да еще узнал много нового о магтах. Да, он много узнал, и сейчас поход в башню в одиночку, без оружия представлялся ему безумной авантюрой. Сумасшедствие! Он уцелел благодаря искусству бойца и везению, но все-таки больше благодаря везению. В крепость его привело любопытство, а вывели оттуда дерзость и резвые ноги.

Избитый, окровавленный, утомленный, Брайн чувствовал себя почти счастливым. Все, что он сегодня увидел и пережил, хорошо укладывалось в его гипотезу о природе самоубийственных устремлений дисанцев, и постепенно вырисовывалась довольно четкая картина...

Брайн откинулся на сидение и тут же подпрыгнул как ужаленный, руку пронзила острая боль, и он потерял мысль. Ножевая рана, которую он даже не заметил в суматохе погони, оказалась длинной, но не глубокой — ее быстро обработали и наложили повязку. Заметив, что в машине довольно прохладно — кондиционер работал на полную мощность, — Брайн поспешно натянул плащ.

Никто их не преследовал, а когда черная башня скрылась из виду, охранники совсем расслабились и принялись чистить оружие, прикидывая при этом, кто уложил больше маггов в сегодняшнем бою. Вся их враждебность и настороженность по отношению к Брайну разом исчезла, они улыбались ему и не скрывали своей радости — впервые с начала операции им дали возможность ответить выстрелом на удар, как и подобает мужчинам.

Брайн мог быть доволен. Вылазка не прошла даром: его гипотеза обросла фактами и на глазах превращалась в стройную теорию. Теория получалась достаточно радикальная, но она все объясняла; Брайн придирчиво искал какие-нибудь несоответствия и не находил их. Через некоторое время он пришел к выводу, что теорию надо проверить, не откладывая это дело в долгий ящик — пусть специалист либо подтвердит его выводы, либо опровергнет их. На Дисе Брайн знал только одного такого специалиста...

... Леа работала в лаборатории. Когда он вошел, она как раз склонилась над микроскопом, на смотровом столе лежало что-то бесформенное.

Заслышав шаги, Леа подняла голову и, увидев Брайна, тепло улыбнулась ему, как старому знакомому. Тяготы последних суток оставили отпечаток на ее лице: кожа потемнела от загара, местами потрескалась или шелушилась.

— Я, наверное, ужасно выгляжу, — сказала она, сжав виски ладонями. — Похожа, должно быть, на недожаренный ростбиф. — Внезапно она взяла его за руку и тихо сказала: — Спасибо, Брайн...

Леа родилась и выросла на Земле, где люди давно избавились от всякого рода условностей. Они могли спокойно обсуждать любые, самые щекотливые проблемы и не испытывали при этом смущения или неловкости. Такой стиль общения часто помогает в жизни, но, когда нужно поблагодарить человека, спасшего тебе жизнь, возникают некоторые затруднения. Почему-то получается очень похоже на монолог из плохой исторической пьесы.

Наверное, поэтому Леа замолкла на полуслове, но Брайн слышал не только слова, он слышал больше и

знал, какие чувства она испытывает. Он ничего не ответил, только ненадолго задержал ее руку в своей.

— Как вы себя чувствуете? — Брайну было немного стыдно, ведь именно он настоял, чтобы девушка принималась за работу, не закончив лечения.

— По всем законам биологии должна чувствовать себя ужасно, — ответила она, слабо улыбаясь, — но почему-то хочется летать. Они так напичкали меня лекарствами, что я собственного веса не чувствую — будто в воздухе паришь. Спасибо, что вытащили меня из клиники и разрешили поработать.

Брайн ответил, что уже сожалеет об этом.

— И не думайте! У меня уже ничего не болит. Честно. Иногда только голова немного кружится, и больше ничего. А тут такая работа! Вы даже представить себе не можете, как это все интересно... Ради этого стоило печься на солнце и ползать по пескам. — Она склонилась к микроскопу и подкрутила винт. — Бедный Айджел был совершенно прав, помните, он говорил, что для экзобиолога Дис — земля обетованная. Вот посмотрите... У этой водоросли такие глубокие паразитические изменения, что...

— Я тут подумал, — прервал Брайн ее восторженную лекцию из жизни паразитов. — Помнится мне, Айджел выражал такую надежду, что вы будете изучать и туземцев, а не только окружающую их среду. Причина всего происходящего кроется в дисанцах, а не в местных водорослях.

— А я чем, по-вашему, занимаюсь? Но дисанцы так тесно связаны с местными формами жизни, что изучать их самих по себе не имеет никакого смысла. Да и сомневаюсь я, что мы найдем серьезные физические изменения. Уж не больше, чем у этой водоросли. А вот в области психики могли произойти любые сдвиги — они же приспособлялись к таким чуждым человеку условиям. Очень может быть, что стремление к самоубийству — одно из следствий изменения психики.

— Может, вы и правы, но я думаю иначе. Этим утром я предпринял небольшую экспедицию и обнаружил кое-что интересное.

Только сейчас Леа обратила внимание на его синяки, до этого она была слишком увлечена работой.

— Я наносил визит, — упредил ее вопрос Брайн. — Всю эту суматоху с войной устроили магты — своего рода правители Диса, — вот я и решил взглянуть на них поближе, прежде чем принимать решение. Наша встреча не была теплой, но я нашел, что искал. Они полностью отличаются от пормальных дисанцев, с какой стороны ни посмотри. У меня было с кем сравнивать, до этого я немного общался с Ульвом — это туземец, который спас нас в пустыне. Он, конечно, во многих отношениях не такой, как мы с вами, да он и не может быть таким же, живя в этой печке, но он — человек, в этом я уверен. Он дал нам воду, потом привел помощь, в конце концов, я с ним разговаривал, и мы понимали друг друга, пусть и не с полуслова. Магты — полная противоположность. Банда хладнокровных убийц, и только! Не успел я с ними заговорить, как они попытались убить меня, причем совершенно без причины. От остальных дисанцев они отличаются всем: одеждой, привычками, образом жизни и самое главное — полным отсутствием эмоций. Они не испытывают страха, любви, гнева — они вообще ничего не испытывают, как медузы. Каждый из них — это сумма химических реакций, и больше ничего.

— А вы не преувеличиваете? Можно ведь научиться скрывать свои эмоции...

— Можно, но не так, как они. Так — нельзя. Сейчас некогда все объяснять, и вам придется принять мои слова на веру. Даже перед смертью они не испытывают ни страха, ни ненависти. Я понимаю, что верится с трудом, но это правда.

Леа помотала головой, словно пытаясь избавиться от наваждения.

— Вы меня простите, я какая-то тупая сегодня. Отсутствие у магтов эмоциональных реакций объясняет их тягу к самоубийственной войне, тут все понятно. Но ведь такая гипотеза порождает вопросов больше, чем разрешает. Начать с того, что человек вообще не может жить без эмоций.

— Верно. Человек не может. А я считаю, что магты вовсе не люди. Может, они — пришельцы, может, роботы или андройды — кто угодно, только не люди. Я думаю, они даже не гуманоиды.

Леа звонко рассмеялась, но сразу же осеклась, посмотрев на Брайна.

— Вы это серьезно?

— Мне сейчас не до шуток. Я вас понимаю — больно уж смахивает на бред, но, с другой стороны — это самое логичное объяснение. Давайте обратимся к фактам. Прежде всего, магты совершенно равнодушны к смерти. Разве это нормально?

— Нет, конечно, но при чем здесь пришельцы и роботы? Да я вам найду сотню естественных причин. Может, магты стали такими в результате длительных мутаций, или, например, они страдают неизвестным генетическим заболеванием.

— Как-то у меня все это не укладывается в голове! Что же это за люди такие, для которых нет разницы: жить или умереть? Ну ладно, бог с ней, со смертью, но есть ведь и другие странности. Что вы скажете насчет полного отсутствия эмоций? А их манера одеваться? Обычный дисанец не носит ничего, кроме набедренной повязки, а магты закутаны в плащи с головы до ног. А эта таинственность? Они живут в укрепленных замках и поодиночке никогда оттуда не выходят. Мертвых своих хоронят неизвестно где... Это уже не просто другой класс или другая каста. Это — народ, другая раса.

— Хорошо. Допустим на минуту, что так оно все и есть. Сразу же возникает вопрос: откуда они взялись и почему о них до сих пор никто не знает?

— Это как раз просто. Скажем, они прилетели сюда после Перелома и смешались с колонистами, которым тогда, сами понимаете, было не до пришельцев. Очень скоро магты захватили власть на планете, и быстро сообразили, что им надо держаться обособленно, чтобы никто ничего не пронюхал.

— Но кому нужна власть в этой пустыне? И почему они так старательно маскируются? Если уж им на смерть наплевать, то на мнение окружающих и подавно! А зачем они сюда прилетели? И почему остались?

— Сдаюсь! — Брайн развел руками. — У меня нет ответов и на половину ваших вопросов. Я просто стараюсь увязать между собой все факты. А факты

просты: магты — существа, ничего общего с людьми не имеющие, этакие мерзкие твари из ночного кошмара. Боюсь, они еще явятся мне во сне, если только эти два дня вообще придется спать. Впрочем, все это довольно неконкретно, а нам сейчас нужна ясность.

— Тогда действуйте! Дайте мне труп, и я вам через полчаса скажу, человек это или нет. Я, конечно, не призываю вас к убийству — можете выкопать парочку магтов из могилы. — И давая понять, что разговор ей больше неинтересен, Леа вернулась к микроскопу.

Брайн знал, что она права: этот гордиев узел надо разрубить во что бы то ни стало. Только какие уж здесь могилы! «Опять придется убивать», — с отвращением подумал он. Впрочем, сейчас сантименты были неуместны — до начала войны оставалось тридцать шесть часов. Значит, придется убивать!

Он задумчиво посмотрел на Леа, и мысли о смерти и убийстве легко уступили место мыслям о жизни и красоте. Брайн с удовольствием оглядел ее стройную фигуру, и ему вдруг захотелось обнять девушку...

Засунув руки поглубже в карманы, он быстро направился к двери.

— Бросайте эти водоросли, все равно от них проку никакого, — сказал он на ходу. — Лучше отдохните пока. А я попробую достать вам образец поинтересней.

— Я все-таки начну с водорослей, — ответила Леа, не поднимая головы...

Центр связи находился на третьем этаже штаб-квартиры. Дежурный радист, развалившись на стуле и задрав ноги на стол, лениво жевал огромный сэндвич. При виде нового директора он торопливо попытался нахлобучить на голову наушники, чуть не упав при этом со стула.

— Можете оставаться в прежней позе, — заметил Брайн, — меня это не шокирует. И не суетитесь так, а то сломаете аппаратуру, и мне придется вас расстрелять. Мне нужна связь на этой частоте. — Он протянул радисту листок бумаги.

Это была частота, на которой работал передатчик террористов из подпольной «Ниджорской армии».

Радист с минуту щелкал переключателями, потом протянул Брайну микрофон.

— Говорит Бренд, директор группы ЦРУ на Дисе. Вызываю «Ниджорскую армию». Прием!

Ему пришлось повторить вызов раз десять. Наконец эфир ожил.

— Что вам надо? — довольно нелюбезно спросил кто-то.

— У меня для вас важное сообщение. Хотите узнать подробности прямо сейчас?

— Нет. Мы найдем вас после наступления темноты. Ждите.

Брайн мрачно посмотрел на передатчик. До начала войны оставалось всего тридцать пять часов, а ему опять приходится ждать...

Глава 12

На своем столе Брайн обнаружил две аккуратные папки с бумагами. Он собрался быстро их просмотреть, но тут почувствовал, что в кабинете довольно холодно. Холод нагнетал включенный на полную мощность кондиционер. Регулятор температуры исчез, а на его месте красовалась намертво приваренная стальная пластина. Кто-то неплохо подшутил над новым директором, и в другой раз Брайн сам бы с удовольствием посмеялся, но все же было очень холодно. Пластину удалось оторвать со второй попытки, после чего Брайн внимательно изучил агрегат и отсоединил большой красный провод — кондиционер дико взвыл и отключился.

Весьма довольный собой, Брайн повернулся и увидел на пороге Фоссела с кипой папок в руках — заместитель смотрел на него, как на диковинное животное.

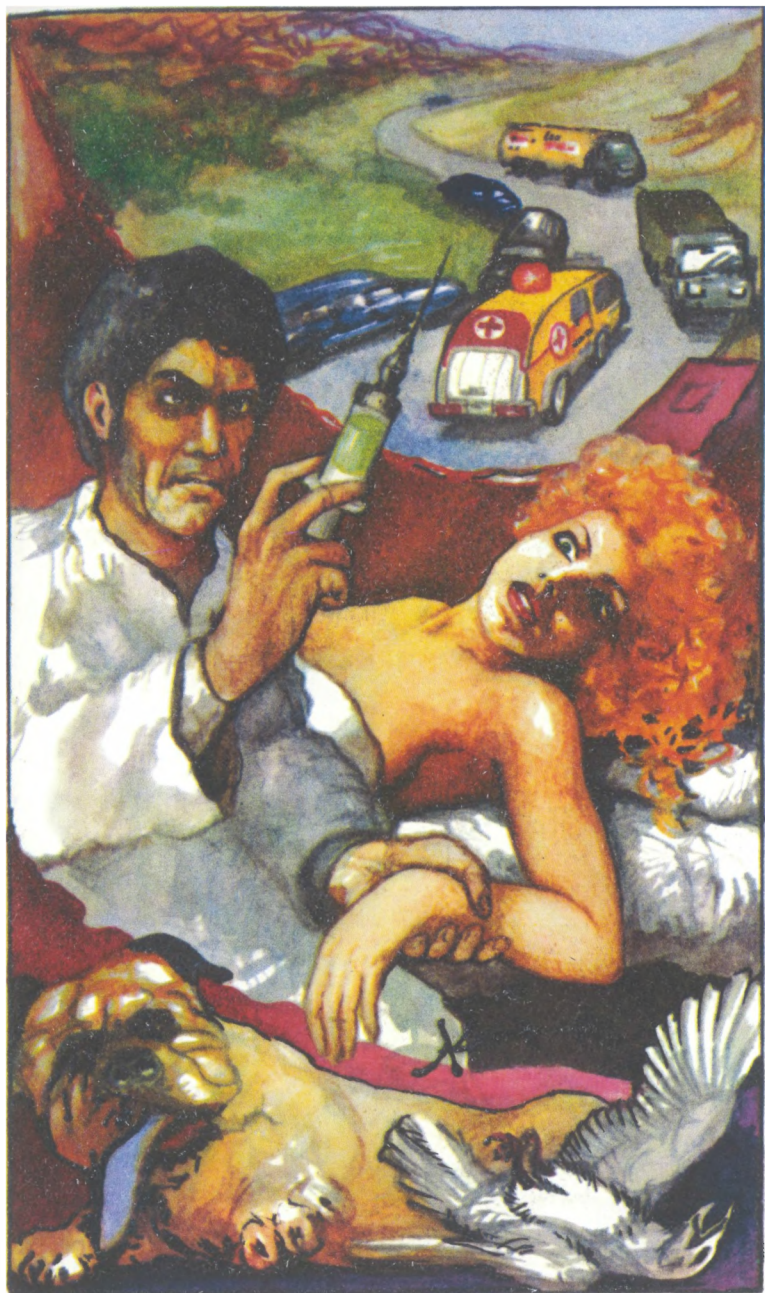
— Что в этой папке? — спросил Брайн, садясь в кресло.

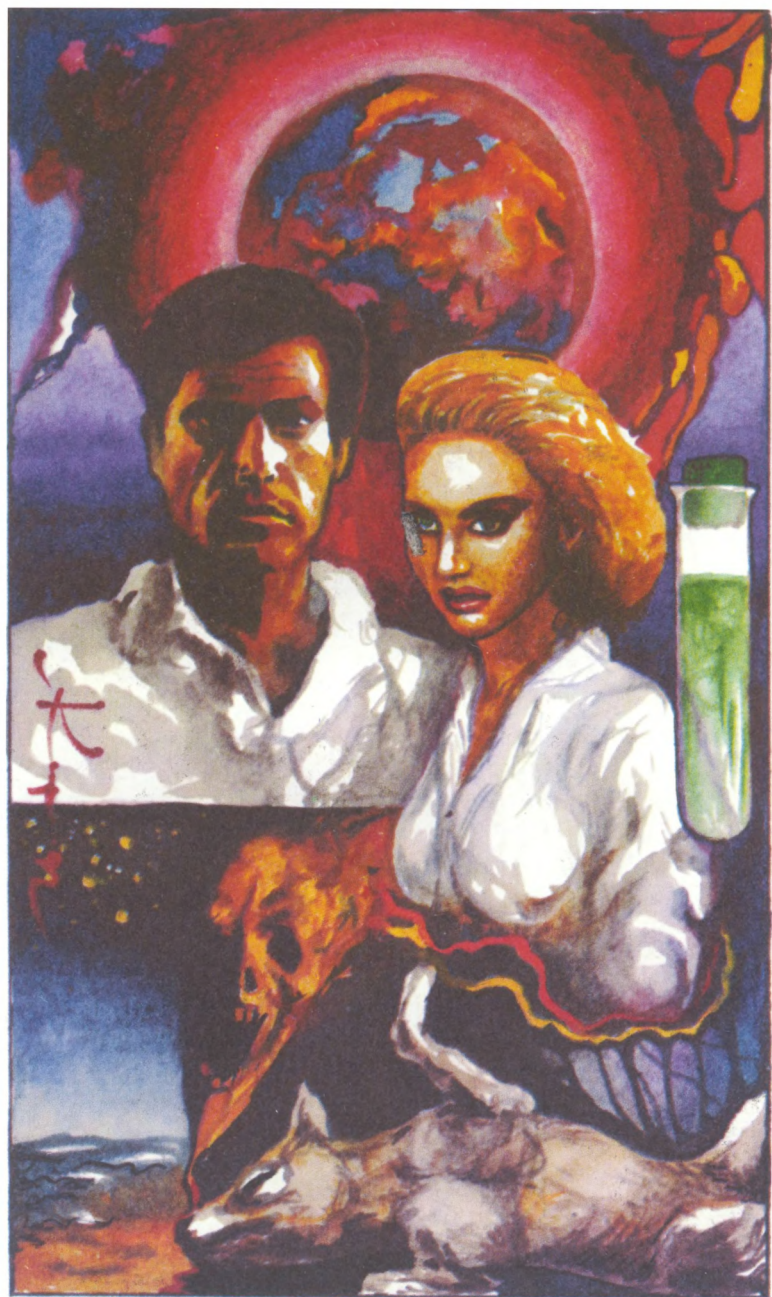
Фоссел опомнился и положил папки на стол.

— Доклады всех групп: подробные наблюдения, выводы, рекомендации...

— А вот в этой?

— Корреспонденция, деловая переписка, статистические отчеты. — Фоссел подравнял пирамиду из па-

пок. — Ну, еще ежедневные рапорты, журнал госпиталя... — Он замер с открытым ртом, увидев, как Брайн небрежным движением смахнул все документы в корзину для бумаг.

— Иными словами, канцелярия. Что ж, с этим покончено.

Когда Фоссел, как всегда шокированный поведением нового директора, ушел, Брайн просмотрел на всякий случай отчеты наблюдателей и один за другим отправил их в корзину. Ничего полезного. Он, впрочем, особенно и не надеялся: в Центре работали узкие специалисты, им не хватало системного подхода.

Небо за окном потемнело, и Брайн приказал охране у ворот впустить любого, кто будет спрашивать директора. Время тянулось медленно... Сначала Брайн изнывал от безделья, потом начал звереть: ожидание изматывало хуже самой тяжелой работы. Наконец он не выдержал и решил пойти в лабораторию — может, Леа на что-нибудь наткнулась в своих поисках.

Дверь в лабораторию поддалась с трудом. Леа на месте не оказалось, микроскоп был аккуратно зачехлен. «Ужинает, наверное, — подумал Брайн, — а может, в госпитале опять».

Госпиталь располагался этажом ниже.

— Конечно, она здесь, — заявил доктор Стайн. — Где же еще быть девушке в ее состоянии? Я думаю, на сегодня с нее хватит, пусть спит. Завтра тяжелый день, а чтобы хорошо работать, человеку надо иногда отдыхать. Сегодня всем надо отдохнуть, сотрудники буквально валятся с ног.

— Завтра целый мир может свалиться с ног. Как состояние Леа?

— Если вспомнить, что она перенесла, то отличное. Можете сами посмотреть, а меня, простите, ждут другие пациенты.

— Доктор, вы чем-то обеспокоены?

— Конечно. Вы что думаете, я не боюсь? Боюсь точно так же, как и все остальные. Мы сидим на бочке с порохом, запал вовсю дымится... Я не собираюсь дезертировать и готов работать до конца, но я буду чертовски рад, когда нас наконец вывезут отсюда. Мне дороже всего на свете моя собственная шкура, да и

остальным тоже, если хотите знать! Ничего не поделаешь, надо смотреть правде в лицо.

— Я так и делаю, — пробормотал Брайн, провожая доктора глазами.

Слабый лунный свет пробивался сквозь неплотно занавешенное окно в палате Леа. Брайн вошел тихо и, осторожно притворив за собой дверь, приблизился к кровати.

Леа спала... Дыхание ее было ровным и спокойным: ночной сон — лучшее на свете лекарство от переутомления.

Следовало уйти, но вместо этого Брайн сел в кресло рядом с кроватью. Охрана знала, где его искать, и он вполне мог немного посидеть здесь, наслаждаясь минутами покоя, такого неестественного в этом мире, стоящем на краю гибели. Редкий подарок судьбы и тем более ценный сейчас, когда напряжение достигло предела.

В нежном свете дисанской луны лицо Леа казалось удивительно красивым. Повинуясь внезапному импульсу, Брайн бережно взял ее за руку и ощутил умиротворение и полное согласие с миром. На несколько секунд он слился с огромной Вселенной, почувствовал себя частицей космоса, отринул мысли о смерти и разрушении...

Взглянув на Леа, он увидел, что девушка уже не спит — глаза ее были открыты. Когда же она проснулась? Он смутился и убрал руки.

— Хозяин интересуется, готовы ли его рабы к завтрашнему труду?

Подобные замечания Леа отпускала направо и налево, но на этот раз в ее словах не было обычной язвительности. И она улыбалась. Впрочем, Брайн хорошо запомнил ее многочисленные высказывания насчет всякой деревенщины с Анвара или откуда-то там еще, которая возомнила о себе... Он прекрасно отдавал себе отчет, что это здесь он — директор, а на древней Земле — чурбан неотесанный, и больше ничего.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, злясь на себя за дурацкий, банальный вопрос.

— Ужасно! Наверное, до утра не дотяну. Дайте мне, пожалуйста, яблоко вон из той вазы, а то у меня

во рту словно кошки ночевали. Хорошо, что здесь есть свежие фрукты. Вероятно, это гуманитарная помощь от убийц-гуманистов с Ниджора.

Она взяла яблоко и, откусив кусочек, спросила:

— Вам никогда не хотелось побывать на Земле?

— Никогда. Правда, еще несколько месяцев назад я даже Анвар покидать не собирался. Я участвовал в Играх, а у нас это самое значительное событие в жизни человека и...

— Только избавьте меня от Игр! Вы с Айджелом мне уже на корабле все уши прожужжали этими Играми. Вас послушать, так в мире больше нет ничего стоящего. Лучше расскажите мне об Анваре. У вас там есть большие города, как на Земле?

— У нас городов вообще нет, только небольшие поселки около университетов или обрабатывающих заводов. На Анваре очень малочисленное население.

— А экзобиологи там есть? — спросила Леа, демонстрируя извечную женскую способность в любом разговоре отыскать личный интерес.

— Может быть, в университетах, хотя точно не знаю. А городов у нас нет, ни больших, ни маленьких. Наше общество организовано иначе: у каждого человека есть семья и определенный круг друзей. Это основа всего, причем друзья всегда стоят на первом месте, потому что семья обычно распадается вскоре после рождения ребенка, а часто и раньше. Что-то в нас есть такое... мне кажется, мы просто любим одиночество.

— Интересно, — заметила Леа, откусывая еще кусок яблока. — Если так пойдет дальше, вы и вовсе вымрете. Насколько я понимаю, для продолжения рода необходима некоторая близость.

— Ну... существуют определенные формы контроля. У каждого анварца высоко развито чувство личной ответственности перед обществом. Мы очень серьезно относимся к таким вещам и хорошо понимаем, что на этом держится наш образ жизни. Индивидуумы сходятся в основном случайно, и тогда уже возникают необходимые отношения.

— Или это на меня лекарства так подействовали, или вы никак не можете выговорить нужное слово, но

я вас что-то плохо понимаю, — заявила Леа. — Вы все время чего-то не договариваете. Ради бога, возьмите двух отвлеченных индивидов и расскажите, что же с ними происходит.

Брайн глубоко вздохнул.

— Ну, хорошо... Скажем, я только что закончил учебу в колледже или в университете и теперь живу с родителями в большом доме у самых гор. Летом я присматриваю за садом, а зимой полностью принадлежу себе. Я катаюсь на лыжах, путешествую по горам, готовлюсь к Играм. Иногда отправляюсь в гости к друзьям, иногда они навещают меня — правда, нечасто, потому что на Анваре люди живут довольно далеко друг от друга. Двери наших домов всегда открыты: вы должны принять любого гостя, но и сами можете прийти в любой дом без всяких приглашений. Кто бы ни пришел — мужчина, женщина, один человек или целая компания — им всегда будут рады.

— Какая же тогда должна быть жизнь у молодой девушки! Наверное, ей все время приходится сидеть одной дома и умирать со скуки.

— Совершенно необязательно. Она может путешествовать — везде ее радушно примут, как и всякого другого на ее месте. Мне кажется, такого обычая нет нигде в Галактике, и на Земле нас просто бы засмеяли, но у нас платоническая дружба между мужчиной и женщиной — очень распространенное явление.

— Скука какая! Если вы все такие сдержанные, то откуда же берутся дети?

Брайн почувствовал, что краснеет. Ему показалось, что Леа специально его дразнит.

— Оттуда, откуда и везде! Но мы не просто удовлетворяем свои инстинкты, как кролики. У нас женщина всегда выбирает того, за кого хочет выйти замуж.

— Ваших женщин только брак интересует?

— Ну почему же? И брак, и... все остальное тоже. Но у нас на Анваре очень остро стоит проблема рождаемости: не все браки дают полноценное потомство, велик процент выкидышей, широко практикуется искусственное оплодотворение, потому что далеко не все могут завести ребенка обычным путем. Никого это

не шокирует, но большинство женщин хотят иметь детей именно от своего мужа. А проверить будущего мужа можно только одним способом...

В глазах Леа появился живой интерес.

— Вы хотите сказать, что ваши девушки еще до свадьбы проверяют, может ли мужчина быть отцом?

— Да, именно так. Иначе, как вы говорите, мы бы все давно вымерли. На Анваре выбор принадлежит женщине. Если мужчина ее интересуется, она прямо говорит ему об этом, а если не говорит, мужчина никогда не сделает предложения сам. Я знаю, что это сильно отличается от нравов других планет, но нас такое положение вполне устраивает.

— На Земле все наоборот. — Леа выбросила огрызок и изящно облизала кончики пальцев. — Наверное, вам Земля показалась бы жутким притоном. На планете живет очень много народу. Контроль за рождаемостью установили слишком поздно, и он до сих пор встречает сильное сопротивление — у нас еще достаточно людей, исповедующих архаичные религии. Земля перенаселена — перенаселена сверх всякой меры. Мужчины, женщины, дети, куда ни глянешь — кипящая толпа без конца и края. И все занимаются любовью. Женщины готовы выслушивать самую оскорбительную лесть, а мужчины всегда агрессивны. Правда, до физического насилия дело доходит не часто, но постоянно чувствуешь за спиной чье-то горячее дыхание. У девушки должны быть наготове острые когти...

— Что должно быть?

— Это просто такое выражение, Брайн. Проще говоря, девушка все время должна быть настороже, если не хочет слишком часто ложиться в постель.

— Это... — Брайн долго подыскивал подходящее слово, — отвратительно! — наконец сказал он, не придумав ничего лучше.

— У вас другие нравы. А мы, к сожалению, настолько привыкли, что уже почитаем это за норму. С точки зрения... — Леа вдруг замолчала и пристально на него посмотрела, глаза ее расширились. — Дура я! Вы ведь говорили обо мне!

— Пожалуйста, Леа... вы не должны...

— Я все поняла. — Она радостно засмеялась. — Я считала вас невоспитанным, бездушным занудой, а вы, оказывается, милый и обходительный человек, просто в лучших анварских традициях вы ждали знака от меня. Мы и дальше бы играли по разным правилам, не окажись у вас достаточно здравого смысла, чтобы откровенно ответить на мои вопросы. А я-то, дура, считала вас законченным холостяком с жуткой ледяной планеты!

Она нежно погладила его по волосам — ей уже давно хотелось это сделать.

— Я не мог вести себя по-другому, — ответил Брайн. — Как я мог вас оскорбить? А обычаев вашей планеты я не знал.

— Что ж, теперь знаете, — мягко сказала Леа. — У нас мужчина выбирает и делает первый шаг. Хотя мне кажется, что ваш обычай лучше. Я только еще не разобралась в деталях. Каким образом я должна сказать, что вы мне очень нравитесь? Вы — настоящий мужчина, я таких нигде не встречала. Сейчас, конечно, не время говорить о браке, но я хотела бы...

Не дав ей договорить, Брайн обнял девушку, и их губы слились в поцелуе.

— Тише... — прошептала она, — мне больно...

Глава 13

— Он отказывается входить, господин директор. Стоит у ворот и твердит как попугай: «Передайте директору Бренду, что я хочу его видеть».

— Хорошо. — Брайн взял пистолет и положил в карман запасные обоймы. — Я сейчас уйду и вернусь только утром, пусть к этому времени приготовят вездеход.

На улице было очень темно — кто-то старательно разбил все фонари в радиусе ста метров, — но в слабом свете луны Брайн разглядел темные очертания легкого вездехода.

— Брайн Бренд? — послышалось из машины. — Садитесь.

Как только он захлопнул дверцу, мотор взревел, вездеход лихо пронесся по пустым улицам ночного города и вырвался на простор пустыни. Водитель погнал машину еще быстрее, но фары так и не включил, и было совершенно непонятно, как он отыскивает дорогу в полной темноте. Вскоре начался подъем, а когда они достигли вершины холма, вездеход остановился.

Щелкнул выключатель, и в кабине зажегся свет. Брайн увидел ястребиный профиль своего молчаливого попутчика, потом заметил, что он мал ростом. Очевидно, родовая травма или какая-то трагическая случай-

ность сильно искалечила этого человека, согнув ему позвоночник и на всю жизнь наградив большим горбом. Брайн впервые видел такое и про себя подивился, как вообще удалось медикам сохранить эту жизнь.

— Удосужились ли эти мудрецы с Ниджора сообщить вам, что они на день приблизили крайний срок? — с горечью в голосе спросил незнакомец и добавил: — Этот мир стремительно катится в преисподнюю.

— Да, я знаю. Поэтому и обратился к вам за помощью. Время уходит...

Горбун пробурчал в ответ что-то нечленораздельное и уткнулся в экран радара — он проверял, нет ли за ними слежки.

— Куда мы едем? — спросил Брайн.

— В наш лагерь, тут недалеко. Завтра вся планета провалится в тартарары, поэтому я смело могу сказать вам, что это наш единственный лагерь на Дисе. Там сейчас все наши люди, оружие, вездеходы. Хис, наш командир, тоже там. И завтра все погибнет, вместе с этой проклятой планетой. Так какое у вас к нам дело?

— Об этом я буду говорить только с Хисом.

— Как хотите. — Горбун завел мотор, и вездеход тронулся с места. — Только имейте в виду, мы все добровольцы, и друг от друга у нас секретов нет. Секреты у нас только от дураков, которые хотят уничтожить этот мир. — В его голосе вновь послышалась горечь. — Это же надо, принять решение об убийстве миллионов людей!

— Они о вас не лучшего мнения, — заметил Брайн. — Называют вас армией террористов.

— А мы и есть армия! И ведем здесь войну. А эти доморощенные идеалисты на Ниджоре... Поддержи они нас с самого начала, мы бы успели вскрыть все черные замки, обыскали бы каждый закоулок, но нашли бы бомбы. Так ведь нет! Как же можно?! Это, видите ли, насилие!.. А теперь погибли все.

Он замолчал и напряженно уставился на приборы.

— Но еще не все потеряно, — сказал Брайн. — У нас впереди целый день, а я, кажется, нашел способ остановить войну.

— Вы директор группы ЦРУ, верно? Ну и что вы сможете сделать вместе со своим Центром, когда вам на голову посыпятся бомбы?

— Тогда — ничего, но сейчас я сделаю все, чтобы до этого не дошло. А если вы хотите меня оскорбить, то зря стараетесь — у меня высокий порог раздражительности.

Горбун хмыкнул, но ничего не сказал. Вездеход потрясывало на камнях. Несколько минут они молчали, потом ниджорец спросил:

— Что вам надо?

— Мне нужен магт, — немедленно откликнулся Брайн. — Живой или мертвый — неважно. У вас случайно не завалялось подходящего трупа?

— Нет. Мы обычно нападаем на их башни, но они забирают всех своих раненых и даже убитых. А зачем вам труп? Покойник ничего не расскажет ни о бомбах, ни об установке.

— Не вижу необходимости объяснять вам это, раз вы не командир. Впрочем, вы ведь Хис, не так ли?

Горбун раздраженно что-то проворчал и опять замолк. Наконец он спросил:

— С чего вы взяли?

— Интуиция. Сразу видно, что вам не часто приходится водить вездеход. Конечно, ваша армия может вся состоять из генералов, но мне что-то не верится. Кроме того, я прекрасно знаю, как дорога сейчас каждая минута и каждый человек. Вряд ли разумный командир стал бы на целый час занимать вездеход с водителем лишь для того, чтобы привезти меня в лагерь. А вот отправиться за мной лично — это другое дело. По дороге можно присмотреться к директору ЦРУ и составить определенное мнение об этом человеке. Мне кажется, вы уже приняли решение. Я прав?

— Да... я — Хис. Но вы не ответили на мой вопрос. Зачем вам труп?

— А мы его вскрыем и внимательно посмотрим, что там внутри. У меня есть такое подозрение, что магты — не люди. Они живут среди людей, выдают себя за людей, но они не люди.

— Пришельцы, что ли?

— Не исключено. Вскрытие покажет.

— Вы или глупы, или некомпетентны, — резко сказал Хис. — У вас, должно быть, мозги поджарились на дисанском солнышке. Я в этом балагане участвовать не буду!

— Послушайте, какого черта вы упрямитесь?! Через день планета погибнет. Вы можете этому помешать. Я предлагаю попробовать, и вы не имеете права отказываться, потому что это последний шанс. Если вы искренне хотите спасти Дис, вы должны мне помочь. Если откажетесь — значит, вы заодно с убийцами и сами — убийца. Решайте.

Хис долго не думал.

— Вы получите труп. Я в ваши бредни не верю, но не вижу ничего плохого, если в этом мире станет одним маггом меньше. Слушайте меня внимательно. Сегодня последняя ночь, и я всех своих людей отправил в рейды. До утра мы атакуем столько замков, сколько успеем — остается еще слабая надежда, что наткнемся на оружие. Конечно, это все равно что палить наугад в темноту, но больше мы ничего сделать не можем. Все группы уже ушли, а мой отряд ждет, пока я вернусь. Можете присоединиться к нам. Я собираюсь напасть на небольшую крепость — мы уже побывали там как-то раз и захватили много оружия. Эти тупицы вполне могут посчитать, что во второй раз мы туда не сунемся. Иногда мне кажется, что у маггов полностью отсутствует воображение.

— Вы даже не представляете, как вы близки к истине.

Вездеход медленно приблизился к большой черной скале. На приборной доске загорелась красная лампочка, и Хис резко затормозил. Выйдя из машины, Брайн споткнулся о какой-то камень.

Внезапно в глаза ударил яркий свет, Брайн зажмурился. Под самой скалой стояли три мощных открытых вездехода. От посторонних глаз их скрывало поле переносного поглотителя энергии, которое не пропускало никакого излучения ни в ту ни в другую сторону. В машинах сидели люди, они негромко переговаривались и чистили оружие. При их появлении все вскочили.

— Собирайтесь, — приказал Хис. — Начинаем операцию. Позовите сюда Талта.

Ниджорские добровольцы бросились выполнять приказ. Большинство из них были на две головы выше Хиса, но подчинялись ему беспрекословно. Они были телом армии, а он — ее мозгом.

К Хису подошел плотный коренастый боец и небрежно отсалютовал. Весь он был увешан сумками и какими-то приборами, карманы его заметно оттопырились.

— Это Талт, — сказал Хис Брайну, — наш инженер и радиометрист в одном лице. Участвует во всех наших операциях, ищет признаки работы джамп-установки и следы радиации. Выглядит это так: пока мы деремся с магтами в их замках, он сидит около своих приборов и смотрит на стрелки. Пользы от него пока никакой, как и от вас. Я думаю, вдвоем вы составите хорошую команду. Возьмите тот вездеход, на котором мы приехали.

Широкое лицо Талта расплылось в лягушачьей улыбке.

— Терпение, Хис. Только терпение. Однажды эти стрелки оживут, и тогда конец нашим неприятностям. Что я должен делать с этим незнакомцем?

— Этого незнакомца зовут Брайн Бренд. Он хочет получить труп магта. Помогите ему и не отходи от него ни на шаг. Когда все сделаете, возвращайся сюда. «Однажды эти стрелки оживут...» Да о чем ты говоришь?! Завтра — последний день!

Хис резко повернулся и пошел к вездеходам.

— Он мне нравится, — заявил Талт, прилаживая к одной из сумок какую-то железяку. — Хис — великий человек, но без меня ему все равно ничего не найти. Подержите вот этот прибор.

Брайн помог ему зафиксировать оборудование в машину. Едва они закончили, другие вездеходы тронулись с места — Талт вскочил за руль и поехал за ними следом. Небольшая колонна долго пробиралась между скал, потом скалы кончились и начались песчаные холмы. Здесь вездеходы перестроились и широкой цепью быстро пошли к цели. Талт что-то бормотал себе под нос и лихо крутил руль, внезапно он замолчал и посмотрел на Брайна.

Брайн не слышал, что спросил у него ниджорец, он как раз собрался подремать, чтобы восстановить силы перед боем, но Талту требовался собеседник, и он сыпал словами, нисколько не смущаясь молчанием Брайна.

— Хис — идеалист, — вещал Талт. — Хочет остановить войну, которую не он начал. Они никогда не слушали Хиса, а он с самого начала предупреждал, чем это может кончиться, и оказался прав. Но они считали, что его идеи так же уродливы, как и он сам. Он, между прочим, специалист по военному делу. Военачальник на Ниджоре! Ха! Это все равно что быть специалистом по льду в преисподней! Но он действительно все знает о войне. И вместо него командующим назначают дедушку Крафта.

— Но ведь Хис командует армией?

— Какая это армия! Горстка добровольцев... Нас слишком мало, и мы опоздали. Мы, конечно, и дальше будем воевать, но я чувствую, что добром это все не кончится. А на родине нас называют мясниками. — В его голосе послышалась обида. — Они там думают, что нам нравится убивать — считают психами. Они не понимают и не хотят понимать, что мы спасаем Ниджор, спасаем всех их от смерти.

В просвете между холмами показалась вершина черной башни, и вездеходы разом остановились.

— Отсюда пойдем пешком, — сообщил Талт.

Сначала они шли, потом, когда холмы кончились, поползли. Впереди, низко пригнувшись к земле, неслышно скользили темные фигуры. Никем не замеченные террористы быстро достигли крепости и стали взбираться вверх по отвесной стене.

— Индивидуальные подъемники, — шепнул Талт. — Забрасываешь наверх веревку с присоской и поднимаешься при помощи портативной лебедки. Хис придумал.

— Мы пойдем тем же путем? — спросил Брайн. Они уже стояли у подножия стены.

— Нет, мы туда не полезем — мы просто взорвем стену. У меня есть план этой крепости... — Талт тщательно отмерял расстояние от земли. — Здесь!

В этот момент громкий крик прорезал ночную тишину и яркая вспышка озарила гребень стены. Сразу

же гулко загремели автоматные очереди, сверху посыпались обломки камней и какой-то мусор.

— Началось! — крикнул Талт. — Теперь надо идти, пока магты заняты наверху.

Вывхватив из сумки плоскую коробку, он быстро прикрепил ее к стене и нажал какую-то кнопку.

— Ложитесь! — приказал он Брайну. — Это фугас — пробивает стену направленным взрывом, но иногда срабатывает совсем не в ту сторону.

Раздался грохот, дрогнула земля под ногами, а когда рассеялось облако пыли, они увидели пролом в стене. Талт посветил туда фонариком.

— Все в порядке. Идемте, пока магты не сбежались на шум.

Внутри все было загромождено обломками, и им стоило большого труда перелезть через завал. Талт осветил вход в темный коридор — тот круто уходил вниз.

— Подземные склады, — пояснил он, — там они обычно прячут оружие.

Черный шар вылетел из коридора и упал у их ног. Талт хотел что-то сказать, но Брайн, не дожидаясь объяснений, стремительно шагнул вперед и пнул шар ногой — тот улетел обратно в темноту. Брайн и ниджорец бросились на пол — из коридора вырвалось оранжевое пламя взрыва, в потолок полетели осколки.

— Гранаты! — крикнул Талт, вставая. — Раньше магты их не применяли. Надо предупредить Хиса.

Он схватил портативный передатчик и неразборчиво затараторил.

В коридоре что-то шевельнулось, и Брайн несколько раз выстрелил наугад в темноту.

— Атака провалилась, — сообщил Талт. — Нужно уходить. Идите первым, я прикрою.

— Я пришел сюда за магтом и никуда без него не уйду!

— Вы что, рехнулись! Вас же убьют!

Магты появились неслышно, как призраки, — выхватывая длинные ножи, они молча устремились вперед. Брайн увидел перед собой застывшие лица и нажал курок... Двоих он убил сразу. Третий — раненый, но

еще живой, — сжимая в руке нож, полз к нему, оставляя за собой кровавую полосу.

Брайн не шевельнулся. Сколько еще человек он должен убить? Или это не человек? Но все равно добить раненого не поднималась рука — Брайн готов был умереть сам, лишь бы не убивать...

Талт прошел магта короткой очередью.

— Вот вам труп — и давайте быстрее!

Вдвоем они вытащили тело наружу. Брайн спиной чувствовал опасность, но ничего не произошло, только со стены бросили гранату, да и то она взорвалась довольно далеко, не причинив им никакого вреда.

Один из тяжелых вездеходов кружил совсем рядом, обстреливая крепость из крупнокалиберного пулемета, и к нему сбегались отступающие ниджорцы. Брайн и Талт тоже бросились к этой машине, волоча за собой труп магта. Талт оглянулся и побежал быстрее.

— Они за нами гонятся! Такого еще не было!

— Наверное, пронюхали, что мы взяли тело, — отозвался Брайн.

— Может, бросим его... тяжело тащить...

— Я скорее вас брошу! — озлился Брайн. — Давайте сюда, я сам понесу. — Он отобрал труп у Талта, который особенно и не сопротивлялся, и взвалил себе на плечи. — Прикройте меня.

Талт принялся ожесточенно палить в сторону крепости — кто-то из преследователей упал, другие продолжали бежать. С вездехода заметили, что происходит что-то неладное, и двинулись им на помощь. Когда машина приблизилась, Брайн первым делом закинул в кузов труп магта, а потом забрался сам. Через секунду подоспел Талт, и вездеход, развернувшись на месте, быстро пошел прочь от крепости.

— Знаете, Бренд, — сказал Талт, немного отдышавшись, — я ведь пошутил... Ну, когда предлагал бросить труп. Вы, наверное, тоже пошутили в ответ?

— Нет. — Брайн уложил труп на сидение. — Мне было не до шуток.

— У вас тот же недостаток, что и у Хиса, — пробормотал Талт. — Слишком серьезно все воспринимаете.

Брайн вдруг почувствовал, что вся его одежда насквозь пропитана кровью — липкой чужой кровью, ему стало нехорошо, и он поспешно перегнулся через борт. Брайн подумал, что устал убивать. Одно дело — рассуждать об абстрактном трупe, и совсем другое — убить человека, а потом, измазавшись в его крови, тащить на себе тело... Правда, магты не люди, но сейчас это его почему-то не успокаивало.

Скоро они добрались до остальных вездеходов, и все расселись по машинам.

— Разъезжаемся в разные стороны, — сообщил Талт, заводя мотор. — Чтобы сбить их со следа. — Он достал из кармана листок и приладил его около компаса. — Здесь у меня курс. Мы сделаем большой крюк по пустыне и въедем в город с другой стороны. Я вас выгружу, а сам вернусь в лагерь. Вы на меня не сердитесь?

Брайн не ответил, он пристально смотрел в окно.

— Что случилось? — спросил Талт. — Вы разве еще не видели рассвет на Дисе?

— Видел... Но этот — последний...

— Бросьте, Бренд! Я знаю, что этот мир идет к гибели, но я, по крайней мере, сделал все от меня зависящее, чтобы остановить его. Мне вот интересно, что завтра будут чувствовать эти умники на Ниджоре?

— Может быть, мы еще успеем что-то сделать, — медленно произнес Брайн, пытаясь отогнать мрачные мысли.

Талт с сожалением посмотрел на него и ничего не ответил.

Пока они кружили по пустыне, солнце уже поднялось довольно высоко и стало жарко. Вездеход несколько раз увязал в песке, а если и ехал, то очень медленно. Талт, исходя потом и проклятиями, колдовал над приборами, прокладывая курс. Наконец они выбрались на твердое покрытие и поехали в сторону города.

Над городом стоял столб черного дыма. Брайн ощутил смутное беспокойство, и чем ближе они подъезжали, тем беспокойней становилось у него на душе. Конечно, могло гореть какое-нибудь брошенное здание... У Брайна язык не поворачивался высказывать догадки, за него это сделал Талт:

— Что-то горит. Похоже, недалеко от вашей штаб-квартиры.

В городе происходило что-то непонятное. В воздухе пахло гарью, летал пепел, прямо на дороге валялись какие-то обломки, камни... Улицы, обычно пустые, были заполнены людьми, среди дисанцев изредка мелькали инопланетники, и все они двигались в одном направлении. Талт медленно вел машину через толпу.

— Не нравится мне это оживление, — сказал он, поглядывая в окно. — Не будь этот день последним, я бы давно повернул обратно. Они хорошо знают наши вездеходы.

Завернув за угол, он резко затормозил. Они увидели разрушенное здание, собственно, здания даже не было — вместо него возвышалась груда обугленных камней. Местами из-под руин пробивались тонкие языки пламени. Внезапно с грохотом обвалились остатки стены...

— Это же ваша штаб-квартира! — потрясенно прошептал Талт. — Они нас опередили...

Брайн замер, не сводя глаз с разрушенного здания. Теперь все погибло. И Дис погиб. В этих руинах погребены все, кто верил и помогал ему... Леа... Она мертва... Доктор Стайн... Фоссел... команда... Он приказал им остаться — и вот они мертвы. Все мертвы!

Убийца!

Глава 14

Мир рухнул! Жизнь кончилась. Все пропало... Брайна охватило тупое отчаяние. Если бы это было возможно, он приказал бы себе немедленно умереть. Но сердце по-прежнему ритмично билось, легкие размеренно вдыхали пропитанный запахом гари воздух — его здоровое, полное сил тело умирать не собиралось.

— Что вы теперь будете делать? — тихо спросил Талт: даже он был потрясен этим зрелищем.

Брайн не сразу понял, о чем его спрашивают, а когда понял — лишь безвольно покачал головой. Что он теперь может сделать? Что теперь вообще можно сделать?!

— Иди за мной, — тихо произнес кто-то прямо у него над ухом.

Брайн резко повернулся — рядом с машиной никого не было, но на краю толпы он заметил Ульва: дисанец, как всегда спокойный и невозмутимый, не спеша сворачивал за угол.

— Поехали! — Брайн дернул Талта за рукав. — Вон туда.

На секунду перед ним забрезжила слабая надежда, но здравый смысл тут же взял верх. Надеяться больше не на что. Штаб-квартира разрушена, люди погибли... Надо смотреть правде в лицо.

— Куда мы едем? — спросил Талт. — Кто это с вами говорил?

— Видите туземца впереди? Езжайте за ним потихоньку. Я этому дисанцу верю — он дважды спасал мне жизнь, хотя вполне мог этого и не делать. В отличие от магтов он умеет думать и, по-моему, прекрасно понимает, что его мир стоит на краю гибели. — Брайн говорил, чтобы хоть словами заглушить острую боль утраты.

Ульв шел спокойно, но быстро, не оглядываясь и никуда не сворачивая; Талт осторожно вел вездеход, стараясь не потерять дисанца из виду. Людей на улицах попадалось все меньше и меньше, а вскоре они въехали в покинутый деловой квартал, где уж и вовсе не было ни души, и Ульв исчез в здании с надписью: «Трест легких металлов, лимитед». Талт притормозил.

— Подождите, — сказал Брайн, — не останавливайтесь. Сверните за угол.

Он выбрался из вездехода и огляделся. Никого. Тихо и пусто — совсем как у черного замка. Посматривая по сторонам, Брайн пошел к зданию треста.

Ульв совершенно неожиданно возник в дверях соседнего склада и махнул Брайну рукой. Тот метнулся обратно к вездеходу.

— В эту дверь! Быстро! Пока нас никто не заметил, — командовал он, на ходу прыгая в машину.

Вездеход по пандусу въехал в склад — двери за ним немедленно закрылись. Внутри было темно и прохладно.

— Ульв! — позвал Брайн, силясь что-нибудь разглядеть. — Ты где?

— Здесь. — Дисанец неслышно вынырнул из темноты.

— Как ты...

— Ночью пришли магты. Они приказали отнести в город взрывчатку. Я пошел вместе со всеми. Я не мог помешать магтам — их было много, и предупредить твоих людей я тоже не мог — не было времени.

— Они все погибли... — пробормотал Брайн.

— Нет, не все, — возразил Ульв. — Я знал, что успею спасти только кого-то одного. Но я не мог долго

думать, магты убивают быстро. Я забрал женщину, которая была с тобой в пустыне. Сейчас она здесь.

У Брайна подкосились ноги, последний час он все время надеялся на чудо — и вот чудо произошло. Леа жива! И хотя перед глазами все еще стояли дымящиеся развалины штаб-квартиры ЦРУ, он счастливо улыбнулся и на секунду расслабленно привалился к дверце вездехода.

— Покажи мне ее.

Внезапно Брайн испугался, что Ульв ошибся. Может быть, он спас какую-нибудь другую женщину...

Дисанец молча направился в глубину пустого склада. Брайн, уже немного освоившийся в темноте, следовал за ним, с трудом сдерживаясь, чтобы не побежать, и все-таки не выдержал, бросился вперед и, отпихнув Ульва в сторону, первым оказался у дверей небольшого кабинета, отделенного от склада перегородкой с большим окном.

Леа лежала на диване в кабинете — она была без сознания и тихо стонала.

— Я дал ей совер, — сказал Ульв.

В дверь заглянул Талт.

— Это такой местный наркотик, — пояснил он. — Мы проводили опыты — в больших дозах он даже смертелен. У меня где-то было противоядие. Пойду поищу в машине.

Брайн сел рядом с Леа и осторожно дотронулся до ее руки — девушка не пошевелилась. Она плохо выглядела — большие тени вокруг глаз, осунувшееся лицо, но это все мелочи, главное — она жива.

Брайн оправился от шока, и к нему вернулась способность рассуждать. Несмотря ни на что, надо попытаться завершить операцию. Конечно, Леа следовало бы полежать недельку в постели, но ничего не поделаешь, придется с этим подождать — сейчас он должен поставить девушку на ноги и заставить ее работать, чего бы это ни стоило. Нельзя сдаваться! Время у них еще есть, хотя с каждой минутой у этого мира становится все меньше и меньше шансов уцелеть. И все-таки стоит попробовать.

— Через пару минут все будет в порядке, — бодро заявил Талт, втаскивая в комнату небольшую, но тяжелую аптечку.

Ульв вышел. Талт проводил его взглядом и негромко сказал как бы про себя:

— Надо бы сообщить о нем Хису. Этот парень может нам пригодиться — пусть шпионит за магтами. Хотя какие теперь шпионы! — Он достал из аптечки шприц-пистолет и вставил в него ампулу. — Закатайте девушке рукав, сейчас мы вернем ее к жизни.

Ствол коснулся кожи, и Талт нажал на спуск — раздался короткий щелчок.

— Когда подействует? — спросил Брайн.

— Через несколько минут. Пусть полежит пока.

На пороге появился Ульв с духовым ружьем в руках.

— Убийцы! — с ненавистью выдохнул дисанец и поднес свое страшное оружие к губам.

— Он нашел труп магта, этот дурак! — закричал Талт, хватаясь за пистолет.

Брайн прыгнул между ними.

— Остановитесь, черт вас возьми! Хватит убивать! — крикнул он дисанцу, потом повернулся к ниджорцу и негромко, но с чувством сказал: — Только попробуйте выстрелить, и я вам шею сверну!

Ульв все еще стоял в дверях с трубкой в руке, он явно колебался. Брайн незамедлительно перешел в наступление:

— Послушай, Ульв! Там в машине лежит труп магта. Да, это я его убил — убил в честной схватке — и, чтобы спасти планету, готов убить еще хоть сотню магтов! Ты прекрасно знаешь, что магты сильно отличаются от остальных дисанцев, но ты не знаешь, почему они отличаются, и никто не знает. Я хочу понять, в чем дело; я хочу вскрыть магта и посмотреть, что у него внутри. И если мне удастся что-нибудь найти, тогда можно будет остановить войну и спасти Дис от гибели.

Ульв чуть опустил ружье.

— Все наши беды от чужеземцев — лучше бы вы ушли и оставили нас в покое. Мы привыкли жить по-своему. У магтов всегда была сила и она убивала,

но они и помогали. Все было просто и понятно. Вы все изменили, а теперь хотите, чтобы я вам помогал.

— Да не нам! — взорвался Брайн. — Не нам, а себе! Может, ты и прав, может, вам и не следовало пускать к себе инопланетников, но сейчас речь о другом. Так или иначе, хорошо это или плохо, но Дис уже вступил в контакт с остальным миром, хотя и не лучшим образом. Сейчас вам надо разобраться со своими делами, неужели тебе не понятно?!

Ульв колебался: трубка замерла у него в руке, а на лице отразилась растерянность. Мир вокруг него стремительно менялся, и нелегко было разобраться в происходящем. Может ли убийство одного человека предотвратить гибель целой планеты? Оправдывает ли цель средства? Где правда? Внезапно он сунул ружье за пояс, отошел к стене и уселся на пол.

— Надоело мне все это, — сказал Талт, убирая пистолет в кобуру. — Вы себе представить не можете, как я буду рад убраться отсюда подальше. Пусть они тут все подохнут — меня это больше не касается.

И бросив настороженный взгляд в сторону Ульва, он вышел из комнаты.

Брайн повернулся к Леа. Девушка уже пришла в сознание и, широко раскрыв глаза, смотрела в потолок.

— Они бежали... — сказала она абсолютно бесцветным голосом, — бежали по коридору мимо моей комнаты. Они убили доктора Стайна — я сама видела, — его зарезали, а труп разрубили на куски. А потом... Потом кто-то вошел в комнату, и больше я ничего не помню. — Она медленно подняла голову и посмотрела на Брайна. — Где я? Что случилось с остальными?

— Они погибли... все погибли. Магты взорвали нашу штаб-квартиру. Тебя спас Ульв — дисанец, которого мы встретили в пустыне. Он спрятал тебя здесь, а потом нашел меня.

— Когда мы улетаем? — спросила Леа, поворачиваясь лицом к стене.

— Сегодня последний день — в полночь истекает срок ультиматума. Ниджорцы пришлют за нами корабль. Но мы еще не закончили работу. Я привез труп

магта — ты должна произвести вскрытие и разобраться, что там такое. Это надо сделать, потому что...

— Ничего уже нельзя сделать, — отрешенно сказала девушка. — Ничего, только улететь. Я сделала все, что могла. Пожалуйста, вызови корабль — я хочу улететь отсюда.

Брайн закусил губу. Ничто не могло вывести ее из апатии — слишком много событий обрушилось на нее за последние дни, слишком много пришлось ей увидеть и пережить, и вот — полная отрешенность, глубокий шок... Он бережно повернул девушку лицом к себе — в глазах у нее стояли слезы.

— Увези меня отсюда, Брайн. Пожалуйста, увези меня домой.

Брайн заставил себя ободряюще улыбнуться, но ему было совсем не весело. Время летело, операция проваливалась, а он не знал, что предпринять. Это вскрытие — последний его шанс. Но как заставить Леа? Пока она в таком состоянии, ничего не получится. Он поискал глазами аптечку, но не нашел — очевидно, Талт унес ее обратно в машину. Может, там найдутся какие-нибудь транквилизаторы.

Талт сидел в вездеходе и изучал ленту самописца. Когда открылась дверца, он нервно вздрогнул и потянулся было за пистолетом, но, увидев Брайна, успокоился.

— Это вы, Бренд? А я подумал, что это ваш туземец. Как-то неуютно я себя чувствую в его обществе. Дурацкое положение! Радио использовать нельзя, а мне нужно срочно поговорить с Хисом. Тут такое дело...

— Какое дело? — не понял Брайн. — О чем это вы? Талт протянул ему ленту.

— Взгляните сами. Это запись показаний счетчика Гейгера, сделанная сегодня ночью. Красные вертикальные линии отмечают пятиминутные интервалы времени, а черная горизонтальная линия показывает уровень радиации. Вот видите, она поползла вверх — в этот момент началась атака.

— Но тут дальше сильный всплеск!

— Совершенно верно. Уровень сильно повысился — мы с вами тогда как раз пробирались через завал.

Пока рано делать выводы, во многих замках наблюдается повышенный радиационный фон, но такого скачка я еще не видел.

— Вы хотите сказать... — Брайн весь напрягся.

— Не знаю. Наверняка ничего сказать не могу. Надо сравнить эту запись с теми, что хранятся у нас в лагере. Может, это просто случайное повышение естественного фона, а может — какая-то аппаратура или тактическая атомная бомба, вроде той, что они один раз применили против нас. Какая-то сволочь продала им несколько таких бомб.

— А кобальтовая бомба может дать такой след?

— Все может быть, — ответил Талт, быстро укладывая аппаратуру. — Если, например, старая бомба или корпус поврежден...

— Ну так почему вы не свяжетесь с Хисом по радио? Надо ведь ему сообщить!

— Я не хочу, чтобы нас слышали люди дедушки Крафта. Если мои выводы подтвердятся, мы сами справимся с этим делом — без них. И нужно еще все основательно проверить, а я устал как собака, после этого рейда голова раскалывается. Давайте сгрузим ваш труп, и я поеду в лагерь.

Он помог Брайну вытащить мертвого магта из машины и сел за руль.

— Подождите, Талт. Может, у вас найдется какое-нибудь лекарство для Леа. С ней творится что-то непонятное: ничего не желает слушать, ничего не хочет делать и, похоже, вообще ничего не хочет. Лежит на диване, смотрит в потолок и все время просит забрать ее отсюда.

— Где-то тут было... — Талт полез в аптечку. — Наши врачи называют такое состояние «синдром убийства». Если тебе с детства внушили отвращение к насилию, а потом вдруг приходится воевать, стрелять, даже убивать — это очень трудно. Наши парни впадали в прострацию, некоторые сходили с ума... Ага, вот оно! — Он достал запечатанный пакет. — Хорошая штука. По-моему, тут намешано всяких наркотиков, но действует безотказно. На время человек забывает все, что с ним происходило в последние десять-двенадцать

часов, потом, конечно, вспоминает, но шок слабеет или совсем проходит. Желаю удачи!

— Счастливо! — ответил Брайн и пожал ему руку. — Если это действительно бомбы, дайте мне знать.

Он выглянул наружу и, убедившись, что улица пуста, нажал кнопку у дверей. Створки раздвинулись, пропуская вездеход, и снова закрылись, как только он выехал на улицу. Брайн прислушался к удаляющемуся рокоту мотора и отправился обратно к Леа.

Ульв в прежней позе сидел у стены, а девушка тихо лежала на диване. В пакете, который он взял у Талта, оказался одноразовый шприц. Леа покорно дала сделать себе укол и почти сразу же заснула.

Теперь оставалось только ждать результата (опять ждать!), и Брайн решил заняться магтом. Притащив труп в комнату, он положил его на стол и содрал с тела пропитанный кровью плащ. Под плащом обнаружился обычный дисанский пояс с оружием — его Брайн тоже снял. Теперь перед ним лежало нагое тело.

По своему строению тело это ничем не отличалось от тела любого другого человека. Теория Брайна разваливалась на глазах. Получалась полная ерунда. Как все-таки объяснить эмоциональную стерильность магтов? Мутация? Брайн не понимал, что это может быть за мутация такая. Нет, должно что-то здесь быть! Должно быть в этом теле что-то чужое, враждебное, не человеческое. Сейчас судьба этого мира целиком зависит от них с Леа, да еще от ленты Талта...

Леа спала, и когда она проснется, Брайн не знал, а будить ее не хотелось. Некоторое время он задумчиво смотрел на девушку, прикидывая, сколько нужно времени, чтобы подействовало лекарство, потом решил, что часа будет достаточно. Придется разбудить ее в полдень — останется ровно двенадцать часов до конца света. А сейчас надо связаться с профессором Крафтом. Брайн хотел иметь гарантии, что в случае провала сможет унести ноги на ниджорском корабле. Связь с эскадрой осуществлялась через тайный ретрансляционный передатчик в пустыне, и если этот передатчик тоже уничтожен, то на ниджорцев можно не рассчитывать — со своей портативной рации Брай-

ну их никак не вызвать. «Лучше выяснить этот вопрос сейчас, — подумал он. — Потом поздно будет».

Ниджорская эскадра отозвалась быстро:

— Говорит дежурный радист. Сейчас я соединю вас с командующим Крафтом. Ждите...

— Кто говорит? — прервал радиста Крафт. Старик заметно волновался. — Отвечайте!

— Говорит Бренд. Со мной Леа Моррис.

— И все? Больше никто не уцелел?

— Все остальные погибли. Здание уничтожено вместе со всем оборудованием. Я остался без связи с нашим кораблем на орбите. Вы можете забрать нас отсюда?

— Конечно! Сообщите координаты. Корабль вылетит немедленно.

— Спасибо, но пока в этом нет необходимости. Я остаюсь на планете до самого конца и попытаюсь завершить операцию. Если мне это не удастся, я вызову ваш корабль.

Крафт долго молчал, потом нерешительно сказал:

— Вам, конечно, виднее, Бренд. Оставайтесь... Но почему бы вам не отправить сейчас мисс Моррис?

— Она нужна мне здесь. Без нее я не смогу найти...

— Что вы еще хотите найти?! — с отчаянием в голосе перебил его Крафт. — Неужели вы всерьез считаете, что можете предотвратить катастрофу?

— Если у меня что-нибудь получится, вы узнаете об этом первым. Конец связи, — ответил Брайн и выключил рацию.

У него оставался еще почти час свободного времени. Чем же заняться? Когда Леа проснется, ей понадобятся инструменты, хотя бы скальпель и микроскоп. А где их взять? Может, в развалинах штаб-квартиры удастся что-нибудь найти? В любом случае стоит осмотреть руины повнимательней.

Ульв по-прежнему сидел у стены и смотрел на Брайна довольно враждебно.

— Помоги мне еще раз, — обратился к нему Брайн. — Присмотри за девушкой, пока меня не будет, — и, видя, что дисанец не реагирует, добавил: — Ульв, я все еще пытаюсь спасти Дис.

— Иди, — зло сказал Ульв. — Я буду здесь. Я не знаю, что мне делать, не знаю, кому верить. Иди. С ней ничего не случится.

Брайн выскользнул на улицу и осмотрелся по сторонам. Кругом было пусто, но на всякий случай он пошел к штаб-квартире Центра окружным путем, чтобы сбить магтов со следа. Свернув за угол, он увидел знакомый вездеход. Немного удивленный, Брайн приблизился, вскочил на гусеницу и заглянул в открытое окно. Прямо на него смотрел Талт — лицо его застыло в жуткой улыбке, а из горла торчала тонкая деревянная стрела.

Глава 15

Брайн мгновенно спрыгнул с машины и плашмя упал на землю, лицом в грязный горячий песок. Он ждал смерти. Но секунды шли, а ничего не происходило — не свистели в воздухе стрелы, не возникали словно из-под земли магты с длинными ножами — улица была пуста и безмолвна. Очевидно, убийцы сделали свое дело и ушли. Брайн поднялся, осторожно открыл дверцу и протиснулся в кабину. Здесь хорошо поработали: все приборы были разбиты и с корнем вырваны из панели, на полу валялись обломки измерительной аппаратуры, куски проводов и обрывки лент. На двигатель Брайн даже не стал смотреть — он и так знал, что там увидит.

Без особого труда он представил себе, как все произошло. Скорее всего, магты засекли вездеход на въезде в город, а потом потеряли — и это спасло жизнь Брайну и Леа. Но к Талту судьба оказалась не столь благосклонна, и на обратном пути он все-таки нарвался на отравленную стрелу.

Брайн вдруг осознал, что случилось нечто ужасное и непоправимое. Талт убит! Лента, которую он показывал Брайну, уничтожена. Хис ничего не знает и не узнает, потому что у Брайна нет передатчика, его портативная рация работает только на одной волне, а передатчик в вездеходе, естественно, разбит. Необхо-

димо во что бы то ни стало известить Хиса о находке Талта — эта информация может решить судьбу Диса. Брайн осторожно выглянул из вездехода; если его заметят — он погиб, а вместе с ним и вся планета, — теперь только он один знает, где надо искать бомбы.

Поспешно выбравшись из машины, Брайн поторопился покинуть это место. Никто его не преследовал. Вскоре он попал на какую-то людную улицу — кругом толпились туземцы, многие из них поглядывали на инопланетника с неприязнью, а некоторые — с ненавистью. Брайн нащупал в кармане пистолет и, всем своим видом показывая, что ему нет никакого дела до дисанцев, двинулся сквозь толпу. Он весь взмок от напряжения, пока добрался до развалин штаб-квартиры.

Рядом с развалинами блестел на солнце корпус небольшой космической шлюпки, на краю пепелища стояли два человека. Брайн оступился, и они быстро обернулись в его сторону, подняв бластеры, но, увидев перед собой инопланетника, опустили оружие.

— Кровожадные дикари! — сказал один из них. Это был человек с тяжелой планеты — невысокий, на голову ниже Брайна, но крепкий и плотный, сплошная гора мышц. На рукаве у него виднелась эмблема компьютерного расчета корабля.

— Я думаю, их нельзя осуждать, — возразил другой, с офицерскими нашивками на груди. У него были другие черты лица, но точно такая же фигура, издали их можно было принять за близнецов. — В полночь их мир погибнет. Надеюсь, мы к тому времени уже будем в джамп-режиме. Я видел гибель Зетрады, и этого зрелища мне хватит на всю жизнь.

Компьютерщик внимательно посмотрел на Брайна.

— Вы что, улететь хотите? Наш корабль здесь последний, больше никого не осталось. Если хотите, мы вас возьмем.

— Спасибо, не надо. У меня есть связь с блокирующей эскадрой, они заберут меня до полуночи.

— Вы с Ниджора? — поинтересовался офицер.

— Нет, просто у меня тут одно дело... — Брайн увидел, что оба внимательно смотрят на него, ожидая продолжения, и, сам того не желая, сказал: — Я,

кажется, могу остановить войну. Хотя... теперь уже не знаю...

Он вовсе не собирался пускаться в откровения, все получилось как-то само собой.

Офицер хотел что-то сказать, но товарищ толкнул его локтем.

— Подожди! Мы скоро стартуем — капитан велел узнать, что здесь горит, и немедленно возвращаться. Будьте осторожны! Мне не нравится, как эти дисанцы на вас смотрят. — Он пошел к шлюпке, потом остановился. — Может, мы сумеем чем-нибудь помочь?

При виде развалин и при воспоминании о Талте Брайна охватило уныние, и теперь он попытался взять себя в руки. Конечно, ему нужна помощь!

— Мне нужен скальпель и любые хирургические инструменты, — сказал он и, вспомнив о Хисе, добавил: — И еще мне нужен мощный передатчик. Я могу заплатить.

Тяжеловес исчез в шлюпке и вскоре вернулся с двумя небольшими свертками.

— Здесь скальпель и магнитный зажим — больше я ничего не нашел. А это — передатчик, на длинных волнах работает довольно сносно. Берите.

Брайн полез за деньгами, но космолетчик протестующе поднял руку.

— Не надо! Это мой вклад. Если вы действительно можете спасти планету, я отдам вам все, что есть в шлюпке, да и саму шлюпку в придачу. А капитану скажу, что мы потеряли передатчик в стычке с туземцами. Верно?

Он подмигнул и ткнул своего товарища в грудь — человека непривычного такой удар уложил бы на месте, но офицер даже не поморщился.

— Желаю удачи! — сказал он Брайну.

Брайн улыбнулся в ответ и отошел подальше, чтобы его не задело реактивной струей. Провожая глазами шлюпку, он подумал, что этим двоим тоже знакомо чувство, о котором говорил Айджел — чувство долга. Если бы не эти парни, он, наверное, совсем упал бы духом, но теперь опять появилась надежда, и Брайн энергично принялся осматривать развалины. После долгих поисков он наткнулся на ящик с микроскопом.

Одна трубка оказалась разбита, но другая чудом уцелела. Брайн прихватил микроскоп вместе с ящиком и решил, что больше все равно ничего не найдет и пора отсюда убираться. Да и время уже близилось к полудню.

Подозрительно глядя на каждого встречного дисанца, Брайн отправился в свое убежище. На всякий случай он основательно попетлял по городу и, только убедившись, что никто за ним не следит, пошел наконец к складу.

Там все было в порядке. Леа уже проснулась, и Брайн приветливо ей улыбнулся, про себя с тревогой думая, подействовало ли лекарство.

— Дружеская улыбка среди людоедов, — попыталась сострить девушка. — Что случилось, Брайн? С тех пор как я проснулась, этот каменный идол, — она кивнула в сторону Ульва, — не сказал ни слова.

— Ты что-нибудь помнишь? — осторожно спросил Брайн.

Он не хотел, чтобы из-за неосторожного слова девушка снова впала в шок. Пожалуй, Ульв проявил незаурядную сообразительность, когда не стал отвечать на ее вопросы.

— Если хочешь знать, я помню достаточно! Думаю, не стоит вдаваться в детали, тем более при туземце... Во всяком случае я помню, что заснула, когда ты ушел. А больше ничего. Странно... Я уснула в госпитале, а проснулась здесь, на этом диване, с ужасной головной болью. И еще этот истукан — сидит и смотрит. Может, ты мне объяснишь, что происходит?

Брайн решил, что лучше будет сказать правду, опустив подробности.

— Магты напали на нашу штаб-квартиру. Мы с Ульвом переправили тебя сюда, а голова у тебя болит, наверное, от лекарств.

— Ой, я вспомнила — сегодня последний день, да? — В ее голосе послышался страх. — Пока я разыгрываю из себя спящую красавицу, мир идет к концу! Кто-нибудь из наших ранен или убит?

— Были пострадавшие, — коротко сказал Брайн и, предпочитая не развивать эту тему, подошел к столу и

сдернул покрывало с трупа. — Сейчас есть дела поважнее. Вот труп магта, надо произвести вскрытие.

— Что случилось с нашими людьми? — Благодаря ниджорскому лекарству Леа забыла о трагедии, но не избавилась от подсознательного страха. — Я так устала... Пожалуйста, расскажи мне. Я вижу — ты что-то скрываешь.

Брайн сел рядом с ней на диван и взял ее холодные руки в свои ладони. Он старался передать девушке хоть часть своей энергии.

— Ты испытала сильное потрясение, это пройдет. Лучше не задавай пока никаких вопросов. Помоги мне разобраться с магтами.

Леа хотела что-то ответить, но потом передумала, закрыла глаза, и Брайн почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь. Наконец она заговорила:

— Произошло что-то ужасное, я знаю. Наверное, ты прав — лучше ни о чем не спрашивать. Помоги мне, ноги не держат.

Брайн помог ей добраться до стола. Взглянув на труп, девушка вздрогнула и пробормотала:

— Он умер неестественной смертью, — и добавила, обращаясь к Ульву, который внимательно следил за каждым ее движением: — Тебе не стоит на это смотреть — неприятное зрелище.

— Я хочу смотреть. — Дисанец не отводил взгляда от тела. — Я никогда не видел мертвого магта без одежды.

— Брайн, принеси мне немного воды и положи тело на брезент, — попросила Леа.

Выпив воды, она собралась с силами и даже смогла стоять, не опираясь на стол. Брайн протянул девушке скальпель, и она сделала длинный глубокий разрез от горла. Ульв чуть вздрогнул, но продолжал смотреть. Леа принялась за работу — она молча орудовала скальпелем и зажимом, быстро извлекая из тела внутренности. Один раз она бросила быстрый взгляд на Брайна и снова склонилась над трупом.

Первым не выдержал Брайн.

— Ну что, Леа? — спросил он. — Есть что-нибудь?

Этот вопрос как будто лишил Леа последних сил — она отошла от стола и беспомощно упала на диван; ее руки были испачканы кровью, а лицо — бледнее, чем лист бумаги.

— Мне очень жаль, Брайн, но я ничего не нашла. Есть незначительные изменения, например, гипертрофированные легкие, но такие изменения вполне могли произойти в процессе адаптации. Этот твой магт — человек. Да, он приспособился к условиям Диса, но он такой же человек, как ты или я!

— Почему ты так уверена? Ты же не осмотрела его полностью. Вот возьми! — Он протянул девушке микроскоп. — Посмотри другие органы, мозг... Ну, делай же что-нибудь!

Леа уронила голову на руки и заплакала.

— Оставь меня в покое! Я устала! Я по горло сыта этой проклятой планетой! Пусть она погибает, мне нет до нее никакого дела. Ты ошибся, Брайн. Вся твоя теория не стоит выеденного яйца! Признай же это, в конце концов! И дай мне вымыть руки!..

У Брайна перехватило дыхание. Неужели он ошибся?! Ему было страшно даже думать об этом. Нет, надо продолжать! Глядя на вздрагивающую от рыданий спину Леа, он почувствовал острую жалость, но сейчас он не имел права на жалость. Сейчас его вело Чувство долга. Эта хрупкая испуганная женщина — последний его резерв, и он должен убедить ее. Но слова сейчас не помогут, словами ничего сделать нельзя. Брайн вспомнил, как Айджел убедил его покинуть Анвар. *Проникновение!* Он тоже владеет этим даром, и, хотя ему далеко до совершенства, стоит попробовать — стоит попытаться отдать Леа часть своей жизненной силы. Все равно ничего другого не остается.

— Ты должна закончить работу. Ничего страшного не случилось, ты отдохнула, набралась сил, можешь работать дальше. — Он старался говорить спокойно и размеренно, а перед глазами мелькали яркие вспышки, и сила уходила из тела, и он не знал, забирает Леа эту силу или нет, и, только когда девушка подняла голову и Брайн увидел ее сухие глаза, он понял — получилось!

— Ты будешь продолжать? — спросил он.

Леа кивнула и поднялась. Ее немного шатало из стороны в сторону, и Брайн вспомнил свой финальный бой, когда его точно так же мотало по арене, но силы прибывали с каждой минутой, и он делал выпад за выпадом... Получилось!

Леа вытерла руки и открыла ящик с микроскопом.

— Предметные стекла все разбиты.

— Сейчас.

Брайн подошел к перегородке, здесь на полу грудой лежали битые стекла. Выбрав несколько наиболее подходящих, он отдал их Леа. Девушка взяла эти осколки, не сказав ни слова, и, собрав на стекло немного крови, склонилась над микроскопом. Когда она регулировала резкость, руки у нее дрожали. Брайн не находил себе места от волнения.

— Ну что там? — опять не выдержал он.

— Эритроциты... лейкоциты... ничего необычного не вижу... — устало проговорила Леа. Она подняла голову и тоскливо посмотрела на него.

Брайн не мог заставить себя поверить — им овладел гнев. Бросившись к микроскопу, он схватился за ручку регулировки.

— Если не видишь — попробуй большее увеличение. Должно что-то быть! Сейчас я дам образец ткани.

Он метнулся к трупу и тут увидел, как Леа напряглась и принялась быстро настраивать увеличение.

— Что?! — спросил он, затаив дыхание.

— Тут что-то непонятное... в лейкоцитах. Какая-то необычная структура, но очень знакомая. Я такое уже видела, только не помню где. — Она отвернулась от микроскопа и задумчиво уставилась в дальнюю стену. — Я уверена, что видела.

Брайн посмотрел в микроскоп, но увидел только размытое белое пятно — он подкрутил ручку настройки, и пятно приобрело более четкий вид. Возможно, это и был лейкоцит, но Брайн понятия не имел, как он должен выглядеть и чем этот конкретный лейкоцит отличается от нормального.

— Видишь зеленые зерна? — спросила Леа, но прежде чем Брайн ответил, она возбужденно воскликнула: — Вспомнила! Я вспомнила! Есть такое маленькое насекомое на Земле — зеленая мушка. Она называет-

ся... ну, неважно. Вот в организме этой мушки я видела точно такие же образования.

— Ну и что? И какое отношение все это имеет к Дису?

— Пока не знаю. Но в клетках человеческого организма я никогда ничего похожего не видела. Вот эти зеленые зернышки — грибок, который живет в организме насекомого — ярко выраженный симбиот... — Леа вдруг замолчала и широко раскрыла глаза.

Симбиот! А ведь на Дисе симбиоз встречается так часто, как нигде в Галактике. Леа напряженно думала, уставясь в одну точку, она очень боялась упустить мысль. Брайн видел, что она вся во власти какой-то идеи, и терпеливо ждал. Ульв тоже выжидающе смотрел на девушку. Леа наконец удалось привести свои мысли в порядок и разложить все по полочкам — она выпрямилась, одернула платье и спросила:

— Здесь где-нибудь есть пила?

Вопрос был настолько неожиданный, что Брайн не сразу нашелся, что ответить. Пока он колебался, Леа, очевидно, что-то вспомнила и сказала:

— И лучше всего электрическая пила, иначе будет очень долго, — и повернулась к микроскопу.

Брайн не стал ничего спрашивать и тут же отправился искать то, что от него требовали. Он обшарил весь склад и, не найдя ничего даже похожего на пилу, поднялся по лестнице на второй этаж.

Здесь он попал в длинный коридор, куда выходило десятка два дверей. Все они были заперты и ничем не отличались друг от друга, и только в самом конце коридора Брайн увидел табличку с обнадеживающей надписью: «Инструментальная».

Эта дверь тоже оказалась закрыта. Размышляя, как бы ему попасть вовнутрь, Брайн машинально посмотрел на часы и ужаснулся. Два часа дня! Через десять часов начнется бомбардировка Диса. Нужно спешить. Он вытащил пистолет, потом подумал и обмотал ствол тряпкой — только бы на улице не было слышно. Выстрел прозвучал глухо — замок разлетелся на части, и дверь легко распахнулась.

Когда он вернулся, Леа по-прежнему стояла около трупа. Брайн протянул ей миниатюрную дисковую пилу.

— Подойдет? Электрическая, батареи заряжены, я проверил.

— Отлично! Сейчас вы оба будете мне помогать. Ульв, иди к дверям и наблюдай за улицей — если кто-нибудь появится, дай знать. Боюсь, от этой пилы будет много шума.

Ульв молча кивнул и вышел из комнатки. Через окно в перегородке Брайн видел, как дисанец замер у дверей.

— Брайн, — продолжала распоряжаться Леа, — встань с другой стороны стола и держи подбородок. Крепко держи, чтобы голова не дергалась, когда я буду пилить. Работа неприятная, но другого способа нет.

Пила с визгом вгрызлась в череп магта... Работа действительно была неприятная. Вскоре Ульв замахал рукой — пришлось сделать перерыв и ждать, пока минует опасность. Наконец Ульв знаком показал, что можно продолжать. Леа снова нажала на кнопку, и вскоре пила срезала верхнюю часть черепа.

— Готово, — сказала Леа и выпустила пилу из рук.

Она немного помассировала онемевшие пальцы, потом сняла отсеченную крышку черепа — обнажился мозг.

— Ты был прав, Брайн. Вот чужак!

Глава 16

Брайн взира́л на открывшуюся его взору картину с чувством облегчения, к которому примешивалось непонимание и страх. Сзади тихо подошел Ульв и заглянул через плечо. Даже ему сразу бросилась в глаза какая-то странность.

— Я видел много мертвых животных и мертвых людей, — задумчиво проговорил дисанец, — но такого я никогда не видел.

— Что это? — спросил Брайн, словно очнувшись.

— Чужак, которого ты так искал, — ответила Леа.

Нормальный человеческий мозг занимал лишь две трети черепа магта — остальное было заполнено аморфной массой зеленого цвета. Внешне она напоминала мозг, но отличалась от него множеством всяких утолщений и узелков. Леа осторожно отделила непонятную массу скальпелем.

— Я же говорила, что видела такое на Земле! Вполне можно проводить параллели. В организме зеленой мушки живет похожее существо. Биологи занимались его изучением много лет и выдвинули десяток сложных теорий. Наконец кто-то догадался разделить мушку и это странное существо и изучать их отдельно друг от друга. И все встало на свои места. Оказалось, что это растение-симбиот, оно выделяет ферменты, без

которых мушка не могла бы усваивать сахар из цветочного нектара.

— А что здесь необычного? — удивился Брайн. — Разве это единственный пример, когда кишечная флора способствует усвоению пищи? Чем эта зеленая мушка отличается от десятков других существ?

— Есть одно отличие... В организм любого другого животного или насекомого микроорганизмы попадают извне и остаются там, если приносят пользу, иначе организм их отторгает. А у зеленой мушки с этим ее растением постоянный симбиоз — он необходим им обоим. Споры растения всегда присутствуют в половых клетках мушки, и каждое яйцо, которое потом развивается во взрослое насекомое, обязательно заражено этим симбиотом.

— И ты думаешь, что зеленые шарики в крови магтов — явление того же порядка?

— Уверена! Тот же самый процесс. И каждый магт уже рождается с этой дрянью. Пока растет ребенок, растет и симбиот. Наверное, симбиот растет даже быстрее, потому что это простейший организм. Думаю, он прочно закрепляется в мозгу за первые полгода жизни ребенка.

— Но почему так получается? Как это началось?

— Я могу высказать только предположения, но, на мой взгляд, все довольно просто. Скорее всего, симбиот — нечто среднее между животным и растением, как и почти вся жизнь на Дисе. Будущие магты, вероятно, заполучили эту гадость, съев какое-нибудь местное животное. В новой среде симбиот быстро прижился и расцвел под защитой прочной черепной коробки своего хозяина. В обмен на пищу и удобства он, очевидно, вырабатывал гормоны и ферменты, которые помогали магтам выжить. Может быть, это существо способствовало пищеварению, и магты спокойно могли употреблять в пищу любые растения или животных; не исключено, что симбиот очищает их кровь от токсичных веществ. Короче говоря, благодаря этому союзу магты стали господствующей формой жизни на планете. Но они заплатили дорогую цену. Ты заметил, что мозг магта по своим размерам ничем не уступает мозгу обычного человека?

— Но он должен быть меньше, ведь в черепае живет еще и симбиот, — возразил Брайн.

— Просто симбиот проник в мозг.

Внезапно Брайн все понял.

— Лобные доли! Так вот почему магты эмоционально стерильны! Этот жуткий симбиот поглотил лобные доли — совершил фронтальную лоботомию.

— И не остановился на этом, — заметила Леа, снимая скальпелем оболочку серого вещества, под которой обнаружилась все та же зеленая масса. — Симбиот пронизывает весь мозг, он не затрагивает только мозжечок. Потеряв лобные доли, магты лишились эмоций и способности к абстрактному мышлению — это еще называют воображением. Вероятно, так им было легче выжить на Дисе: нет эмоций — нет никаких моральных проблем, ничто не мешает бороться за жизнь. Наверняка все произошло не в один день и магтам пришлось пройти страшный путь, пока организм привыкал к захватчику. Зато теперь перед нами конечный продукт — человек-животное, или человек-растение, или животное-растение, как вам больше нравится. Замкнутый круг!

— Но остальные дисанцы смогли выжить, не превратившись в монстров. Зачем магтам надо было заходить так далеко?

— Эволюция не знает слова «надо». Существует множество вариантов развития жизни, но только лучшие из них имеют продолжение. Ты говоришь, что обыкновенные дисанцы тоже выжили, но магты выжили... как бы это сказать... они лучше выжили. Они уже стали господствующей расой на Дисе и, не вмешайся в эту историю инопланетники, стали бы единственной — рано или поздно магты истребили бы остальных дисанцев.

— Тут у тебя концы с концами не сходятся. Предположим, магты выжили и взобрались на самый верх по лестнице эволюции. Но ведь у них напрочь отсутствует инстинкт самосохранения, вот сейчас, например, они развязали самоубийственную войну. Почему же они до сих пор не погибли?

— Магты агрессивны и безжалостны. Они никогда не отступают, нападают на любого противника и, конечно, иногда погибают. Но у них никогда не было

достойного противника — на Дисе ведь нет даже крупных хищников — и как виду магтам ничто не угрожало. Они утратили инстинкт самосохранения за ненадобностью, и, хотя индивидуумы погибали, вид в целом благодаря этому только укрепился. Но вот Дис вышел из изоляции, и ситуация кардинально изменилась. Перед магтами теперь стоит глобальная проблема, проблема выживания расы, с которой они никогда раньше не сталкивались и которую они не в состоянии даже осознать, не то что разрешить. Они продолжают нападать, невзирая на то что противник вооружен уже не палкой, а пистолетом или бластером — и они будут нападать, пока их не перебьют всех до одного. Отсутствие воображения, неспособность к абстрактному мышлению лишают их возможности понять, что в данном случае привычная тактика приведет к гибели всей планеты, впрочем, вряд ли магты вообще отдадут себе отчет, что их планета может погибнуть. Эволюция жестока, но справедлива. Раньше этот симбиот был магтам полезен — он обеспечивал сохранение вида. Теперь из-за того же самого симбиота вид магтов стоит перед лицом полного уничтожения. Изменилась ситуация, и больше нет симбиота — полезного партнера в союзе двух существ, а есть — паразит.

— И паразита надо уничтожить! — подхватил Брайн. — Все, бой с тенью кончился! Мы нашли врага, и этот враг всего лишь процветающий паразит — тупой и ограниченный. У него вообще есть мозг?

— Сомневаюсь. Зачем ему мозг? Если и был когда-то, то давно атрофировался: паразиты, живущие внутри другого организма, как правило, очень быстро деградируют, у них сохраняются только самые необходимые функции.

— Что это такое? — внезапно спросил Ульв, указывая на симбиота.

Он слышал весь разговор, но не понял из него ни слова.

— Объясни ему, Леа, — сказал Брайн и добавил, увидев, как она измучена: — И сядь, пожалуйста, тебе надо отдохнуть. А я пока... — Он взглянул на часы и замолчал.

Было уже четыре часа дня — до конца света оставалось около восьми часов. Что можно сделать за восемь часов? У Брайна сразу поубавилось энтузиазма. Если ему не удастся убедить ниджорцев, они сбросят бомбы точно в срок. А если даже удастся? Пока его открытие ничего не меняет в расстановке сил — в любой момент магты могут запустить свои кобальтовые бомбы на Ниджор.

Кобальтовые бомбы! За всей этой суматохой с трупом Брайн начисто забыл о Талте. Ему стало стыдно. Необходимо срочно связаться с Хисом и обо всем ему рассказать — и о смерти Талта, и о следах радиоактивного излучения в черной крепости. Конечно, Талт убит, а лента с записью уничтожена, но Хис может организовать еще один рейд и проверить все на месте.

Брайн настроил передатчик на волну террористов и послал вызов — вместо ответа в наушниках защелкали атмосферные разряды. Может, передатчик неисправен? Он сменил частоту, набрал для проверки свои позывные и свистнул в микрофон. Отраженный сигнал больно ударил по ушам. Передатчик работал. Тогда Брайн еще раз вызвал Хиса и на этот раз услышал кодовый сигнал: «Вызов принят». Он схватил микрофон:

— Говорит Бренд. Как слышите? Мне нужно поговорить с Хисом. Прием.

К его удивлению, ответил профессор Крафт:

— Мне очень жаль, Бренд, но поговорить с Хисом вам не удастся. Полчаса назад он и его люди покинули Дис, и сейчас они находятся на пути к Ниджору. Мы все время прослушивали их частоту и поэтому приняли ваш вызов. Вы готовы? С каждым часом становится все опасней садиться на планету. Уже сейчас мне будет нелегко найти добровольцев, которые согласятся лететь за вами.

Хис улетел! Вместе со всей своей армией. Брайну не сразу удалось освоиться с таким поворотом событий. Наконец он вспомнил, что Крафт ждет ответа.

— Ну что ж... Раз они улетели... тут уж ничего не поделаешь. Я все равно собирался говорить с вами, Крафт — выслушайте меня и постарайтесь понять.

Надо отменить бомбардировку. Я все-таки докопался до сути, я узнал, почему магты так странно себя ведут. Все еще можно исправить...

— Это можно сделать до полуночи? — прервал его Крафт; в голосе профессора звучало раздражение — даже святые устают.

— Конечно, нет. — Брайн нахмурился, чувствуя, что разговор принимает нежелательный для него оборот. — Но на это не уйдет много времени. У меня есть доказательства...

— Я и так вам верю, Бренд, — устало сказал Крафт. — Наверное, вы правы. Несколько часов назад я признал, что Хис был прав, когда предлагал свое решение проблемы. Мы наделали кучу глупостей, но самое страшное — мы упустили время. И теперь уже слишком поздно каяться... Мы сбросим бомбы в полночь, и я молю Бога, чтобы мы не опоздали. Вы не знаете, что наши специалисты советовали мне начать бомбардировку еще вчера в полночь, но я отказался от их рекомендаций и собственной властью продлил это опасное ожидание еще на сутки. За это меня сместили — корабль с моим преемником уже вылетел с Ниджора. Теперь я понимаю, что превысил свои полномочия и поставил на карту судьбу собственной планеты, пытаясь спасти Дис. Но все тщетно! Дис нельзя спасти. Этот мир обречен — он уже почти погиб. И я не хочу больше ничего о нем слышать!..

— Но ваш долг...

— Мой долг — уничтожить эту проклятую планету! Все инопланетники уже покинули Дис, осталась только ваша группа. Я посылаю за вами корабль. Как только он заберет вас и стартует, я сброшу первую бомбу. А теперь сообщите мне ваши координаты.

— Не угрожайте мне, Крафт! — в ярости заорал Брайн. — Вы убийца! И не оправдывайтесь. Вы задумали массовое убийство. А я хочу вас остановить. Я знаю, где магты прячут кобальтовые бомбы — в крепости, на которую Хис напал прошлой ночью — адрес можете узнать у него. Захватите эти бомбы, и вам не придется сбрасывать ваши.

— Мне очень жаль, Бренд, — вздохнул профессор. — Я ценю ваши старания, но их тщетность оче-

видна. Я не хочу обвинять вас во лжи, но вы сами-то понимаете, как неправдоподобно выглядят ваши заявления? Сначала — сенсационное открытие природы поведения магтов, потом, когда это не подействовало, вы вдруг вспомнили о бомбах. Мы искали эти бомбы несколько месяцев, вы сами еще три часа назад не знали, где они спрятаны. И вдруг...

— Я сам до конца не уверен, но это шанс! Талт засек в этой крепости источник сильной радиации. Но Талт мертв, его аппаратура уничтожена. Почему вы мне не верите?... — он замолчал, понимая, как неубедительна его бессвязная речь.

Передачик молчал, Крафт терпеливо ждал продолжения, а Брайн уже потерял всякую надежду.

— Высылайте ваш корабль, — устало произнес он. — Мы скрываемся в бывшем здании Треста легких металлов на окраине города. На первом этаже там большой пустой склад. Я не знаю точных координат, но, думаю, ваши люди легко его отыщут. Ждем вас. Я проиграл, Крафт... Мы все проиграли.

Глава 17

— Ты что, действительно сдаешься? — спросила Леа.

Она давно все объяснила Ульву и уже несколько минут слушала разговор Брайна с Крафтом.

Брайн неопределенно пожал плечами.

— А что мы можем сделать? Я старался... старался их убедить, ты сама слышала. Что может один человек против целой эскадры?

Словно в ответ на этот риторический вопрос Ульв выхватил из-за пояса духовое ружье и, быстро шагнув к трупам магта, всадил в симбиота острую короткую стрелу.

— Убей врага! Убей умервика!

Брайн изумленно уставился на дисанца.

— Ульв все прекрасно понял, — сказала Леа. — Он очень способный ученик, а о симбиозе знает столько, что мог бы читать лекции в любом земном университете. Оказывается, дисанцы хорошо знают, что такое симбиот — в их языке даже есть слово для его обозначения. Существо, союз с которым приносит пользу и ему, и человеку, зовется *мервик*. Например, веда — явный мервик. Паразит называется *умервик*, и это враг! Ульв понимает, что в зависимости от обстоятельств одно и то же существо может быть и мервиком, и умервиком. Теперь Ульву известно, что этот

симбиот — умервик, и он горит желанием уничтожить врага. И остальные дисанцы поступят точно так же, если им объяснить, что к чему.

— Ты уверена? — с интересом спросил Брайн.

— Да, уверена. Они по-своему решают проблему выживания — не так, как магты, но результаты получаются схожие. Дисанцы будут уничтожать симбиотов, даже если для этого им потребуется перебить всех магтов.

— Тогда улетать нельзя, — Брайн вдруг понял, что ему делать. — Сейчас придет корабль. Ты улетишь на нем и прихватишь с собой труп магта. А я останусь.

— Что ты собираешься делать? — с тревогой спросила Леа.

— Драться с магтами. Если я останусь на планете, Крафт не посмеет сбросить бомбы раньше срока. Правда, после полуночи его, наверное, уже ничто не остановит, но пока...

— Но ведь это самоубийство! Ты сам говорил, что один человек не может воевать с целым флотом. А если ты не успеешь уйти до полуночи?!

— Тогда я могу погибнуть... Но вот так просто улететь я не имею права. Это называется «чувство долга». Я пойду в крепость и попытаюсь отыскать бомбы. Возьму с собой Ульва — может, он что-нибудь знает, но раньше не хотел говорить. Может, другие туземцы нам помогут... Надо драться!

Леа хотела что-то сказать, но Брайн не дал ей рта раскрыть.

— Тебе тоже придется поработать. Покажи им труп и постарайся растолковать Крафту, какую роль во всей этой истории играет симбиот в мозгу магта. Поговори со стариком о рейде Хиса и попробуй убедить его отсрочить бомбардировку. Я возьму с собой передатчик и, если что-нибудь найду, сразу сообщу. Шансов у нас почти никаких, но сидеть сложа руки все равно нельзя.

Леа еще пыталась спорить, но Брайн ее не слушал. Он лишь нежно поцеловал девушку и уверил ее, что все будет в полном порядке. В глубине души ни он, ни она в это не верили.

Неожиданно раздался грохот, и небо за окнами закрыла большая тень — прямо посреди улицы приземлялась десантная шлюпка ниджорского флота. В склад опасливо вошли вооруженные люди из спасательной команды. Они проводили в шлюпку Леа и после недолгих препирательств согласились забрать труп магта. Корабль поспешно взлетел, и Брайн долго провожал его взглядом, пока шлюпка не превратилась в черную точку.

— Пошли отсюда быстрее, — сказал он Ульву, запихивая в карман передатчик, — пока никто нас не заметил.

— Что ты хочешь делать? — спросил дисанец.

— У нас осталось всего несколько часов. — Брайн показал на солнце, которое уже склонилось к горизонту. — Отправимся в ту крепость, где я был прошлой ночью. Может, найдем бомбы... Ты случайно не знаешь, где их прячут?

Ульв отрицательно покачал головой.

— Я не знаю, но другие могут знать. Надо убить магта и показать нашим людям умервик. Тогда они все нам расскажут.

— Тем более надо идти в крепость — даже если там не окажется бомб, то магты найдутся обязательно. Как бы только туда добраться поскорее!

Дисанец на минуту задумался.

— Я знаю, где стоит машина чужеземцев. Мы можем поехать на ней, если ты умеешь управлять. Наши люди не умеют водить эти машины.

— Вездеход? Отлично! Пошли.

Им повезло. Вездеход попался новый, исправный — в замке зажигания торчали ключи, а энергетические батареи были полностью заряжены. Кроме того, эта машина оказалась легче обычного вездехода, и за городом Брайну удалось много из нее выжать.

Вездеход мчался по пустыне, оставляя за собой шлейф пыли, а солнце неумолимо скрывалось за горизонтом. Было уже шесть часов вечера... Пока они добрались до крепости, прошел еще час. Брайн чувствовал, как внутри нарастает напряжение...

Карабкаясь вслед за Ульвом по отвесной стене крепости, он отвлекся от мрачных мыслей и даже

забыл на время о ниджорских бомбах, которые вот-вот должны были обрушиться на планету — он ждал кровавой схватки, и все остальное отошло сейчас на второй план.

Крепость была пуста. Они обшарили все этажи, добрались до подземелья и там окончательно убедились, что в замке нет ни одной живой души.

— Все ушли, — сказал Ульв, принохиваясь. — Здесь было много магтов, но они все ушли.

— И часто такое случается?

— Никогда раньше не слышал о таком. Не понимаю...

— А я, кажется, понимаю. Магты сопровождают важный груз. Они решили перепрятать бомбы и... — Брайн запнулся. — Да нет же! Они повезли их на пусковую площадку — готовятся начать! Пошли отсюда!

— Сюда как-то попадает свежий воздух... — с удивлением обнаружил Ульв. — Откуда он идет?

— Да мы тут прошлой ночью сделали форточку. Давай посмотрим.

Пройдя несколько коридоров, они вышли к пролому в стене.

— А дыра стала больше, — заметил Брайн. — Похоже, магты основательно ее расширили. — Он выглянул наружу и увидел на песке свежие следы колес. — Они тут что-то тяжелое таскали и куда-то грузили... Поехали!

Они бегом бросились к вездеходу — Брайн резко развернул машину и поехал по следам. Он выключил фары — вполне хватало света уже появившейся луны — и старался вести машину осторожно, чтобы не потерять направления. До конца оставалось всего четыре часа. Придерживая одной рукой руль, Брайн включил рацию, настроенную на волну ниджорского флота, и, получив ответ дежурного радиста, коротко сообщил о результатах вылазки и добавил:

— Немедленно сообщите Крафту. У меня нет времени говорить с ним — я иду по следу.

По следу пришлось идти долго. Около девяти часов вечера они перевалили через гряду холмов и увидели впереди горы.

— Останови, — сказал Ульв. — Тут рядом есть пещеры. Магты могли выставить охрану. Надо идти тихо — на машине нельзя.

Они пошли пешком, по колено увязая в сыпучем песке. Брайн ни на шаг не отходил от колени, Ульв прикрывал его и высматривал вражеские караулы. Но вокруг никого не было. В половине десятого Брайн понял, что они слишком рано бросили вездеход — колея все тянулась, и, казалось, конца ей не будет. Время от времени Ульв показывал пещеры, но следы упорно вели мимо, и кошмарный поход в неизвестность продолжался.

— Впереди еще пещера, — сообщил Ульв. — Тебе надо идти тише.

Они поднялись на вершину очередного холма и посмотрели вниз, в лощину. Песок серебрился в свете луны, две темных колени прорезали лощину и исчезали в темном провале пещеры на другой стороне.

Брайн отполз назад и включил свою рацию. Ульв залег на гребне, изучая подходы к пещере.

— Важное сообщение, — прошептал Брайн в микрофон. — Запишите и передайте командующему Крафту. — Он твердил эту фразу тридцать секунд, проверяя время по часам, потому что сейчас каждая секунда промедления казалась ему часом и он не верил сам себе.

Покончив со вступлением, он быстро и четко сказал о том, как они вышли к пещере.

— ... и здесь могут оказаться бомбы. Мы идем в пещеру. Свой передатчик я включу и оставляю здесь, чтобы вы могли его запеленговать. Другой передатчик, более мощный, я беру с собой — попробую вести передачу прямо из пещеры. Сомневаюсь, что сигнал пробьется через скалы, но все равно попытаюсь. Отвечать не надо, у меня нет наушников. Конец связи. Прощай Леа, — добавил он и переключил рацию на постоянный сигнал.

Прячась за редкими камнями, они подобрались ближе к пещере. Вокруг было тихо. Брайн взглянул на часы — половина одиннадцатого!

Метрах в пяти от входа они залегли в последний раз, теперь от цели их отделял один бросок... Вокруг

по-прежнему царила тишина, и Брайн уже приподнялся, чтобы ринуться вперед, но Ульв неожиданно схватил его за плечо и настойчиво потянул вниз. В ответ на удивленный взгляд дисанец показал на свой нос, потом на пещеру — он почуял запах магтов. Пока Брайн пытался что-нибудь разглядеть в темном провале входа, Ульв вскочил и быстро поднес к губам духовое ружье — раздался тонкий свист, Брайн увидел падающего магта, но прежде чем тело коснулось песка, Ульв метнулся к пещере, оттуда донесся короткий стон, и снова наступила тишина. Вытащив пистолет, Брайн осторожно приблизился к входу, не совсем понимая, что там произошло.

— Их было двое. Можно идти дальше, — слышался из темноты шепот Ульва.

В пещере было темно как в могиле. Брайн не решился включать фонарь, и, если бы не умение Ульва отыскивать магтов по запаху, они бы долго блуждали в этом бесконечном лабиринте залов и коридоров. Приходилось идти на ощупь, держась за стену, скоро Брайн в кровь расцарапал ладони и совершенно перестал ориентироваться в этом подземелье. Ульв шел по запаху — если запах вдруг слабел, приходилось возвращаться и искать другой путь. Продвигались они медленно, а время летело стремительно, и часы показывали уже без четверти двенадцать.

— Впереди свет, — прошептал Ульв.

Коридор выходил в крутой зал, освещенный мощными переносными фонарями. Брайн с Ульвом затаились в тени.

— Что это? — спросил дисанец, мигая от яркого света.

Брайн чуть не закричал от радости.

— Железная клетка в центре зала — это джамп-установка, а рядом — бомбы. Мы нашли их, Ульв!

Установка была примитивная — не установка даже, а наспех переделанный корабельный джамп-генератор средней мощности, от которого тянулись провода к грубой металлической клетке, изготовленной явно вручную. Брайн внимательно рассматривал установку, понимая, что должен подробно все рассказать ниджор-

цам, иначе ему опять не поверят, а неубедительное сообщение сейчас принесет больше вреда, чем пользы.

Возле генератора он увидел трех инопланетников — они возились с аппаратурой — и мимоходом подумал, что магты, должно быть, хорошо заплатили мерзавцам за работу и, даже разглядев цепи у них на ногах и кровавые полосы на спинах, не почувствовал к инженерам никакой жалости. Очевидно, они, польстившись на деньги, согласились участвовать в войне на стороне магтов, но потом поняли, что сами погибнут — спохватились, стали бунтовать, и тут уж магты поговорили с ними по-своему.

Рядом с установкой лежали бомбы. Двенадцать штук. Больше всего они походили на яйца гигантских птиц — каждая бомба была метра два длиной. По всей видимости, это были снятые с ракет боеголовки — на одной Брайн даже заметил зажимы, которыми она крепилась к носителю. В ярком свете фонарей металлические оболочки ярко блестели.

Без десяти двенадцать!

Брайн отошел шагов на пятьдесят в глубь коридора, чтобы его не было видно и слышно из зала, и достал передатчик. Тщательно настроившись на волну ниджорского флота, он послал вызов, а затем медленно и подробно описал все, что увидел в пещере. Он старался говорить спокойно, без эмоций и комментариев, излагая только факты и напирая на необходимость отложить бомбардировку Диса. Закончил он за шесть минут до полуночи и, переключившись на прием, стал ждать ответа.

Ответа не было...

Еще не осознав, что происходит, Брайн до отказа повернул ручку громкости и все равно ничего не услышал. Мертвая тишина — не было слышно даже обычного треска атмосферных разрядов. И вот тут он понял... Сигнал не проходил сквозь толщу скал, местные породы образовывали экран, через который не мог пробиться самый мощный передатчик. Ниджорцы просто не слышали его, и через несколько минут начнется бомбардировка. Вот сейчас, наверное, уже распахнулись бомбовые люки, и из них показались водородные бомбы, удерживаемые только тонкой ме-

таллической сеткой. Сейчас командир отдаст приказ, сетку опустят...

— Убийцы! — в отчаянии закричал Брайн в микрофон. — Вы не слушали меня, не слушали Хиса... Кретины! Уничтожить целую планету, хотя в этом нет никакой необходимости! Все можно было сделать иначе, но вы никого не слушали. Сейчас вы уничтожите Дис, но и для Ниджора это не пройдет даром. И не надейтесь! Это я вам говорю — Брайн Бренд. Черт бы вас всех побрал, неудачники проклятые! — Он с силой швырнул передатчик в стену и пошел к Ульву.

Дисанской цивилизации оставалось жить около двух минут.

— Меня не слышали! — мрачно сказал Брайн дисанцу. — Отсюда не доходит сигнал.

— Значит, бомбы упадут? — спросил Ульв, глядя ему в глаза.

— Если не случится чуда... то бомбы упадут.

Им оставалось только ждать. Инженеры в пещере вдруг заволновались, бросили работу, стали что-то кричать магтам, показывая на часы. Но до магтов ничто не доходило, они не могли понять, что происходит, и угрожающе надвинулись на пленников.

Стрелки на часах Брайна коснулись двенадцати, оставалось еще десять секунд. Они прошли очень быстро — секундная стрелка перевалила роковую отметку и бодро побежала дальше.

Брайн облегченно перевел дух, но тут же вспомнил, что находится глубоко под землей — звук распространяется медленно, если бомбы упали ровно в двенадцать, то...

В эту минуту вздрогнула земля, и он услышал отдаленный грохот — с потолка посыпался песок, в зале замигал свет. Ульв резко повернулся к нему, но Брайн поспешно отвел взгляд, он не мог спокойно смотреть в глаза дисанцу.

Один из инженеров с криком бросился бежать, двое магтов догнали его, сбили с ног и принялись молча избивать. Глядя на это, двое других инопланетников под пристальными взглядами магтов вернулись к работе. Как и следовало ожидать, бомбардировка не произвела на магтов ни малейшего впечатления, они

методично продолжали осуществлять свой гибельный план; их не волновала судьба Диса, их вообще ничто не волновало, они просто шли прямо к намеченной цели — они не умели сворачивать.

Инженеры тем временем вышли из оцепенения и энергично взялись за работу. Очевидно, они смирились с судьбой, понимая, что жить им осталось недолго — невидимая, но гибельная радиация уже проникла в пещеру, — но перед смертью решили отомстить.

— Что делают эти чужеземцы? — спросил Ульв.

Брайн выглянул в зал — там уже подвозили к установке первую бомбу.

— Они собираются бомбить Ниджор. Эта машина может послать бомбу на другую планету.

— Ты хочешь помешать им? — спросил дисанец ровным голосом; в руках он сжимал духовое ружье.

Брайн подумал, что ситуация складывается абсурдная — дальше некуда. Как ни старался он удержать ниджорцев, они все-таки сбросили бомбы на Дис. Теперь Брайн может помешать магтам нанести ответный удар, но стоит ли?.. Или лучше вспомнить древний принцип «Око за око, зуб за зуб», и пусть события развиваются своим чередом. Через несколько минут установка заработает, и на Ниджор обрушится справедливое возмездие за гибель дисанцев и за скорую смерть самого Брайна.

До каких же пределов может простираться у человека чувство долга? Наверное, впервые оно появилось у пещерного человека — по отношению к своей семье, своему племени. Оно росло и крепло со временем, и, повинуясь чувству долга, люди защищали свои города, потом — страны и, наконец, — планеты. Кажется, пришло время понять, что самое главное — долг перед Человечеством, а может быть, и перед любой жизнью в Галактике.

Брайн достал пистолет и спросил:

— А ты хочешь остановить их, Ульв?

— Ниджор — мервик, — ответил дисанец и, подняв духовое ружье, выстрелил в пещеру.

Стрела попала в голову инженеру — он вскрикнул и упал. Брайн нажал на курок, целясь в контрольный

щит установки, и через минуту тот превратился в груды горящего железа. Ниджору больше ничто не угрожало.

«Ульв сказал: "мервик"», — думал Брайн, посылая в пещеру пулю за пулей. Так называется существо, которое объединяется с другими и помогает им в борьбе за жизнь — оно может убить защищаясь, но по своей природе оно не убийца. Ульв быстро ухватил самую суть и, не вдаваясь в философские тонкости, сделал выбор. Сейчас он дрался за жизнь против нежити — он убивал магтов, своих соплеменников, потому что они были «умервик», и спасал от гибели Ниджор, потому что «Ниджор — мервик». Не многие миры смогли подняться до понимания этой простой идеи, и вот скоро один из них погибнет.

Магты быстро опомнились и, сообразив, откуда летят пули и стрелы, молча устремились на врага. Брайн с Ульвом отчаянно защищались. Брайн знал, что обречен, но он ненавидел магтов и хотел подороже продать свою жизнь. Отстреливаясь, они медленно отступали по коридору. Магты преследовали их, стреляя из ионных бластеров, и лиловые вспышки время от времени разрывали темноту. Им удалось ненадолго оторваться от погони, но вскоре Брайн увидел впереди свет фонарей и понял, что их окружили.

— Они знают тут каждый коридор, — сказал он Ульву. — Нам не уйти. Надо найти такое место, где будет легко обороняться.

— Тут рядом я видел небольшую пещеру. Вход очень узкий.

— Идем!

Им удалось незамеченными добраться до этой пещеры — они залегли у входа и стали ждать. Приблизилась развязка.

Скоро показался магт с фонарем в руке, он быстро бежал по коридору и заглядывал во все щели. Луч света метнулся в их сторону, и Брайн выстрелил. Не дожидаясь, пока на выстрел прибегут другие, он подбежал к убитому, схватил фонарь и, поставив его на выступ стены, вернулся обратно. Теперь коридор был освещен и Брайн хотя бы видел, куда ему стрелять. Ждать пришлось недолго, из-за угла выбежали два магта и тут же упали, сраженные пулями. Но

уже сбегались магты со всего подземелья, их было много, и Брайн подумал, что если они, несмотря на отсутствие воображения, все-таки вспомнят о гранатах, то им с Ульвом одной вполне хватит...

Где-то совсем рядом вдруг прогремел взрыв, потом послышалась частая стрельба. Брайн вжался в камень и, внимательно глядя в коридор, пытался понять, почему не начинается атака. Из-за угла показался еще один магт — он неуверенно пятился и стрелял почему-то совсем в другую сторону. Брайн так удивился, что забыл нажать на курок. Но хладнокровный Ульв поднял свою трубку — и магт мгновенно умер.

— Не стреляйте! — послышался голос, и в коридоре появился человек.

Это был ниджорец в военной форме! Брайн едва успел схватить Ульва за руку. Он ничего не понимал. Как? Откуда? Брайн сам слышал, как взорвались бомбы... Но ниджорец стоял перед ними во плоти, и это никак не укладывалось у Брайна в голове.

— Только не отпускайте его! — Ниджорец со страхом глядел на духовое ружье. — Я эти стрелы знаю.

Через минуту пещера была полна ниджорцев. Одним из последних вошел профессор Крафт, военный мундир смотрелся на нем довольно странно. С явным облегчением профессор отдал кому-то пистолет, который в его руках выглядел совсем уж неуместно, и, подойдя к Брайну, крепко пожал ему руку.

— Я очень рад лично встретиться с вами и с вашим другом Ульвом.

— Может, вы мне тогда объясните, что все это значит? — тупо спросил Брайн; он почему-то никак не мог отделаться от мысли, что «все это» происходит во сне.

— Мы никогда не забудем человека, который спас нас от самих себя! — торжественно произнес Крафт.

— Оставьте ваши речи на потом, профессор! — раздался знакомый голос, и Хис, пробравшись через толпу, встал рядом с Крафтом. — Короче говоря, Бренд, ваш план удался. Крафт передал мне ваше сообщение, и я тут же отправился на флагманский корабль. Мне очень жаль, что Талт так нелепо погиб,

но парень все-таки нашел то, что мы все искали. Как раз когда я уговаривал профессора отправить десант за бомбами, появилась ваша девушка с трупом магта. Она очень доступно все нам объяснила и даже показала этого зеленого паразита... Ну что я вам рассказываю — вы и сами знаете! Мы уже приземлились, когда получили ваше последнее донесение. После этого нам оставалось только запеленговать ваш передатчик около пещеры.

— А взрывы в полночь? — перебил его Брайн. — Я сам слышал.

— Ах это! — рассмеялся Хис. — Мы имели основания думать, что пещера хорошо охраняется, поэтому в полночь сбросили у входа несколько фугасных бомб. Магты решили, что это начало бомбардировки, и отступили в глубь пещеры, чтобы закончить свое дело. Тогда мы высадили десант, ворвались в это подземелье и взяли их тепленькими. Правда, многих пришлось убить, но кое-кого даже захватили в плен.

— Один из инженеров был еще жив, когда мы туда ворвались, — добавил Крафт. — Он рассказал, как вы вдвоем уничтожили установку...

Ниджорцы молчали, но Брайн ясно чувствовал их благодарность и глубокую признательность. «Я тоже вас не забуду», — подумал он.

— Бомбы не упали, — объяснил он Ульву, который стоял рядом, ничего не понимая, — и уже не упадут... Подождите! — крикнул он ниджорцам, только сейчас сообразив, что в рассказе Хиса есть пробел. — Вы получили мое последнее сообщение только когда сели. Значит, вы сами решились на десант и отменили бомбардировку. Но почему? Вы ведь ничего точно не знали. Вы могли не успеть, и тогда магты разбомбили бы Ниджор. Проще было сбросить бомбы. Я не понимаю!

— Мы не могли поступить иначе, — удивленно сказал Крафт. — Мы ведь узнали, что магты больны.

Хис громко рассмеялся, увидев, как у Брайна вытянулось лицо.

— Ну что, проникаетесь понемногу духом Ниджора? Когда дело касается войны, мои соплеменники совершенно не внемлют голосу разума. Война — яв-

ление столь чуждое нашему народу, что многие просто не понимают, как это можно убивать людей. Плохо быть единственным вегетарианцем среди хищников. Один раз нам это боком выйдет. Уже чуть не вышло! Нормальные люди давно бы сбросили на Дис бомбы, и все тут. А мы чуть не погубили оба мира. Ваше открытие буквально вытащило нас из пропасти, в которую мы стремительно падали.

— Не понимаю... — выдавил из себя Брайн.

— Сейчас объясню. До вашего появления мы никогда не имели дела с магтами и ничего о них не знали. Их действия не поддавались объяснению, и наши ответные меры, естественно, не имели никакого успеха. Мы не понимали, что происходит на Дисе, и дело шло прямиком к катастрофе. Но вот вы обнаружили, что магты больны, и все встало на свои места. Явление получило название — теперь мы знаем, что надо делать. Мы вновь объединились — моя армия влилась в ниджорские силы самообороны. Вся планета усиленно трудится, а корабли с врачами уже в пути.

— И все это потому, что магты больны? — переспросил Брайн.

— Ну да, — ответил профессор Крафт. — В конце концов, мы цивилизованные люди. Не думаете же вы, что мы будем воевать с больными?

— Ну... конечно, не будете, — сказал Брайн, тяжело садясь.

Он улыбнулся и посмотрел на Ульва, для которого все эти разговоры были сплошной абракадаброй.

— Хис, — позвал Брайн. — Объясните это Ульву, пожалуйста. У меня все равно не получится.

Глава 18

Из космоса Дис напоминал сверкающий золотой шар — красивая картинка из школьного учебника астрономии. Планета буквально излучала свет и тепло и казалась среди необъятного холодного мрака какой-то уютной и почти родной. Брайн смотрел на нее в иллюминатор и, кутаясь в теплую куртку, думал, что неплохо бы было сейчас оказаться где-нибудь в пустыне, под палящим дисанским солнцем... Оставалось только надеяться, что организм скоро надумает переключиться на зимний режим и тогда ему не придется больше мерзнуть.

У него за спиной бесшумно возникла Леа — Брайн увидел в иллюминаторе ее отражение и почувствовал над ухом легкое дыхание. Он быстро обернулся и взял девушку за руку.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Надеюсь, что да. — Она машинально поправила волосы. — Я ведь целую неделю отдыхала — валялась в госпитале, пока ты весело проводил время на Дисе. Говорят, вы объехали всю планету, отстреливая магтов.

— Ну, мы их всего лишь усыпляли. Ниджорцы ведь не могут никого убить. А вот дисанцев во главе с Ульвом пришлось удерживать — они с радостью убивали умервиков.

— И что ниджорцы собираются делать с этими сонными магтами?

— Сами еще толком не знают. Для начала они хотят посмотреть, что получится, если удалить из мозга паразита. С детьми, конечно, будет проще — их мозг еще не сильно поражен.

Леа прижалась к нему.

— Я еще слаба. Давай присядем.

Напротив иллюминатора стоял мягкий диван.

— По-моему, удалить симбиота — не самое остроумное решение, — заметила Леа. — Даже если магт переживет шок, он, скорее всего, навсегда останется полным кретином. Мне на такие эксперименты смотреть не хочется. Надеюсь, ниджорцы найдут другой выход — более гуманный.

— Обязательно найдут, — согласился Брайн.

— Ну, а что же мы? — спросила Леа, поглаживая его по руке. — Слушай, у вас на Анваре все такие горячие? Это очень возбуждает.

Брайн смутился.

— А что мы? — переспросил он.

— А тогда, ночью в госпитале, ты так не смущался, — улыбнулась Леа. — Мне помнится, ты там что-то такое говорил... и делал тоже. Надеюсь, ты ко мне не совсем равнодушен. Короче говоря, я тебя спрашиваю прямо, как спрашивают девушки у вас на Анваре: что мы будем делать? Я имею в виду, когда мы поженимся?

Брайну было приятно чувствовать под рукой ее упругое теплое тело, мягкие волосы девушки щекотали ему лоб, и все было хорошо и замечательно, но ответ Брайна прозвучал явным диссонансом этой идиллии.

— Леа, дорогая! Ты для меня очень много значишь. Но ты должна понять, что мы не можем пожениться.

Девушка напряглась и резко отодвинулась.

— Эй, что это значит?! Что ты хочешь сказать, жирный анварский кот? Ты, наверное, думаешь, что я из тех девушек, с которыми можно хорошо провести время, а потом сделать ручкой?

— Леа, подожди! Тут дело совсем в другом. Если брак — значит, дети, а ты биолог и прекрасно знаешь, что земные гены...

— Тупая деревенщина! — закричала она, кидаясь на него. — Я думала, у тебя больше ума! А ты обычный провинциальный дурак. Земные гены! Я знаю, вы все презираете нас за наш маленький рост, за подверженность аллергиям, за гемофилию и другие хвори, которые передаются из поколения в поколение. Вы ненавидите...

— Да я совсем не это имел в виду, — прервал ее Брайн. — Я хотел сказать, что у тебя хорошие, сильные гены, а у меня... Ребенок от меня, скорее всего, умрет при родах, если только это не случится еще раньше. Дело в том, что подлинный человек — это ты, а я — недавняя мутация.

Леа застыла как громом пораженная — раньше ей просто не приходило это в голову.

— Земля — это дом, — продолжал Брайн. — Родина Человечества. Может, ваши гены и ослабили за последнюю тысячу лет, но они крепили миллионы. Сколько новорожденных на Земле доживает до года?

— Ну... почти все. Какая-то доля процента умирает, но очень мало.

— Земля — это дом, — мягко повторил он. — Люди покинули свой дом, и они смогли приспособиться к самым разным условиям на многих планетах, но за это приходится дорого платить, а самая ужасная цена — мертвые дети. Успешная мутация выживает, неудачная — нет; естественный отбор — жестокая штука. Мне повезло, но у моей матери было еще шестеро детей, и все они умерли, не дожив до года, а еще несколько даже не родились. Ты просто не знала об этом, Леа.

— Да! Да! — Она всхлипывала, закрыв лицо руками. — Я все понимаю, потому что я биолог, но мне надоело быть только биологом. Я еще и женщина. И ты мне нужен, Брайн, ты очень мне нужен. Я люблю тебя! — Она вытерла глаза. — Ты собираешься вернуться домой? Когда?

— Наверное, очень скоро, — печально ответил Брайн. — Куда мне деваться? Анвар — моя родина, я часть Анвара. На Дисе я отдал свой долг, но у меня есть долг и перед Анваром. Мне надо вернуться — это очень важно.

— Я бы хотела отправиться туда с тобой. — Это был не вопрос, а скорее утверждение.

— Это невозможно, Леа! Ты не сможешь жить на Анваре.

Леа бросила взгляд в иллюминатор.

— В глубине души я подозревала, что этим кончится. Я очень рано поняла, что на Земле не смогу найти себе мужа, и в девичьих мечтах мне представлялся этаким космический герой, которого я обязательно встречу где-нибудь в просторах космоса. Наверное, ты оказался просто немного похож на него. Но все это ерунда! Я взрослый человек, мне нравится моя работа, я не променяю ее на банальное замужество и, скорее всего, так и умру старой девой. Передавай от меня привет своей будущей жене.

Дис в иллюминаторе слегка качнулся — их корабль поворачивал к Ниджору. И было в этом что-то символическое — позади осталась не просто еще одна планета на их пути, позади осталось нечто очень важное для них обоих.

— А у вас грустный вид, — заявил Хис, появляясь из-за угла.

— Подите вы к дьяволу! — выпалила Леа.

Хис никак не отреагировал — он вообще стал гораздо добродушней с тех пор, как сложил с себя полномочия командира террористов. Он присел рядом с ними на диван и без всяких предисловий спросил:

— Хотите и дальше работать в ЦРУ, Брайн? Нам нужны такие люди.

Брайн изумленно посмотрел на него.

— Так вы тоже из Центра?

— Прошу любить и жаловать — полевой агент на Ниджоре! — рассмеялся Хис. — Неужели вы думаете, что вся наша организация состоит из чиновников вроде Фоссела? Такие у нас перебирают бумаги и служат прикрытием, а работают настоящие люди. Я, например, работаю на Ниджоре. Отличная планета, но и там не обойтись без нашего вмешательства. Нужно помочь им найти свое место в Галактике.

— Вы ведете какую-то грязную игру, Хис, — заявила вдруг Леа. — Мне кажется, ваш Центр не такая

уж безобидная и бескорыстная организация. Чего вы, в конце концов, добиваетесь? Власти над Галактикой?

— Вот стоит рассекретить нашу деятельность, и такие обвинения на нас посыпятся градом, — спокойно заметил Хис. — Поэтому мы и действуем тайно. Нам не нужна власть, Леа, и я сейчас докажу вам это с цифрами в руках. Как вы думаете, откуда мы берем деньги на свои операции? — он улыбнулся. — Чуть позже вы сможете посмотреть документы, и тогда у вас не останется сомнений. В основном это пожертвования — пожертвования планет, которым мы помогаем. Нам не нужна власть — мы помогаем одним мирам, получаем за это деньги и на эти деньги организуем помощь другим.

— А почему вы рассказываете мне такие секретные сведения? — с подозрением спросила Леа.

— А разве не понятно? Мы хотим, чтобы вы работали в ЦРУ. Можете назвать любое жалование — мы не испытываем недостатка в средствах. — Хис хитро посмотрел на них и добавил: — Я думаю, Брайн тоже согласится работать на нас. Из него получился отличный агент, таких редко удается найти.

— Покажите, где подписаться, — бодро сказала Леа.

— Вы отлично владеете приемами психологической обработки, — улыбнулся Брайн. — Правда, люди менее воспитанные называют это шантажом. Но на этот раз не стоило прилагать столько усилий.

— Вы согласны? — спросил Хис.

— Я должен вернуться на Анвар... но я больше не тороплюсь.

— А Земля и так перенаселена, — добавила Леа.

Глава 1

Нахмурившись столь сурово, что его густые черные брови сцепились в изломанную одну, доктор Сэм Бертолли склонился над шахматной доской и медленно продвинул вперед королевскую пешку. Экран озарился зеленым светом. Значит, Фишер в той берлинской партии, сыгранной им в 1973 году, пошел именно так...

Доска заурчала, и слон противника, скользя по диагонали, замер. Компьютер, воспроизведя ответный ход Ботвинника, неожиданный и коварный, вынудил Сэма опять погрузиться в раздумье.

По другую сторону металлического стола шелестел журнальными страницами Киллер. А где-то там, вне комнаты экстренной помощи, у самых стен госпиталя, грохотал и гудел город — готовый в любую минуту ворваться сюда в образе одного, а то и сразу нескольких шоково-белых или цианозно-синих своих обитателей. За столом, скинув с себя окровавленную одежду, безмятежно устроились два человека, и все это помещение было наполнено стонами и криками несчастных. Громадный Нью-Йорк, с населением в двенадцать миллионов, скучать не давал...

Чтобы сдержать наступление на ферзевом фланге, Сэм пошел конем, но, увы, не по-фишеровски: загорелся красный свет. Раздавшаяся вслед за тем резкая трель звонка отношения к игре уже не имела...

Киллер оказался за дверью раньше, чем брошенный им журнал шлепнулся на пол. Сэм же, зная по опыту, что карточка вызова будет готова лишь через несколько секунд, еще успел спрятать доску в выдвижной ящик. Подоспев к мигающей панели как раз в тот момент, когда из прорези выполз листок, он схватил его и, ткнув на ходу кнопку «Принято», выбежал вон.

Мощный турбодвигатель работал, и дверца была распахнута. Усевшись, Сэм тут же пристегнул пояс безопасности, помня о лихой манере Киллера срываться с места, будто он только что ограбил банк... Так было и на этот раз. Киллер от души нажал на педаль газа, дверца захлопнулась, и они, стремительно скатившись с холма, вылетели на шоссе.

— Куда нам, док?

Сэм бросил взгляд на закодированный текст.

— Угол Пятнадцатой и Седьмой улиц. Семь — одиннадцать... э-э... несчастный случай... одна жертва... Достану-ка я, пожалуй, хирургический комплект, если, конечно, этот драндулет проедет, не сворачивая, хотя бы футов сто.

— До поворота три квартала, — отозвался Киллер. — Это, по крайней мере, целых шесть секунд. Вы ведь успеете за что-то ухватиться?

— Вполне.

Сэм, пританцовывая, прошел в заднюю часть салона, привычным движением снял с держателя небольшой, но увесистый стальной чемоданчик и быстро вернулся назад.

Мимо с бешеной скоростью проносились здания и прижавшиеся к тротуарам автомобили. В таких случаях транспортное управление при помощи специального светового сигнала перекрывало движение в радиусе четырех кварталов. Вой сирены предназначался только для пешеходов, которые испуганно отпрянув, глядели вслед и строили догадки.

Лицо доктора Сэма Бертолли было совершенно спокойным. Был спокоен и он сам. Всякого рода гаданиями по поводу того, что ожидает их на месте происшествия, Сэм не занимался никогда, считая таковые пустой тратой времени. Все прояснится, когда прояснится...

Бертолли был крупного телосложения брюнет с руками, густо покрытыми зарослью черных волос, буйно вившихся даже на суставах пальцев. Независимо от того, как часто он брился, щеки Бертолли всегда отливали синевой, что в сочетании с глубокой складкой между бровями делало его похожим на полицейского или боксера-профессионала. Тем не менее, он был врачом, и хорошим — одним из лучших среди выпускников прошлого года. Через несколько недель, в конце июня, истекал срок его интернатуры, и начиналась самостоятельная жизнь, уже продуманная до деталей.

Киллер Домингес представлял собой совершенно другой тип. На вид заморыш с несуразно большой головой, он обладал недюжинной физической выносливостью и весьма взрывчатым нравом. Это придавало ему сходство с петушком-бентамцем, попавшим в орлиный заповедник.

Жилистые руки Киллера цепко держали руль, а челюсти безостановочно месили жевательную резинку. Он сидел на такой высокой подушке, что еле дотягивался до педалей своими коротенькими ножками. Будучи одним из опытейших шоферов госпиталя, в прошлом — таксист с шестнадцатилетним стажем, он чувствовал себя на дороге как рыба в воде. Мчаться по городу, пришпоривая ревущую многотонную машину, было для него — нью-йоркца в восьмом поколении — приятнейшим занятием. Лучшего он не мог ни пожелать, ни представить...

С визгом притормозив, они свернули на Седьмую авеню и остановились перед внушительной толпой зевак, от которой тотчас же отделился человек в синей форме полицейского и жестом предложил им въехать на тротуар.

— Несчастный случай, доктор, — доложил он Сэму, нагнувшемуся за своим чемоданчиком. — С этими допотопными наружными лифтами одни неприятности... Ему почти оторвало ногу, прежде чем эта развалюха наконец остановилась. Я как раз находился неподалеку и услышал крик.

Дождаясь, пока расступится толпа, Сэм бросил беглый взгляд на полицейского. Тот был очень взволнован, но старался держаться.

Они подошли к лифту, и, прежде чем достать необходимые инструменты, Сэм осмотрел место происшествия.

На полу кабины, опустившейся чуть ниже уровня первого этажа, в луже крови, подвернув под себя ногу, лежал седой мужчина лет шестидесяти. Другая его нога была накрыта металлическим листом посадочной площадки.

— Кто из вас умеет управлять этой штукой? — обратился Сэм к толпе.

Протолкнувшись из задних рядов, к нему подскочил шуплый подросток.

— А чего тут уметь, док? Нажал красную кнопку — поехало вниз, нажал черную — вверх...

— Тебе приходилось управлять им, или же ты просто знаешь, как он действует? — спросил Сэм, прилаживая датчик к запястью пострадавшего.

— Да я занимался этим всю жизнь! — оскорбленно воскликнул мальчик. — Возил эти чертовы коробки для...

— Спасибо, достаточно... Теперь слушай. Как ты понимаешь, необходимо освободить ногу. По моей команде ты поднимешь кабину до уровня площадки. Но только по моей команде, понял?

Регистрирующее устройство показало пониженную температуру и очень вялый пульс. При шоке и большой потере крови этого следовало ожидать.

Сэм осторожно приподнял лоскут порванной брючины. Нога, чуть выше колена, была едва ли не напроочь оторвана, и бедренную часть ее туто обхватывал черный кожаный ремень.

— Ваша работа? — спросил он, глядя в тревожные глаза полицейского.

— Моя. Я ж говорю, что был поблизости, когда все это стряслось. Вообще-то мы не должны прикасаться к пострадавшим без крайней необходимости, но тут я решил: это тот самый случай, когда... Кровь так хлестала, что он не дождался бы вашего приезда! Я

вытащил его ремень, и, как видите, он решил подождать еще...

— Вы действовали правильно, и этот человек должен считать вас своим спасителем. А теперь уберитесь отсюда всех этих людей, чтобы мой шофер мог пробраться сюда с каталкой.

Руки Сэма уже занимались делом. Тонкая металлическая полоска, просунутая под поврежденную ногу, приобрела — едва заработал миниатюрный электродвигатель — удивительную гибкость. После того, как она была обернута вокруг ноги, и скользящие внутри шарики замерли над всеми крупными сосудами — двигатель выключился, и жгут сжался ровно настолько, чтобы перестала сочиться кровь.

— Чуть-чуть вниз... — сказал Сэм, и кабина опустилась.

После введения 0,02 миллиграмма эфинефрина мужчина тихонько застонал и шевельнул головой. Его изувеченная нога представляла собой ужасное зрелище. Голень поддерживалась лишь портняжной мышцей и кожей.

Сэм отсек скальпелем остатки связующей плоти и завернул ампутированную конечность в плотную стерильную ткань. Оставалось оттащить несчастного от края площадки и вернуть кабину в нормальное положение.

С помощью полицейского они осторожно уложили пострадавшего на каталку, и Киллер вкатил ее в машину.

— Летим, док? — спросил он, плюхнувшись на подушку.

— Да, — ответил Сэм, надежно фиксируя каталку. — Только прошу, Киллер: без резких поворотов! Я ввожу плазму.

Игла погрузилась в предлоктевую вену.

— Ну, как он там у нас? — плавно увеличив скорость, поинтересовался Киллер.

— Да так, сносно... — Сэм тревожно посмотрел на показания регистратора. — Свяжись с операционной и узнай, все ли готово...

Пока Киллер связывался с госпиталем, Сэм, направив на грудь пациента ультрафиолетовый луч, пробе-

жал глазами специальную татуировку, состоящую, как обычно, из данных о типе крови, аллергенах, а также точной дате рождения, и все это аккуратно переписал на бланк.

Над головой зашипел динамик:

— Перкинс, экстренная хирургия... Ждем, Сэм, ждем... Что ты везешь нам на этот раз?

— Пришлось ампутировать ногу, Эдди, — ответил Сэм в маленькую пуговицу микрофона, прикрепленного к лацкану. — Дюймов на пять выше колена. Пострадавшему 63 года, группа крови 0...

— Подожди, с ногой-то что? Ты захватил ее, или мне подогревать что-то из наших запасов?

— Захватил, конечно. И думаю, что после небольшой обработки ее вполне можно будет пришить.

— Ага, понятно... Ну, а теперь выкладывай о нем все, что знаешь...

Стоявшие наготове санитары быстро распахнули задние дверцы и, освободив каталку от зажимов, вытолкнули ее на платформу.

— И это тоже... — Сэм протянул сверток.

Оставалось отметить время прибытия и прицепить листок в изголовье...

Лишь после того, как санитары удалились, он обратил внимание на странную суматоху вокруг.

— Не иначе как что-то серьезное, док, — сказал подошедший Киллер. Ноздри его возбужденно подрагивали. — Пойду расспрошу... — И он направился к группе людей, выгружавших на платформу множество опечатанных ящиков.

Вокруг определенно творилось неладное. Сэм видел, как спешно заполнялся коробками огромный фургон и как сломя голову бежали к машине два интерна.

— Доктор Бертолли? — неожиданно послышался женский голос.

— Да, слушаю вас, — повернувшись, ответил Сэм.

Перед ним стояла рыжеволосая длинноногая девушка. Ее серо-зеленые глаза смотрели очень пристально,

а роскошную фигуру не в силах был скрыть даже на редкость мешковатый халат. Сэм видел ее не впервые — они уже сталкивались как-то в кафетерии для сотрудников, но до разговора дело не доходило...

— Я Нита Мендель из патологии, — представилась девушка. — Доктор Гаспард велел мне ехать вместе с вами.

На ней не было ни шапочки, ни значка, какие обычно носят сестры.

— Разумеется, доктор! — воскликнул Сэм. — Вот наша машина! А что, кстати, случилось?

— Не имею ни малейшего представления. Меня срочно вызвали из лаборатории, а потом направили сюда. И зовите меня, пожалуйста, Нитой, просто Нитой...

К ним уже спешил Киллер, возбужденно чавкая резинкой.

— Мы должны ехать, док... О! Доктор Мендель! Должно быть, стряслось что-то действительно из ряда вон, если уж добрались до вашего этажа — шестого, если мне память... — Киллер знал тут, в Белвью, каждого и был в курсе всех сплетен. — Кажется, предстоит работенка не из легких... Ну ладно, хватит гадать. Прошу всех занять свои места! Экспресс «Мясо» отправляется ровно через шесть секунд!

— Куда едем? — спросил Сэм, взглянув на дюжину коробок с надписью «Мед. компл.», занимавших полсалона.

— Аэропорт Кеннеди! — Киллер напрягся, перекивая вой двигателя.

Машина, круто и с визгом повернув, нырнула в туннель Двадцать третьей улицы, пересекавший Ист-Ривер.

Оба врача устроились сзади, друг напротив друга, и Сэм занялся разглядыванием в высшей степени соблазнительных загорелых ног коллеги. Эти ножки были гораздо привлекательней той, которую он совсем недавно сжимал под мышкой. Сэм никогда не упускал случая убедиться в том, что профессия не иссушила

его чувств и он вполне способен любоваться красотой...

— Аэропорт... — задумчиво повторила она. — Вероятно, какая-то авария. Только бы не с «М-5» — это ведь 700 пассажиров...

— Сейчас выясним... — Сэм повернулся к Киллеру. — Включи-ка приемник и настройся на Вест-Сайд. Должны же они, в конце концов, что-то сообщить!

Как только машина вылетела из туннеля, салон заполнился звуками симфонической музыки. Киллер покрутил ручку и, так как ни одна из станций не передавала новостей, вернулся к Равелю. Так они и мчались по совершенно пустой дороге, обволакиваемые страстными звуками «Болеро»...

— Я никогда бы не подумала, что это так здорово — ехать на обыкновенной санитарной машине!

— Но разве вам, Нита, не пришлось отбывать интернатуру в службе экстренной помощи?

— Нет, после получения диплома я осталась в Колумбии, потому что цитология — та область, в которой... А вам не кажется странным, что дорога совершенно пуста?

— Так и должно быть. Все водители получили радиопредупреждение, и ни одна машина не тронется с места, пока мы не проедем.

— Но где же они все?

Киллер посмотрел в боковое стекло.

— Действительно... Это что-то новенькое... Неужели полиция блокировала даже подъездные дороги?

— Смотрите! — воскликнула Нита, кивком указывая вперед.

Киллер резко свернул на боковую дорогу, и машину затрясло. Мимо них на предельной скорости пронеслась колонна из семи тяжелых армейских грузовиков.

— Не нравится мне это... — Глаза Ниты округлились. — Очень не нравится. И почему нам до сих пор ничего не известно?

Она выглядела такой незащищенной и встревоженной, что Сэм едва не взял ее руку в свою.

— Не следует так волноваться, Нита! Вот увидите, скоро все выяснится! Если это действительно серьезное происшествие, то... — Тут музыка, которая, каза-

лось, будет звучать и звучать, неожиданно оборвалась. Умолк и Сэм.

«Внимание — экстренное сообщение! — слышался голос диктора. — Два часа назад радиотелескопом спутника слежения был обнаружен объект, движущийся в сторону Земли по эллиптической орбите. Как выяснилось, это "Перикл" — корабль отправленный на планету Юпитер...»

— Но ведь это когда было! — удивленно прошептала Нита.

«...не реагировал на попытки радиоконтакта. Достигнув околоземной орбиты и совершив шесть полных витков, вызванных серьезными неполадками в управлении, "Перикл" пошел на посадку. Несмотря на многочисленные радио- и световые сигналы, корабль уклонился от приземления на космодромах Сахары и Вумеры. Посадка, совершенная им в нью-йоркском аэропорту Кеннеди, повлекла за собой человеческие жертвы и нанесла значительный материальный ущерб. Более подробную информацию о происшествии слушайте в наших последующих выпусках...»

— Насколько скверным это может быть? — спросила Нита.

— Не исключено, что там сейчас настоящий ад, — утрюмо отозвался Сэм. — У них две тысячи посадок и взлетов в день. Совершенно не было времени на эвакуацию. Мы, правда, не знаем, в каком месте плюхнулась эта штука — может быть, за пределами полосы, а может быть...

— На здания?

— Мы этого не знаем, повторяю. Так или иначе, но «Перикл», насколько я знаю, — громадина с многоэтажный дом и, кроме того, вещь довольно плотная. Мне жаль то, что оказалось под ним.

— До чего же все это нелепо! Неужели они не могли найти более подходящего места?

— Но вы же слышали, Нита, что корабль был почти неуправляем. Никто вообще уже не ждал его возвращения, ведь со дня запуска прошло больше двух лет! Не знаю, в каком состоянии находятся сейчас уцелевшие члены экипажа, но то, что корабль удалось посадить — несомненная удача для них.

— О господи, что это? — пробормотал Киллер, ткнув пальцем в лобовое стекло.

Их дорога на гигантских опорах поднималась сейчас вверх, туда, где смешивались транспортные потоки Лонг-Айленда, города и аэропорта. Ангары и прочие сооружения последнего хорошо просматривались с верхней точки выгнутого моста. Но в привычной этой картине присутствовала теперь незнакомая, чужеродная деталь — огромное темное нечто, которое было раз в пять выше диспетчерской вышки и чей цилиндрический корпус — с квартал в диаметре — покрывали глубокие трещины. Вокруг клубился дым...

— Вы успели понять, в каком месте это было? — спросила Нита, едва они устремились вниз и все исчезло.

— Могу только сказать, что это было не в зоне аэропорта...

Регулировщики, и военные в том числе, выкидывая вперед, вверх и в стороны свои жезлы, помогли им быстро пробраться сквозь лабиринт подъездных дорог к воротам, ведущим непосредственно на летное поле. Появившийся впереди полицейский опрометью бросился к машине.

— Вы из Белвью? С комплектами?

— С ними, с ними... — Киллер ткнул большим пальцем себе за спину.

— Тогда поехали вон за тот ангар. — Кивнув вперед, полицейский вспрыгнул на подножку и крепко ухватился за открытую дверцу. Лицо его было вымазано чем-то масляным, а форма помялась и запылилась.

— Ну и денечек! — отдуваясь, сказал он. — Эта паяльная лампа поджарила взлетевший Д-95, еще один самолет взорвала в воздухе, а потом аккуратненько села прямо на цистерну с горючим. Можете представить, что здесь творится. Я никогда не видел столько трупов... Подъезьте ближе к той машине, из ваших...

Когда они остановились, полицейский, спрыгнув, подозвал нескольких стоявших неподалеку механиков, и те принялись выгружать коробки.

Сэм помогал Ните выбраться из машины, когда к ним приблизился капитан полиции, выглядевший совершенно изможденным.

— Вы врачи?

— Да, — ответил Сэм. — Куда идти?

— Знаете что... Как выяснилось, вашего брата тут предостаточно — большая группа должна была лететь на симпозиум. Поэтому мы больше нуждаемся в инструментах, медикаментах и тому подобных вещах. Но только что с вышки сообщили, будто на шоссе, предназначенном для такси, они видели самолет — сразу после приземления этой проклятой штуковины. Я не успел проверить — работы, как видите, невпро-ворот... Вы не займетесь этим? Тут недалеко, вы можете ехать прямо через поле — всякое движение прекращено...

— Разумеется, мы отправимся туда, капитан. Слышал, Домингес?

— Мы уже там, док! Держитесь покрепче! — прокричал Киллер, рванув с места свою тяжелую машину.

Опытный Сэм успел обхватить Ниту за талию — иначе последовало бы неминуемое падение.

— Ах ты, мой монстр! — обращаясь к машине, восхищенно воскликнул Киллер. Сама собою захлопнулась задняя дверца.

Объезжавший «Перикл» автомобиль был похож на жука, ползшего вокруг дерева. Из-под развороченных бетонных плит тянулись струйки дыма.

Корабль своими очертаниями напоминал артиллерийский снаряд. О внушительной толщине его оболочки можно было судить по глубоким, до метра, трещинам и выбоинам.

Они с невольным почтением смотрели на медленно проплывающую за окном автомобиля машину...

— Вот он! — крикнул вдруг Сэм, и Киллер резко затормозил.

С первого взгляда было понятно, что тут уже никому и ничем не поможешь. Небольшой реактивный самолетик был перевернут будто безжалостным щелчком, смят и сожжен.

Когда Сэму удалось пробраться в салон, он увидел там лишь обугленные тела.

— Мы должны вернуться назад. Там еще может понадобиться наша помощь, — решительно сказал он

и взял Ниту под руку — как бы из опасения, что она споткнется на этой вздыбленной земле, а на самом деле оттого, что лицо ее внезапно побелело.

— Я... я вряд ли смогу быть полезной... — прошептала Нита. — Ведь у меня нет никакой практики, а в лабора...

— Это и будет вашей практикой. У вас все получится, я уверен... В первый момент всех нас потрясают подобные зрелища, а потом мы вдруг обнаруживаем, что наши руки машинально делают все, что полагается, чему нас учили. Держу пари, что вы хороший врач!

— Спасибо... — На лицо Ниты постепенно возвращались краски. — Спасибо за поддержку. Мне очень не хотелось выглядеть идиоткой...

— Вы вовсе не идиотка, Нита! И не стоит стыдиться того, что вы не получаете удовольствия при виде смерти, особенно такой ужасной, как эта.

— Смотрите! Вверху!

Со стороны корабля послышался резкий скрежет, и с двадцатифутовой высоты посыпались куски металла. Затем в корпусе обозначился круг диаметром в десять футов, который стал вращаться, подобно огромной пробке.

— Это воздушный шлюз, — сказал Сэм. — Они выходят.

Глава 2

Редкие возгласы, лязг тяжелых механизмов — едва доносились из-за исполинского корабля. Над аэропортом, впервые за многие годы, повисла гнетущая тишина, не нарушаемая ни гулом реактивных двигателей, ни ревом обычных моторов. На взрытой земле суетились, поклевывая появившихся вдруг насекомых, скворцы. Высоко в небе, расправив крылья, парила чайка, залетевшая сюда с океана. Она смотрела, не попалось ли этим скворцам что-то действительно съедобное. Но вот, вспугнутая громким скрежетом, чайка стремительно улетела прочь. Тяжелая крышка люка дрогнула...

— Послушай, Киллер. Выгрузишь оставшиеся комплекты, найдешь кого-нибудь из полиции и расскажешь все об обнаруженном самолете. Только быстро!

Едва машина исчезла вдаль, слышалось слабое гудение электромотора — усиливавшееся по мере того, как все шире открывалась крышка. Из люка выпала, разматываясь на лету, складная металлическая лестница, и появившийся вслед за ней человек, стал очень медленно, нащупывая ногой каждую ступеньку, спускаться.

— С вами все в порядке? — крикнул Сэм. — Помощь не нужна?

Ответа не последовало. Человек продолжал свой спуск, и видно было, что каждое движение стоит ему больших усилий.

— Наверное, я все же поднимусь, — пробормотал Сэм. — А то...

— Падает! — вскрикнула Нита.

Футах в десяти от земли руки мужчины разжались, и он, перевернувшись в воздухе, грузно упал на бок.

— Спокойно, Нита, спокойно... — сказал Сэм, когда они подбежали к лежавшему и склонились над ним. — Сейчас я переверну его на спину, а вы тем временем освободите руку. Только осторожней — думаю, что она сломана.

— Его лицо! Что это?!

Нарывы величиною с грецкий орех покрывали бледную кожу лица, шеи и рук — частей тела, не скрытых серым комбинезоном.

— Вероятно, какая-то разновидность фурункулеза... — задумчиво произнес Сэм. — Хотя ничего подобного мне встречать не приходилось. А что, если это...

Он не закончил, но резко участившееся дыхание Ниты свидетельствовало о том, что она поняла недосказанное. Когда Сэм посмотрел ей в глаза, там был страх, там был тоже страх...

— Пахиакрия Тофольма, — почти беззвучно прошептала она.

— Может быть. Хотя утверждать преждевременно. Как бы там ни было, нужно принять все меры предосторожности...

Он хорошо помнил о случившемся с Тофольмом. Бактерии, инфицировавшие этого лейтенанта во время первой экспедиции на Венеру, дали знать о себе лишь по возвращении на Землю. Эпидемии удалось избежать, но немалое количество людей все же умерло, а некоторым пришлось ампутировать ступни и кисти рук. Это говорило о значительной опасности вируса, поэтому во избежание рецидивов карантинный режим для космических кораблей был с того времени ужесточен...

Звук автомобильного двигателя заставил Сэма стремительно вскочить на ноги. За Киллером следовали еще два автомобиля.

— Сто-ой! — крикнул Сэм, выбегая им навстречу и размахивая высоко поднятыми руками.

Взвизгнули тормоза, и полицейские стали торопливо выбираться из своих машин.

— Сюда нельзя! — снова закричал Сэм. — Отъезжайте на пятьдесят ярдов назад! С корабля спустился человек! Он болен! Необходим строжайший карантин! Мы — доктор Мендель и я — останемся с ним!

По команде, хрипло отданной капитаном, полицейские отъехали на безопасное расстояние. Машина же, в которой сидел Киллер, не шелохнулась.

— Могу помочь, док! — Непринужденность, с какой это было сказано, контрастировала с бледностью говорящего.

— Спасибо, Киллер. Мы справимся сами. Кроме того, никто больше не должен приближаться к нему... Я хотел бы, чтобы ты, во-первых, удалился от этого места, потом — позвонил бы в госпиталь и, подробно доложив о случившемся, убедил их в необходимости срочно связаться с Центром здоровья. Я намерен доставить этого человека в карантинное отделение — если, конечно, не будет каких-либо других распоряжений... Да, не забудь о переборке между кабиной и салоном. Обязательно проверь герметичность. Кажется, все... Трогай. И не исчезай надолго.

— Да, профессор! — Киллер улыбнулся одной стороной лица, и автомобиль с ревом укатил.

Нита уже вскрыла два пакета с медикаментами и инструментарием и надела на руку больного регистрирующий браслет.

— Похоже, сломана лучевая кость, — не поднимая головы, сообщила она подошедшему Сэму. — Дыхание поверхностное, температура 38,2. В сознание еще не пришел.

— Вам лучше отойти в сторонку, Нита, — сказал Сэм, опускаясь рядом с ней на колени. — Ни к чему нам обоим подвергаться опасности.

— Глупости. Я рискую не больше, чем обычно. Да и какое это сейчас имеет значение, если я врач.

— Спасибо вам. — Сэм улыбнулся, и лицо его на миг посветлело. — Откровенно говоря, помощь мне не мешает...

Глаза больного открылись, и из глубины гортани донеслось слабое клокотание. Сэм разомкнул его челюсти и стал внимательно осматривать полость рта.

— Сухой ороговевший язык... вероятно, следствие жара... Отек слизистой оболочки гортани... Не пытайтесь разговаривать со мной! С таким горлом у вас все равно ничего не выйдет! — Последние слова предназначались лежавшему, который действительно пытался что-то сказать.

— Взгляните на его руку! Он, кажется, хочет что-то написать! — взволнованно воскликнула Нита.

Сэм протянул больному свой фломастер и подставил блокнот таким образом, чтобы ему было удобно писать.

Рука двигалась очень неловко, дрожа: правша был вынужден писать левой рукой. Усилия, ценой которых ему удалось кое-как вывести трудноразличимые каракули, в конце концов ослабили его настолько, что он снова потерял сознание.

— «Больной»... «на кора»... наверное, «на корабле», да? Что это значит, Сэм?

— Может быть, он хотел написать: «болезнь на корабле»? И предупредить об инфекции? Или сообщить о том, что там, наверху, есть кто-то еще? Я должен немедленно подняться туда!

Нита собралась было что-то сказать — но передумала и нагнулась к регистрирующему устройству.

— Состояние прежнее. Не лучше и не хуже. По-моему, ему уже давно следовало бы находиться в госпитале.

— Мы не можем везти его туда без санкции Центра здоровья. Пока же единственное, что позволено сделать — это уложить больного поудобней. И прошу вас, не вправляйте ему руку — просто наложите шину и все. А я наведу на корабль... Да, не забудьте, Нита, надеть изоляционные перчатки, прежде чем прикоснетесь к нему! Кстати, и мне не мешает сделать то же...

Они оба натянули длинные, достигающие до локтя перчатки из тонкого, но чрезвычайно плотного синтетического материала, а Сэм вдобавок вставил себе в ноздри фильтровальные затычки. Перекинув через плечо сумку с медикаментами, он быстро взобрался по лестнице и исчез внутри шлюза.

Это было тесное, напоминающее металлический ящик помещение. Рядом с широкой, наглухо запертой дверью в дальней стенке чернела небольшая коробка переговорного устройства. Тут же располагался пульт управления, подойдя к которому, Сэм нажал кнопку «ОТКР». Ничего не произошло. Дверь осталась закрытой.

Сэм стал нажимать все кнопки подряд, однако управление по-прежнему бездействовало. Тогда он повернулся к телефону и, пробежав глазами список номеров, набрал 211 — номер кабины управления. В трубке щелкнуло, и экран засветился.

— Эй! Есть кто-нибудь? С вами говорят из шлюза!

На экране был виден акселератор, за ним — пустое кресло, а дальше — уже мутно — стеллажи с приборами. Людей не было.

Набрав номер машинного отделения, Сэм вновь поговорил с пустотой.

Таковыми же безлюдными оказались и остальные помещения корабля. В ответ на свои настойчивые вызовы Сэм слышал лишь эхо собственного голоса и все более убеждался в том, что их пациент был единственным человеком, прилетевшим на этом корабле...

Спускаясь по лестнице, Сэм отметил, что количество стоявших поодаль автомобилей увеличилось. И тут же до него донесся многократно усиленный динамиком голос вышедшего вперед полицейского:

— Доктор Бертолли! Вас вызывает госпиталь! Вас вызывает госпиталь! Сейчас вам доставят аппарат!

Сэм помахал рукой, показывая, что все слышал и понял — а потом, ступив на землю и сняв с плеча тяжелую сумку, зашагал к телефону, поблескивающему на полпути между кораблем и полицейским.

— Ну, что наш больной? — вернувшись, спросил он у Ниты.

— Не танцует, и кажется, не рвется... Очень слабый пульс. Температура без изменений. Может, ввести что-то жаропонижающее? Или антибиотики?

— Подождите, Нита: я должен переговорить с госпиталем.

На маленьком экране, разделенном вертикальной полоской на две равные части, появились незнакомый седой мужчина внушительного вида и перепуганный Мак-Кей, глава отдела тропической медицины — тот самый Мак-Кей, под руководством которого была в свое время разработана методика лечения пахиакрии Тофольма.

— Доктор Бертолли, мы уже слышали о человеке с корабля, — с ходу начал Мак-Кей. — А это профессор Чейбл из Всемирного центра здоровья. Будьте добры, покажите нам своего пациента.

— Разумеется, сэр. — Сэм развернул аппарат таким образом, чтобы лежавший без сознания астронавт, а также показания регистрирующего устройства попали в объектив передающей камеры. Спустя некоторое время он продемонстрировал и записку больного.

— Вы убеждены в том, что на корабле никого больше нет? — спросил Чейбл.

— Не совсем — ведь мне не удалось попасть внутрь... Но обзвонив все, что было можно, я не обнаружил там никого — ни живого, ни мертвого.

— Вы не могли открыть дверь?

— Не мог, сэр. По всей видимости, отключено управление.

— Понятно, — кивнул Чейбл. — Оно ведь работало, когда этот человек выходил? Значит, он сам и отключил его. А потом, на всякий случай, предупредил нас об опасности еще и запиской... Полагаю, что у нас предостаточно оснований немедленно подвергнуть корабль карантину, герметизировав его и обеспечив внешнюю стерилизацию. Никто не приблизится к нему, пока не будет выяснено, что это за болезнь.

— Отвезите больного в госпиталь, — продолжил Мак-Кей. — Все, кто находился в палате строгого карантина, уже переведены в другие места.

— Не дать ли ему сейчас каких-то лекарств, сэр?

— Лекарств? Пожалуй... Даже если эта инфекция — что-то неведомое, способы ее воздействия на организм не бесчисленны... Смело угощайте его аспирином и такими антибиотиками, как...

— Мегациллин?

— Вот-вот.

— Хорошо, сэр. Мы выезжаем через несколько минут...

Экранное изображение еще не успело исчезнуть, а Нита уже приготовила все необходимое для инъекций, которые тут же и были сделаны.

Задним ходом подъехал Киллер, и пока Сэм возился с каталкой, в воздухе появились вертолеты. Очевидно, они были подняты в воздух еще до телефонного разговора и теперь, когда поступило соответствующее распоряжение, лишь приблизились.

Два вертолета, медленно покружив, скрылись за корпусом корабля. Спустя мгновение оттуда донесся странный рев, и повалили густые клубы черного дыма.

— Что это? — вскрикнула Нита.

— Огнеметы. Чтобы инфекция не распространилась, должен быть обработан каждый дюйм корпуса корабля и окружающего грунта.

... Повернувшись назад, чтобы закрыть дверцу, Сэм увидел скворца, волочившего по земле крыло. Бедолагу, вероятно, чем-то ранило... Неподалеку, с разинутым клювом и неподвижно замерев на боку, лежала еще одна птица.

Глава 3

На этот раз Киллер превзошел самого себя. Он знал, что больной крайне плох, и что от того, как быстро они доберутся до госпиталя, зависит очень многое. Но не эти — при всей их важности — мотивы были для него решающими...

Едва взвыл турбодвигатель, как полиция полностью перекрыла все движение, обеспечив Киллеру беспрепятственный проезд по шоссе.

Нещадно швырнув стрелку спидометра за отметку «100», он полетел по самой середине бетонной дороги. Слева и справа над ним почтительно стрекотали два бело-зеленых полицейских вертолета, а еще один на предельно малой высоте летел впереди. И этот последний, поблескивающий объективами камер, не давал Киллеру забыть о том, что весь мир, прильнув сейчас к экранам своих телевизоров, смотрит на него!

На Флашинг-Медоуз, сжав покрепче руль, он повернул, не сбавляя скорости, и представил, как эффектно должны выглядеть свежепрочерченные черные дуги на светлой поверхности шоссе. О, телевидение!..

В машине умирал человек, жаропонижающее почти нормализовало температуру, но пульс все слабел и слабел.

Сэм направил на грудь пациента ультрафиолетовый луч, надеясь прочитать хоть что-то в его невидимой

медицинской карте, но ужасные фурункулы сделали это невозможным.

— Чем еще мы можем помочь ему? — с таким отчаянием спросила Нита.

— Мы сделали все, что в наших силах... И больше сделать ничего нельзя, пока не известен механизм самой болезни... — Сэм смотрел на напряженное лицо и дрожавшие руки молодой женщины, еще не знакомой с холодным дыханием смерти. — Хотя подождите... Кое-что сделать можно... И вы с этим справитесь лучше, чем я... — Он вытащил из-под сиденья небольшую коробку и вскрыл ее. — Ведь вашему отделу непременно потребуются анализы крови, слюны и фурункулезного гноя, не так ли?

— Конечно! — Нита энергично выпрямилась. — И я займусь этим сейчас же! Не нужно будет терять времени по прибытии!

Ее проворные руки занялись делом, и Сэм, понимая, как необходима для нее именно такая работа, именно в такой момент, — помогать не спешил. Откинувшись на спинку сиденья и раскачиваясь в такт движению бешено несущейся машины, он вслушивался в хриплое дыхание пациента, перекрывавшее шум воздухоочистителей.

Когда Нита взяла наконец все пробы, над каталкой был установлен кислородный тент с фильтрующим выходным отверстием.

— Это сведет на нет возможность заражения, — пояснил Сэм, — и слегка разгрузит сердце.

Гидротолкатель бесшумно распахнул задние дверцы перед платформой приемного отделения.

— Моя помощь не нужна? — раздался голос Киллера.

— Спасибо, дружище, мы уж как-нибудь сами... Кстати, не вздумай выходить! Сейчас сюда придут дезинфекторы!

— Слушаюсь и повинуюсь... — смиренно ответил динамик.

Пока Сэм вез больного к лифту, а Нита, бежавшая рядом, тревожно поглядывала на пациента и на показания регистрирующего устройства, к их машине уже подбежали люди в глухих пластиковых костюмах с

большими резервуарами за спиной и длинными распылительными трубками в руках. Возглавлял группу сам Мак-Кей, шеф отдела тропической медицины.

«Внимание — дистанционное управление», — сообщил металлический голос, как только каталка въехала в кабину лифта. Двери закрылись...

Коридор шестидесятого этажа тоже был пуст, а все двери плотно закрыты, как и надлежало в таких случаях. Скоро, вслед за ними, сюда поднимутся дезинфекторы...

Бесшумно отъехала первая из массивных дверей карантинной палаты и так же бесшумно вернулась на свое место после того, как они шагнули внутрь. Открылась вторая дверь.

— Так... Сейчас уложим его на кровать, и вы сможете отправить пробы в лабораторию...

Сэм почувствовал облегчение. Конечно, он все еще отвечал за состояние своего пациента, но скоро, с минуты на минуту, часть ответственности ляжет на других врачей. И если бедняге суждено умереть, виноват в этом будет не только Сэм Бертолли... Ему стало стыдно за свои мысли.

Пока Нита укладывала пробы в пневмопочтовые капсулы, Сэм подошел к столу с разложенными на нем регистрирующими приборами и взял в руки небольшую, похожую на картофельную стружку, черную пластину, в которой были объединены сфигмонометр и термометр. Прикрепив прибор с помощью хирургического клея к запястью больного, Сэм повернулся к монитору. Показания были более чем плохи... Оставалось включить электрокардиограф, энцефалограф, анализатор крови и — ждать, что там, наверху, решат...

Коротко пискнул сигнал, и на экране появилось лицо доктора Гаспарда.

— Точного диагноза пока нет, Бертолли, — сказал он. — Мы имеем дело с совершенно неизвестной болезнью — вот единственное, в чем никто не сомневается. Да, еще... Пациент опознан Космической комиссией как второй офицер «Перикла» Ренд. Сейчас вам покажут его медицинскую карту.

— Хорошо... Будут ли какие-то указания по лечению?

— Нет. Ничего нового во всяком случае. Продолжайте поддерживать его в прежнем состоянии...

Голос был заглушен резким сигналом тревоги. На экране монитора мигали красные буквы — «ЭКГ».

— Фибрилляция! — крикнул Гаспард, когда Сэм уже выхватил из распаханного шкафа коронарный стимулятор.

Сердечная мышца Ренда не сокращалась, как ей положено, а конвульсивно дергалась, как раненый зверь.

Два довольно сильных электрических разряда уняли беспорядочные толчки. После короткой паузы сердце заработало, но теперь слишком вяло.

Сэм повернулся к шкафу и увидел, что Нита уже достает кардиостимулятор.

— Это? — спросила она.

Сэм кивнул.

Сделав широкий разрез грудной клетки, он осторожно ввел туда два проводочка и, когда фибрилляция возобновилась, включил мотор.

За спиной Сэма тихо загудело, и энергия, заменившая нервные импульсы, заставляла сердце биться вновь — теперь уже в навязанном ему ритме — биться и гнать кровь по артериям лежащего без сознания Ренда.

Однако это было началом конца. Жизнь астронавта таяла на глазах, надежда на его спасение уже умерла, и в чудо никто не верил.

Сэм и ассистировавшая ему Нита делали все, что могли — но тщетно. Антибиотики не действовали на таинственный микроорганизм, и болезнь развивалась с устрашающей быстротой. Едва ли не все органы были в большей или меньшей степени поражены ею. Почечная недостаточность и некроз подталкивали человека к уже совсем близкой роковой черте...

Сэм не смотрел на экран и пропустил этот момент. Усталый голос Гаспарда заставил его вздрогнуть.

— Энцефалограф чертит прямую, доктор... Я благодарю вас и коллегу Мендель, вы сделали все возможное... Ему ничем нельзя было помочь...

Экран потух. Сэм выключил один за другим приборы, теперь уже бесполезные, и тупо уставился на мертвого человека. Несколько секунд понадобилось ему для того, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, несколько бесконечно долгих секунд... Пациент мертв — и это непоправимо. Надо жить дальше...

— Здесь мы больше не нужны, — сказал он Ните, беря ее под руку и уводя подальше от кровати.

Она не спускала глаз с лица умершего, пока Сэм не накрыл его простыней.

— А теперь — в дезинфекционную камеру, доктор! — энергично скомандовал он. — Со всем, что на вас, включая обувь и нижнее белье, придется распрощаться. Контейнер для сжигания вы обнаружите там же. Ну, и — как следует помыться... На стене висит инструкция, если возникнут какие-то вопросы...

Стаскивая на ходу перчатки, Нита направилась к двери.

— Нет, — сказала она, внезапно остановившись. — Вы контактировали с ним гораздо больше, и первым должны...

— Я должен еще кое-что сделать, — ответил Сэм, жестом подгоняя ее.

... Когда Нита появилась вновь, одетая в стерильный балахон и обутая в хлопчатобумажные тапочки, палата была совершенно другой. На кровати не было даже матраса. Исчез и Ренд.

Сэм, поймав ее вопросительный взгляд, кивнул на квадратную дверь из нержавеющей стали.

— Велели поместить его туда. Что-то вроде морга. Тело замораживается жидким азотом. Это, конечно, усложнит вскрытие, но так решили наверху. Впрочем, что я тут рассказываю — вы ведь работаете в патологии и все прекрасно знаете... Нита, подежурьте тут, пока я помоюсь! Кстати... Мы не выйдем отсюда, пока не получим разрешения.

Нита с наслаждением опустила в кресло. Только сейчас она поняла, как сильно устала за эти несколько часов.

Вошедший Сэм застал ее все в той же расслабленной позе. Он сразу подошел к шкафу и извлек оттуда два регистрирующих браслета.

— Нам следовало сделать это раньше, Нита. Потому что, если... если мы заразились... то лучше об этом узнать сразу...

Протянув ей один из браслетов, Сэм подошел к полке с лекарствами и взял небольшую, наполненную прозрачной жидкостью бутылку.

— Строго по предписанию врача! — подняв вверх указательный палец, сказал он. — Ну-ка, что у меня в руке?

— C_2H_5OH .

— Правильно! Это действительно этиловый спирт! По-моему, мы оба ходили в одну и ту же школу... Имеется, конечно, множество вариантов использования этого универсального растворителя, но учитывая потребность в безотлагательном лечении, я выбираю самый простой и эффективный из них!

— Субкраниальную инъекцию?

— Ну зачем же так грубо...

Сэм достал из холодильника банку апельсинового сока и, смешав его со спиртом в пропорции один к одному, разлил полученный продукт в две большие мензурки.

Они улыбнулись друг другу и сделали несколько глотков, стараясь не глядеть на блестящую квадратную дверь, но думая только о ней. А потом уселись у окна. Уже смеркалось, и между темными силуэтами зданий проглядывало догорающее небо.

— Никак не вспомнить... — пробормотал Сэм, глядя перед собой невидящим взором.

— О чем вы? Разве можно было спасти его?

— Да нет, с беднягой Рендом это не связано — непосредственно, во всяком случае. Что-то касающееся корабля... Я видел это перед тем, как мы уехали...

— Подождите. Перед тем, как мы уехали, ничего особенного, насколько я помню, не произошло. Ну, прилетели эти вертолеты...

— Вот-вот, что-то связанное с ними! — Тут он резко вскочил, выплеснув содержимое мензурки на пол. — Нет! Не вертолеты, а птицы! Вы помните этих птиц?

— К сожалению, я не...

— Птиц, находившихся рядом с кораблем! Закрывая дверцу машины, я увидел на земле несколько покалеченных скворцов и решил, что они пострадали в момент посадки «Перикла». Но ведь их не было, когда мы приехали туда! Значит... — Не договорив, он бросился к телефону.

Профессор Чейбл, ради разговора с Сэмом прервавший совещание, слушал молча, и только складка над его переносицей делалась все глубже и глубже.

— Нет, доктор, я впервые слышу об этих птицах. Вы полагаете, здесь существует какая-то связь?

— Мне бы очень хотелось, чтоб ее не было.

— Там у них уже все оцеплено... Я, конечно, немедленно пошлю своих людей взглянуть на птиц, а вы, Бертолли, независимо от результатов их наблюдений, непременно подайте свой рапорт! К тому времени... Одну минуточку! — Чейбл отвернулся, чтобы с кем-то переговорить. Вскоре он уже вертел в руке пачку фотоснимков. — Только что из-под микроскопа, Бертолли! Обнаружен микроорганизм, во многом напоминающий вирус оспы.

— Оспа?! Но ведь симптомы...

— Не те, понятно. Потому что в его строении есть поразительные особенности... А потому, Бертолли, я попросил бы вас, а также доктора Мендель помочь мне разобраться в этой чертовщине...

Нита, уже давно стоявшая за спиной Сэма, ответила за обоих:

— Конечно, профессор. Мы сделаем все, что будет в наших силах.

— Ваш карантин продлится до окончательного выяснения природы этой таинственной болезни, и раз уж у вас под рукой Ренд...

— Мы готовы произвести вскрытие, профессор, — ответил на этот раз Сэм. — Не стоит подвергать риску заражения других людей.

— Вообще-то такими вещами должен заниматься Центр здоровья, но, учитывая особые обстоятельства...

— Да, конечно, мы это сделаем сами... Будет ли вестись запись?

— Разумеется. Мы будем записывать все — от первой до последней минуты...

Даже с помощью ультразвукового скальпеля анатомизировать замороженный труп Ренда оказалось делом нелегким. К тому же они переоценили свою профессиональную невозмутимость.

Теперь стало окончательно ясно, что недавние попытки спасти этого человека были совершенной нелепостью. Бесчисленные каверны, кисты и язвочки изъели почти все.

Сэм занимался собственно секцией, в то время как Нита подготавливала мазки и тонкие срезы тканей для немедленной отправки в лабораторию.

Их потревожили всего раз. Профессор Чейбл сообщил, что неподалеку от корабля обнаружены мертвые птицы — множество скворцов и одна чайка — и что все они доставлены в лабораторию Всемирного центра здоровья.

Когда все инструменты были тщательнейшим образом простерилизованы, уже начались новые сутки.

Нита, вернувшаяся из дезинфекционной камеры с обвязанной полотенцем головой, застала Сэма за разглядыванием фотоснимков.

— Вот, посмотрите... — сказал он. — Только что прислали из лаборатории. На телах мертвых птиц обнаружены язвы.

— Нет! Этого не может быть!

— А вот как выглядит вирус... — Сэм протянул ей другой снимок. — Он идентичен вирусу Ренда.

Медленно опустившись на кушетку, Нита подобрала под себя ноги. В халате, едва прикрывавшем колени, без обычной косметики на лице, она была теперь просто привлекательной женщиной, и никаким не врачом...

— Вы хотите сказать, что...

— Ничего, — мягко перебил Сэм. — Ничего здесь пока что не ясно. Вопросы, вопросы, вопросы... Почему, например, корабль так долго был на Юпитере? И как так вышло, что вернулся один только Ренд? При каких обстоятельствах он подхватил эту болезнь? А птицы? Как это перекинулось на них? И отчего, если уж вирус настолько свиреп, что птицы умирают едва соприкоснувшись с ним, отчего мы с вами еще... э-э... не заболели...

Тут же пожалев о сказанном, он умолк. Нита сидела неподвижно, склонив голову набок и закрыв глаза. Представив, что эти глаза наполняются сейчас слезами, Сэм порывисто взял ее руку в свою и сразу же почувствовал ответное пожатие. Нита откинулась назад — снимок, который она до сих пор сжимала, упал на пол — и он наконец понял, что она спит.

Укрыв ее пледом, выключив свет и приготовив себе новую порцию спиртово-апельсинового напитка, Сэм устроился на одной из кроватей и принялся размышлять. Что же это за чума такая?.. Круговорот мыслей, так или иначе связанных с этим вопросом, в конце концов убаюкал его...

Проснувшись, Сэм увидел освещенную ярким солнцем пустую кушетку. Он поднес к глазам регистрирующий браслет. Все было по-прежнему в норме.

— Вы намерены спать до конца жизни? — донесся из кухни голос Ниты, и что-то загремело. — Уже полседьмого!

Она вошла с чашкой кофе для него. Волосы были туго перевязаны на затылке, а губы слегка тронуты помадой. В ней было сходство с начинающимся летним денечком...

— Я хотела связаться с Центром, но решила подождать, пока вы проснетесь, — сказала Нита и повернулась к телефону.

— Потом! Потом! — закричал Сэм с шутливым испутом. — До завтрака — никаких центров! Если, конечно, у вас там действительно завтрак...

— Искуснейшего приготовления, сэр! С использованием натуральнейших сосисок и отборных яиц! Ручная работа!

— Где же, где это чудо?!

Словно заранее сговорившись, они оба старались подольше не подпускать к себе окружающий мир с его вечными проблемами. Сейчас не существовало ничего — только они, завтракавшие на головокружительной высоте, в лучах утреннего солнца.

Налив еще по чашечке кофе, они пили, смакуя и поглядывая то на безоблачное небо, то на простирающийся перед ними город.

— Вы давно в Нью-Йорке? — спросила Нита.

— Угу... — кивнул Сэм. — Если не считать девяти лет службы в войсках ООН — всю жизнь.

— Девять лет? Ого! Я сразу подумала, что вы немножко... ну... — Она сконфуженно смолкла.

Сэм рассмеялся.

— Немножко староват для интерна, да? Пожалуй, вы правы!

— Я не то хотела сказать...

— Бросьте, Нита! Действительно, было время, когда я чувствовал себя переростком и здорово переживал по этому поводу... Но с тех пор моя шкура основательно задубела. Стыдиться того, что столько лет отдано армии? Но мне это нравилось, и я даже успел дослужиться до капитана, прежде чем решил уволиться!

— Была какая-то особая причина?

— Безусловно. Но подсознательно я был уже готов к этому... Видите ли, там у нас был прекрасный врач, он же мой лучший друг — Том. И однажды я с удивлением обнаружил, что в его работе гораздо больше смысла, чем в моей. Том никогда не агитировал меня — он просто отвечал на все идиотские вопросы и позволял мне присутствовать при операциях... Окончательное же решение я принял после того, как пришлось побывать в одной тибетской деревушке. Наш десант, заброшенный туда, должен был помешать столкновению индийцев с китайцами... Я впервые увидел такую нищету и столько больных людей вместе — и подумал: почему той единственной вещью, которую мы принесли сюда, оказалась винтовка?..

Рассказ Сэма был прерван осиным жужжанием телефона.

На экране появился Мак-Кей. Мешки под его глазами красноречиво свидетельствовали о том, что он, как и весь отдел тропической медицины, проработал всю ночь.

— Как чувствуете себя? — резким тоном спросил Мак-Кей. — Нет ли каких-то симптомов?

Сэм взглянул на свой регистратор, потом — на регистратор Ниты.

— Все в норме, сэр. Ничего подозрительного... Не было ли за это время случаев заболевания?

— Ни одного. В контакте-то с Рендом были только вы двое... — Закрыв глаза, он принялся растирать свой лоб. — Ни единого случая заболевания болезнью Ренда — по крайней мере, у людей...

— А что птицы?

— Да, о птицах... Зафиксирован мор. Центр здоровья уже передал по радио предупреждение о том, чтобы люди не прикасались к больным или мертвым птицам и немедленно сообщали в полицию о фактах обнаружения таковых.

— Заражены ли другие животные? — спросила Нита.

— Нет, пока только птицы — и на том спасибо... И то, что вы в порядке, — тоже обнадеживает. Если вдруг обнаружите что-то необычное, немедленно дайте знать. Всего доброго. — Мак-Кей положил трубку...

— Кофе остыл. Сейчас подогрею, — глотнув из своей чашки, сказала Нита и открыла микроволновую печь. — Странная какая-то болезнь... Неправильная...

— Вас это удивляет? А разве не следовало ожидать, что болезнь, привезенная из космоса, будет чуждой для нас?

— Новой — может быть, но никак не чуждой. Ведь каким бы диковинным ни был этот вирус — воздействовать на организм он может лишь строго ограниченным числом способов! Совершенно чуждое не смогло бы повредить человеку. Скажем, грибок, которого интересует жизнь только кремниевой природы...

— Или бактерия, жизнеспособная только при минус тридцати...

— Совершенно верно! Нам неведом вирус, сразивший Ренда, но вполне понятны болезненные реакции его организма — жар, нефроз, фурункулез, пиемия и тому подобное... Либо инфекция распространилась по всему организму, либо это нечто такое, что атакует несколько органов одновременно. Нова в данном случае лишь комбинация уже известных факторов.

Сэм налил себе кофе.

— Ну что ж, звучит обнадеживающе... А то я, откровенно говоря, уже вообразил себе такую космическую чуму, распространившуюся по всей Вселен-

ной... — Он внезапно нахмурился. — А как с птицами? Им тоже найдется место в вашей теории?

— Пока нет... Возможно, у них та же болезнь или почти та же. Если это действительно так, то будет очень кстати обнаружение вируса Ренда у кого-то еще. Бряд ли медикаментозное лечение даст хорошие результаты, но мы сможем создать вакцину... Поскорей бы узнать, что там с лабораторными исследованиями...

— Да, я тоже не прочь узнать результаты... Но давайте-ка, Нита, уж смиримся с необходимостью пребывания здесь, пока таковая существует. Вы можете заняться своими пробами, а вот мне, только и знающему, что разъезжать на тарантасе, делать абсолютно нечего... Позвоню-ка я кое-кому из друзей и разведжаю, что творится в мире...

Все утро Нита работала в небольшой, но прекрасно оснащенной лаборатории, какие существуют при любой карантинной палате. До нее долетали неясные обрывки телефонных разговоров Сэма и шипение пневмотранспортера. Около полудня она вышла передохнуть и увидела Сэма склонившимся над большой, во весь стол, картой.

— Вот, посмотрите, — сказал он. — Это Лонг-Айленд, а здесь — аэропорт Кеннеди. Я запросил все копии сообщений о мертвых птицах и отметил на карте все точки их обнаружения. Как вам нравится мой рисунок?

Нита задумчиво провела пальцем по линии, образованной красными цифрами.

— Все — вдоль южного побережья! — воскликнула она. — С наибольшим числом вдоль Лонг-Бич и Сидерхеста!

— Да, там, на канале Рейнольда найдено больше двух тысяч мертвых уток... А скажите, Нита, вы не обратили внимания на то, в какую сторону, я имею в виду стороны света, был открыт люк?

— Мне было не до этого, ведь...

— Мне тоже. Поэтому я навел справки... Он открылся именно в сторону Лонг-Бич! А теперь — маленький штришок...

Он взял линейку и провел жирную красную линию, взглянув на которую Нита едва не задохнулась от неожиданности.

— Но ведь это же большинство пораженных точек! Правда, если ветер дул именно в ту сторону...

— Вчера — вспомните! — почти не было ветра. Сильного, во всяком случае.

— Не хотите ли вы сказать, что вирус, инфицировавший этих птиц, распространился, как... луч прожектора?

— Я ничего не хочу сказать, Нита. Я только нанес на карту точки. Может быть, вирус и в самом деле распространился упомянутым вами способом. Не стоит навязывать неизвестному организму наши правила поведения. Он, кажется, и не думает соблюдать их... — Сэм, расхаживая взад-вперед, бил кулаком по ладони. — До тех пор, пока вирус Ренда будет поражать только птиц, мы в капкане... Нас могут тут мариновать сто лет, дожидаясь, пока мы заболеем...

Монолог был прерван сигналом телефона. Звонили из Центра здоровья, Чейбл. У него был загнанный вид, и голос его был едва слышен.

— К вам везут пациента, Бертолли. Будьте добры, подготовьтесь к приему.

— Вы хотите сказать, что...

— Да. Болезнь Ренда. Полицейский. Один из тех, кто подбирал мертвых птиц.

Глава 4

Пока Нита приготавливала постель, Сэм бросал выжидающие взгляды на входную дверь. Индикаторная лампочка своим миганием показывала, что внешняя дверь пока закрыта.

Но вот приглушенно загудел мотор и показалась каталка. Лежавший на ней полицейский, одетый в форму, приподнялся на локтях и посмотрел на Сэма.

— Не знаю, доктор, зачем меня сюда... Слегка поднялась температура — обычная летняя простуда, знаете ли...

Он сказал это совершенно будничным тоном, но с очевидным желанием успокоить самого себя. Лицо его покрывали красные пятна, грозившие превратиться в фурункулы.

Сэм потянулся к медицинской карте.

Итак — Фрэнсис Майлз, 38 лет, офицер полиции... Вся информация была напечатана на машинке, и только в нижней части листа крупными каракулями было приписано: ВИРУС РЕНДА — РЕАКЦИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ.

— Что с вами, Фрэнк, — это мы выясним, — ответил Сэм, с невозмутимым выражением лица прикрепляя карту на место. Он втолкнул каталку в палату, и дверь тотчас закрылась...

Нита — сама жизнерадостность — энергично взбив подушку, тут же предложила полицейскому меню, заметив, что он выглядит весьма голодным, и даже извлекла из недр холодильника бутылку пива.

Сэм, не мешкая, прикрепил к сухой, горячей коже пациента регистрирующее устройство и вскоре получил первые данные. Температура за пятнадцать минут поднялась на целый градус.

Когда начали формироваться первые фурункулы, Сэм, выйдя в смежную комнату и прикрыв за собой дверь, нажал несколько стертых костяшек наборной клавиатуры.

— Мы следим за вами по монитору, — сказал Мак-Кей.

— Будут какие-то рекомендации?

— Пока нет. Это сейчас обсуждается.

— И вам даже нечего посоветовать? — Сэм раздраженно сжал кулаки.

— Видите ли, у нас тут некоторые расхождения во взглядах... Исходя из того, что лечение Ренда оказалось неэффективным, полагаю, что уместно будет дополнить все прежние средства интерфероном, который уже на пути к вам. Кроме того, кислородная терапия в сочетании с повышенным давлением и...

— Мистер Мак-Кей, — прервал его Сэм. — У нас нет барокамеры, а значит, для этого его необходимо снова куда-то везти. Не забывайте, что приборы не договаривают! Этот человек тает на глазах! Вы когда-нибудь сталкивались с болезнью, прогрессирующей так быстро?

Мак-Кей устало покачал головой.

— Так разрешите же мне, — продолжил Сэм, приблизившись к аппарату вплотную, — пока не поздно, ввести интерферон с антибиотиками, не дожидаясь чьего бы то ни было решения! Не могу же я сидеть сложа руки!

— Да, конечно, Бертолли... Ведь он, в конце концов, ваш пациент... Я полностью разделяю вашу точку зрения и уведомя комиссию...

Положив трубку, Сэм обнаружил стоявшую за его спиной Ниту.

— Вы все слышали?

— Да, и, по-моему, вы правы. Не видя пациента вблизи, они не очень отчетливо все представляют... Он тут внезапно пришел в чуть ли не истерическое состояние, и я ввела суринал, шесть кубиков.

— Правильно, Нита... А теперь давайте посмотрим, не приехал ли наш интерферон.

Капсула уже была в приемной нише, и, пока Нита протирала пациенту руку, Сэм быстро наполнил шприц.

Полицейский лежал на спине, закрыв глаза и тяжело дыша ртом. Тело его было покрыто красными вздутиями фурункулов.

Сэм сделал сначала внутривенное вливание — чтобы поток крови разнес лекарство по всему организму, а затем погрузил иглу в один из фурункулов.

— Для контроля, — пояснил он, отмечая это место йодовым кружком. — Локальное применение интерферона всегда более эффективно. В сочетании с антипиретиками можно добиться неплохих результатов...

Изменений в состоянии больного, однако, не последовало, хотя температура упала на два градуса. Мак-Кей со своей группой по-прежнему контролировал все их действия и не скупился на советы, возмущая тем дородного Майлза, который чувствовал себя морской свинкой. Он и был сейчас кем-то вроде подопытного животного: его исцеление прибавило бы шансов остальным...

Остальных же становилось все больше. Их отвозили в нью-йоркский госпиталь, где уже была оборудована специальная палата, гораздо больше этой, и где их ожидал набранный из добровольцев персонал. Число поступивших туда людей выяснить было сложно, так как даже служебные отчеты были полны умолчаний, а теле- и радиобюллетени демонстрировали бодрячество. Сэм, если бы он не был целиком поглощен своим делом, кипел бы сейчас от бессилия, от невозможности вырваться из этой клетки в момент, когда по городу, быть может, уже разгуливает чума...

— Для чего вам это? — спросил он, видя, как Нита достает из ниши проволочную корзину с голубями.

Она откинула со лба рыжевато-каштановую прядь и кивнула на стол.

— Весь день я следила за сообщениями из лабораторий и узнала таким образом, что задуман один любопытный эксперимент. Здесь, в условиях карантина и при наличии зараженного вирусом Ренда человека, провести его будет гораздо безопасней и проще...

— О каком эксперименте речь?

Она порылась в кипе бумаг и извлекла одну из них.

— Вот. Это первый отчет из отдела патологии. Оказывается, препарированная человеческая ткань не инфицируется пораженными клетками Ренда. Они выяснили это прошлой ночью, когда он был еще жив... Обнаружено также, что вирус не передается ни обезьянам, ни морским свинкам, ни кроликам.

— Но в таком случае мы с вами можем спокойно покинуть карантин! Хотя... Как ухитрился заразиться полицейский?

— Слушайте дальше. Вирус Ренда способен поражать птиц, причем всех видов. А птицы передают его человеку. Фрэнку, например.

— Эти опыты ставились на добровольцах?

— Ну что вы... Исключительно на препарированных тканях и клетках.

Сэм взволнованно расхаживал по комнате.

— Это напоминает шистоматозный цикл: человек — улитка — опять человек... Все на чистой случайности, никакой передачи по наследству... В нашем же случае человек заражает птицу, а птица заражает человека. Внутривидовые неприятности исключаются... Хотя подождите. Птицы заражаются друг от друга?

— Да, это уже доказано.

— Ага... Так вот вам для чего понадобились эти голуби! Вы хотите выяснить, заразятся ли птицы и на этот раз. Если да, значит у Фрэнка та же болезнь, что была у Ренда. И для того, чтобы покончить с нею, нужно прервать цепочку...

Держа наготове шприц, Нита ловко ухватила голубя. Тот, не в силах шевельнуться, только таращил свои розовые глаза — пока игла находилась в его тельце. По завершении инъекции птица была заперта в отдельную клетку.

— Упущена одна деталь, — сказал Сэм. — Способен ли, условно говоря, вирус Фрэнка заразить чело-

века — ведь не исключено, что, побывав в организме птицы, он сильно изменился?

— Повторное заражение исключено. Я отсылала гнойниковые пробы на шестой этаж и получила подтверждение этому.

Зайдя к больному, Сэм застал его безмятежно спящим. Изменений в состоянии не наблюдалось, болезнь не прогрессировала — явно, по крайней мере, — но температура оставалась по-прежнему высокой. Вернувшись в лабораторию, Сэм сел у стола, напротив Ниты, что-то писавшей в блокноте.

— В лаборатории, — сказала она, — их уже называют Ренд-альфой и Ренд-бетой. Скорее всего, это окончательные названия...

— И чем они отличаются друг от друга?

— Тем, что Ренд-альфа — это смертоносный вирус, обнаруженный в организме Ренда. Он не передается никому, кроме птиц. А Ренд-бета убивает птиц и передается ими человеку.

— А также другим птицам...

— Да, и потому распространяется с необыкновенной скоростью.

— Значит, теперь нужно выяснить, превращается ли, оказавшись в организме человека, бета в альфу? И если это так, то все проблемы исчезают? Придется, конечно, перебить уйму птиц, но опасность заражения людей будет устранена.

— Надеюсь, — отозвалась Нита, посмотрев на шкалу прикрепленного к птичьей клетке регистратора. Если голубь заболит, это будет означать, что у него бета-вирус, в отличие от альфы Фрэнка. И что существует лишь две формы болезни Ренда, заразиться которой человек может только от птицы. Уничтожив источник инфекции, мы покончим и с самой болезнью.

Они увидели, как голубь, расправив одно крыло, повалился на бок.

— Температура повысилась на четыре градуса, — прошептала Нита.

Оформился первый нарыв, и болезнь стала принимать знакомый облик.

— Сейчас возьму пробу крови для лаборатории. Пускай проверят под электронным микроскопом. Но вряд ли есть какие-то основания сомневаться...

— Ни малейших! — подтвердил Сэм, доставая из автоклава шприц. — Но в доказательстве отсутствует весьма существенный момент... — Развернувшись, он направился в палату.

— Нет! — вскрикнула Нита. — Не вздумайте!

Догнав Сэма, она так резко дернула его за руку, что шприц упал на пол и разбился. Их взгляды встретились.

— Вы не должны этого делать, Сэм. Центр принял решение повременить с опытами на добровольцах. Сейчас это слишком опасно, да и нет такой уж необходимости...

— Необходимость есть, Нита. До тех пор, пока не доказано, что Ренд-альфа не может передаваться человеку от человека, нужно считаться с возможностью возникновения эпидемии, а нам с вами нужно торчать в этой палате... Рано или поздно кому-то придется вводить вакцину против этой болезни. А так как я уже подвергся воздействию Ренд-альфы, контактируя с самим Рендом, мне и быть этим кем-то. У вас есть возражения?

— Я хотела бы...

— Не-ет уж, дорогая Нита! Это именно тот исключительный случай, когда женщины и дети идут позади!

Помолчав некоторое время, Нита развернулась и пошла к автоклаву.

— Я не стану спорить, — тихо сказала она. — Может быть, вы и правы, не знаю. Так или иначе, но остановить вас — не в моих силах. Но я цитолог и не могу допустить, чтобы всякие недотепы-интерны заражали себя гепатитом, пиемией или чем-то подобным. — Она взяла в руку шприц. — Поэтому вся подготовительная часть будет выполнена мной. Ясно?

— Предельно, — ответил Сэм и вновь повернулся к больному.

Он знал, что Ните не придет в голову подсунуть ему дистиллированную воду или же нейтральную плазму. Потому что дело было слишком важным... Да, конечно, она была женщиной, и даже очень женщиной, со

всеми женскими чувствами и эмоциями, но она к тому же была и врачом...

— Готово.

Сэм, кивнув, тщательно протер свою руку и, заметив, что Нита колеблется, взял у нее шприц, брызнул несколькими каплями в воздух и — ввел иглу под кожу.

Глава 5

— Вирус Ренд-альфа не размножается в препарате человеческой ткани! — бодро сказала Нита и стиснула руки, так что кончики пальцев стали белыми. — Практически никакой угрозы заражения...

Себя она успокаивала не меньше, чем его, и Сэм это понимал. Такой внезапный переход — в течение одного дня — от привычной и безмятежной работы в лаборатории к почти осязаемой встрече с чужой, но все-таки смертью — был слишком безжалостным испытанием для нее...

— Да, — согласился он. — Почти никаких шансов... Нита, не сообщите ли вы о нашей проделке Мак-Кею? А я бы тем временем взглянул на пациента...

Полицейский все еще спал — но не стало ли его дыхание чуть более хриплым?.. Сэм бегло просмотрел регистрационные диаграммы. Все свидетельствовало о неумолимом и стремительном ухудшении состояния больного. Интерферон, введенный три часа назад, приостановил этот процесс. Наметилось даже чуть заметное улучшение. Но затем температура подскочила вновь, давление упало, и больной заскользил к пропасти... Сэм ввел еще одну дозу интерферона. Теперь это не дало никакого эффекта...

— Мак-Кей был ужасно зол, — сказала подошедшая Нита. — Но только поначалу. А затем он велел

тщательно контролировать все, что будет происходить дальше, и объявив вас — цитирую — «ненормальным дураком», неожиданно выразил свою глубокую признательность... Не было... чего-нибудь? — Она взяла Сэма за запястье и тревожно посмотрела на регистрирующий браслет.

— Нет, никакой реакции... Вы ведь сами сказали, что Ренд-альфа не передается человеку...

Итак, еще один пациент, его пациент, умирал на глазах — и ничего нельзя было поделать. Если первая инъекция интерферона помогла, и бешеная атака вируса, захлебнувшись, не возобновлялась в течение нескольких часов, то теперь этого не произошло. Температура поднималась все выше и выше, жаропонижающие средства не оказывали никакого действия. Уже были включены сердечно-легочный аппарат и искусственная почка. Оставалось испытать только полное переливание крови. Попытка была заранее обречена на неудачу, но Сэм отгонял эту мысль до последнего мгновения. Он должен был выиграть сражение во что бы то ни стало...

Лишь когда Нита, расплакавшись, ухватила его за руку, Сэм отвел от больного свой застывший взгляд.

— Сэм, я прошу вас... Он мертв, Сэм! Вы больше ничем ему не поможете!

Он вдруг почувствовал страшную усталость. Сколько времени прошло? Часов двенадцать? Больше? Взглянув на часы, он увидел на руке регистратор. Забыл! Однако, если бы вирус все-таки размножился, это уже чувствовалось бы... То есть, все в порядке! Хотя какая-то радость...

— Присядьте, Сэм. Вот ваш кофе...

Осторожно сделав первый глоток, он жадно выпил почти всю чашку.

— Третий час ночи, значит... Ну, какие новости, Нита?

— Нас выпускают отсюда. Это решение Мак-Кея. Он сказал, что если до полуночи не будет никаких симптомов, то карантин снимается... — Сэм попытался вскочить, но она его удержала. — Пожалуйста, допейте кофе и выслушайте все до конца.

Поколебавшись, он грузно плюхнулся в кресло и улыбнулся.

— Кофе восхитителен, и я не откажусь еще от чашечки... Извините, Нита, если я действовал, как идиот, но все это стало настолько личным с той минуты, когда Ренд буквально свалился на нас...

Нита наполнила чашку Сэма, а себе подлила сливок.

— Судя по сообщениям — неважные дела в городе, Сэм... Птицы, инфицированные вирусом Ренд-бета умирают почти сразу, но к этому времени даже кончики перьев поражены. Достаточно легкого прикосновения, чтобы заразиться. Все, кто заболел, или держали птиц в руках, или прикасались к поверхности, на которой до того находилась больная птица... Покинув носителя, вирус погибает, но пока неизвестно, какой период времени для этого требуется.

— Сколько случаев?

— В последний раз говорилось о трех тысячах.

— Ух, как быстро... Ну, и что же предпринимается?

— Пока лишь паллиативные меры, но в данный момент как раз идет совещание всех медицинских светил, с участием мэра и полицейских шишек. Это здесь, в Белвью, аудитория номер два. Председательствует профессор Чейбл. Он, кстати, приглашает вас спуститься туда... Я не выложила это сразу, так как по вашему изможденному виду поняла: вот кому действительно не помешает чашка крепкого кофе.

— Вы поступили мудро! — улыбнулся Сэм, встав и сдержанно потянувшись.

Нита тоже поднялась и стояла теперь совсем близко. Руки Сэма, совершенно помимо его воли, обняли ее за плечи. Он сразу принялся оживленно говорить о чем-то постороннем, но чувствовал только тепло ее тела. А потом он обнял ее крепче, и их губы соприкоснулись...

— М-да... — смог наконец удивленно выдохнуть Сэм. — Я, кажется, слегка забылся... Очень сожалею, Нита...

— Сожалеете? — Она улыбнулась. — Я — нет... По-моему, это было очень приятно... И было бы еще приятней, если б вы побрились...

Сэм провел рукой по своей щеке, и та зашуршала, как наждачная бумага.

— О, простите... Должно быть, я выгляжу, как самый настоящий дикобраз — во всяком случае чувствую себя именно таковым... Нет, в таком виде я просто не могу отправляться на совещание!

...Яркий свет в ванной, отразившись в кафельных плитках и металлической арматуре, заставил Сэма сощуриться, чтобы рассмотреть в зеркале свое отражение. Сверкающая головка ультразвуковой бритвы плавно двигалась по коже, срезая щетину, и не раздражала, пока Сэм не прижал ее посильней. Не то, чтобы это было мучительно, но все же, появившиеся звуки и еле уловимая вибрация черепа удовольствия не доставляли. Казалось по внутреннему уху летают крохотные насекомые... Из зеркала на Сэма глядел человек с воспаленными веками и болезненными тенями под глазами. Значит так... Аспирин уймёт головную боль, а пятимиллиграммовая доза бензедрина не даст уснуть во время совещания. Но все это потом. А сейчас необходимо раздобыть хоть что-то, напоминающее обувь. Белый костюм выглядит вполне прилично, но эти умопомрачительные тапочки...

— У вас там будет возможность позвонить? — спросила Нита, когда он направился к выходу. — Мне бы хотелось быть в курсе...

— Да, конечно. Как только смогу.

Он нажал кнопку, и дверь плавно открылась. Все мысли Сэма были уже там, за этими стенами. Он подготавливал себя к ожидающим его переменам...

Когда бесконечный стерилизационный цикл был наконец завершен, милостиво открылась внешняя дверь, и Сэм вышел. Первым, кого он увидел, был Киллер Домингес, спавший на самом краю большой скамьи. Дверной механизм зашумел вновь, и Киллер, открыв сначала один глаз, резко вскочил на ноги.

— Добро пожаловать в цивилизацию, сэр! Я уж думал — не потерялся ли ключ от этой двери... Но тут пронёсся слух, что вы покидаете карантин — и я немедленно явился сюда. Мои поздравления!

— Спасибо, Киллер. А не пронёсся ли слух о том, что я должен спешить на совещание?

— Пронесся! А Чарли Стейн из гинекологии поведал мне, что они сожгли всю вашу одежду. «И туфли?» — спросил я его. «А ты думал!» — ответил он. Таким образом я узнал, что вам не мешает пара башмаков — ведь так?

Он нырнул под скамью и вытащил оттуда белые туфли на резиновой подошве.

— Киллер! Ты настоящий друг! — воскликнул Сэм, переобуваясь. — Ну, а теперь расскажи-ка, что там в городе... Ведь ты работал, пока я тут томился?

С лица Киллера тотчас исчезло, казалось бы, уже окончательное выражение невозмутимости, какое бывает только у людей, донельзя искушенных в этой жизни. Он нахмурился.

— Паршиво, док... И обещает стать еще паршивей. Пока что люди сидят по домам, наглухо заперев двери. Но скоро станет туго с продовольствием, и им очень захочется навестить своих деревенских родственников. Тут-то и начнется потеха... Пресса и телевидение делают вид, будто ничего не происходит, а я собственными глазами видел, как бушевала толпа в Ист-Сайде...

Они подошли к лифту.

— Думаю, что скоро все нормализуется, — стараясь придать своим словам как можно больше уверенности, сказал Сэм. — Мы управимся с птицами, и болезнь Ренда будет побеждена.

— Этих птиц — тьма, док... — лениво покусывая зубочистку, заметил Киллер, уже бесстрастный.

... Грозный полицейский, стоявший у входа в аудиторию, преградил Сэму дорогу и, пока тот объяснялся, держал руку на кобуре. Уразумев, что пришли действительно не просто так, он связался с кем-то по рации, и вскоре Эдди Перкинс, госпитальный хирург, открыл дверь.

Подождав, пока удалится Киллер, Эдди увлек Сэма в гардероб.

— Я должен тебя кое о чем предупредить, — начал он. — Тут у нас самая настоящая битва.

— И за кого же сражаешься ты?

— Вопросик, однако... — Эдди криво улыбнулся и, вытащив из кармана пачку сигарет, закурил. — За Мак-Кея. Он возглавил группу по борьбе с болезнью

Ренда. Вспомни, как лихо старик справился с пахиакрией Тофольма... Люди из министерства смотрят ему в рот. Военные и полиция вроде бы тоже прислушиваются к его мнению. А вот политики — те, как всегда, переполнены мудростью... Мак-Кей пытается убедить губернатора в необходимости объявления военного положения и ввода войск ООН. Рано или поздно это все равно придется сделать, так уж лучше сразу... С их помощью мы могли бы истребить всех птиц в радиусе ста миль.

— Но ведь это же сотни парков и заповедников! Я могу себе представить, что скажут представители Общества охраны природы.

— Уже сказали... Причем — губернатору, который, как ты понимаешь, не хочет, чтобы его прокатили на осенних выборах...

— Ну, и при чем же тут я?

— А при том, что, по мнению Мак-Кея, твое появление может решить исход голосования! Ты заставишь всех умолкнуть и выслушать, что им скажет герой дня — парень, первым увидевший Ренда и отправившийся вместе с ним в карантин! Человек, который ввел себе порцию этой гадости и доказал, что вирус Ренд-альфа безопасен для людей! Как только они осознают это, прекратится паника, стихнут разговоры об эвакуации населения и прочей ерунде! Ну, а потом ты ясно и четко заявишь: распространение Ренд-беты можно пресечь единственным способом — уничтожив несколько миллионов птиц. Согласен?

— Да, конечно... Способ жесток, что и говорить, но другого выхода нет. Мы не знаем, как лечить эту болезнь. А уничтожив птиц, мы покончим с ней навсегда.

— Вот он — бойцовский дух! — патетически воскликнул Перкинс. — Остается только убедить эту почтенную публику, и можно приниматься за работу... Да, постой тут пару минут — я предупрежу Мак-Кея. Когда зайдешь — напрямик к кафедре. Ждем.

...Минуты ползли. Сэм одернул перед зеркалом свою белую, изрядно помятую куртку. В горле першило, как перед прыжком с парашютом... Ох уж эти политики! Он должен им сейчас что-то втолковывать,

когда нельзя медлить, когда инфекция охватывает все большее пространство!..

Решительно толкнув дверь, Сэм двинулся через полупустой зал к кителям и пиджакам, скопившимся за длинным столом. Несколько голов повернулось в его сторону, а Мак-Кей, прервав речь, разразился приветствием.

— Джентльмены! Настало время ознакомиться с фактами, неоспоримыми фактами и сведениями, благодаря которым мы сможем наконец принять разумное решение! Перед вами доктор Бертолли! Имя, полагаю, известное всем!

Под гул голосов, стараясь не обращать внимания на любопытные взгляды, Сэм взбежал по ступенькам на кафедру. Мак-Кей указал ему на пустующее кресло рядом с собой.

— В настоящий момент доктор Бертолли является крупнейшим в мире специалистом по болезни Ренда. Именно он встретил Ренда, спустившегося с борта корабля, и именно он наблюдал в карантине за этим больным, а также за вторым инфицированным — офицером полиции Майлзом. Кроме того, он провел серию экспериментов, результаты которых доказывают: заразиться болезнью Ренда мы можем исключительно от птиц, но никак не друг от друга... Доктор Бертолли, не могли бы вы рассказать нам, в чем суть ваших экспериментов?

Выслушав все это, Сэм понял, что Мак-Кей не только прекрасный врач, но и тонкий дипломат. Он умышленно не объяснил присутствующим смысла самых элементарных вещей — и добился того, что все теперь ждали от Сэма героико-драматического монолога... Вообще-то ему не нравились такие хитрости, но на этот раз годилось все. Публику следовало убедить, и как можно скорее...

— Как показали лабораторные анализы, — важно произнес Сэм, — существуют две формы вируса Ренда, названные Ренд-альфой и Ренд-бетой. Второй офицер корабля «Перикл» умер от болезни, вызванной вирусом Ренд-альфа, но он не мог инфицировать никого, кроме представителей класса авэс, то есть птиц, все виды которых уязвимы для данного вируса.

В организме птицы, однако, Ренд-альфа претерпевает известные изменения и становится Ренд-бетой — вирусом, опасным как для других птиц, так и для человека. Попадая в организм последнего, он снова становится Ренд-альфой и убивает своего носителя — вот отчего умер Майлз, — но не передается другим людям.

— Вы уверены в этом? — спросил Мак-Кей.

— Абсолютно. Потому что я сделал себе инъекцию Ренд-альфы Майлза.

Сидевшие поблизости непроизвольно отшатнулись.

— Для тревоги нет никаких оснований, джентльмены! — сказал Мак-Кей, холодно улыбаясь и кладя свою руку на руку Сэма. — Если бы доктор Бертолли заразился, симптомы не заставили бы себя долго ждать. Болезнь развивается чрезвычайно стремительно... — Он поднял глаза на Сэма, продолжавшего стоять. — Есть ли у вас какие-то предложения по лечению болезни Ренда, доктор?

— Никаких, — ответил Сэм, чувствуя, как тишина вокруг становится предельной. — Пока болезнь неизлечима. Всякий заболевший ею неминуемо умрет. Единственный выход для нас — уничтожение источника инфекции. Для этого следует истребить всех птиц в радиусе десяти, ста или даже тысячи миль — по обстоятельствам... Ни одна птица не должна спастись. Я понимаю, что это ужасно, но — или птицы, или мы...

Из зала послышались грозные выкрики. Мак-Кей, старательно не глядя в сторону топавшего ногами багроволицего толстяка — губернатора штата, невозможно произнес:

— Джентльмены! Здесь присутствует человек, чье квалифицированное заключение поможет нам выработать план конкретных действий. Это профессор Берджер, куратор Нью-Йоркского зоопарка. Прошу вас.

Берджер оказался щуплым человечком с розовым черепом, слегка покрытым тщательно уложенными седыми волосами. Он говорил, низко опустив голову, и, пока зал не затаил дыхания, ничего невозможно было разобрать.

— ... маршруты, а также традиционные места гнездований и сроки прилета различных видов. Я опреде-

лил зону возможного заражения, условно допустив, так сказать, что инфицирован наиболее свободно перемещающийся вид. Исходя из этого допущения... — Он умолк и стал рыться в своих бумагах, вызывая тем ропот аудитории. — Прошу вашего снисхождения, джентльмены... — Когда Берджер поднял голову, стало видно, что глаза его полны слез. — Я только что был в зоопарке... Нам пришлось убить всех наших птиц, всех... Ага, вот они, эти цифры. Радиус, если считать от Манхэттена, — сто миль. По Лонг-Айленду — чуть больше, до Монток-Пойнта. Конечно, эта зона может расшириться при определенных обстоятельствах...

— Это нереально! — послышался чей-то возглас. — Ваша зона займет почти десять тысяч квадратных миль! Понадобится целая армия!

— Да, понадобится... — кивнул Берджер. — Без помощи войск ООН нам не обойтись. С оружием, отравляющими газами, ядами, взрывчаткой и прочим...

Удары молотка профессора Чейбла были намного тише поднявшегося гама. Но профессор продолжал настойчиво звать к тишине.

— Это, в конце концов, уже забота Всемирного центра здоровья, джентльмены, — смог наконец произнести он. — И давайте лучше перейдем к голосованию.

Большинством голосов было решено ввести войска и на рассвете начать избиение пернатых.

Глава 6

— Тут по ящику показали побережье Коуни-Айленда... Сплошь мертвые чайки... Ночью прибило... Все пляжи закрыты. А то, если кому-то взбредет в голову искупнуться — запросто можно свернуть шею, так и не добравшись до воды...

Киллер бубнил все это, не переставая жевать изуродованную зубочистку и положив руки на баранку машины экстренной помощи, мчавшейся по пустынному городу.

— Сбавь скорость, — велел Сэм. — И пойми наконец: мы делаем просто объезд. Никто ни с какими прободениями аппендикса нас не ждет...

Он сидел на переднем сиденье, пристально вглядываясь в подворотни и дверные проемы. Пока не было ничего подозрительного... А вот тесно было, поскольку сидели они втроем. Третьим был солдат войск ООН по имени Финн — долговязый датчанин при полной боевой выкладке и огнемете за спиной.

— Там... внизу... — внезапно прервал он молчание и указал пальцем на грузовик. — По-моему, там что-то было...

Они с Сэмом ухватились друг за друга, чтобы не удариться при торможении, и машина, взвизгнув, остановилась.

Первым наружу выбрался Сэм. Он тащил туто набитую сумку, содержимое которой было определено на вчерашнем совещании.

Финну не померещилось. Неясная тень у заднего колеса оказалась молодым человеком, который — заметив их — попытался отползти в сторону. Опустившись на колени, Сэм сразу все понял. Характерное покраснение кожи и пока еще мелкие бугорки фурункулов говорили сами за себя... Он достал из сумки пару длинных резиновых перчаток и надел их.

— Давайте-ка я помогу вам встать, — сказал он больному, протягивая руку, но тот, с расширенными от ужаса глазами, пополз под машину.

Сэм ухватил его за ногу и, отразив слабый пинок, стал медленно пятиться назад. Мужчина отчаянно отбивался, но вскоре зрачки его глаз ушли под верхнее веко, и он потерял сознание. Обращаться с ним стало теперь значительно проще...

Это был даже не противогаз, а элементарная респираторная маска, предоставленная пожарным ведомством, правда, слегка модифицированная: внутреннюю часть ее покрывал слой биоцидального крема. Надев маску на лицо больного, Сэм тщательно опрыскал антисептическим аэрозолем все его тело, а также одежду. Теперь можно было снять перчатки и приступить к лечению.

Он приготовил ампулу для введения интерферона — пока единственного средства, дававшего хоть какой-то эффект.

Подошедший Финн возвышался над ним, хмурясь и теребя приклад своего огнемета.

— Поблизости нет ни одной птицы, сэр. Я осмотрел все. Вы не спросили, где он подцепил это?

— Вы же видите — человек без сознания.

Киллер подъехал к ним задним ходом и, распахнув дверцы, вытолкнул каталку. После этого он, вглядываясь в лицо лежащего, стал наклонять голову то к одному, то к другому плечу.

— Не кажется ли вам, что он смахивает на итальянца, док?

— Возможно... И что же?

— Может быть, и ничего, но в этом районе, знаете ли, масса голубятников, и многие из них итальянцы. Они держат своих любимцев на крышах...

Оба, Сэм и Киллер, непроизвольно подняли глаза вверх, и как раз вовремя — на самом краю карниза мелькнуло что-то белое.

— Нет! Только не моих птиц! Не делайте ничего с моими птицами! — закричал больной, пытаясь встать на ноги.

Сэм выхватил из кармана одноразовый шприц с мощным снотворным, всегда имевшимся у него наготове, и, надорвав полиэтиленовый пакетик, погрузил иглу в судорожно сжатую мышцу. Спустя мгновение мужчина мягко повалился на спину.

— Киллер! На каталку его и в машину! А мы с Финном обследуем крышу.

— Но док! Не лучше ли мне отправиться с вами!

— Будет лучше, если ты присмотришь за пациентом...

Поднявшись лифтом до верхнего этажа, они направились к лестнице. Дружное хлопанье дверей говорило о том, что за ними наблюдают.

На последней двери, в которую они уперлись, висел большой замок.

— Посягательство на частную собственность преследуется законом, — мрачно изрек Финн, пытаясь устранить препятствие. — Однако параграф 14-й Положения о чрезвычайных ситуациях гласит... — Тут он умолк, так как под ударами отделанного металлом ботинка сорок пятого размера дверь слетела с петель.

Их взорам открылась просторная свежевыкрашенная голубятня, над которой кружили два голубя. С дюжину птиц лежало на деревянном настиле. Некоторые из них еще слабо били крыльями.

— Из чего она? — спросил Финн, постучав каблуком по крыше.

— Должно быть, из асбоцемента, — посмотрев под ноги, ответил Сэм.

— Это огнестойкий материал? — опять полюбопытствовал солдат, откручивая балонный вентиль.

— Разумеется.

— Замечательно.

Финн поднял огнемёт лишь тогда, когда села наконец налетавшаяся пара, беспокойно поглядывая на пришельцев.

Ревущий язык пламени мгновенно превратил голубятню в пылающую черную клетку. Одна из птиц отчаянно рванулась вверх, но, настигнутая огнем, тут же упала на крышу.

— Убийцы!! — пронзительно закричала появившаяся в дверях молодая женщина. Она бросилась к Финну, но Сэм крепко ухватил ее за плечи и не отпускал, пока она, разрыдавшись, не сползла на порог. Он прикоснулся регистратором к ее запястью и облегченно вздохнул: здорова, просто она была одним из несчастных свидетелей происходящего... А вот человек внизу — возможно, ее муж...

Послышалось шипенье и бульканье. Это Финн гасил обутленные остатки голубятни струей огнетушителя. Убедившись, что пламя полностью потушено, и переговорив с кем-то по рации, он подошел к Сэму.

— Я обо всем доложил. Скоро сюда придут дезинфекторы. — Говоря это, Финн старался не смотреть на всхлипывавшую женщину...

Когда они вышли из здания, машина, тихо урча, уже поджидала у подъезда.

— Беспорядки у туннеля Квинз-Мидтаун! — крикнул Киллер. — Это не наш район, но им требуется помощь! Диспетчер велел ехать!

Как всегда, Киллер выжимал из санитарной машины все, что можно выжать из гоночной, и вскоре, прогрозав по Парк-авеню, они вылетели на Двенадцатую улицу. Согласно приказу, все стекла были подняты, и в кабине было невыносимо душно.

Проезжая мимо Грэмерси-парка, они видели, как группа людей в пластиковых костюмах сгребала тела мертвых птиц, а потом слышался ружейный выстрел — и на землю, прокувыркавшись в воздухе, шлепнулся комок черных перьев.

— Повсюду разбрасывают отравленное зерно, — сообщил Киллер, сворачивая на Третью авеню. — Большинство из них клюет. Остальных приходится стрелять. Такие вот забавы... О! Посмотрите-ка!

Впереди все было заполнено неподвижно стоявшими и по преимуществу пустыми машинами. Две — вероятно, крепко столкнувшиеся — горели. Полицейский на мотоцикле, обернувшись к санитарной машине, показал рукой в сторону тротуара и вскоре подъехал.

— На рыночной площади, не доезжая Тридцать шестой, немного пошумели... Есть пострадавшие... Вы знаете, где это?

Киллер презрительно засопел.

— Сейчас там, вроде бы, спокойно, — продолжал полицейский, — но осторожность не помешает. Кроме этой штуковины, у вас есть какое-нибудь оружие? — Вопрос предназначался Финну.

— Да, сэр, — ответил тот, взяв в руки карабин.

— На меня его направлять не стоит, но под рукой держите. Все может начаться снова... А теперь въезжайте-ка на тротуар, здесь попросторней...

Киллер обожал ездить по тротуарам. Машина перевалилась через бордюр и двинулась к рыночной площади. Вскоре откуда-то донеслись крики, рев мотора и звон разбитого стекла. Из-за угла навстречу им выбежал мужчина с бутылками в руках.

— Вор-рюга... — скривился Киллер.

— Не наше дело, — отрезал Сэм, но, когда мужчина был совсем уже близко, неожиданно сказал: — Задержи его!

Киллер распахнул дверь именно в тот момент, когда воришка пытался прошмыгнуть мимо. Послышался грохот разбившихся бутылок, и машина остановилась.

Они находились так близко от стены, что Сэму пришлось перелезть через капот, чтобы оказаться рядом с ползающим в луже виски мужчиной. Наклонившись, он тут же отпрянул.

— Оставайтесь в кабине!

Надев перчатки, Сэм раскрыл свою сумку. Он доставал шприц, когда рука, сжимавшая разбитую бутылку, метнулась к его лицу, а Киллер испуганно вскрикнул. Упредить удар оказалось делом несложным — мужчина был слишком слаб. Было непонятно, как он вообще до сих пор не свалился, весь изъеденный болезнью... Ухватив его за руку, Сэм ввел успокоительное.

Инъекции интерферона и антисептиков были сделаны уже в машине.

Теперь им приходилось ехать совсем медленно, и впереди, расчищая дорогу, шел Финн.

Не доехав даже до Второй авеню, они остановились. Все было запружено транспортом.

Сэм, захватив две пары почти невесомых магниевых носилок, а также свою сумку, поспешил вслед за Финном в сторону площади...

Здесь действительно все уже кончилось. Остались лишь убитые и раненые, человек двадцать. Группа военных медиков, прибывшая сюда на вертолете, уже оказывала помощь.

Окровавленный полицейский лежал на земле рядом со своей патрульной машиной. Из бутылки, прикрепленной к зеркалу заднего обзора, к его руке по тонкой прозрачной трубке текла плазма.

Солдаты помогали полиции окружать участников беспорядков — тех, кто не успел скрыться...

Увидев белую куртку Сэма, лейтенант полиции, стоявший рядом с грузовиком, подозвал врача.

— Можно ли тут чем-то помочь, док? — Полицейский кивнул в сторону человека, скорчившегося на сиденье. Рука с запекшейся на пальцах кровью неловко торчала из окошка.

Положив свою ношу на землю, Сэм приблизился к кабине. Через минуту регистратор показал температуру 27, пульса не было.

— Он мертв, лейтенант... Скажите, что здесь произошло?

— Что произошло?.. Сначала просто собралась толпа... Видите ли, мы хотели упорядочить движение на этом направлении, ведь в Айленде, как известно, больше всего случаев заболевания этой чумой... Ну, проверяли, действительно ли ехавшие туда живут там, или, скажем, работают... Смотрели, чтоб никто не провозил птиц... Как всегда, находились недовольные, но в общем все шло организованно... Пока кто-то не увидел вот на этом грузовике надпись «Магазин домашних животных» и не захотел посмотреть, что же он везет. А грузовик был доверху набит живыми птицами! В водителя выстрелили, потом подожгли

машину, а потом еще обнаружили двоих зачумленных парней, которые крутились тут, и — началось... До самого появления войск уже ничего нельзя было разобрать...

— Доктор! Сюда! — слышался крик.

Обернувшись, Сэм увидел машущего рукой Финна, у ног которого на небольшом газоне лежали двое.

Оставив полицейского, Сэм бросился туда. Это была снова болезнь Ренда...

В салоне поместилось бы восемь человек, но никто из раненых не соглашался ехать вместе с четверкой зараженных. Спорить не имело смысла, поэтому, взяв только полицейского, того, что лежал без сознания под капельницей, они уехали с тремя пустующими местами.

Киллер осторожно протиснулся на дорогу, и они с воющей сиреной помчались к себе в Белвью.

По рации было получено предупреждение о том, что все палаты и операционные уже набиты битком — поэтому машина остановилась у главного входа, откуда больных отвозили в только что освобожденные палаты родильного отделения. Госпиталь заполнялся с ужасающей быстротой...

Сэм наполнял медикаментами свою опустевшую сумку, когда в кабинет вошел Томо Милетич, тоже интерн.

— Подпишись здесь и вот здесь, — сказал он, подсовывая бумагу. — Я принимаю твой фургон, а ты позвони в регистратуру, там для тебя какая-то записка... Кто за рулем? Киллер?

— Да, он... — Сэм нацарапал свои инициалы. — А что за записка?

— Понятия не имею... Велели передать — я передал... Ну хорошо, увидимся — если, конечно, я переживу езду твоего приятеля... — Подхватив сумку, он исчез.

Сэм подошел к телефону. «Минуточку, доктор — отозвались на том конце. — Ага, вот... У вас в комнате гость. Когда освободитесь — зайдите к профессору Чейблу. Он с доктором Мак-Кеем будет в 3911-й.»

— Могу ли я узнать, о каком госте идет речь?

— Здесь ничего не написано, доктор.

— Вот как... Ну что ж, благодарю вас.

Он повесил трубку и задумчиво почесал щеку... Что бы сие могло означать? Какая такая важная шишка может потребовать его в столь напряженный момент? И при чем тут Чейбл?..

Смыв с себя копоть, он отправился наверх.

Офицер войск ООН, весьма внушительного телосложения, сцепив за спиной руки и ссутулившись, неподвижно стоял у окна. Козырек полевой фуражки, лежавшей на столе, украшал золотистый шнурок, каким бывают отмечены головные уборы старших офицеров... Взгляд Сэма скользнул на кобуру — явно ручной работы и почему-то очень знакомую, — из которой торчала хромированная рукоять пистолета.

Офицер обернулся, и Сэм, невольно вытянувшись, едва не отдал ему честь.

— Десять лет прошло, да, Сэм? — спросил генерал Бэк, протянув ему загорелую ручищу.

Сэм вовремя вспомнил, что рукопожатие в данном случае должно быть железным, иначе ему переломают пальцы.

— Да, сэр, около того... — пробормотал он, так как на ум ничего больше не приходило.

Бэк выглядел, как прежде, разве что у глаз появилось чуть побольше морщинок и наметился второй подбородок. Каким же ветром его занесло сюда?

— Послушай, Сэм, я не стану называть тебя доктором, если не услышу «сэра» или «генерала». — Прежде чем выпустить руку Сэма, он напоследок безжалостно стиснул ее. — Друзья зовут меня Кливером...

— Как зовет мясник свой самый большой нож, — улыбнувшись, продолжил Сэм. — Я помню, отчего вас так прозвали...

Это произошло во время операции в Формосе. Партизаны нагрянули именно в тот момент, когда все офицеры обедали. У генерала Бэка — редчайший случай! — не оказалось оружия. Однако, мгновенно сориентировавшись в обстановке, он выхватил у повара устрашающих размеров нож и, испустив леденящий душу вопль — слухи о том, что в его роду были апачи, получили убедительное подтверждение, — вспорол брезент палатки и напал на партизан с тыла. Этот случай

крепко врезался в память Сэма, тогда еще зеленого лейтенантика...

— О господи! Совсем забыл! Ты тоже был с нами! Такой упитанный бритоголовый ягненок... Но потом-то из тебя получился парень хоть куда!

Сэм, решив, что сейчас его хлопнут по спине и раздробят лопатку, напрягся, но — обошлось...

Бэк, с его большим ртом и тугими мышцами, являл собою нечто вроде дружеского шаржа на идеального техасца. Но это был, между прочим, один из самых умных офицеров войск ООН. И еще одна черта отличала генерала: он всегда достигал цели...

— Зачем вы пришли сюда, Кливер? Не для того ведь, чтобы возобновить старое знакомство?

— Как всегда, в лоб, Сэм, без подходов! Налей-ка чего-нибудь, и я выложу все, как на духу.

В стенном шкафу нашлась початая бутылка ирландского виски, и Сэм налил Кливеру ровно полстакана, как тот любил, а затем, поколебавшись и вспомнив, что сейчас он не на работе, налил и себе.

— Ну, за ирландцев, за их болота и виски! — провозгласил тост генерал Бэк и, залпом осушив стакан, хмуро посмотрел на донышко.

— Да, Сэм... Эта космическая чума — не подарок... Ничего более поганого выдумать, кажется, невозможно... И ведь она еще только начинается!.. Мне нужна твоя помощь, Сэм...

— Моя помощь? Вам? Но ведь я уже давно сугубо штатский человек! И работаю врачом!

— Знаю, знаю... Я отпущу тебя, как только мы все закончим... Понимаешь, мне нужна информация. Ты ведь был там, когда спустился Ренд, разговаривал с ним, и при тебе он писал свою записку... Кстати, что ты думаешь по поводу ее содержания? И для чего, по-твоему, ему понадобилось закрывать за собой внутреннюю дверь?

— Я не думаю — особенно после вскрытия, — что следует придавать такое большое значение этой его записке...

— Но почему?

— Понимаете, его мозгу — если отбросить специальную терминологию — очень здорово досталось.

Высокая температура, перенасыщенная токсинами кровь и тому подобное. Записку писал человек, находившийся в почти бессознательном состоянии. Может быть, это и важные сведения, но, может быть, — и просто бред.

Генерал Бэк вышагивал по комнате, бряцая анахроничными шпорами. Внезапно остановившись, он вперил в Сэма пронзительный взгляд.

— Но ты не уверен ни в том, ни в другом, да? А скажи-ка, Сэм, когда ты взобрался туда и стал обзванивать весь «Перикл», не видел ли ты там каких-нибудь трупов, следов насилия...

— Нет, Кливер, ничего такого... Я, конечно, знаю устройство космических кораблей только по фильмам, но интерьер «Перикла» был, по-моему, вполне обычным. И ни в одном из отсеков — ни души... Да ведь это очень легко проверить! Пусть кто-нибудь поднимется в шлюз, наберет поочередно все номера и снимет все камерой!

— Идея, конечно, заманчива, но все-таки довольно сложно снимать фильм, когда между объективом и объектом полдюйма стали.

— Что вы имеете в виду?

— То, что этот Чейбл из Центра здоровья боится заражения, как старая дева... э-э-э... Он водрузил перед шлюзом здоровенную плиту и убрать ее не позволяет никому.

— Вы не должны осуждать его, Кливер. Вспомните, к чему уже привела наша беспечность... Опять же, записка Ренда... Пока мы не изучили механизм этой болезни, лучше всего оставить корабль в покое.

Возбужденный генерал провел рукой по шевелюре, и с нее едва не посыпались искры.

— А что, если на корабле есть записи о том, каким образом экипаж подхватил эту заразу и как ее можно одолеть?.. Нет, там определенно что-то осталось! А ведь для нас сейчас важна каждая мелочь!

— А если на корабле еще более опасный вирус? И именно по этой причине Ренд блокировал вход? Кстати, представляющие какую-то ценность записи он мог вполне рассовать по карманам еще до приземления. Ведь он должен был неплохо соображать, чтобы не

только долететь до Земли, но и сесть, не разбившись... Вы можете оспаривать мое мнение, Кливер, но не будет ли лучше признать, что обе версии, моя и ваша, отнюдь не бессмысленны. Я соглашусь с вами, когда положение станет совсем плохим, из рук вон. Вот тогда мы заберемся туда, потому что уже нечего будет терять. Но пока ситуация под контролем. Как вы знаете, заразиться болезнью Ренда можно только от птиц. Птиц же мы вот-вот уничтожим, всех до одной. А с последней птицей умрет и болезнь.

— Да, об этих чертовых пернатых мне все известно. Собственно, из-за них я здесь и оказался. Хотя штаб мой в Форт-Джее, вся дивизия, оснащенная охотничьими ружьями, сачками и отравой, воюет с лонг-айлендскими птичками. Думаю, мои парни одолеют врага — во всяком случае, я позабочусь об этом, но... Так войны не выигрываются, Сэм! Нам нужна информация! Источник которой находится в закупо-ренном «Перикле»! Помоги нам, Сэм! Ведь с твоим мнением сейчас очень считаются! И если ты скажешь: «А давайте заглянем внутрь!», то на развалину Чейбла так нажмут, что он просто будет вынужден сдаться! Ну, что скажешь, мой мальчик?

Сэм, глядя в стакан, увлеченно играл остатками золотистой жидкости.

— Не сердитесь на меня, Кливер. Рад бы помочь вам, но не могу. Не тот случай. Я, видите ли, согласен с Чейблом...

— Это твое последнее слово? — Бэк уже стоял, сжимая в руке фуражку.

— Да, Кливер.

— Ты не прав, Сэм. Не прав и упрямисься зря... Но я уважаю людей, отстаивающих свою позицию... Передумаешь — дай знать. — Он сплющил руку Сэма и шагнул к выходу.

— Я еще подумаю над этим, Кливер, но вряд ли изменю свою точку зрения... Если, конечно, не появятся веские основания.

Дверь хлопнула, и Сэм, грустно усмехнувшись, принялся осторожно разъединять слипшиеся пальцы. Да, годы не состарили Кливера...

Допив виски, он вытащил из шкафа свежую куртку и брюки. Приглашение Чейбла уже не казалось таким загадочным...

Прежде чем пустить Сэма в кабинет, секретарша немного потомила его в приемной, а потом дверь распахнулась, и он вошел.

Здесь было удивительно тихо. Мак-Кей восседал за своим необъятным столом, а профессор, устроившись в углу, безмолвно попыхивал трубкой. Сэм прекрасно понимал: они только что говорили о нем, и очень скоро выяснится почему...

— Мистер Мак-Кей, вы хотели меня видеть?

— Да, Сэм... Мы хотели бы побеседовать с вами. Присаживайтесь. Чувствуйте себя как дома.

Мак-Кей нервно рылся в бумагах и выглядел совершенно несчастным человеком.

Устроившись в кресле, Сэм сдержанно усмехнулся, и Мак-Кей, как и положено хорошему диагносту, тут же определил причину веселости.

— Ну хорошо, Сэм... Перейдем к сути. Мы организовали эту встречу с единственной целью — узнать, что там у них на уме. Генерал, конечно же, просил вас о помощи?

— Да, просил...

Наступила гнетущая тишина. Профессор Чейбл подался вперед и застыл в выжидательной позе.

— Что вы ему ответили, Сэм?

— Я ответил, что не могу помочь ему и объяснил, по какой причине. В сложившейся ситуации, сказал я, решение профессора Чейбла о закрытии корабля является, на мой взгляд, правильным. Мы вряд ли улучшим наше положение, проникнув внутрь «Перикла», — а вот ухудшить очень даже можем...

— Мне очень приятно это слышать, доктор Бертолли! — воскликнул Чейбл, снова откинувшись на спинку кресла и энергично уминая табак в своей потухшей трубке. — У нас предостаточно забот с болезнью Ренда. Но все стало бы неизмеримо сложнее, начнись война с генералом Бэком. Незаурядное упорство этого человека позволяет ему творить на поле брани настоящие чудеса, но этого ему мало! Политика его влечет! До тех пор, пока он представляет малочислен-

ную группу экстремистов, умирающих от желания попасть на «Перикл», никто его всерьез не принимает. Все агентства новостей имеют дело только с нами. Генерал достаточно умен, чтобы понять: без серьезной поддержки прессы и телевидения ему никогда не добиться успеха... А теперь представьте себе, что было бы — перемани он на свою сторону такую популярную фигуру, как доктор Бертолли. Как изменилось бы соотношение сил! А ведь нам сейчас не до грызни с кем бы то ни было, и всякого рода публичные дебаты — их нам навязали бы непременно — слишком большая роскошь в нынешней, почти безнадежной, ситуации...

— Безнадежной? — удивленно переспросил Сэм. — Мне казалось, что мы владеем ею!

— Пока. И то лишь в городе... Недостаточно эффективен контроль над перемещениями людей. С истреблением птиц тоже далеко не все в порядке. Разве можно за кого-то поручиться, что он будет убивать только птиц и больше никого? Или — что он будет стрелять без промаха? Во всяком случае, мы были вынуждены увеличить радиус наших действий, так как был зафиксирован инфекционный прорыв... Человеческая природа весьма сложна, Бертолли. Нам пришлось столкнуться с серьезным вооруженным сопротивлением фермеров, не пожелавших лишиться своих кур и индеек. Эти люди никак не могли уловить связь между их лопающейся от здоровья птицей и человеческой болезнью, бушующей где-то там, в восьмидесяти милях от фермы... А страх? Многим уже приходилось видеть, что собой представляет эта болезнь Ренда и насколько она безжалостна. Все знают: излечиться от нее нельзя. И люди пытаются покинуть зараженную зону, бежав тайком или прорвавшись сквозь кордоны. Мы вынуждены отвечать насилием на такие попытки — у нас просто нет выбора! Очаг заражения должен быть локализован — ведь еще не найден способ лечения!..

— Не выявилось ли чего-то при исследовании тканей, мистер Мак-Кей? — поинтересовался Сэм, выдержав вежливую паузу.

Мак-Кей помотал головой. Пальцы его рук были крепко сцеплены, и для того, похоже, чтобы скрыть дрожь. На этого человека была возложена колоссальная ответственность...

— Этим занято сейчас множество групп. Все они работают без перерыва — но результаты пока что мизерные... Мы, конечно, чуть лучше представляем себе развитие болезни и знаем, например, что первые симптомы обнаруживаются в течение тридцати минут с момента заражения. Мы разработали комплекс достаточно действенных паллиативных мер. Но нам не удалось спасти ни одного больного! А ведь их число растет...

— Я хотел бы кое о чем попросить вас, Сэм, — нетерпеливо перебил Мак-Кей.

— Да, конечно.

— Мне хотелось бы включить вас в состав моей группы. Кто знает, может быть, с вашей помощью удастся понять механизм этой болезни...

Сэму понадобилось некоторое время, чтобы подыскать нужные слова.

— Видите ли... Как я понимаю, в вашей команде собраны лучшие специалисты: патологи, вирусологи, терапевты, эпидемиологи, цитологи и прочие — все, разумеется, асы. Мне просто не место в такой блестящей компании. Да, в силу случая, именно я оказался у корабля именно в тот момент, когда появился Ренд. И вирус Ренд-альфа испытал на себе тоже я... Но это все! Перед вами самый обыкновенный интерн, который надеется когда-нибудь стать неплохим хирургом. А пока его место в машине экстренной помощи... Я, конечно, благодарен вам за такое лестное предложение, но не хотел бы чувствовать свою совершенную бесполезность...

Трубка Чейбла выпустила очередную порцию дыма. Мак-Кей кисло улыбнулся.

— Ну что ж, Сэм... Спасибо, что побеседовали со стариком... Я действительно хотел, чтобы вы поработали с нами, и вовсе не из политических соображений, хотя это, безусловно, отняло бы у нашего brave генерала всякую надежду заполучить вас... Ну да ладно... Принуждать не буду.

Загудел внутренний телефон, и Мак-Кей поднял трубку.

— Да, конечно... Отправьте ее сюда...

Они уже прощались, когда в дверях появилась и тут же замерла в нерешительности, держа перед собой ворох бумаг, Нита Мендель.

— Мне зайти попозже, мистер Мак-Кей?

— Нет, нет! Давайте-ка сюда вашу ношу! Мы с профессором Чейблом должны немедленно все это просмотреть!

... Они вышли в коридор, и Сэм сказал:

— Кофе бы сейчас... А еще лучше — чего-нибудь посущественней... Я уже забыл, когда в последний раз ел...

— Должна предупредить вас, Сэм: кофе будет не тот, что вы пили в карантинных апартаментах!

Они оба улыбнулись своим воспоминаниям, но достаточно сдержанно: сейчас, когда все вокруг перевернулось с ног на голову, было не до сантиментов...

Лифт отвез их в кафетерий.

— Не так уж плохо! — попробовав суп, сказала Нита.

— И главное, дешево, что весьма существенно для голодающих интернов... Скажите, Нита, в отчетах, которые вы принесли Мак-Кею, было что-нибудь новенькое? Или это секретные сведения...

— Не то чтобы секретные, но и не для широкой огласки. По последним данным, в одном только Манхэттене уже восемь тысяч случаев. А в пригородной зоне их число перевалило за двадцать пять тысяч. Множество отелей используется в качестве больниц. Катастрофически не хватает специалистов. Неразбериха с доставкой медикаментов... Хорошо еще, что помогают добровольцы.

Сэм решительно отодвинул свой недоеденный суп и встал.

— Я должен бежать. Мне даже в голову не приходило, что все настолько скверно...

Они услышали, как из динамика, непрерывно передающего разного рода сообщения, донеслось:

— ... ктор Бертолли! Вас просят срочно связаться с доктором Мак-Кеем! Доктор Бертолли! Вас про...

Вбежав в кабинет, Сэм увидел Мак-Кея и Чейбла что-то разглядывающими.

— Думаю, Сэм, что на этот раз вы не откажетесь... — Мак-Кей, улыбаясь, протянул ему узкую бумажную ленту. — Сообщение из Ориндж-Каунти, от одного из тамошних эскулапов... Если верить ему — найден эффективный метод лечения болезни Ренда.

Глава 7

Бело-зеленый вертолет уже опустился на площадку двадцать пятого этажа, и кабина его была открыта, когда Сэм вышел из лифта. Сержант полиции, негр, лицо и руки которого были ничуть не светлее его формы, помог погрузить снаряжение и, забравшись вместе с Сэмом внутрь, захлопнул дверь.

Двигатели засвистели, винты пришли в движение, пол под ногами мелко завибрировал — и машина, поднявшись в воздух и описав крутую дугу, удалилась в северном направлении.

Как только они взлетели, сержант стал внимательно разглядывать город. Вытянутые вверх сверкающие небоскребы деловой части вскоре сменились жилыми районами вперемежку с островками зелени, а потом — синевой озера в окруженном трущобами Гарлем-парке. Северную часть последнего пересекали тоненькие серебряные нити Ист- и Вест-Сайдской монорельсовых дорог...

Когда под вертолет вполз Гудзон, сержант, оторвавшись от окна, взглянул на Сэма.

— Вы, значит, доктор Бертолли, которого мне приказано доставить живым и невредимым в Ориндж-Каунти, а потом привезти назад... Никто, правда, не сказал мне, зачем... Или ваша миссия секретна?

— Нет, отнюдь. Просто ваше начальство хотело избежать лишних разговоров до выяснения всех обстоятельств... Видите ли, один человек сообщил нам, что он излечивает болезнь Ренда.

— Космическую чуму? — воскликнул пилот, наполовину повернув к ним голову. — Если уж ее подхватил, считай, что ты покойник, вот что я вам скажу...

Сэм удивленно посмотрел на сержанта, и тот улыбнулся.

— Пилота из нашего Форсона, конечно, не получилось, но такие большие уши и такой длинный язык надо еще поискать... Однако он родом из тех мест, и может нам пригодиться.

— Для горожанина вы не такой уж тупица, сержант, — заметил пилот, набирая высоту перед мостом Джорджа Вашингтона. — Именно любопытство деревенского паренька заставило меня прислушаться к вашей беседе... Ничего, в один прекрасный день я тоже стану сержантом и смогу порассуждать о подчиненных... А что, док, действительно кого-то вылечили?

— Посмотрим... — Бросив испытующий взгляд на одного, затем на другого полицейского и решив, что с этими ребятами можно быть более откровенным, Сэм продолжил: — Пока у нас действительно нет никаких средств от болезни Ренда, и всякий, кто ею заразился, умирает... Вот почему нам непременно нужно отыскать это место и вывезти врача вместе с его пациентом.

— Да я могу здесь летать хоть с завязанными глазами! — успокоил его пилот, надевая темные очки. — Слышали что-нибудь о Стоуни-Пойнте? Моя родина! Историческое место, между прочим... Ух, мы там врезали англичанам! Так вот... Все эти леса я в свое время облазил вдоль и поперек. Так что, будьте спокойны — сброшу вас в самом центре Стоунбриджа.

— Сядешь, как полагается! Сбросит он... — строго сказал сержант.

— Я ж в переносном смысле! Вы будете бережно усажены на травку! Рядышком с нужным вам домом!

Не долетая до Хэйверстроу, они уклонились от реки в сторону холмов. Внизу проплывали озера, в которых никто теперь не купался...

— Приближаемся к цели, — сказал Форсон. — Под нами шоссе 17А. Оно ведет к Стоунбриджу. Возможно, этот дом стоит у дороги...

Вертолет шел на малой высоте вдоль узкой дороги по направлению к скучившимся впереди домикам.

На дорогах городка не было видно автомобилей, и тротуары были тоже пусты.

Миновав центр и вновь приблизившись к окраинам, они заметили наконец тонкую струйку дыма, которая тянулась из-под роши.

— Может быть, там? — спросил пилот и пробежал глазами текст телеграфного сообщения, лежавшего на приборной панели. — «Ферма вблизи Стоунбриджа... будет разожжен огонь... найдете по дыму...»

Когда березовая роща осталась позади, они увидели дымящиеся остатки фермерского дома и амбара, а также разбегающихся в разные стороны коров и кур. Людей не было.

— Не нравится мне эта картинка... — пробормотал сержант. — Тлеющие головешки и никого вокруг... Интересно, не тот ли это дом, который мы ищем?

— А черт его знает, — отозвался Форсон, разворачивая вертолет то в одну сторону, то в другую. — Сядем или сначала покружим над городом?

Внизу было по-прежнему безлюдно.

— Давай-ка еще полетаем, — скомандовал сержант. — Здесь, как будто, ничего уже не произойдет... И потом всегда можно вернуться... Вы согласны, доктор?

— Да, конечно. Вряд ли здесь найдется занятие для нас. И, кроме того, никто не сказал, что нас звали именно сюда...

— Смотрите — опять! — крикнул пилот, как только они пролетели над западным предместьем.

Из трубы белеющего впереди дома, к которому вела изъезженная дорога, подымался дым. Стоявший во дворе человек, задрав голову, энергично размахивал руками.

— Но это же другой разговор! — радостно воскликнул сержант. Зажмурившись от яркого солнца, он достал пистолет и снял его с предохранителя. — Здесь хватит места для нас?

— Здесь уместилось бы пять таких стрекоз, сержант. Ну что, садимся?

Как только вертолет стал снижаться — человек побежал к дому. Они мягко опустились, и, дождав-шись, когда остановятся винты, Сэм вскочил на ноги.

— Я думаю, доктор, что первым лучше выйти мне... — На плечо его легла рука сержанта. — Подозрительно тихо вокруг... Опять же — сгоревший дом... Странно все это... А ты, Форсон, остаешься присматривать за своей стрекозой!

Пилот кивнул.

— Здесь, между прочим, всегда тихо, сержант. Деревня, как-никак. Отчего, думаете, я подался в город...

Сержант прыгнул на траву и медленно двинулся к седоволосому мужчине в белой рубашке и старомодных подтяжках. Мужчина стоял в дверях и приветливо помахивал рукой.

— Заходите! Я доктор Стиссинг, вызвавший вас сюда! Пациент в доме!

Сержант, подойдя к Стиссингу, подозрительно прищурился, едва заметно кивнул, а затем вошел внутрь. Через несколько мгновений он появился опять и, сложив руки рупором, прокричал в сторону вертолета:

— Все в порядке! Там у него больной!

Сэм, взвалив на плечо сумку, осторожно спустился.

Стиссинг смущенно переминался и почесывал щетину. «Семьдесят с гаком», — подумал Сэм. Они обменялись рукопожатиями.

— Я доктор Бертолли, госпиталь Белвью... Хотелось бы поскорей увидеть вашего пациента.

— Да-да, доктор, конечно... Прошу сюда. Очень рад видеть вас, крайне рад. Я уже двое суток на ногах, и кажется, силы на исходе... Хедли позвонил мне отсюда, очень напуганный, да оно и понятно... Я определил болезнь Ренда еще с порога! Он и сам уже знал... С того самого момента и вожусь тут с ним. Кажется, дело идет на поправку.

— Вы не будете возражать, если я подниму штору? — спросил Сэм, так как в комнате был полумрак, и силуэт больного едва угадывался.

— Конечно! Это просто для того, чтобы глаза его отдыхали!

Сержант кинулся к шторам, и вскоре Сэм, который стоял у самой кровати, увидел человека средних лет с красными нарывами на лице.

— Как самочувствие, мистер Хедли? — спросил он, укрепив на запястье больного регистрирующее устройство.

— Хедли — это, вообще-то, мое имя... А чувствую я себя намного лучше, скажу я вам! Совсем не так, как до прихода доктора!

Сэм расстегнул пижамную куртку больного. На груди виднелась пара нарывов. Подмышечные лимфатические узлы были набухшими.

— Больно! — испуганно сказал Хедли, когда Сэм осторожно коснулся одного из таких бугорков.

— Не беспокойтесь, я осторожно.

— Значит, он в порядке? — гордо спросил Стиссинг и затараторил: — Я знал, я говорил ему, что эти новейшие антибиотики творят чудеса! Чума — я имею в виду болезнь Ренда...

— Хедли — счастливчик... — устало перебил его Сэм. — У него не болезнь Ренда, а всего лишь фурункулез, слегка осложненный лимфаденитом. Вашим антибиотикам это было вполне по силам.

— Но присутствовали все симптомы болезни Ренда! Я достаточно давно практикую, чтобы...

— Хедли! Когда вы заболели?

— Пару дней назад. Температура поднялась сразу после того, как приземлилась эта ракета, я так и сказал доктору. Чувствовал себя так, будто умираю.

— С температурой разобрались... А как давно у вас эти нарывы?

— С того самого момента. Хотя, конечно, стали появляться они несколькими днями раньше... Но когда подскочила температура, я понял — все, чума...

— Да нет, Хедли, нет... — Стиссинг, тяжело вздохнув, опустился на табуретку. — Просто тяжелая форма фурункулеза. Фурункулы и высокая температура, понял? Извините меня, доктор, что вызвал вас сюда... Я...

Где-то совсем близко прогремело несколько выстрелов, и застрекотал ручной пулемет. Сержант выбежал из комнаты. Сэм почти сразу последовал за ним, строго наказав доктору оставаться на месте.

Он уже был в гостиной, когда сержант открыл входную дверь. Градом пуль косяк был тут же разнесен в мелкие щепки. В Сэме сразу же проснулись старые навыки: он упал на пол и стремительно откатился в ту часть помещения, которая не простреливалась. Скорчившийся сержант лежал в дверях, сляпавшись до тянущегося до выроненного при падении пистолета. Когда Сэм стал оттаскивать его, ухватив за ноги, в дверь впились еще несколько пуль.

Плечо сержантской куртки было мокрым — и Сэм, распахнув ее, увидел заполненную кровью маленькую дырочку. А если это пуля со смещенным центром?.. Сэм перевернул сержанта на бок, чтобы взглянуть на выходное отверстие, и облегченно вздохнул: оно было тех же размеров и только слегка кровоточило.

Сержант между тем открыл глаза и даже попытался сесть, но Сэм ему этого не позволил.

— Осторожней, вы ранены...

— Какого черта! — Сержант оттолкнул руку Сэма и все-таки сел. — Что там происходит?

Сэм быстро выглянул в окно, вернее в узкую щелку между занавеской и рамой, и успел отдернуть голову, прежде чем пуля вошла в противоположную стену. А еще он успел заметить людей, бежавших к вертолету, из кабины которого наполовину свесился пилот.

— Не предпринимайте никаких действий! — слышался голос снаружи. — Не стреляйте, и мы тоже будем вести себя хорошо!

Сэм вновь подкрался к окну. Сержант, с усилием поднявшись на ноги, встал позади него...

Люди стащили пилота на землю и стали забираться в кабину. Только что говоривший тоже пытался к вертолету, прикрываясь молоденькой девушкой. Ей было на вид не больше двадцати. По тому как тряпично болталась ее голова и каким образом была разорвана на ней одежда, можно было понять, что произошло...

— Только шевельнись — и я пристрелю девчонку! — снова донеслось до них. — И это произойдет

по вашей вине! Лучше дайте-ка нам спокойно смыться — подальше от этой поганой чумы! Энди умеет обращаться с вашим вентилятором! Так что будьте умницами, потерпите, пока мы уберемся!

Засвистели двигатели, и неохотно, но все быстрее и быстрее завертелись лопасти. Ткнувшись спиной в корпус вертолета, мужчина резко оттолкнул девушку от себя и вскарабкался наверх. Дверь за ним закрылась, и тут же возобновилась стрельба по дому. Сэм с сержантом едва успели отскочить от окна. Косяк был раздроблен через какие-то мгновения. Стреляли из крупнокалиберного бортового пулемета...

Подчеркнуто медленно, не обращая никакого внимания на пули, кромсавшие деревянную обшивку дома, сержант вышел на крыльцо и, присев, поднял левой рукой свой пистолет. Стрельба прекратилась — вертолет находился прямо над домом...

Сержант подождал, пока вертолет отлетит чуть в сторону и уже не будет над девушкой, лежавшей лицом вниз, — а потом тщательно прицелился и нажал на курок.

Трижды из ствола вылетал короткий язычок пламени, и трижды полудюймовые пули со стальным сердечником вырывали из тела вертолета по куску алюминия.

Свист двигателей смолк, вращение винтов замедлилось — и вертолет рухнул в рощу за домом. Из-под горевших обломков не выбрался никто.

— Они пытались улизнуть из зоны, — не глядя на Сэма, тихо сказал сержант. — Я обязан был уничтожить вертолет... А Форсон был хорошим полицейским. — Опустошенно улыбнувшись, он погладил эмаль своего значка с надписью «Лучший в стрельбе любой рукой» — и колени его подогнулись. Сэм подхватил сержанта и усадил, прислонив к стене.

— Сидите тут и молчите! А я слегка обработаю вашу пробоину.

Когда он опрыскал раны сульфамидным аэрозолем и прикрыл пластырем, из дверей осторожно выглянул Стиссинг.

— Доктор, перевяжите его, пожалуйста! — попросил Сэм. — Я взгляну на тех двоих...

Череп пилота был наполовину снесен... Сэм вздрогнул от негромкого звука разорвавшихся в роще баков. Там уж в его помощи не нуждаются наверняка...

Подойдя к девушке, лежавшей по-прежнему лицом вниз, он услышал всхлипы и осторожно прикоснулся к ее плечу. Девушка вздрогнула и заплакала еще безутешней. Вряд ли без помощи Стиссинга удастся увести ее отсюда...

— Доктор! — негромко окликнул Сэм. — Вы знаете эту девушку?

Стиссинг, близоруко щурясь, спустился с крыльца и, подойдя к ним, наклонился.

— Похоже, это невеста нашего Лесли... Кэти, девочка, давай-ка встанем и пойдем в дом... Не нужно тут лежать...

Мягко понуждаемая доктором, она встала и, придерживая на себе разорванное платье, медленно побрела. Они прошли мимо сержанта, хмуро вглядывавшегося туда, где дымились обломки вертолета, и вошли в гостиную.

Кэти легла на кушетку, и пока Сэм занимался поисками одеял, Стиссинг осмотрел ее.

— Ничего страшного — в физическом плане, по крайней мере... — сказал он Сэму, когда они вышли в другую комнату. — Ссадины, ушибы — все, что сопутствует изнасилованиям... Меня беспокоит другое. Девочка видела, как убили ее отца. Они жили вдвоем в том конце города... Эти подонки — они, вроде бы, из Джерси — ворвались в дом и стали к ней приставать. Отец заступился, так они убили его прямо у девочки на глазах. Потом подожгли дом... Такого в нашей округе еще не случилось...

— По дороге сюда мы видели это место... От дома уже ничего не осталось... Да, но что-то нужно делать с этими вашими пациентами!

— Телефон молчит, — сообщил подошедший к ним сержант. — Оборваны провода, я смотрел. Придется ножками.

— Вам нечего и думать об этом, сержант.

— Так я и остался из-за какой-то царапины в этих лесах!

— Берите мою машину, — предложил Стиссинг. — Она в амбаре. А я побуду с Хедли и девушкой, пока не приедут из госпиталя.

— Увы, доктор! — Сержант цокнул языком. — Эти скоты добрались и до вашей колымаги. Вытащены свечи... Так что — не покатаемся.

— Ладно, — сказал Сэм. — Пожалуй, вы правы, сержант. Вряд ли мы нарвемся на бандитов еще раз... Доктор, думаю, что здесь теперь достаточно безопасно, но на всякий случай запирайте все окна и двери. Как только мы свяжемся с местной полицией — они пришлют сюда людей... Я только захвачу свою сумку, сержант, и можем отправляться...

— Маленькая просьба, док. Вы не передвинете мою кобуру на левый бок, чтоб я мог дотянуться? Очень буду вам признателен!

Выйдя на середину дороги, они зашагали в сторону города. Первый дом встретил их зашторенными окнами и наглухо закрытой дверью. На громкий стук никто не ответил.

Зато из краснокирпичного дома следующей фермы — он был повернут тыльной стороной к дороге — ответили, не дожидаясь стука: в приоткрытое окно веранды высунулось ружейное дуло.

— Не двигаться! — прорезал тишину мужской голос.

— Я офицер полиции! — зло отозвался сержант. — Уберите оружие, или у вас будут крупные неприятности!

— Откуда мне знать, кто ты такой! Я тебя впервые вижу! Форма-то, конечно, полицейская — но может, ты украл ее, а? Двигайте отсюда оба — а то действительно будут неприятности!

— Нам нужен только телефон — больше ничего! — взмолился Сэм.

— Телефон не работает — неполадки на станции...

— Нет ли у вас автомобиля?

— Почему же нет... Тут он, у меня под боком... Ну, все — пошли отсюда! Может, у вас чума — а я тут беседы веду! Проваливайте! — Дуло угрожающе заходило вверх-вниз.

— Стратегическое отступление, — тихо скомандовал Сэм, беря сержанта под руку и оттаскивая подальше от дома. — В бой не ввязываться.

— Дер-ревня... — проворчал сержант...

Весь Стоунбридж был как один большой запертый дом. Сэм с сержантом пересекли этот мертвый город и уже прошагали с милю по шоссе — когда один, но особого рода звук заставил их остановиться, а сержанта — даже потянуться к кобуре.

— Я достаточно поохотился на уток, док, чтобы безошибочно определить: это — охотничье ружье.

— Даже два... Похоже на перестрелку.

— Если не возражаете — поскольку у меня пистолет, я пойду первым...

Они шли обочиной, почти у самых деревьев. Впереди виднелась ферма — вернее, та часть ее, которая не была скрыта дубовыми стволами — и бегающие фигуры. Послышался женский крик и сразу за ним — выстрел. Сержант вытащил пистолет и угрожающе улыбнулся.

— Похоже, что на этот раз мы подоспели вовремя: все только начинается.

Грузовик, стоявший в стороне от дороги, показался Сэму удивительно знакомым. Выбежав вперед, он заставил сержанта опустить пистолет...

— Эй, док! Вы что! Там же бандиты!

— Не думаю. Это армейский вездеход.

Приблизившись, они увидели на оливково-коричневом борту машины эмблему ООН и настороженно заглянули во двор — откуда доносились теперь уже не крики, а судорожные всхлипывания.

Дородный капрал с явно смущенным видом держал за вздрагивающие плечи женщину. Она стояла, уткнувшись лицом в скомканный фартук. Лейтенант наблюдал за тем, как двое солдат кормят отравленным зерном бегающих у дома кур. Чуть поодаль, за сетчатой металлической оградой, на земле лежало несколько индеек. Остальные же птицы тесно расположились на одной из ветвей дуба, рядом с веревочными качелями и чуть ли не перед самым дулом ружья, выстрелы которого сбивали их одну за другой. Когда умолкало эхо — вновь слышался плач...

Лейтенант, услышав шаги, повернулся. Нашивка на его рукаве изображала герб Новой Зеландии. Внимательный взгляд, задержавшись было на сержанте, скользнул к черной сумке и белой куртке Сэма.

— Если вы врач — ваше появление как нельзя кстати. Тут эта фермерша... — Он кивнул на все еще вздрагивающую женщину.

— Что с ней?

— Истерика... или шок — не знаю, как там у вас... Мы постоянно сталкиваемся с подобной реакцией. Эти люди не очень-то понимают, с чего это мы вдруг взялись изводить их ни в чем не повинную птицу... Она выпустила и разогнала всех индеек, а потом стала кидаться на нас, как пантера. Хорошо еще, что у ее мужа хватило благоразумия, и он с детьми пошел в дом — а то ведь некоторые хватаются за ружье...

Сэм подошел к женщине, которую по-прежнему удерживал капрал, протер ваткой плечо и сделал инъекцию денилина, мощного успокоительного. Потом — обмякшую, он отвел ее в дом, чтобы с помощью урюмого хозяина уложить в постель.

— Она проспит не меньше двенадцати часов. Если опять будет плохо, дадите ей вот это... — Он положил на стол маленькую пачку психотропных таблеток. — Одной штуки хватает на сутки.

— Они перебили всех наших кур и индеек, доктор. Без всякого на то права.

— Но их действия продиктованы необходимостью! Ведь птицы могли заразить вашу семью неизлечимой болезнью!.. Кстати, вы получите документ, по которому — как только обстановка нормализуется — весь ущерб будет компенсирован.

— Как же... — буркнул хозяин.

Сэм собрался сказать что-то еще, но передумал и вышел из дому...

Сержант с лейтенантом стояли у разложенной на земле карты.

— Мне рассказали о ваших проблемах, доктор, — обернувшись, сказал лейтенант. — С удовольствием дал бы вам машину, но, к сожалению, она нужна нам самим. Предлагаю компромиссное решение. Фермы здесь расположены довольно близко одна от другой, и

я со своими людьми обойду несколько из них — а водитель тем временем подбросит вас вот сюда. — Он ткнул пальцем в карту. — Это Саутфилдс. Рядом автострада. По ней идет на юг множество колонн. Думаю, вы сможете остановить один из грузовиков?

— Да, конечно. Спасибо вам! И вот еще что, лейтенант... Мы с сержантом должны срочно передать кое-какие сведения нашему начальству, а телефонная связь прервана. Есть ли рация в вашей машине?

— Есть, но она работает только на фиксированных частотах. Правда, я могу попросить, чтобы ваша информация была передана дальше...

— Идет! — сказал сержант, вытаскивая блокнот.

Вырвав лист, он протянул его Сэму и левой рукой принялся выводить крупные каракули.

Сэм же задумался над тем, как избежать в своем сообщении излишней терминологической перегруженности, сделав его относительно понятным для множества людей, через которых оно пройдет. В конце концов он написал:

«Д-ру Мак-Кею, госпиталь Белвью, Нью-Йорк. Убедился в обратном, обыкновенный фурункулез. Бертолли.»

... Уже смеркалось, когда они добрались до автострады. Капрал посигналил фонариком машине конвоя, сопровождавшего колонну грузовиков, и та остановилась с направленными на них разнокалиберными стволами. Как выяснилось, эту колонну, везшую продовольствие, уже несколько раз пытались ограбить...

Лишь в начале десятого Сэм добрался до госпиталя.

— Вам письмо, доктор, — сказали в регистратуре.

На маленьком листочке толстым маркировочным карандашом было написано:

«Позвоните мне немедленно. 78298. Нита.»

Почерк был весьма странным — как будто эти буквы спешно писала рука чем-то крайне взволнованного человека.

Сэм бросился к одной из расположенных тут же в холле кабин и набрал номер.

— Добрый вечер, — дождавшись, когда появится изображение, выдохнул он. — Я прочитал вашу записку...

— Сэм, вы один? — спросила Нита, и он увидел, что глаза ее открыты шире, чем обычно, и услышал в ее голосе неприятную резкость.

— Да... А в чем дело?

— Вы можете подняться ко мне? Это лаборатория 1242.

— Я уже в пути — но что стряслось?!

— Дело в том, что... Это слишком страшно, Сэм!

Она положила трубку, и лицо ее исчезло.

Глава 8

Когда Сэм вышел из лифта, Нита уже стояла в дверях лаборатории. Не говоря ни слова, она впустила его и сразу же щелкнула замком.

— К чему такая конспирация? Что происходит — вы объясните мне наконец?

— Сейчас я покажу полученные мною результаты... Выводы делайте сами...

— Подождите. В телефонном разговоре вы употребили выражение «слишком страшно». Что имелось в виду?

— Я прошу вас, Сэм... — Губы Ниты сжались и побелели. — Никаких вопросов пока. Посмотрите и составьте собственное мнение... — Она кивнула на столик, заполненный пробирками и образцами тканей. — Я занималась исследованием сопротивляемости различных культур вирусу Ренда. Данные о результатах таких эмпирических опытов обычно вводятся в компьютер, с тем чтобы впоследствии использовать их в более сложной работе... Справившись с этим делом довольно быстро, я решила провести самостоятельные опыты по обычному и повторному инфицированию тканевых культур.

— Но ведь этим занимаются другие!

— Да, конечно. И я вовсе не собиралась дублировать чью-то работу. Просто надеялась, что этот вирус

после многократных переходов с одной ткани на другую все же слабеет... Надежды не оправдались — он оставался бодр и смертоносен... Выяснилось и кое-что еще.

— Что?

— Проверьте-ка сначала результаты... — Она протянула ему журнал и терпеливо ждала, пока он листал страницу за страницей.

— Ну что ж... Все как полагается... минуточку!.. Очень интересная последовательность... Вы тут чередуете птичьи ткани с человеческими?

— Да, я использовала голубей и тканевую культуру «Детройд-6». В общей сложности семь переносов. Последний Ренд-бета, полученный от птицы, обладает всеми прежними качествами — плюс еще одно. Этот новый фактор я обнаружила совершенно случайно. Он...

Не договорив, она кивнула на зачехленную клетку, и Сэм, приподняв край плотной ткани, заглянул внутрь.

В клетке, тяжело дыша, с высунутым языком, лежала собака. Редкая шерсть на ее брюхе не могла скрыть многочисленных красноватых вздутий.

Смертельно побледнев, Сэм опустил чехол и взглянул на Ниту.

— Вы... на ней?..

Нита кивнула.

— Значит, у этой собаки болезнь Ренда?

— Да, Сэм. Вирус Ренд-гамма — вероятно так нам придется его называть — это нечто качественно новое. Ни одна из прежних разновидностей — ни альфа, ни бета, ни те, что были получены мной в шести первых случаях — не инфицируют собак. Но с седьмым переносом происходит какой-то невероятный сдвиг! Ни о чем подобном мне слышать еще не приходилось!

— Мне тоже... — прошептал Сэм. — Нита, вы не испытывали Ренд-гамму еще на каких-либо организмах? И знает ли Мак-Кей о вашем открытии?

— Нет, — ответила она сразу на оба вопроса. — Я была слишком напугана, и единственное, что смогла и успела сделать — это написать записку... Конечно, если б вы не вернулись сразу же после этого — я сообщила бы доктору Мак-Кею... Что же нам теперь делать, Сэм?

— Прежде всего, необходимо срочно найти Мак-Кея и все рассказать. Да, не обрадуется он... Вы представляете, что означает эта новость для всех нас?

— Представляю...

— Пытаясь остановить распространение вируса, мы взялись уничтожать птиц. А что, если в организме некоторых из них уже размножается Ренд-гамма? Будем охотиться на собак? А потом? Эти мутации непредсказуемы и не укладываются ни в одну известную нам схему! Они не следуют никаким правилам! Земным, во всяком случае... Потому что чему-то они да подчиняются, нужно только докопаться до этого Чего-то...

— Нет, Сэм — мы имеем дело не с чужеродной, а с вполне земной болезнью — своей, если угодно...

— Сейчас — да, но ведь корабль привез нам ее с Юпитера? То есть...

— Ничего подобного. И это уже доказано. — Она порывалась в кипе бумаг и вскоре извлекла оттуда несколько листов. — Пожалуйста! Можете сами убедиться! Это пока не полное сообщение — но и в таком виде оно вполне убеждает. Понимаете, они не могут добиться того, чтобы вирус жил в условиях, напоминающих юпитерианские! Едва температура начинает падать, а давление повышаться — он гибнет! Причем задолго до того, как показатели достигнут тамошней нормы!

— Это невозможно!

— Все, что касается вируса Ренда, кажется невозможным. Но он-то есть! Этого вы не станете оспаривать?... Хотя в любом случае, Сэм, ситуация, конечно, безрадостна. Я не знаю, что тут можно сделать...

— Ну, от нас с вами польза, конечно, невелика — а вот люди Мак-Кея могут и раскусить логику этих странных изменений...

Он взял Ниту за руки, холодные как лед, и помог подняться с кресла. Лицо ее выглядело бледным даже под макияжем, а глаза воспалились от напряженной работы.

— Так вот... Мы передадим ему все ваши записи, и тогда вы сможете немного отдохнуть. Когда, кстати, вы спали в последний раз?

— Я тут вздремнула на кушетке — этого мне вполне... — Глянув в зеркальце, она закусила губу, а затем, рассмеявшись, достала из сумочки расческу. — Вы правы — этого мне недостаточно. Натуральный персонаж фильма ужасов. Подождите минуточку, Сэм, — сейчас я восстановлю разрушенное, и мы отправимся к Мак-Кею.

— Я узнаю пока, у себя ли он.

Дозвониться до Мак-Кея оказалось делом не из простых. Сэм дважды набирал номер и дважды слышал в трубке короткие гудки. Наконец он дозвонился до секретарши.

— Очень сожалею, но доктора Мак-Кея сейчас нельзя беспокоить, — сказала она печально и положила трубку.

— Что же у них там произошло? — задумчиво пробормотал Сэм, глядя на темный экран. — Похоже, она не в лучшем настроении...

— Выясним на месте, — отозвалась Нита, беря свой журнал.

— Я не удивлюсь, узнав, что она немного рехнулась. Напряжение вокруг и внутри нас — просто невыносимое, и главное — неизвестно, когда оно спадет...

Лифт стремительно вознес их на тридцать девятый этаж, и, когда двери открылись, до Сэма с Нитой донеслось какое-то приглушенное многоголосье.

В кабину служебного лифта, расположенного в дальнем конце холла, въехала каталка.

У открытой двери кабинета стояла небольшая толпа, из которой глаз Сэма выхватил знакомую по совместным дежурствам сестру.

— Что случилось, Энн? — спросил он, коснувшись ее плеча.

— Доктор Мак-Кей... — Она выглядела очень встревоженной и усталой, как, впрочем, выглядели теперь все в этом госпитале. — Переутомление... Это случилось так внезапно!.. Полагают — коронарный тромбоз... Только что у него был коллапс...

Пробившись сквозь толпу, Сэм с Нитой вошли внутрь. Здесь людей было поменьше. Секретарша уже ушла. Дверь кабинета Мак-Кея была приоткрыта, и

Сэм, увидев там Эдди Перкинса, разговаривавшего по телефону, тихо постучал. Эдди обернулся и жестом пригласил войти.

— Да, разумеется... — сказал он в трубку. — Работа будет продолжена, и я буду регулярно информировать вас о состоянии здоровья доктора Мак-Кея... Договорились... Всего доброго...

Взяв со стола пачку сигарет, он вытащил одну и закурил.

— Ну и кутерьма, Сэм... Все ведут себя так, будто недомогание шефа означает конец света... Они думают, что он в одиночку борется с болезнью Ренда, а вся команда — нечто вроде греческого хора, призванного его подбадривать...

Заверещал телефон, и Эдди, с недовольной гримасой вынув сигарету изо рта, в течение нескольких минут рассыпался в твердых заверениях перед губернатором штата, а потом сослался на крайнюю занятость и положил трубку.

— Вот вам иллюстрация... — вздохнул он.

— Их можно понять, — сказал Сэм. — В конце концов, ведь именно Мак-Кей справился с пахиакрией Тофольма. И всем хочется, чтобы фокусник вытащил из своего цилиндра еще одного зайца... Эдди, а кто теперь будет за главного?

— Понятия не имею... Но пока все на мне — как на его ассистенте. Сейчас вот явится Чейбл с руководителями отделов — и начнем совещание...

— Значит, главный сейчас ты, Эдди? Я правильно понял?

— Да, — глубокомысленно посмотрев на струйку сигаретного дыма, ответил Перкинс. — Получается, что я... У вас какие-то проблемы? Нужна моя помощь?

Нита, протянув записи, кратко изложила суть дела. Перкинс, кивая, листал журнал и только раз вскинул глаза — когда она упомянула о зараженной собаке.

— До чего ж мрачно вы все подаете, Нита! — Журнал, захлопнувшись, скользнул по столу. — Ладно... Утром я пришлю кого-нибудь из патологов. Посмотрим — что там у вас в действительности... Ну, а пока — благодарю за внеурочную работу! Возможно, этим данным найдется какое-то применение...

— Эдди... — Сэм улыбнулся, чтоб приглушить свое раздражение. — Ты, похоже, не совсем проникся важностью информации. Если вирус Ренда передается собакам — нас ожидают большие хлопоты! Птицы, конечно, тоже не дают скучать, но...

— Я же сказал, Сэм: все будет проверено. И прошу тебя — расслабься! — угрожающе-ласково ответил Перкинс.

— Да вот не с чего! Пойми: болезнь может быть подхвачена собаками! Нужно немедленно принимать меры!

— То есть перебить их всех, да? А ты хоть знаешь, сколько у нас уже неприятностей из-за птичек?

— К черту неприятности! Если понадобится истребить собак — мы сделаем это! И лучше сейчас, не дожидаясь, когда они все будут заражены!

— Доктор Бертолли, давайте не будем забывать одну вещь. — Голос Перкинса потерял всякую выразительность, но лицо его исказилось до неузнаваемости. — Вы у нас не более чем интерн, а решения здесь принимают совсем другие люди. И не следует...

— Брось, Эдди! Когда мы были студентами...

— Хватит!!! — крикнул Перкинс, тяжело ударяя по столу.

Сэм сделал глубокий вдох, затем медленный выдох — и встал.

— Пойдемте, Нита...

— Минуточку! — остановил их Перкинс, вскочив и оперевшись на стол кулаками. — Вы, как видно, недостаточно информированы! И не учитываете двух важных факторов! Во-первых, мы добились значительных успехов, применяя вакцину! На ранних стадиях болезнь Ренда уже излечивается! Во-вторых, мы никогда не допустим семи переходов вируса! Ваши лабораторные экзерсисы и окружающая реальность — не одно и то же, коллега Мендель! Распространение болезни — под контролем! Носители инфекции — уничтожаются! Очаг очень скоро будет ликвидирован! Я не советую вам раскачивать лодку!

— Все, доктор? — спокойно спросил Сэм.

— Все! И давайте-ка будем заниматься каждый своим делом!

Снова зазвонил телефон, и Перкинс, рухнув в кресло, схватил трубку.

Они вышли...

Дождаясь лифта, Сэм утрюмо поигрывал желваками.

— Не переживайте вы так! — Нита осторожно коснулась его руки. — Не Перкинс — так другие поймут, что...

— Другие не поймут ничего! Он просто не покажет им ваши записи! Это ж политикан, поймите вы! «Не раскачивать лодку...» Какое перспективное направление в практической медицине!

— Отчасти он, возможно, и прав. Пока все развивается относительно спокойно, и мы контролируем...

— Спокойствием и не пахнет! Того, что я видел — вполне достаточно, чтобы понять это! И если мы ничего не предпримем — чума расползется по всему миру!

Двери лифта открылись и почти сразу же из динамика вырвалось: «Докторов Рассела, Кристенсена, Бертолли и Инвара просят явиться в отдел экстренной помощи! Докторов Рассела, Кристенсена...»

— Что бы это значило? — Глаза Ниты тревожно расширились.

— Новые неприятности. Лодка раскачивается — несмотря на все увещевания мудрого Перкинса... Вот что, Нита. Не будем ждать, пока он на что-то решится. Отправьте копию ваших материалов в Центр профессору Чейблу.

— Как же я могу действовать через голову Перкинса?

— Не до щепетильности, Нита — что делать... — Он шагнул в кабину и, прежде чем двери закрылись, настойчиво повторил: — Отправьте копию Чейблу!..

— Не знаю, что мне с тобой делать... — пробормотала Нита, снова нажимая кнопку вызова. Этот Сэм, подумала она, временами просто не вписывается в схему их совершенного и такого расчисленного мира...

На светлых стенах кабины и на полу — были свежие пятна крови. Нита вздрогнула от неожидан-

ности. Мир перестал казаться ей таким уж совершенным...

— Очередной бунт — вот все, что мне известно, — сказал Рассел. — Убери свои грязные ножищи, Крис! Это моя последняя пара чистого!

Кристенсен, развалившийся на слишком миниатюрных для него носилках, ответил могучим храпом. Трое интернов, покачиваясь, бросали на него завистливые взгляды. Никто уже не помнил, когда началось это бесконечное дежурство... Машина экстренной помощи неслась по пустынным улицам.

— Ну, что тут у вас, в городе? — спросил Сэм. — А то ведь меня усадили на денек в лесные дебри... Предполагалось, что там уже излечивают болезнь Ренда.

— Ничего подобного? — улыбнулся Инвар.

— Ошибка в диагнозе. Там оказался вполне невинный фурункулез. Врача, близорукого старичка, следовало бы спровадить на пенсию лет тридцать назад... Энтузиаст...

— Что в городе? Город разваливается на куски... — мрачно сказал Рассел. — Люди думают, будто мы хитрим, говоря, что этой болезнью можно заразиться только от птиц, и никак иначе. Большинство сидит в своих норках и не высовывает нос. Остальные — буйствуют, насилуют, предсказывают конец света, напиваются как свиньи... Смотреть — одно удовольствие... У кого-нибудь есть кофеин? Похоже, что ночь будет веселой...

— Это страх... — продолжил Инвар. — Люди боятся выходить из своих домов. Утрачен нормальный ритм жизни города. Да, армия охраняет важные объекты; с электричеством, связью и доставкой продовольствия — тоже пока все в порядке... Но ведь так не может продолжаться вечно! В таком гигантском городе! Число больных все увеличивается — и у тех, кто еще здоров, начинают сдавать нервы... А тут вам — запрет на перемещения... Конечно, с точки зрения эпидемиологии — это разумный шаг, но кто-то теперь

думает, что в этой клетке ему придется торчать до конца своих дней!

— Возможно, он прав, — сказал Сэм, возвращаясь в своих мыслях к эксперименту Ниты.

— Что за пораженческие настроения, доктор! — воскликнул Рассел, удивленно взметнув брови. — Мы будем отважно, невзирая на...

— Эта песенка для бойскаутов, но не для врачей. «Ни дождь, ни град, ни тьма ночная...»

— А эта — для почтальонов, — пробормотал Кристенсен, поворачиваясь на другой бок. — Заткнулись бы, а? Как бабы, честное слово... Не дадут вздремнуть человеку.

Завывая сиренами, их обогнали две машины — полицейская и пожарная. Все явственней слышался какой-то непонятный грозный гул.

— Что за чертовщина? — удивился Сэм.

— Толпа, сэр, толпа... — объяснил Рассел. — Граждане нашей прекрасной страны выражают недовольство конституционно избранными властями.

— Можно подумать, что режут звери...

— Они и есть звери, — простонал Кристенсен, открыв глаза. — Как, впрочем, все мы. Внутри каждого сидит зверюга с налитыми кровью глазками... Так что — в бой, врачи! Или как там у Шекспира... «Сквозь брешь — вперед, друзья мои!»

Машина остановилась, и, когда Сэм открыл дверь, — внутрь ворвались крики толпы, заставив четырех молодых людей сразу посерьезнеть...

Это была Двадцать третья улица. Залитый светом Вагнеровский мост, три пустых яруса которого тянулись через Гудзон к Нью-Джерси, осаждался темной, бурлящей толпой. Что-то яростно выкрикивали люди с голубыми от ртутных ламп или бледно-розовыми — от факелов — лицами. Вдали горели пакгаузы. Забаррикадированные грузовиками и брошенными поперек дороги металлическими трубами, защитники моста, полицейские и ооновцы стреляли поверх толпы, ослепляя ее мощными прожекторами. Все это вместе воспринималось Сэмом, как ирреальные, непрерывно меняющиеся декорации, как задний план ярко освещен-

ной площадки, на которой корчились или неподвижно лежали человеческие тела.

— Доктор! Доктор! Помогите мне!

Сэм ясно расслышал эти слова сквозь шум, и, выхватив взглядом машущего рукой молоденького санитаря, поспешил на зов, осторожно переступая через лежавших.

— Смотрите, доктор, как ее... Я не знаю, что делать...

Санитару было не больше девятнадцати, и он наверняка видел прежде лишь аккуратные пулевые и колотые раны. Вся правая сторона тела женщины — от ноги до плеча — обгорела и представляла собой спекшиеся комки кожи и одежды. Аэрозольного баллона, из которого этот парень все еще пытался что-то выжать, не хватило даже для полной обработки ноги...

— Я займусь ею, — глядя на застывшее лицо женщины, решительным тоном сказал Сэм. — А вы... Видите того полицейского? Пулевое ранение. Обработать и перевязать.

Санитар ушел, а Сэм, нагнувшись, приложил регистратор к руке женщины, хотя и понимал, что это уже бессмысленно. Ожог четвертой степени в сочетании с сильным шоком не мог не повлечь за собой почти мгновенной смерти... Он накрыл тело одеялом и огляделся.

Рваные и пулевые раны, всевозможные переломы и вывихи... Пострадавшие в большинстве своем были солдатами или полицейскими. Из штатских — лишь несколько человек, раздавленных или растоптанных в одном из штурмов. В своих истерических попытках вырваться из города мятежники использовали в качестве оружия все, что попадалось им под руку...

Перевязав полицейского и отослав его к санитарной машине, Сэм обратил внимание на прислонившегося к столбу человека, который обеими руками закрывал лицо. На голове его был тюрбан, а на одежде — нашивки солдата пакистанской бригады, прилетевшей утром. Бедняга изо всех сил прижимал к лицу руки, но кровь сочилась сквозь пальцы и капала на землю.

— Вот сюда... — Сэм подвел солдата к пустым носилкам и помог ему лечь. — Если вы уберете руки — мне будет проще заняться вашей раной.

Солдат приоткрыл один глаз и тихо простонал:

— Я боюсь, доктор... Если я сделаю это — мое лицо отвалится...

— Уж как-нибудь обойдется, я думаю. — Сэм мягко отвел его руки в сторону.

Из рваной круговой раны брызнула кровь. Щека была разрезана до кости, и ноздря еле держалась, свисая на губу. Все было в осколках стекла.

— Бутылка? — спросил Сэм, делая инъекцию морфина.

— Да, доктор... Он подскочил ко мне и ткнул, прежде чем я успел шевельнуться. Потом... Боюсь, что это не по уставу, доктор, но я врезал ему прикладом по животу, и он упал.

— Любой на вашем месте поступил бы точно так же.

Сэм вытащил пинцетом последний из видимых осколков — оставив совсем крошечные госпитальным врачам, и установил глубину стежка портативного шивателя. Стянув края раны левой рукой, он приложил к ней свою машинку... Это действие повторялось несколько раз — пока всю рану не закрыл аккуратный шов. Кровотечение почти прекратилось — крупные сосуды, к счастью, не были повреждены. Обработанная таким образом рана уже могла ждать, когда ею займется хирург.

Как только пакистанец был помещен в уже переполненную машину, к Сэму приблизились двое.

— Доктор! — отдав честь, обратился к нему сержант. — Нужна ваша помощь — у нас раненые.

— Сколько, и что за ранения?

— Пока — два человека. Ранены металлическими прутьями. Скоро будет больше... Мы сооружаем еще одно заграждение — чуть глубже, потому что уже не хватает людей сдерживать этот натиск с нескольких сторон... Вам хватит работы...

— Хорошо, пошли. Только захватите эти коробки с медикаментами...

Двухвинтовой военный вертолет ждал их, мягко посвистывая двигателями — и, как только они забра-

лись внутрь, взмыл к верхнему уровню моста, а потом осторожно опустился за барьер из опрокинутых грузовиков и легковых автомобилей.

Солдаты с нервной суетливостью отходили сюда, покидая прежнюю позицию. Толпы пока не было видно, но грозный гул усиливался с каждым мгновением.

Сэм проследил за тем, чтобы выгрузили его коробки — и подошел к раненым. Один из них лежал с вытекшим глазом и, вероятно, сотрясением мозга. У второго была рваная рана, наскоро перевязанная бинтом из индивидуального пакета.

Крики между тем приближались, и солдаты, подсоединив к расположенным по обе стороны моста водоподъемникам пожарные рукава — раскатали их к барьеру.

Послышался топот множества ног, и несколько человек из числа защитников моста, стоявших до сих пор по ту сторону ограждения, спешно через него перелезли.

— Внимание! — зычно крикнул капитан. — Первый заслон смят! Минометы — к бою!

Сэм встал на крыло машины за капитаном — чтобы видеть происходящее на подступах к мосту... Пока еще там было пусто, и только несколько маленьких фигурок бежали к ним от грозного рева. Он нарастал и нарастал — этот рев, становясь все более похожим на разъяренное рычание исполинского зверя.

И вот — хлынуло. Пугающе черная, однородная масса разом растеклась по скатам и лестницам — и устремилась вперед. У толпы не было ни лидеров, ни плана действий — ее гнали страх и желание выжить...

Уже можно было разглядеть отдельных людей, размахивающих металлическими прутьями и просто палками. Их рты были широко раскрыты в крике.

Позади Сэма послышался пронзительный свист, и тут же зачмокали минометы. Они методично и аккуратно усаживали поперек дороги начиненные газом снаряды.

Толпа замедлила бег, а потом и вовсе остановилась, не решаясь приблизиться к стелющимся впереди туману. Воинственные крики сменились нерешительным гулом.

— Может быть, это их остановит? — спросил Сэм у капитана.

— До сих пор не останавливало... — устало ответил тот.

Снаряды падали и падали, но легкий ветерок, дувший с реки, быстро рассеивал газовые облачка. Смелчаки, один за другим, прикрывая ладонью глаза, стали перебегать опасную зону. За ними робко потянулись небольшие группки. И вот уже подалась вся бурлящая масса.

— Воду!! — рыкнул хриплый голос, и тугие струи ударили по бегущим, сбивая их с ног. Толпа, глухо воя, попятилась.

— Берегись! — закричал Сэм, но голос его в этом шуме не мог быть услышан даже с пяти футов.

Снизу по одной из опор к ним вскарабкался и теперь перебирался через перила человек. В зубах он на пиратский манер сжимал большой кухонный нож и, как видно, порезался: с уголка рта по подбородку тонкой струйкой текла кровь.

Солдат обернулся в тот момент, когда человек, перехватив нож в руку, подкрался к нему совсем близко. Сцепившись, оба упали, но почти сразу нападавший поднялся вновь. Клинок был темным от крови.

Ничего больше, однако, этот человек сделать не успел, так как был сбит с ног подбежавшим здоровяком-дзюдоистом, и, ухватившись обеими руками за шею, корчился теперь от боли.

Когда Сэм подошел, раненый солдат уже встал на ноги и, пошатываясь, удивленно смотрел на свой мокрый рукав.

Ножевая рана оказалась довольно безобидной, и Сэм, наложив антисептическую повязку, тем и ограничился...

В реве толпы, в его тоне, появилась странная приподнятость, что-то даже близкое к ликованию. Или Сэму, одуревшему от невыносимого шума, только показалось? Вот появился новый звук, низкий и невнятный, который быстро усиливался... Сэм увидел, как, стоя на крыле своей машины и яростно размахивая рукой, капитан что-то кричит своим подчиненным

и те суматошно отступают — и как сам он, прыгнув вниз, присоединяется к ним...

Громадный трейлер на скорости не менее шестидесяти миль в час, рыча от натуги, врезался в заграждение и разметал его. Камера одного из передних колес лопнула, и машину, отчаянно визжащую тормозами, развернуло на девяносто градусов и потащило к перилам. Послышался удар, и кабина зависла над рекой.

Это было все, что успел разглядеть Сэм, прежде чем толпа, уже ничем не сдерживаемая, хлынула в брешь. Не обращая внимания ни на что — два солдата были тут же растоптаны, — она понеслась по мосту, гонимая страхом, навстречу свободе...

— Им все равно не прорваться, — зло прохрипел капитан. — С той стороны мост перекрыт полицией Нью-Джерси... Но эти мерзавцы убили моих людей — и я очень хочу, чтобы они прорвались!

— Почему?!

— Потому что только нам было запрещено стрелять, даже в целях самозащиты! А полиция Нью-Джерси такого приказа не получила! Там граница зоны! Все перегорожено колючей проволокой! — Капитан посмотрел на своих мертвых солдат и вздохнул. — Они будут стрелять в любого, кто попытается пересечь пограничную линию...

Толпа — те, кто еще не прошел сквозь разрушенную баррикаду — вели себя тихо. До другого конца моста им нужно было пробежать около мили, и люди берегли силы. Слышался лишь топот множества ног.

Мерный стрекот, доносившийся сверху, заставил Сэма поднять глаза. Со стороны реки к ним приближались огни. Пилот разглядел, должно быть, их военные машины, и вертолет, после того, как поредел людской поток, стал снижаться. В свете мостовых фонарей Сэм разглядел надпись «Военный транспорт штата Коннектикут».

Остатки толпы все еще текли мимо. Капитан, не выдержав, стал пробираться сквозь них в противоположном направлении. За ним следовал Сэм — по ту сторону заграждения могли быть раненые.

Когда они подошли к вертолету, пилот, открыв окошко, крикнул:

— Послушайте, я из Уотербери и совершенно не знаю город — не могли бы вы помочь мне?

— Я из Карачи, приятель, и знаю меньше тебя, — бросил на ходу капитан.

— Куда вам нужно? — спросил Сэм, взглядом выискивая пострадавших.

— В госпиталь Белвью. Не знаете, где это?

— Знаю. Я работаю там. А зачем вам в госпиталь? — Спросив, Сэм похолодел от недоброго предчувствия.

— Посылка. Дохлая собака в упаковке. Вы не покажете мне дорогу?

Побледнев, Сэм отбросил брезент, покрывавший собаку, и направил на тело луч фонарика.

Даже сквозь множество слоев полиэтилена невозможно было не увидеть безобразных нарывов.

Глава 9

В лаборатории было темно, и голубовато-зеленый свет от экрана едва выхватывал из мрака лицо Сэма, подчеркивая морщины и мешки под глазами.

Он с отвращением смотрел на экран. В дикой пляске палочковидных вирусов Ренда — картинке, транслируемой из главной вирусологической лаборатории — было что-то опереточно демоническое.

Сэм зевнул и отвел взгляд в сторону. Конечно, ему следовало бы поспать, но при всей усталости сон не шел. В окно по-прежнему барабанил дождь, и уже пробивалась утренняя серость... Обязательно нужно поспать...

Нита, в самый разгар их беседы уронившая вдруг голову на руки, безмятежно посапывала, разметав по столу свои красивые волосы.

Пискнул сигнал, которым обычно предварялись важные сообщения — картинка дернулась, но чем-то новым не сменилась. Все те же вирусы все так же энергично толкались.

«Идентификация положительна, — пробурчал равнодушный голос. — Ткани фурункулов коннектикутской собаки содержат вирус Ренда — он на ваших экранах. До завершения всех исследований по приспособляемости данного штамма к различным средам и организмам он именуется вирусом Ренд-гамма...»

Нита уже выпрямилась в своем кресле и, отбросив волосы назад, сонно щурилась.

— До чего ж быстро! — воскликнул Сэм, гневно сжав кулаки. — Такой сдвиг — и меньше, чем за неделю! Как он успел в такой короткий срок перебыть в семи различных организмах?!

— Успел. И от этого никуда не денешься.

— Как и от многого другого... — Сэм, кипя от злости, мерил шагами комнату. — Разваливается все! Мы катимся к первобытной дикости! Кубарем! Мне никогда не приходило в голову, что слой цивилизованности настолько тонок! Его можно смахнуть в несколько дней!

— Вы слишком суровы, Сэм. Люди просто-напросто боятся...

— Да, конечно! Я сам боюсь! И, кстати, у меня гораздо больше оснований для страха — ведь мне известна степень нашей беспомощности перед болезнью Ренда! Но я также знаю — а они почему-то забыли — что у нас есть чудесный дар — шевелить мозгами, думать, прежде чем что-то предпринимать! А эти безумцы действуют — только действуют! И мало того, что обрекают себя на верную гибель, так еще пытаются увлечь за собой весь мир! Буйствуют! Лезут под пули! Вопреки здравому смыслу прячут где только можно своих несчастных кур и длиннохвостых попугаев! Подождите, вот мы еще примемся за собак... «Только не моего Рекса! Только не моего верного друга Рекса!» И попробуйте втемашить идиоту хозяину, что его друг Рекс превратился в смертельного врага... Все охвачены паникой! Я видел толпу, в которой уже не было людей! Они насилуют и убивают — мимоходом! Каждый пытается любой ценой выбраться отсюда — и кому-то ведь это удастся! Или чья-то собака убежит за пределы зоны! Люди...

— Людей винить не следует, Сэм. — Голос Ниты был тих и спокоен. — Им присущи эмоции, обычные человеческие эмоции...

— Но я — точно такой же человек! — воскликнул он, остановившись. — И тоже не без эмоций! Я прекрасно понимаю, что они чувствуют сейчас! Те же кошки скребут и у меня на сердце! Но для чего же

нам дан интеллект, если мы не можем контролировать свои эмоции!

— Кое-кто из контролирующих мечется сейчас из угла в угол...

Сэм уже открыл рот, чтобы ответить — но внезапно передумал и улыбнулся.

— Да, вы правы. Вся моя ярость — ни к чему... Просто бывают моменты, когда все, что чувствуешь, обнажается, выходит наружу... А потому — слушайте! Вы так хороши сейчас в этом голубом луче и с этими спутанными волосами!

— О ужас... — прошептала она, поправляя прическу.

— Оставьте, прошу вас! — Сэм потянулся к ее руке и — что-то произошло! В глазах Ниты отразились его, Сэма, чувства!..

Что есть поцелуй? Поцелуй есть контакт, соединение, обмен. Одним народам и племенам он вообще неизвестен — другие считают его чем-то омерзительным. И те, и другие — обделены... Поцелуй может быть и холодной формулой, и знаком родства, и прелюдией к акту любви. А еще — откровением в безмолвном, таинственном языке чувств, непередаваемых словами...

Прижавшись ухом к его груди, она улыбалась — он это знал, потому что водил пальцем по ее лицу.

— По-моему, все наши чувства поднялись сейчас на поверхность... Мы говорим то, что говорят они, и действуем так, как им угодно. Я, наверное, выгляжу очень смешным...

— Перестань, Сэм!

— Я, должно быть, действительно выгляжу довольно нелепо, но... Если б ты знала, какое отвращение у меня вызывают все эти телекрасотки с их деловитым барахтаньем в постели и дозированным закатыванием масляных глазок! Настойчивое принижение высокого... Я хочу сказать, что люблю тебя, и что это... не шутка...

— И я тебя люблю, Сэм... Звучит, конечно, ужасно — но я благодарна болезни Ренда и всему, что произошло... Женщины эгоистичны, дорогой! Мне кажется, что ты так и остался бы одним из тех

ушедших в работу мужчин, которым просто некогда подумать о таком незначительном предмете, как мы...

— «Незначительном»! — Сэм обнял ее и тут же услышал сигнал вызова. — Черт побери!

— Я понимаю ваши чувства, сэр! — Нита, рассмеявшись, выскользнула из его объятий. — Но мне звонят!

Сэм милостиво улыбнулся, и она поспешила к телефону.

Дождь почти прекратился. Редкие порывы ветра бросали капли на оконное стекло. Сэм смотрел вниз, на влажную серость безмолвного города. Отсюда, с двенадцатого этажа, хорошо просматривалась Первая авеню с ехавшей по ней бело-зеленой полицейской машиной. Вот машинка исчезла, куда-то свернув...

Неясное бормотанье за спиной тоже смолкло, и когда он обернулся, Нита уже положила трубку. Она так грациозно потягивалась, что Сэм тут же почувствовал необыкновенный прилив сил.

— Так. Умыться, переодеться и приготовить что-то похожее на завтрак, — энергично перечислила она. — Через час — совещание. Дирижирует Чейбл, если я правильно ее поняла...

— Кого — ее?

— Секретаршу Мак-Кея... Перкинса, вернее.

— Обо мне она ничего не сказала? Ведь этому локатору наверняка известно мое местонахождение!

— Нет, о тебе — ни слова. Может быть, твое присутствие там кажется ей уже само собой разумеющимся?

— Думаешь? Не более чем интерну — так, кажется, величает меня Эдди Перкинс? — дозволят присутствовать на этом политиканском таинстве?

— Но ты же должен быть там, Сэм!

Он грустно улыбнулся:

— Я буду, и обязательно.

... Это был один из самых больших залов госпиталя, и собравшиеся, человек тридцать, чувствовали себя в нем довольно неуютно. Сэм увидел здесь много знакомых лиц — руководителей отделов, людей из команды Мак-Кея, двух офицеров службы здоровья. Уже войдя в дверь, он подумал, что явиться сюда — было

не лучшей его мыслью. Нита, что-то почувствовав, крепко сжала его руку, когда он усаживал ее в кресло. Сразу полегчало... А потом отступать было уже поздно, да и незачем. Знакомые кивали ему или приветственно махали рукой — а прочие не обращали на него внимания...

«Доктор Бертолли?» — прогремело сзади, и Сэм вскочил. Насупленный бородач с перебитым носом был очень хорошо знаком ему по фотографиям.

— Да, доктор Хатъяр. Чем могу...

— Как вы себя чувствуете? — Хатъяр, подавшись вперед, почти уткнулся носом в лицо Сэма. Если б это проделал кто-то другой, Сэм обязательно вышел бы из себя, но Хатъяр был не другой... Сэму не раз приходилось слышать истории об этом гениальном венгерском иммунологе, создателе радиоактивного дифференциатора, касающиеся в основном его близорукости и болезненного самолюбия. Хатъяр, например, наотрез отказывался признать, что его зрение не идеально, и потому никогда не пользовался корректирующими линзами. В лаборатории, возможно, это не создавало особых неудобств, но в общении с людьми...

— Как вы чувствуете себя? — повторил он с чудовищным акцентом прямо Сэму в ухо.

— Спасибо. Не мешало бы, правда, поспать, а так — все в порядке... Во всяком случае, никаких симптомов болезни Ренда.

— Вот как? А ведь небольшое повышение температуры было бы очень кстати! Вы, значит, уверены, что жара у вас не было?

— Совершенно.

— А вот я не уверен... Мне нужно немного вашей сыворотки. То, что я имею, взято у людей, впоследствии умерших. Быть может, нам удастся наконец выделить антигены...

— Сэм? Вы не на дежурстве? — послышался голос Эдди Перкинса.

— Я отдежурил, — вежливо ответил Сэм, обернувшись. — Последняя поездка заняла около двадцати часов. Ситуация в городе весьма напряжена.

— Знаю. А что, вас кто-то пригласил сюда?

Они смотрели друг другу в глаза; взгляд вопрошавшего был ледяным.

— Нет, — ответил Сэм, и Перкинс победно ухмыльнулся.

— В таком случае... Я, конечно, очень сожалею, Сэм, но вам придется...

— Какого дьявола?! Кто вы такой, собственно? — зарычал Хатъяр, пытаясь разглядеть лицо неизвестно откуда взявшегося нахала.

— Я Перкинс, мистер Хатъяр! Ассистент доктора Мак-Кея! В настоящий момент исполняю его обязанности!

— В таком случае, идите, пожалуйста, и исполняйте их дальше! Мы заняты!

Хатъяр сгреб Сэма и утащил подальше от пунцово-красного Перкинса. Сэм не знал, то ли радоваться этому торжеству справедливости, то ли огорчаться по поводу неизбежных теперь неприятностей...

Профессор Чейбл постучал молотком — группки стоявших распались — все заняли места за длинным столом.

Сел и Чейбл. Он долго разглядывал множество бумаг, лежавших перед ним, и аккуратно их складывал — а когда заговорил, в голосе его была бесконечная усталость.

— Прежде всего я должен сказать, что совещание организовано Всемирным центром здоровья. По моей просьбе доктор Перкинс, временно заменяющий Мак-Кея, пригласил вас сюда для обсуждения некоторых весьма важных вопросов. Я получил ваши отчеты и хочу выразить признательность за столь исчерпывающую информацию... Далее. В настоящий момент Центр осуществляет контроль за носителями вируса. Определена карантинная зона. Принимаются самые решительные меры в борьбе с болезнью. Однако нам необходимо принять некоторые основополагающие решения, касающиеся наших дальнейших действий. И прежде чем они будут приняты, мы должны окончательно выяснить: что сделано, что делается и что предстоит сделать для укрощения этой болезни.

Чейбл умолк, и наступила тишина... Наконец Эдди Перкинс, откашлявшись и обведя аудиторию испытующим взглядом, сказал:

— Позволю себе подытожить наши достижения... Болезнь Ренда — неизлечима. Смерть наступает в течение десяти-двенадцати часов с момента заражения. Вероятность — стопроцентна, во всяком случае до сих пор было так. Симптоматическое лечение, однако, позволяет продлить период болезни почти до сорока восьми часов. Это вселяет определенные...

— Ничего это не вселяет! — сердито перебил его Хатьяр. — Небольшая отяжка — и все. При чем тут лечение?

— Возможно, вы правы, доктор Хатьяр, — еле сдерживаясь, ответил Перкинс. — И я не совсем точно выразился... Кстати, самое время, по-моему, выслушать информацию о том, сколь велики успехи вашей иммунологической команды.

— Их нет.

— Нельзя ли поподробней, доктор Хатьяр?

— И подробней нет тоже... Пока не выделено антитело — мы работаем впустую! Все здесь, вроде бы, элементарно. Альфа, бета и гамма — очень даже просты в своих реакциях. Организм либо заражен, либо нет. Если заражен — он гибнет... И никаких вам мягких форм! Ни один из пораженных организмов не способен бороться с антигенами!

— Скажите, доктор, — подал голос Чейбл, — какова вероятность получения этих ваших антител?

— Вероятность — нулевая. Без какого-то совершенно нового фактора тут не обойтись...

Тишину, вновь наступившую после этих слов, довольно долго никто не прерывал. Призывы к активности не оказали никакого действия. Перкинс в конце концов стал выкликать по именам руководителей групп. Далеко не каждый был или позволял себе быть таким искренним, как Хатьяр, но это не меняло сути.

— Если не возражаете — я обобщу... — Голос Чейбла дрожал, и это уже было вызвано не только усталостью. — Положение не из лучших. Мы знаем, откуда пришла болезнь Ренда и каким образом она распространяется. Нам известны ее первые симптомы

и исход, который мы можем чуть-чуть оттянуть. Мы убедились также и в том, что зараженный организм не вырабатывает антитела для борьбы с болезнью и что антибиотики ей нипочем. Применение интерферона дает ничтожный и кратковременный эффект. Каких-либо химических препаратов, способных пресечь развитие болезни, не убив при этом больного, у нас нет... Что еще? Еще мы знаем о странной привычке болезни Ренда поражать определенных животных — которые в свою очередь передают ее представителям своего вида или же человеку... Такой вот жуткий перечень, в котором единственно отрадный пункт — то, что мы не можем заразиться друг от друга.

— Не можем — пока, — очень ясно произнесла Нита и тут же испуганно прикрыла рот рукой.

Каждый счел своим долгом повернуться и посмотреть на нее — кресла дружно заскрипели...

— Может быть, вы поясните свои слова, доктор Мендель? — сурово сказал Чейбл.

— Извините меня... Я не хотела прерывать вас... И это пока не доказано... Не исключено, что мое предположение вздорно, но... Понимаете, я пропустила Ренд-бету через семь тканей — и она стала Ренд-гаммой, способной поражать собак!

— Простите... — буркнул Чейбл, вороша свои бумаги. — Но я не вижу отчета об этом!

— Дело в том, профессор, что мой эксперимент не входил ни в одну из официальных программ. Я занялась этим исключительно по собственной инициативе. Что же касается моих записей — я должна привести их в порядок...

— Записи записями, но вам следовало немедленно поставить меня в известность!

— Я хотела, но... — Она вскинула глаза на побледневшего Эдди Перкинса. — Видите ли, это случилось прошлой ночью, и когда я отправилась к доктору Мак-Кею — его уже увезли, и все пребывали в замешательстве... Ну, а потом, когда в Коннектикуте обнаружили зараженную собаку и об этой опасности стало известно всем...

— В любом случае вы должны были сообщить мне!.. Уж простите, что так накидываюсь на вас, но —

и это относится ко всем! — информация, имеющая хоть какое-то отношение к болезни Ренда, должна немедленно доводиться до моего сведения! Даже если она кажется вам совершенно пустячной!.. Продолжайте, доктор Мендель. Значит, вы полагаете, что болезнь Ренда будет, рано или поздно, передаваться человеку от человека?

— Боюсь, профессор, что не смогу пока подкрепить свою мысль доказательствами... Эта болезнь подчиняется неведомым законам и меняет свой нрав всякий раз, как только вирус попадает в новую среду, переходя от человека к птице, а от птицы — к человеку. До поры до времени. Вдруг добавляются собаки! А что если после серии подобных перебросок между собакой и человеком произойдет новый сдвиг? Кстати, у нас нет уверенности в том, что подобное — с какими-то другими, еще не выявленными носителями — уже не произошло... Возможно, существует некий ряд, ведущий к такой мутации, после которой мы сможем заражать друг друга без посредников.

— Возможно... — задумчиво кивнул Чейбл. — И не хотелось бы в этом убедиться. Да, нельзя недооценивать степень опасности... Доктор Перкинс! Ваши соображения относительно программы дальнейших действий!..

Когда наступил момент распределения заданий между группами, и все, одновременно оживившись, принялись демонстрировать свои ораторские способности, Сэм наклонился к Ните.

— Сжалилась над Перкинсом, да?

— Да, Сэм. Ему ведь не сладко теперь, когда приходится работать еще и за Мак-Кея... А тут мы со своими обвинениями...

— Иными словами, ты не захотела раскачивать все ту же знаменитую лодку... Жаль. Ее следовало перевернуть. Он совершил непростительную ошибку, скрыв твои записи от Чейбла! Ты должна была сказать об этом! Его уволили бы — и поделом... Слишком дорого обходятся нам такие ошибки...

— А не мстишь ли ты?

— Мшчу? Нет. Конечно, было бы приятно посмотреть, как он с треском вылетает отсюда, но мною

движет другое... Перкинс сейчас не на своем месте, и он блестяще это доказал! Пока этот парень сидит в кресле Мак-Кея, ничего хорошего не жди...

Его прервал настойчивый стук молотка.

— Всем спасибо! — натужно выкрикнул Чейбл и подождал, пока все утихнут. — А сейчас я хотел бы поделиться с вами следующей информацией... Чрезвычайный Совет ООН, президент и представители Генерального штаба пришли наконец к единому решению. Операция «Избавление» — таким замечательным названием могли разрешиться только военные — начнется через несколько часов. Она включит в себя самые серьезные меры по пресечению дальнейшего распространения болезни. Красная зона — территория, на которой зафиксированы случаи заболевания, — полностью эвакуируется. Мы уже начали переселять людей в карантинные лагеря, и как только будут выявлены и отсеяны инфицированные — всех удалят за пределы зоны. Кроме Красной имеется еще и Синяя зона. Это полоса мертвой земли, окаймляющая Красную зону. Вся она идеально — при помощи бульдозеров, взрывчатки и огнеметов — выровнена и посыпана отравленной приманкой. Ширина Синей зоны составляет двести ярдов — а по завершении работ она достигнет полумили. К моменту, когда это произойдет, эвакуация населения Красной зоны уже закончится, и ее подвергнут обработке радиоактивным веществом с периодом полураспада в два месяца...

Все силились представить себе масштабы этих мероприятий. Свыше восьми тысяч квадратных миль должны обезлюдеть? Нью-Йорк, Ньюарк, Филадельфия, покинутые своими жителями, превратятся в города-призраки? В них умрет даже последняя инфузория?..

Чейбл продолжал:

— Это нужно сделать незамедлительно, потому что мир напуган... Как только очаг инфекции будет локализован, и в качестве ее носителей мы будем иметь дело лишь с животными — операция «Избавление» продолжится. — Голос Чейбла звучал теперь предельно тихо. — Я хочу, чтобы вы поняли: мы вынуждены пойти на это... Мир, как я уже сказал, напуган — и

до того напуган, что всерьез подумывает о водородной бомбардировке Красной зоны...

Он умолк, не в силах больше говорить — и видеть, в какой ужас приводят слушателей его слова.

— Доктор Чейбл! — решительно сказал Сэм, слегка удивившись своей решительности. — Операция «Избавление» — вполне, на мой взгляд, логичное решение проблемы, поставившей медицину в тупик. Некоторым, правда, кажется более разумным сбросить на нас водородную бомбу, что мне, потенциальному угольку, не слишком по душе, как, кстати, и угрозы сбросить ее вот-вот. Но не о том речь... По-моему, мы еще не окончательно убедились в бессилии медицины! Еще не выполнена одна часть исследований — возможно, наиболее важная!

Он остановился, чтобы перевести дыхание и только сейчас заметил, что его слушают более чем внимательно, но с каким-то мучительным напряжением. Вопрос перестал быть чисто медицинским. Он перерос в проблему выживания.

— О каких исследованиях идет речь? — спросил Хатъяр.

— Проникнув внутрь «Перикла», мы могли бы обнаружить там сведения об этой болезни — записи, например. Ведь неспроста же Ренд пытался объяснить нам что-то о корабле... Кроме того, если уж вопрос о бомбардировке почти решен — кого может волновать тот факт, что мы откроем эту бутылку...

Громко застучал молоток.

— Доктор Бертолли! Никаких проникновений! На конечном этапе операции «Избавление» — после эвакуации и радиоактивной обработки территории — «Перикл» будет уничтожен тактическими ракетами! Мы должны быть уверены, что ни болезнь Ренда, ни какая-то другая космическая хворь землянам больше не грозит! Так что — извините... Решение принято и обжалованию не подлежит. Никто даже слушать вас не станет! Если бы, конечно, был найден способ лечения болезни Ренда... Но в этом случае и вся операция была бы отменена!..

Раздалось несколько негодующих возгласов, а темпераментный Хатъяр даже разразился тирадой — но

все это было впустую, для очистки совести, для протокола. Все понимали, что решение принято на самом высоком уровне.

Чейбл внимательно слушал, кивал, отвечал на вопросы и при первой же возможности закрыл совещание...

Нита с Сэмом отправились в лабораторию. Когда они проходили мимо стеклянных дверей одной из переполненных палат, Нита опустила глаза.

— Я боюсь, Сэм... Все кажется каким-то безысходным... Эти разговоры — о бомбах, о радиоактивности... Значит, с исследованиями покончено? И эти больные, а также все, кто заразится позже — обречены на смерть?

— Они уже мертвы. Мы же отныне — не врачи, а кладбищенские сторожа... Однако поставим себя на место большей части человечества. Она, эта часть, собирается принести нас в жертву и спастись. Уничтожить небольшое количество себе подобных — ради благородной цели... Возможно, это отличная идея, от которой я не в восторге только по эгоистическим мотивам... Но! Я против нелепого запрета на посещение «Перикла»! Запрета, исходящего от насмерть перепуганных людей, потерявших способность логически мыслить! Внутри корабля может находиться ответ на наши вопросы — спасительный для многих!

— Дорогой, но что мы можем сделать? Чейбл все популярно объяснил. Корабль закрыт — как для всех, так и для нас. Все ответы предписано искать в любом другом месте.

Убедившись, что их никто не видит, Нита мягко пожала руку Сэма — и не заметила, как расширились вдруг его глаза.

— Тебе на дежурство? — спросила она, открывая дверь.

— Через час, — ответил Сэм и прошел в комнату, где хранились инструменты.

— Все. Хватит терзаться — займемся делом... Что это?! — Она увидела в его руке регистрирующее устройство.

— Скорее всего, моя очередная глупость... Наверное, я замерз, оттого что не выспался, но твоя рука

показалась мне слишком теплой. — Он коснулся прибором ее запястья, и стрелка метнулась к отметке 38,8.

— Ты могла просто подхватить грипп, — было сказано не слишком бодрым тоном...

Люди еще не научились излечивать болезнь Ренда, но диагностика ее была уже на неплохом уровне.

Через пять минут стало ясно, что у космической чумы есть новая жертва.

Глава 10

Заболевший врач — просто еще один пациент. И нет у него никаких привилегий. Единственное, что Сэм смог сделать — это проследить за тем, чтобы Ниту поместили в двухместную палату с только что освободившейся койкой. Спрашивать, что случилось с тем, кто занимал это место раньше, было излишне.

Сэм ввел ей все необходимые лекарства, в том числе и сильнодействующее снотворное. Когда он уходил, Нита уже спала.

Дверь за спиной бесшумно закрылась... Он думал о том, что ставший ему таким близким человек — обречен, мертв — как если бы его сразила пуля... Болезнь Ренда неизлечима! Что тут можно сделать! Впрочем...

Он подбежал к телефону и, связавшись с регистрацией, попросил соединить его с профессором Чейблом, если тот еще не уехал.

Экран был темным, и только из центра его, как по воде, шли круги. Сэм задумчиво смотрел из-за плеча дежурной сестры на другие экраны. Больные спали в своих палатах — и видны были отсюда, благодаря инфракрасным хитростям, даже в темноте...

Ответа на вызов все не было. Дотянувшись рукой до экрана крупного плана, Сэм набрал номер палаты Ниты и увидел обрамленное множеством цифр ее усталое лицо...

«Доктор Бертолли? Соединяю с профессором Чейблом!»

Сэм круто повернулся к телефону.

— Профессор, мне нужно срочно с вами встретиться...

— Я уезжаю.

— Это не займет много времени, уверяю вас! Минуту — не более.

Чейбл вглядывался в Сэма с крошечного экрана, словно пытаясь проникнуть в его мысли.

— Ну хорошо, если вы уж так настаиваете... Жду в 3911-й. И поторопитесь, пожалуйста...

Спускаясь вниз, Сэм вспомнил, что 3911-я — это кабинет Мак-Кея, а значит, там будет и Эдди Перкинс... Придется потерпеть, дело стоит того...

Секретарша пропустила его немедленно, и Сэм увидел Чейбла, занятого наполнением своего портфеля бумагами. У окна, глубоко затягиваясь сигаретой, стоял Перкинс.

— Что вы хотите? — спросил Чейбл, сухо и без всяких вступлений.

— Подняться на борт «Перикла». Корабль необходимо осмотреть.

— Исключено. И вы знаете это. Имеется решение...

— К черту решение! В конце концов это — наша проблема, и мы не обязаны подчиняться решениям, принятым где-то в Стокгольме! Я войду туда один. Ведь однажды мне уже приходилось подниматься в шлюз, и ничего не произошло! Итак. Я забираюсь внутрь шлюза и ничего не трогаю до тех пор, пока плита, которую вы там установили, вновь герметично не закроет вход. С внешним миром у меня будет только телефонная связь! Вы понимаете? Абсолютно никакого риска! Сообщив обо всем увиденном, я останусь внутри и буду сидеть там столько, сколько понадобится!

— Вознамерились в одиночку решить все мировые проблемы? — язвительно поинтересовался Перкинс.

— Все это — пустые разговоры... — досадливо морщась, сказал Чейбл. — Решение принято, уразумейте же вы!

— Мы не обязаны считаться с ним!

— Только без истерики, — ласково улыбнулся Перкинс. — Вот видите, профессор, я ж говорю: на этого человека нельзя положиться...

— Ах вот как? — зло выдохнул Сэм. — Нельзя положиться, значит? И, что самое смешное — это говорит мне Эдди? Тот самый Эдди, который, умирая от важности, силился предстать перед нами достойным заместителем Мак-Кея? Рекомендую, кстати, срочно сложить с себя эти полномочия... А рассказал ли ты, Эдди, профессору Чейблу о том, что Нита Мендель уже представляла тебе свой отчет — но ты решил придержать его? Или...

— Довольно, доктор! — оборвал его Чейбл.

— Я боялся, что это произойдет, — сокрушенно вздохнул Перкинс, — и не зря предупреждал вас, профессор. Он уже предъявлял мне это чудовищное обвинение — не при свидетелях, конечно... И вот теперь... Нет, что-то необходимо предпринять.

— В отношении тебя, Эдди... — Сэм все с большим трудом сдерживал ярость. — Ты изрядно напортил, а теперь изворачиваешься. Хирург ты, может быть, и неплохой, но администратор — никуда...

Сэма, между тем, уже не слушали. Чейбл, повернувшись к селектору, нажал клавишу и решительно произнес:

— Пригласите, пожалуйста, офицера!

Прежде чем Сэм успел что-то сообразить, в дверях уже стоял лейтенант полиции.

— Мне не хотелось этого делать, — сконфуженно произнес Чейбл, — но приходится. У меня просто не осталось выбора. Поверьте, мне очень жаль, Сэм... Лейтенант не арестовывает вас, нет... Это всего лишь превентивное задержание. Вы сами вынудили нас прибегнуть к такой мере. Вокруг полно безответственных элементов, которые, наслушавшись ваших пламенных речей, чего доброго побегут штурмовать корабль...

Сэм не слушал. Опустив голову, он повернулся и медленно пошел к выходу. «Неужели они все учли?» Лейтенант крепко взял его за руку — деликатно, но крепко... «Все, да не все...»

В приемной, кроме секретарши, не было никого. Лысеющий лейтенант спокойно осуществлял арест врача, взгляды которого отличались от общепринятых. В условиях военного положения — нешуточно...

— Спасибо тебе, Эдди... — бросил Сэм, обернувшись...

Они не учли, что он почти десять лет был воякой, и не из последних!!!

Лейтенант явно не ожидал каких-либо осложнений. Он был крайне беспечен и неуклюж, что позволило Сэму посредством грамотно выполненного болевого приема послать его прямо в ноги побледневшему Эдди Перкинсу.

Перед тем, как хлопнуть дверью и быстро пройти мимо окаменевшей секретарши, Сэм еще коротко насладился дружным падением этих миляг...

Сколько времени в его распоряжении?.. Холл, по которому бежал Сэм, лихорадочно соображая, что же делать дальше, был пуст. Метаться в разные стороны или бездумно галопировать — не имеет смысла. Еще несколько секунд, и они выбегут за ним вслед. Ждать лифта — тоже не стоит...

Сэм выбежал на площадку пожарной лестницы и бросился вниз, прыгая через пять ступенек. «Никаких переломов! Нет времени!»

Он толкнул дверь — уже двумя этажами ниже и не спеша — здесь были люди — зашагал по коридору к вертушке, ведущей в старый корпус.

Что же теперь? Полицейский наверняка уже не только выскочил в холл, но и заскочил назад, не обнаружив Сэма...

Перкинс с Чейблом вряд ли осмелились что-то предпринять в отсутствие лейтенанта. А сейчас они звонят охране, чтобы та поджидала Сэма у главного и прочих выходов... Чуть позже по всему госпиталю будет объявлена тревога... В его комнате устроят засаду, это уж непременно, и значит негде будет переодеться... Если даже удастся выбраться наружу — как далеко он сможет уйти, беленький, как зайчик?..

Двери лифта разъехались, и он шагнул в кабину.

— Сэм?! Ты чего такой взмокший? — закричал подоспевший Кон Рассел.

— Уж тебе-то следует знать, Кон... Вместе, как-никак, ездили...

— Я потерял тебя, как только мы добрались до этого моста! Ну и ночка была!.. С тобой все в порядке? Ничего не случилось?

Двери сомкнулись, и Рассел, нажав клавишу «23» — он жил как раз над комнатой Сэма, — приготовился слушать.

— Много чего случилось. Одно из событий — болезнь Ренда у Ниты... Ниты Мендель.

— Черт побери! Да что ты! Эта рыженькая, которая была с тобой у «Перикла»?

— Да, она самая... Все гибнет, и конца этому не видно... Послушай, Кон, у тебя есть суритал? Хочу поспать хотя бы несколько часов.

— Конечно есть! Только в комнате. Подожди — у тебя ж сумка!

— Пустая. А в аптеку тащиться не хочется...

Пока Рассел рылся в своей сумке, Сэм, закрыв дверь и прислонившись к ней, отдыхал.

— А ты уверен, что нельзя обойтись ноктеком или чем-то вроде? — спросил Кон, подойдя к нему.

— Уверен, — сказал Сэм, беря шприц. — Только суритал. Несколько кубиков чудесного снадобья — и ты спишь как младенец...

— Здесь больше шести. Хватит на сутки, — предупредил Рассел, вновь направляясь к шкафу.

Игла, проткнув рубашку, вонзилась в его руку. Сэм выдавил все, что было в шприце.

— Извини, Кон, — пробормотал он, с трудом удерживая все более вяло вырывающегося приятеля. — Я не хочу, чтоб тебя считали моим сообщником. Да и выпишься заодно...

Подтащив обмякшего Рассела к кровати и уложив его, Сэм запер дверь на ключ.

Хорошо, что они примерно одного роста и комплекции — одежда должна подойти...

Он разделся, чтобы повязав модный галстук, а точнее — обыкновенный кожаный шнурок, тут же облачиться в синий костюм.

Дождь за окном все лил, и Сэм бросил в сумку аккуратно свернутый плащ.

Оставалось незаметно выбраться наружу... Только вот как?..

Полицейский был опрокинут минут двадцать назад — и охрана главного входа наверняка уже в состоянии повышенной боевой готовности. Ну, а множество служебных входов — кухонных, например? Как с ними? Обычно никто их не охранял и не запирал — но вдруг об этом уже позаботились? Или все же осталась какая-то незамеченная лазейка? А что, если..

Теперь Сэм знал, куда идти, и знал, что выйдет отсюда — если только не наткнется на кого-то из уже оповещенных коллег... Страхуясь от такой возможности, он пробежал через новое, еще не открывшееся рентгеновское отделение и, спустившись по лестнице, оказался в одном из старых корпусов.

Холл второго этажа был пуст. Надев плащ, Сэм открыл окно — то самое, через которое несколько недель назад к ним забрались мальчишки...

Никто не заметил, как с ветвистого дерева, стоявшего у самой стены, на землю прыгнул человек.

...Итак, улизнул... Что дальше?.. Все мысли, вертевшиеся в голове Сэма до сих пор, были так или иначе связаны с бегством. Настало время задуматься о другом... Ради чего он бежал? Ради того, чтобы проникнуть на «Перикл» — как бы ни старались ему в этом помешать... Кое-кто, правда, может и помочь. Генерал Бэк, например...

Неизвестно, что было сильнее — дождь или ветер Сэм был благодарен: на улицах ни души.

Он бежал по Тридцать четвертой улице с таким видом, будто гонит его исключительно непогода...

Бар — стеклянная дверь стремительно распахнулась — был из тех недавно появившихся баров-автоматов, что работали круглосуточно, даже в отсутствие — как сейчас — посетителей.

Сэм сразу направился в глубь зала, к телефонной будке.

— Доброе утро, сэр! Сыровато сегодня, не так ли? — приветливо прогудел робот, с виду — розовощекий и лысый бармен. Как показали опросы, клиенты, особенно изрядно захмелевшие, предпочитали безликим машинам хотя бы имитацию человека.

— Двойное виски, шотландское, — задержавшись у стойки, сказал Сэм. Сейчас, когда опасность отступила — навалилась страшная усталость. Алкоголь должен встряхнуть его...

— Вот ваше виски, сэр.

Бокал был наполнен от души, но не слишком — роботы никогда не переливали.

— Сдачу — телефонными жетонами... — Сэм протянул банкнот.

— Вот сдача жетонами, сэр. Клиент всегда прав.

Допив виски, Сэм отправился звонить. Где, сказал Бэк, располагается этот его штаб? В Форт-Джее? Это Бронкс? Да нет же! Гавернорс! Разумеется, Гавернорс! Совсем голова не работает...

Он позвонил в справочную и, узнав номер, набрал его.

Вместо кого-то из военных на экране появился местный связист.

— Простите, но этот номер принадлежит военному ведомству, сэр. У вас есть разрешение?

— Нет, но... Скажите, а нельзя ли обойтись без него?

— Я соединю вас с полицейским управлением, и вы объясните им свои проблемы.

— Нет-нет, благодарю вас, не стоит...

Повесив трубку, Сэм ощутил на лбу капельки пота. Либо в Форт-Джей и раньше нельзя было позвонить просто так, либо кто-то предвидел этот его ход... Так или иначе — связаться с генералом будет не просто. А время бежит, и жизнь Ниты тает... Если вызов засеки — полиция уже мчится сюда!

Сэм опрометью бросился под ливень. Он пробежал той же улицей совсем немного, когда на пути стали попадаться люди — в количестве, достаточном для того, чтобы, в случае чего, смешаться с ними.

Как же выйти на Бэка? Ногами? Теперь до самого Гавернорс-Айленда? Кажется, только так... Туннель наверняка охраняется, но беспокоиться по этому поводу пока рановато — нужно еще добраться до него. Это довольно близко, около трех миль, но одинокого пешехода может заметить полиция... Такси не видно, поезда метро ходят с интервалами в час... Угнать

чью-нибудь машину? Он не знает, как к этому подойти...

Добравшись до Лексингтон-авеню, Сэм остановился под монорельсовой дорогой и почти сразу же заметил характерное поблескивание вдали. Это был поезд!

Вверх — по ползущим ступенькам эскалатора и — прощай, погоня!..

Когда он взлетел вверх — поезд уже стоял с открытыми дверьми. Оставалось бросить монетку, пройти через турникет и...

Но двери начали медленно закрываться! Полностью автоматизированный поезд, в котором не было ни машиниста, ни кондуктора, отправлялся, как только на блок управления поступал сигнал об отсутствии на платформе людей!

— Подождите! — отчаянно, но бессмысленно закричал Сэм, выбегая на платформу. В другой момент он уже смирился бы с судьбой...

Худенькая девушка — единственный пассажир этого вагона, услышала его крик и, выбросив вперед руку, заставила дверные створки, уже почти сомкнувшиеся, разъехаться снова.

Сэм впрыгнул.

— Спасибо... — едва мог выдохнуть он, бессильно упав на сиденье.

— Не за что. Когда-нибудь и вы меня выручите.

На этом диалог прервался. Девушка прошла в другой конец вагона и села спиной к Сэму. В эти дни все старались держаться друг от друга подальше...

За окном проносились здания и по-прежнему шел дождь. Сэм опустил воротник плаща и, порывшись в своей сумке, ничего из нее не достал, решив прибегнуть к стимулирующему на крайний случай.

Серебристая змейка монорельсового поезда приближалась к нижней части города...

Провожаемый взглядом девушки, Сэм сошел на Уолл-стрит. Внизу виднелись удручающе пустые улицы остановившегося сердца делового Нью-Йорка.

Выйдя из-под навеса, Сэм торопливо зашагал на юг.

Все подступы к туннелю охранялись усиленными патрулями. Полицейские стояли и на пристани, с

которой на остров время от времени отбывали маленькие, дистанционно управляемые катера.

Пристроившись в подъезде одного из домов, поближе к туннелю, Сэм стал наблюдать.

Интересно, давно ли здесь полицейские? Может быть, это все в его честь? Если да, то лучше отсюда убираться...

Вот из туннеля вылетел грузовик, и полицейский ни только не остановил его, но даже подогнал нетерпеливым движением жезла. А к машине, следовавшей в противоположном направлении, сразу подбежало два офицера — остальные же, повернув свои головы, наблюдали. Шлагбаум поднялся лишь после того, как были проверены документы...

Сэм уже хотел отвернуться, когда из туннеля вдруг показалось не совсем обычное для города средство передвижения. Он сразу узнал «изящный» силуэт. В таких джипах ему приходилось трястись не однажды. Эта модель, мощнейшая и почти невесомая — сплошные магний, дюраль да губчатая резина — использовались только в десантных частях войск ООН.

Покинув свое убежище и отойдя от глазастых полицейских на безопасное расстояние, Сэм бросился бежать.

Куда направляется джип? Вероятно, на север, в верхнюю часть города. Но куда именно? В Ист- или Вест-Сайд? Или куда-то еще? В любом случае необходимо перехватить его у первого же перекрестка...

Сэм бежал все тяжелее, и дыхание его становилось все более беспорядочным.

Свернув за угол, он увидел джип, остановившийся на красный свет, и подумал, что педантизм — не такая уж неприятная вещь. Вокруг никого — а они соблюдают правила!

— Подождите!! — испуганно закричал Сэм, так как зажегся желтый свет, и машина подалась вперед. — Подождите! Эй!

Услышав крик, водитель затормозил, а сидевший рядом офицер повернулся, направив на Сэма пистолет.

— Я врач! — снова крикнул Сэм и для пущей убедительности помахал своей сумкой.

Офицер что-то сказал, и джип, развернувшись, подкатил к Сэму. Дуло пистолета по-прежнему смотрело на него.

— Что вам нужно? — спросил молоденький лейтенант насколько мог жестко.

Сэм посмотрел на погоны, на такого знакомого голубя с оливковой ветвью в клюве — и не смог не улыбнуться.

— Вы ведь из Пятой воздушно-десантной? И наверняка знакомы с Кливером Бэком?

— С генералом Бэком, вы хотели сказать? И, пожалуйста, не тяните, у нас мало времени. — Лейтенант раздраженно взмахнул пистолетом.

Сэм вовсе не собирался тянуть: в любой момент здесь могла появиться патрульная машина с самым любознательным экипажем...

Наклонившись к лейтенанту вплотную, он доверительно сообщил:

— Так вот, лейтенант. Ваш генерал Бэк для друзей — просто Кливер. Но только для самых близких друзей. Вы меня поняли?.. Я хотел бы передать ему записку.

Сэм открыл свою сумку и, порывшись в ней, достал блокнот, не обращая внимания на синхронно с нимдвигающийся пистолет.

— Почему я должен передавать ваши записки?

— Потому что я прошу вас об этом, лейтенант. Потому что и в ваших интересах, чтобы Кливер получил это послание...

Уже не отвлекаясь на разговоры с лейтенантом, Сэм быстро написал:

«Кливер, я изменил решение. Мы войдем в него. Появились затруднения. Жду бот на Ист-Ривер, 15-й пирс. Кап. Грин.»

— Я возвращаюсь туда только через час, сэр, — сказал лейтенант, и Сэм понял, что выиграл этот поединок. Тон лейтенанта, правда, был по-прежнему неумолим, но слово «сэр» говорило о многом.

— Вот и замечательно. — Сэм протянул ему сложенную записку. — Но ради самого себя, лейтенант, не читайте это и не показывайте никому, кроме генерала Бэка. Так будет лучше для всех.

Лейтенант, не говоря ни слова, сунул бумажку в нагрудный карман, и джип укатил прочь.

Если этот мальчик, подумал Сэм, или кто-то еще прочтет записку, беда будет невелика... Текст может быть понят лишь Кливером. Подпись, конечно, выдумал идиотскую — но звание сохранил прежнее... Да и лейтенант опишет внешность... Если записка дойдет до адресата — они скоро придут за ним...

Было около десяти — а значит, гостей следовало ждать не раньше одиннадцати.

Сэм медленно, опасаясь всего движущегося, побрел в северном направлении. Мимо проехали две патрульные машины, но в обоих случаях он успел укрыться. Сумка была брошена в мусорный бак — ничто не должно выдавать в нем врача.

...На Мейден-лейн, куда долетал плеск речных волн, заведение еще одного робота-бармена, по всему было видно — процветало. Вероятно, чума представляла собой недостаточную опасность для того, чтоб моряки отказались от своих привычек. В помещении было довольно многолюдно.

Сэм заказал сэндвич с ростбифом и бутылку пива. Робот с черной пиратской повязкой на глазу и цветастым шейным платком был великолепен...

В одиннадцать Сэм уже прохаживался по берегу в поисках безопасного укрытия и одновременно — наблюдательного пункта.

Рядом со складом пятнадцатого пирса, там, где уже начиналась Флетчер-стрит, громоздилось множество контейнеров. Он протиснулся между двумя из них и сел на корточки. Теперь с берега его никто не мог видеть... Было сыро и неудобно, но хорошо просматривалась почти вся узкая полоса пирса, конец которого тонул в тумане и измороси.

Когда мимо время от времени проходило судно — слышался шум, но разглядеть что-либо было невозможно.

Грохот двигателей полицейского катера, подошедшего совсем близко к пирсу, заставил Сэма спрятаться поглубже. Грохотом и ограничилось...

К полудню он вымок до нитки и ожесточился донельзя, а к часу дня стал размышлять о восьмидеся-

ти разнообразных муках, которым он подвергнет тупицу лейтенанта при первой же встрече...

Ровно в 13.13 к берегу приблизилась тень небольшого судна, и только тогда Сэм услышал тихое бурление воды. На носу разведывательного бота стоял долгожданный лейтенант. Сэм поднялся на ноги, изрядно затекшие, и бот развернулся в его сторону.

— Знали б вы, как я вас тут честил, лейтенант...

— Могу себе представить, сэр... — ответил тот, помогая Сэму подняться на борт. — Я подъехал к туннелю через час, даже раньше, но там творилось что-то невообразимое... Полицейский на полицейском, и все запружено машинами. Мне чудом удалось прорваться, и ваша записка была передана генералу лишь полчаса назад. Я никогда не видел его таким! — Лейтенант попытался улыбнуться. — Это было, как взрыв атомной бомбы! Не прошло и десяти минут — откуда-то взявшийся бот уже покачивался на воде со мною, рулевым и всем необходимым на борту.

— Отправляемся... — предупредил рулевой, и бот, описав небольшую полуокружность, стал удаляться от берега.

Едва Сэм с лейтенантом укрылись за низким ветровым стеклом, как из-за другой стороны пирса показался полицейский катер. Он шел прямо на них!

— Ложись! — тихо приказал лейтенант уже лежавшему у низкого борта Сэму. — Под брезент, под брезент...

Рулевой ударил ногой по темному рулону, и тот, прокатившись до ящиков с боеприпасами, остановился. Сэм подтащил его к себе и, стараясь не подниматься над бортом, принялся разворачивать. Было слышно, как стремительно приближается катер, и поэтому разворачивал он эту негнущуюся ткань отчаянно лягаясь...

Лейтенант, повернувшись лицом к катеру, держал наготове автомат.

— А ну, стопори машину! — рявкнул мегафонный голос. — Что вы здесь забыли, ребята?

— Держи на минимальных оборотах, — бросил лейтенант рулевому, а полицейским крикнул: — Служба!

Сэму, уже взмокшему под своим покрывалом, оставалось только дожидаться развязки.

— Служба?! — подозрительно прищурился полицейский. Их катер был уже совсем близко, и можно было обойтись без мегафона. — Ну-ка, держите конец, посмотрим, что у вас там...

От сильного удара по брезенту Сэм испуганно вздрогнул.

Лейтенант, поддев канат ногой, сбросил его в воду.

— Сожалею, сэр! Но мы несем боевое дежурство! И после выгрузки на берег кой-какого снаряжения обязаны немедленно возвратиться в часть!

Все полицейские, находившиеся на палубе, были вооружены. Кроме того, на катере имелся крупнокалиберный счетверенный пулемет...

Бот, между тем, медленно оставлял все это позади.

— Стоять! — крикнул сержант. — Это приказ! Иначе...

— Вы в военной зоне, любезный, и никаких приказов отдавать здесь не можете! — Лейтенант поднял автомат и, прицелившись, тихо, но так, чтобы слышал рулевой, сказал: — После моего «до свиданья» — улепetyваем... Если вы попытаетесь нас задержать, я открою огонь! Вряд ли вам это понравится! Так что давайте-ка скажем друг другу «до свиданья» и...

Вода под килем вскипела, и бот резко рванулся вперед. Лейтенант, ухватившись за поручень, по-прежнему держал катер на прицеле.

«Стоять! Стоять!!» — захлебывался мегафон.

Пока катер разворачивался, готовясь обстрелять беглецов, бот уже исчез из виду и мчался теперь вниз по течению.

Когда они стали скакать с волны на волну, лейтенант присел.

— Мы сможем уйти от них? — спросил Сэм, выбираясь из-под брезента.

— Шутя, — сказал лейтенант и вытащил пачку сигарет. Он улыбался, но лоб его был мокрым не только от дождя. — Эта лодочка берет не броней и не пушками — резвостью...

Сэм тоже взял сигарету и задумчиво посмотрел за корму. Пристань уже скрылась в легком тумане, и катер не появлялся.

— Спасибо вам, лейтенант... э-э...

— Хэбер. Дэнис Хэбер. Можно просто Дэн.

— Спасибо, Дэн. Я ведь понимаю, что проделать все это было не так-то легко...

— Легче легкого, уверяю вас! Генерал приказал мне вернуться с вами или же переправить вас — и если бы я предстал перед ним один... Да вы ведь знаете нашего генерала! Лучше уж ежедневные перестрелки с полицией...

— Наверное, вы правы...

Они вцепились в поручни, так как бот, обходя бакен, сильно накренился. Впереди был Гавернорс-Айленд с уже различными очертаниями форта. Рулевой сбавил скорость, направляя судно к причалу...

Мотор поджидающего их джипа ожил, и выскочивший из него Кливер Бэк лично помог Сэму сойти на берег, протянув свою лапу.

— Рад, что ты передумал, Сэм. Пора уже заняться этим «Периклом». Теперь-то общественное мнение будет на нашей стороне. Я не сомневаюсь: если только мы умно все подадим — никто не будет против вскрытия этой банки...

Хэбер сел рядом с шофером, а Сэм с генералом устроились сзади.

— Поздно подавать, Кливер... Очень многое изменилось, и я... Ладно, потом, наедине...

— Наедине? — Генерал насупил брови. — Ты не знаешь, где находишься? Это моя часть! Понимаешь? Моя! И водитель — тоже мой! Дэн — один из моих офицеров! Ты меня понял, мальчик? Что это за комедия с переодеваниями?

— Меня разыскивает полиция...

— И всего?! Но здесь же тебя не достать! Кстати, а почему ты их так интересуешь, если не секрет?

— Они хотели помешать моей встрече с вами.

— И кажется, не очень-то преуспели в этом... — Бэк посмотрел на Сэма одним глазом. — Послушай, а что им наша встреча?

— Но Кливер... Это же очевидно! Они не хотят лишних неприятностей и совершенно не заинтересованы в том, чтобы кто-то рушил замечательный план операции «Избавление»!

— Не исключено, что я сегодня туповат, Сэм, но каким образом мы можем повлиять на эту чертову операцию?!

— Вы — подняв шум по поводу решения Чрезвычайного Совета о сбросе на «Перикл» водородной бомбы...

— Ну разве не мило? — угрожающе прорычал Кливер. — Разве не забавно, что я слышу об этом впервые?..

Джип, подпрыгнув, замер перед зданием штаба.

— Поднимемся ко мне... — сказал Кливер Сэму, а затем повернулся к подчиненным. — Передайте всем, что сегодня на остров не прибыло ни одного штатского, и что никто здесь отродясь не слышал ни о каком докторе Бертолли.

— Слушаюсь, сэр! — Хэбер лихо козырнул. — Вам нужно побыть одному?

— Какая светлая голова!.. Подежурьте-ка у телефона, мне наверняка будут звонить... А капрал отправится на причал и передаст мое распоряжение.

...Только оказавшись внутри, за плотно закрытой дверью, Кливер дал волю гневу.

— Сукины политики! — ревел он, бегая по кабинету. — Недоноски! Сидят там на своих жирных задах, сидят, а потом как примут со страху решеньице вроде этого!.. Я не подозревал, что привычка размахивать бомбой при возникновении глобальных проблем еще жива в темных глубинах политиканского сознания... Вот кретины! Они решили повоевать! До них не доходит, что одну войну мы уже имеем — и ее вполне достаточно! Что нам действительно необходимо, так это информация! Откупорив тот проклятый корабль, мы получим ее! А эти деятели только и знают, что трястись от страха...

— Похоже, Кливер, они и вас боятся. Невзирая даже на то, что вы подчиняетесь ООН. Иначе они проинформировали бы вас...

Генерал рывком открыл бюро и вытащил оттуда громадную, более чем в два литра бутылку кукурузного виски.

— Стаканы в ящичке стола, — сказал он Сэму и через минуту уже наполнил их до краев. — Паршивцы действительно боятся, как бы я не залез внутрь «Перикла»?

— Похоже на то.

— Ну, а если все-таки... Кстати, тебя-то чего туда несет? Что, по-твоему, мы можем там обнаружить?

Сэм, поднеся стакан к губам, внезапно замер — и медленно опустил его на стол, так и не пригубив.

Теперь он знал, что они найдут. Это было не логическое заключение, но прорыв в неизвестность, ставший вдруг возможным, когда подсознание сложило вместе все, что копилось с момента приземления космического корабля... Ответ объяснял происходящее — и был при этом невероятным. Настолько невероятным, что Сэм не решался поделиться своим знанием с Кливером, даже ради того, чтобы попасть на «Перикл». Поэтому ему пришлось прибегнуть к аргументам самого генерала...

— Пока этого никто не знает, Кливер. Может быть, что-то вроде магнитной записи... Мы не вправе упустить возможность ознакомиться с наверняка ценным для нас материалом! Есть там, по-моему, и кое-что еще...

— Что?

— Не знаю... Это пока лишь догадки, смутные предположения, причем настолько смутные, что я даже не хочу говорить о них... Но мы должны попасть туда! Должны!

— Не слишком убедительно, Сэм... Чуть пораньше, возможно, этого хватило бы, чтоб поднять шум и склонить общественное мнение в нужную сторону, но теперь... — Он сосредоточенно поболтал свой стакан и залпом осушил его. — Вряд ли кто-то услышит нас. Единственный способ проникнуть на корабль — это...

— Я договорю, Кливер... Штурм корабля — вот что нам остается.

Генерал помолчал. А когда заговорил, голос его был непривычно безжизнен.

— А ты знаешь, мальчик, что это называется изменой? Если я, офицер, решусь на такое, меня ведь могут и расстрелять...

— А если не решитесь, у людей не останется никакой надежды. Они будут умирать — тысячами и десятками тысяч — потому что в разгадке болезни Ренда мы не продвинулись ни на шаг... Я давал ту же присягу, что и вы, Кливер, но я нарушу ее без колебаний! Меня вынуждают сделать это!

— Все правильно, Сэм... Я согласен, что корабль следовало бы осмотреть, прежде чем... Но руководствоваться только предчувствиями и догадками...

В дверь постучали, и Бэк распахнул ее, едва не сорвав с петель.

— Какого черта?! — накинулся он на лейтенанта Хэбера.

— Простите, сэр... Я отбивался от всех, но это — правительственный вызов.

Генерал Бэк колебался всего мгновение.

— Замечательно, Хэбер! Я буду говорить отсюда. Переключите.

Закрыв дверь, он уселся за большой стол, на котором стояло три телефона, и кивнув на ярко-красный, сказал:

— Прямая линия повышенной секретности. Смотри, чтоб тебя не было видно...

Это была очень короткая беседа — вернее, монолог, потому что Бэк говорил только «да» и «нет»... Положив трубку, он некоторое время пребывал в неподвижности.

— Ну вот, Сэм... Это уже началось. Число заболеваний резко увеличилось. Люди падают прямо на улицах. Лаборатории твоего госпиталя подтвердили изменение...

— Вы хотите сказать...

— Да, да... Люди заражаются друг от друга, непосредственно, им уже не нужны ни собаки, ни птицы... Я прямо вижу, Сэм, как эти умники из Чрезвычайного Совета, услышав такую новость, тянутся к своим бомбочкам... Теперь-то они непременно захотят стереть с лица земли этот зачумленный уголок с несколь-

кими миллионами людей, которых дернуло тут обосноваться...

Он встал и поправил ремень.

— Ну что ж, мой мальчик... Придется взломать шкатулочку! Надежд на что-то другое в этом аду не осталось...

Глава 11

Генерал Бек перечислял.

— Во первых, — сказал он, выбрасывая вверх большой палец, — это будет боевая операция, которую нужно продумать. Если ты не против, я возьму это на себя... Небольшой мобильный отрядик со мною во главе — самое лучшее, что можно...

— Можно обойтись и без вашего непосредственного участия...

— Вздор! В любом случае ответственность за эту прогулку ляжет на меня! Откуда я командовал — никого не будет интересовать! Да и вообще, Сэм, надоело мне тут киснуть... Развеюсь немного... Во-вторых, — он разогнул указательный палец, — мы отправляемся за информацией особого характера, и нам нужен медик. Этим медиком будешь ты... В-третьих, не обойтись без человека, который что-то смыслит в устройстве космических кораблей вроде «Перикла» — смыслит и может провести нас по всему кораблю. Единственный кандидат на это место...

— Стэнли Ясумура?

— Точно. Он прилетел из Калифорнии сразу после приземления «Перикла» и очень рвется осмотреть корабль — затеребил всех своими требованиями, даже меня. Ну да, как один из ведущих конструкторов «Перикла», он чувствует некоторую вину за случив-

шееся... Думаю, этот человек не откажется пойти с нами. Я, конечно, прежде чем раскрывать карты, прошу прощения его...

— Только не пользуйтесь телефоном — вас могут засечь...

— Наши скромные возможности безграничны, мой мальчик! Хэбер отнесет Ясумуре рацию, причем не какую-то рухлядь, а очень даже неплохую. Настолько неплохую, что заглушить нас или подслушать не смогут... Да, пока не забыл. Что из инструментов или препаратов может тебе понадобиться?

— Да вроде бы ничего...

— Тогда приказываю поспать. Выступаем ночью...

— Мы не можем ждать так долго! — Перед глазами Сэма возникло измученное лицо Ниты. События последних часов слегка приглушили мысли о ней — и вот теперь тревога вновь охватила его... «Быстрее! Быстрее! Нельзя терять ни минуты!»...

— Придется, Сэм, ничего не поделаешь. И вовсе не потому, что ты похож на человека, пребывающего в десятидневном запое... Просто некоторые вещи принято делать в темноте... Или, по-твоему, мы можем взять и забраться туда в любой момент? Когда вся округа кишит полицией? Ей ведь приказано стрелять в любого, кто пересечет проволочное ограждение! Не забудь также про плиту, закрывающую вход, и про шлюз, в котором мы тоже задержимся! Есть ли хоть один шанс справиться со всем этим в дневное время? А детали, по-твоему, тоже не следует обдумывать?... Так что ступай-ка ты в соседнюю комнату и ложись, а то с тебя не будет никакого толку...

Сэм, уже не в силах что-то возражать, подчинился... «Отдохну чуть-чуть... Спать не буду...» — успел подумать он... Кто-то укрыл его одеялом... Из соседней комнаты доносилось бормотанье...

Проснувшись, Сэм осмотрелся вокруг. В комнате было темно, а за окном шел дождь...

Он открыл дверь, и стоявшие у окна офицеры подняли глаза. Генерал Бэк отложил в сторону карту и развернулся в кресле.

— Очень вовремя, Сэм, — как раз собирался будить тебя. Нам осталось тут кое-что уточнить, и через

час можем трогаться... Ты знаком с доктором Ясумурой?

Офицеры расступились, и к Сэму выкатился маленький японец, одетый в слишком просторную для него армейскую форму.

— Привет! Наслышан о вас! — Он с энтузиазмом пожал руку Сэму. — Давно хотел увидеться! Мне все время говорили, что вы отсутствуете!

— Я ничего об этом не знал, докт...

— Стэнли. Меня зовут Стэнли. А доктор — это вы, Сэм... Да, знаете ли, генерал поведал мне о возмутительной затее держать нас всех порознь. Он прислал в отель своих вооруженных до зубов парней с совершенно умопомрачительной рацией, объяснил суть дела и предложил сотрудничать. Я тут же дал согласие. У этих ребят была припасена для меня одежда — как видите, великовата — и удостоверение сотрудника разведывательной службы. Так что добраться сюда мне было проще простого... А теперь расскажите-ка мне вот что. Когда вы находились в воздушном шлюзе...

— Ясумура, потерпите немножко! — прервал его Бэк. — Никому не помешает еще раз пройти всю последовательность, а Сэм будет введен в курс дела.

— Но я только хотел узнать...

— Узнаете потом... Давай, Сэм, усаживайся поудобней и взгляни на карту... Сейчас мы сидим вот тут, прямо над бухтой. И для того, чтобы добраться до аэропорта Кеннеди, нужно пересечь вот этот здоровенный кусок Лонг-Айленда, напичканный, естественно, не только нормальными людьми, но и полицейскими...

Сэм кивнул.

— Но есть куда более привлекательный способ попасть туда... — продолжил Бэк и медленно повел указательным пальцем по карте. — Отсюда — на восток... мимо Коуни-Айленда... к Ямайской бухте... и упрямся прямо во взлетно-посадочную полосу...

— Да не очень-то упрямся, — возразил Сэм, постукав ногтем по карте. — В этих болотах мы пробахтаемся до утра.

— Разве я не сказал, что мы отправимся туда на аэроджипе? Этот монстр, правда, не слишком мощный,

но четырех человек поднимет, а больше нам и не нужно: такие орлы, как мы с тобой да Хэбер уж как-нибудь разберутся со всеми затруднениями... Хорошо. Прибыли в аэропорт... Да, сегодня Хэбер полетал там под благовидным предлогом. Поснимал немножко... На ус кой-чего намотал... Давайте, Хэбер, выкладывайте!

Лейтенант ткнул пальцем в карту, туда, где соприкасались мелководье бухты и аэропорт.

— Здесь вообще нет охраны, но на снимках можно разглядеть ультрафиолетовые и инфракрасные индикаторы. Впрочем, они не доставят нам особых хлопот... Настоящие неприятности начнутся вот здесь, поближе к «Периклу». Сплошные детекторы, колючая проволока, часовые. Проскользнуть мимо этих полицейских почти невозможно. Если нас обнаружат, думаю, что не стоит наносить этим парням увечья, без крайней необходимости... — Он бросил на генерала вопросительный взгляд.

— Вот мы и коснулись этой щекотливой темы... — после томительной паузы, не поднимая глаз от карты, тихо произнес генерал Бэк. — Нам всем, за исключением разве что доктора Ясумуры, доводилось сражаться в самых отдаленных уголках шарика. Наша Пятая авиадесантная — это ведь американская дивизия, и поэтому, в соответствии с политикой ООН, мы не воюем на территориях стран Северной Америки... Нам приходилось убивать, когда другие средства для достижения мира оказывались безрезультатными... Но сейчас мы находимся в собственной стране, и наш противник — горстка обыкновенных полицейских, которым просто приказано охранять объект... Я только теперь понимаю всю мудрость ООН, запретившей воевать там, где ты завербовался... Ну ладно. Постарайтесь избежать применения оружия. Обходитесь дубинками. Если же дело примет нежелательный оборот, помните: вы должны уцелеть, любой ценой. Слишком многое поставлено на карту. Понятно?

— Думаю, ничего страшного не произойдет, — сказал Сэм. — Я возьму с собой денилин. Это снотворное мгновенного действия — человек падает, как подкошенный.

— Возьми, Сэм, конечно. Я очень хотел бы, чтоб они падали только от этого... Итак, мы миновали охрану, прошли сквозь проволочное ограждение — и вышли к кораблю. А что потом? Как попасть внутрь, доктор Ясумура?

— Через шлюз — другого пути нет. Корпус корабля рассчитан на то, чтобы выдерживать гравитацию и атмосферу Юпитера — не всякая бомба пробьет... — Ясумура поднес к глазам фотоснимки «Перикла», сделанные Хэбером. — Когда они приварили плиту — был срезан трап. Кто-нибудь знает, каким образом мы поднимемся на высоту двадцати футов?..

Из штабных офицеров здесь находилось человек шесть. Все они увлеченно обсуждали варианты противозаконного проникновения на корабль. Сэм знал, что никто из этих безгранично преданных генералу людей ни на минуту не усомнился в его правоте, и что они без колебаний последовали бы за ним даже на отвесную скалу...

— Из чего сделан корпус? — спросил седой инженер-капитан.

— Специальный титановый сплав. Он не содержит железа.

— Магниты, значит, исключаются... А в самой длинной складной лестнице, которая у нас есть, всего пятнадцать футов...

— Так удлините ее! — нетерпеливо перебил Бэк. — Продолжим наш путь... Сейчас мы взобрались по нашей лестнице и стоим перед плитой. Как нам попасть внутрь?

— Очень просто, генерал, — ответил инженер. — У вас будет один из тех портативных лазеров, которые мы используем для резки тяжелых металлов в полевых условиях. Плита, насколько я понимаю, стальная, и лазер разрежет ее, как кусок масла.

— Хорошо, разрезал. И мы уже в шлюзе. За работу, доктор Ясумура!

— Мне понадобится мультитестер, рентгеноскоп и кое-что еще... Я уже договорился с вашими инженерами, и они снабдят меня всем необходимым... Понимаете, Ренд мог вывести из строя управление внутренней дверью только двумя способами, и как только я

загляну в коробку, станет ясно, какой способ он предпочел... После чего открыть дверь будет уже делом нехитрым... Потом мы пройдем по всему кораблю и найдем то, о чем он хотел нас предупредить. Кроме того, нужно будет выяснить, как вел себя корабль перед приземлением...

— Уймите свой пыл, Ясумура! Мы еще не на корабле! Получите-ка лучше все необходимое оборудование... Лейтенант Хэбер отправится с вами, принесет сюда противодетекторный аппарат и займется погрузкой, а сержант Беннет... приготовит нам кофе и сэндвичи. Все. Выполняйте.

Осложнения возникли уже через четверть часа.

— Простите, сэр, но мы не сможем взять все снаряжение, — доложил Хэбер.

— Лейтенант, вы идиот, да? Втисните его, втисните!

— Слушаюсь, сэр. Я хотел сказать, что с четырьмя пассажирами и таким количеством оборудования джип просто не оторвется от земли. Не хватит мощности.

— Значит, берем еще один! И человека, который поможет нести все эти игрушки!

— Меня, сэр? — Сержант Беннет просительно вытянул шею.

— Не возражаю... Переоденьтесь, Беннет, и принесите нам баночку черного крема...

Мощные прожектора прорезали дождливую темноту и осветили людей, суетившихся у неуклюжих с виду аэроджипов. Последние, мягко посвистывая, висели в ярде от земли.

— Опускайте! — крикнул генерал Бэк. Как и остальные участники операции, он был в черных ботинках и комбинезоне. Голову его покрывал черный берет, а все видимые участки кожи — густой матовый слой черного крема.

— Двигатели разогреты, баки наполнены, рация и радар — проверены, сэр, — выбравшись наружу, доложил водитель первого джипа. — С вашим грузом он разовьет максимальную скорость.

— В таком случае поехали... Я поведу первый джип, со мной сядут Сэм и Ясумура. Вы, Хэбер, полезайте во вторую машину вместе со своим оружием Беннетом. Постарайтесь не отставать от меня,

держитесь вплотную... И не забудьте: как только покажутся бруклинские доки — сворачиваем на юго-запад... Стартовое направление — строго на восток... У меня будет радар, а вот у вас, кроме компаса да еще моего стремительно улетающего зада — ничего... Так что постарайтесь не заблудиться... Не исключено, что полиция тоже при радарах, поэтому устроим небольшое представление. Пять вертолетов сопровождения полетят на минимальной высоте, а мы поднимемся, и точки на их экранах сольются. Потом, в полосе радарной тени, сядем и притаимся, пока вертолеты для видимости полетают вокруг... Ясно? Ну все, пора.

Свист винтов был заглушен шумом низко опустившихся вертолетов. По сигналу Бэка было выключено все освещение, и аэроджипы скользнули к воде. Огоньки вертолетов едва проглядывали сквозь пелену дождя.

— Прямо по курсу берег. Расстояние двести ярдов, — сообщил Сэм, глядя на экран.

— Что-то не вижу, — проворчал генерал. — Хотя нет, действительно, вот он... Хэбер! Включите глушители! Будьте готовы к повороту!

Они замедлили движение, и стрекот вертолетов быстро утих где-то впереди.

— Когда два аэроджипа повернули в сторону океана, их перемещение было отмечено только легкой рябью на воде и неуловимым свистом винтов. Мощные струи воздуха неудержимо гнали их вперед, под огни моста Нэроуз, к Нижней бухте и, наконец, в воды Атлантики. Здесь, вдали от берега, глушители были выключены, и джипы бросились в темноту со скоростью гоночных автомобилей.

Сквозь клочья легкого тумана слева замелькали огни.

— Что это? — спросил генерал.

— Коуни-Айленд. Улицы и набережная, — ответил Сэм.

— Проклятье! Именно в тот момент, когда нам больше всего нужна непогода, дождь прекращается!.. Что у нас там впереди?

— Залив Рокэвей, потом — Ямайская бухта... Проходим канал, впереди мост — не меняйте курса...

Наверху не было видно и слышно движения, и им, покачивающимся у самой воды, мост казался полурастворившимся в тумане.

Тут начиналась дикая местность — с илистыми отмелями, болотами, заводами. Это было сердце Ямайской бухты...

И они полетели над лабиринтом каналов, над тростником, над зелеными кочками...

Вскоре бухта осталась позади. Замерцали огни взлетно-посадочной полосы аэропорта Кеннеди.

— Датчики расположены прямо у светильников, сэр! — слышался шепот Хэбера.

— Тогда хватит кататься, — ответил генерал. — Дальше ножками...

Два аэроджипа бесшумными тенями опустились на землю. Началась выгрузка снаряжения.

— Сержант! — окликнул Бэк. — Вы тут, кажется, самый опытный в вопросах сигнализации? Тогда мы побудем здесь, а вы прогуляйтесь, может, что-то интересное попадется...

Сержант Беннет молча перекинул через плечо тяжелый ранец и пополз в самую грязь, держа перед собой щуп. Он вскоре исчез из виду, и Сэм, пытаясь отвлечься от невеселых раздумий, мысленно последовал за ним... Да, десять лет назад он легко справился бы с такой работой, но теперь-то уже многое изменилось... Что делает сейчас Беннет? Скорее всего, водит щупом влево-вправо, чертя в воздухе аккуратные дуги и поглядывая на светящуюся шкалу... Вывести из строя инфракрасный детектор было делом плевым. Нужно было только не стукнуть по нему изолирующим колпаком, опускаемым при помощи длинного рычага... С ультрафиолетовыми приходилось повозиться. Особенно в той стадии, когда нужно было, затаив дыхание, пододвинуть к датчику крошечный генератор, делая это так ювелирно, что уровень сигнала оставался неизменным... Нита, Нита... Минуты ползли невыносимо медленно. На небе появились звезды. Хорошо что не луна...

Безмолвная фигура выросла перед ними совершенно неожиданно, и Сэм схватился за пистолет, но это был Беннет.

— Порядок, сэр. Все было так примитивно, что я чуть не уснул... Теперь идите за мной, след в след...

Нагруженные тюками и лестницей, они шли медленно, стараясь ступать как можно легче. Зачехленные инфракрасные датчики и ультрафиолетовая ловушка с обманутым фотоэлементом уже не могли помешать им...

— Кажется, последний, — сказал Хэбер. — Теперь между нами и охраной никакой преграды...

— И никакого укрытия, — добавил генерал. — Одна травка. Дождь еще, как назло, кончился...

Обрамленная огнями взлетно-посадочная полоса уходила от них вдаль и упиралась в темный корпус «Перикла». Заграждение вокруг корабля было тоже освещено, но не сплошь — и генерал повел людей к одному из темных участков.

Последние сто ярдов они преодолели ползком и уткнулись в грязь, когда совсем недалеко, в ближайшем освещенном круте, появился, с автоматом в руках, медленно бредущий полицейский. Он прохляпал мимо, вновь возник в следующем круте и исчез...

— Беннет! — шепнул генерал. — К детекторам! Как только разберетесь с ними, займемся проволокой... Сэм и Хэббер! Ползите в сторону ближайшего прожектора! Если за это время сюда сунется еще один часовой — успокойте его... Ясумуре лежать и не дышать. Пошли.

Для Стэнли Ясумуры это были томительнейшие минуты... Похожий на скалу, над ним нависал «Перикл» — но нужно было торчать здесь до особых распоряжений... Генерал с сержантом возились с сигнализацией, Бертолли с лейтенантом исчезли в темноте, а он, Ясумура, лежал в этой грязи, промокший до нитки, и слушал стук своего сердца...

Послышались шаги. Повернув голову, Ясумура увидел идущего прямо на него полицейского! Неужели полицейский не замечает его? И не слышит шума, доносящегося со стороны заграждения?.. А где же Бертолли с лейтенантом?

Как бы в ответ на последний вопрос за спиной полицейского неожиданно выросли две фигуры. Хэбер приставил к его шее оружие, и то, что обещало стать криком — стало сдавленным сипом. Тем временем,

поймав наконец вырывающуюся руку, Сэм ткнул в нее иглой наполненного снотворным шприца.

Борьба длилась еще несколько секунд. Полицейский так и не смог нажать на курок. Обмякшего, его опустили на землю.

— Замечательно, — оценил работу Бэк. — Пусть отдохнет. Автомат возьмите, может пригодиться... Двигаем дальше. Не забудьте лестницу и все остальное...

— Вторая снизу — под напряжением... — предупредил Беннет. — Я подтянул ее к столбу насколько было можно... Не заденьте...

Защелкали кусачки, и несколько кусков проволоки упало на землю.

— Хватит, — сказал Бэк, когда самая нижняя из уцелевших проволок оказалась на трехфутовой высоте. — Пройдем...

Они проползли под ней и протащили свои тюки. Огромная черная тень корабля приблизилась почти вплотную. Слабый свет далеких ангаров выхватывал из темноты откинутую крышку люка...

— Лестницу! — прошипел генерал, и Хэбер, упреков конструкцию в покореженный грунт, нажал кнопку. Тихо зажужжали два небольших мотора, и лестница стала вытягиваться. Вскоре ее верхняя часть коснулась плиты.

Сэм вскинул на плечи батареи и конвертер, необходимые для лазера Ясумуры и, пока другие придерживали лестницу, взобрался вслед за инженером наверх.

— Вставьте штепсель, — шепнул Ясумура, протянув Сэму конец кабеля.

Лазер представлял собой цилиндр величиной с молочную бутылку. Его раструб служил как для автоматической регулировки линз, так и для защиты глаз от нестерпимого света.

Ясумура приложил аппарат к стальной плите — послышалось гудение, и из-под медленно смещаемого раструба показалась черная полоска.

Едко пахло плавившимся металлом. Лазер резал ровно и глубоко, рисуя на плите правильный круг диаметром примерно в ярд. Не дожидаясь, пока линия сомкнется, Ясумура произвел небольшую корректи-

ровку, и оставшаяся нижняя часть была прорезана не насквозь.

Когда, выключив лазер, инженер навалился плечом на плиту, лестница качнулась, и Сэм крепко обхватил его ноги. После второго удара диск подался внутрь. Взобравшись повыше, Ясумура обрушил на него весь свой вес — и перешагнул через горячий порог.

— Наверх! — скомандовал Бэк, и Хэбер, навьюченный снаряжением, стал осторожно подниматься.

— Сэр! — сказал Беннет. — Думаю, что гораздо больше проку от меня будет здесь, внизу. Если приблизится кто-то из полиции, я легко его утихомирю вот этой иголкой, которую дал мне доктор... И вам никто не помешает...

— Вы правы, сержант, — согласился Бэк. — Ты должен быть защищен... Только не рискуйте попусту..

— Слушаюсь, сэр! — Отдав честь, Беннет двинулся к проходу в заграждении.

Для того, чтобы пробраться сквозь отверстие, генералу пришлось отвести в сторону светомаскировочное полотно — края которого были тут же тщательно закреплены.

Все зажмурились от яркого света фонаря, и Ясумура, радостно потирая руки, бросился к панели.

Управление внутренней дверью по-прежнему бездействовало, и он вскрыл коробку.

— Каким телефоном ты пользовался? — спросил генерал.

— Здесь один. — Сэм принялся опять обзванивать все помещения — и опять безрезультатно.

— Ни души! — Бэк почесал свою черную щеку. — И вроде бы все на месте... А ну-ка, кабину управления, еще разок... Никого. Да-а, Сэм, головомочка...

Послышался глухой стук, и они увидели, как Ясумура с Хэбером опустили на пол массивную металлическую крышку, прикрывавшую распределительную коробку.

После недолгих манипуляций с тестером и безуспешной попытки устроить короткое замыкание Ясумура задумчиво поднял брови.

— Странно... Коробка обесточена... Может быть, Ренд установил внутри какую-то синхроприставку, прервавшую цепь с открытием люка?

— Вы хотите сказать, что не способны открыть дверь? — язвительно осведомился Бэк.

— Способен, но сделать это будет довольно...

— А как насчет лазерных батарей? Их энергии не хватит?

— Я идиот! Идиот в восьмой степени! Ну конечно же! Энергии даже больше, чем надо! Мне придется слегка убавить...

Его голос перешел в бормотанье, прервавшееся лишь после того, как от батарей к распределительной коробке протянулись два тонких проводка.

— Сейчас! — бодро воскликнул он, затягивая последний болтик.

Но ничего не произошло...

— Так вы можете открыть дверь или не можете? — Голос генерала был пугающе ласков.

— Она должна была открыться! Что-то отключено с той стороны!

— Ну ладно... Забудем о существовании электричества... Нельзя ли пробраться туда другим способом?

— Исключено, генерал. Эта переборка так же, как и весь корпус, рассчитана на юпитерианское давление. Дверь банковской толщины и гораздо более прочная...

— Не хотите ли вы сказать, что наши приключения закончены у этой проклятой дверцы?

Снаружи послышалась пулеметная очередь, и о корпус застучали пули. Луч света, направленный на корабль, был столь мощным, что пробился к ним даже сквозь толстую ткань.

Глава 12

Это продолжалось всего несколько мгновений. Тут же раздался одиночный выстрел — и свет погас.

— Да-а... — протянул Бэк. — Это не входило в наши планы... Теперь мы обнаружены и медлить уже не можем. Беннет долго не продержится... Сообразайте, Ясумура!

Их вновь осветили, и несколько бронебойных пуль, продырявив полотно, ударились в стенку. И вновь последовал выстрел Беннета.

Теперь помещение шлюза погрузилось в полную темноту — фонарь был вдребезги разбит... Послышался сдержанный стон.

Слабый луч, вырвавшийся из авторучки Ясумуры, осветил на полу Хэбера, раненного в ногу.

Сэм быстро вспорол мокрую от крови ткань комбинезона и забинтовал рану.

— Больше никого не задело? — спросил он.

— Лично я — в порядке, — буркнул генерал. — А вы, Ясумура?

— Тоже... Послушайте, а если закрыть люк — это что-то даст?

— Что-то — безусловно, — ответил Бэк. — Нас в этом случае не перестреляют так быстро.

— Люк — не проблема... — Зажав в зубах ручку, Ясумура уже колдовал над множеством проводочков. —

И мотор, и контакты расположены по эту сторону — так что все должно...

Сверкнуло реле, и громко заработал мотор. Почти одновременно с этим возобновилась стрельба. Ослепительный луч воткнулся в люк и уже не исчезал...

Лежа на полу, они смотрели, как медленно закрывается массивная крышка. Теперь стрельба велась уже по ней.

Но вот крышка коснулась стальной плиты, сплющила ее, и мотор, отчаянно взыв, умолк.

— Предохранитель, — сказал Ясумура. — Он не рассчитан на такую нагрузку.

В люке осталась щель в несколько дюймов.

— Ладно, все в порядке, — поднявшись на ноги, успокоил Ясумуру Бэк. — Теперь все мысли — о двери... Может быть, лазером?

— Здесь сложное запорное устройство с электроприводом, зубчатой передачей и множеством ригелей трехдюймовой толщины. С каждым из них нужно будет изрядно повозиться...

— Значит, загвоздка только в моторе? — спросил Сэм.

— Да.

— Ну, а если подобраться к мотору и подключить его к нашим батареям? Дверь откроется?

— Сэм! — воскликнул Ясумура. — Не бросить ли вам медицину? Ведь именно этим я и собираюсь заняться!

Он взял смазочный карандаш и принялся рисовать прямо на двери.

— Вот ригеля... шестерни... а где-то здесь должен располагаться мотор... Если мы будем резать в этом месте, то можем, конечно, и промахнуться, но выйдем таким образом в центральную полость и уже без особого труда доберемся до цели...

Он отшвырнул карандаш и, нагнувшись к энергопакету, отсоединил некоторые провода и тут же подсоединил заново.

Снаружи прогремело несколько выстрелов, но ни одна пуля не попала в узкую щель.

Ясумура прижал раструб лазера к двери...

Работа подвигалась очень медленно. Металл был плотным, необычайно прочным. Вычертив раскаленный круг, Ясумура принялся углублять его.

Генерал подполз к люку, осторожно выглянул, прикрыв ладонью глаза, и, пристроив к плечу приклад автомата, выпустил очередь. Все помещение загудело как колокол от ударивших в крышку ответных пуль.

— Они уже подогнали пожарную машину! Пришлось погрозить пальчиком... Если кто-то додумается использовать брандспойт — нам каюк... Ну, как там дела?

— Да я бы уже давно... — навалившись на лазер, отозвался Ясумура. — Этот металл...

Горячий цилиндр, коротко звякнув, ушел внутрь.

— Ну же! Открывайте ее! — прорычал Бэк в перерыве между двумя очередями.

Это было не так легко — извлечь из двери утонувшую раскаленную пробку, но вскоре она уже валялась на полу.

Ясумура, не обращая никакого внимания на свой тлеющий рукав, уже приник к отверстию, что-то высвечивая внутри.

— Есть! — ликующе крикнул он. — Отлично... Подайте-ка мне длинную отвертку и вот это...

Горячий металл обжигал тело Ясумуры, и по лицу его катились капли пота. Закусив губу, одной рукой, на ощупь, он подсоединял к мотору провода энергопакета.

— Готово... — Ясумура протянул Сэму отвертку. — Можно включать...

Послышалось низкое жужжание, которое через минуту стало пронзительным.

Ясумура выключил мотор и, сощурившись, заглянул в отверстие.

— Ригеля отведены назад! Ну-ка, толкнем ее!

Они встали напротив двери и, уперевшись ногами в пол, напряглись так, что затрещали кости. Безрезультатно...

— Еще раз... — спокойно выдохнул Бэк. — Только теперь — от души.

И они навалились. Со вздутыми жилами и перекошенными лицами.

Хэбер подполз, морщась от боли, и встал на здоровую ногу, добавил свой вес к их общему.

Дверь поддалась!

— Не дайте ей остановиться, — просипел генерал, и щель, сначала еле заметная, расширилась, облив их светом, и уже перестала быть щелью. — Хватит, хватит...

Бэк, с автоматом наперевес, осторожно двинулся вперед. Автомат, впрочем, он тут же опустил, расхохотавшись.

— Вряд ли стоит стрелять по микробам!.. Давайте сюда! Со снаряжением!

Они передали Бэку все тюки, а потом, пропустив вперед Хэбера, протиснулись туда сами.

— Смотрите! — воскликнул Ясумура, указывая на отверстие в потолке, рваное и с копотью вокруг. — Здесь была коробка дверного управления! Ренду, конечно, нетрудно было снабдить ее взрывным устройством, но для чего?!

— Именно это нам и предстоит выяснить, — решительным тоном произнес генерал. — Хэбер! Вы не слишком мобильны, поэтому оставайтесь-ка здесь и следите за тем, чтобы нас никто не беспокоил.

— Слушаюсь, сэр!

— Доктор Ясумура! Полагаю, что прежде всего мы должны осмотреть кабину управления. Вы знаете, где это?

— В конце коридора есть лифт, который доставит нас прямо туда.

Шаги Ясумуры отдавались гулким эхом. Сэм и генерал следовали за ним, подозрительно вглядываясь в каждую дверь. Чем была вызвана такая настороженность — они не смогли бы объяснить...

— Стойте! — сказал Ясумура, и они замерли с оружием на изготовку.

Инженер кивнул на толстый кабель, пересекавший пол коридора. — Этого не было, когда корабль покидал Землю!

Сэм присел на корточки.

— Выглядит вполне обычно. Из припасов, как я понимаю... «Перикл» ведь пробыл на Юпитере почти

два года. Возможно, понадобилось что-то усовершенствовать...

— Не нравится мне это, — пробормотал Ясумура, глядя в пол. — На корабле вполне приличная кабельная система... Какая нужда могла заставить их.. В любом случае трогать его пока не стоит.

Похоже было на то, что взорванная коробка была единственным ущербом, нанесенным кораблю. Атомный реактор все еще действовал, с электричеством и регенерацией воздуха — полный порядок. Когда они вызвали лифт, его дверь тотчас же открылась.

— Кабина управления на самом верху, — сказал Ясумура, нажимая кнопку.

По мере того, как кабина с еле ощутимым гулом поднималась вверх, нарастало и напряжение. Как только двери открылись, Бэк и Сэм, не сговариваясь, вскинули оружие. Но куполообразная кабина была лишена всяких признаков жизни, равно как и смерти...

— Что за черт?! — возмутился Ясумура, указывая на металлическую коробку, приваренную к полу у самой стены. — Еще одно усовершенствование? Чего, интересно?

Это был неряшливо сработанный куб, шершавые грани которого схватывал широкий неровный шов. Тонкие проводочки выходили из отверстий боковых граней, а сквозь верхнюю тянулся и уходил в неровную дыру в стене толстый, с кулак, кабель.

Вскоре они обнаружили, что тонкие проводочки тянутся к панели управления и к коммуникационному оборудованию.

Сэм прислонился к креслу.

— Интересно... Когда я смотрел сюда по видеофону, вся эта чертовщина была вне поля зрения... Может быть, это, конечно, и случайность, но...

— А что еще любопытней, — перебил его Ясумура, — так это включенные передатчики — все до единого...

Генерал Бэк, покрутив головой, остановил взгляд на кабеле, уходившем в стену.

— Полагаю, стоит поинтересоваться, куда это он ведет...

— А как же бортжурнал? — спросил Сэм. — Ведь там могут быть важные сведения!

— Журнал подождет. — Генерал решительно направился к двери. — Сначала разберемся с этим... Пошли...

Соседний отсек был напичкан разного рода навигационными приборами, и кабель, пересекавший пол, был похож на огромную мертвую змею. Он нырял в трещину пластиковой панели.

Сэм, Бэк и Ясумура заглянули еще в два отсека, прежде чем увидели, что кабель, спустившись по винтовой лестнице, исчезал — вместе с другим, свисавшим с самого верха — в узкой шахте.

— Там аварийная лестница, — сказал Ясумура. — Она проходит через весь корабль.

Лишь крошечные трубки дневного света освещали ступеньки, по которым они спускались все ниже и ниже. Из дверных проемов и дыр в стенках — отовсюду тянулись кабели. Они вились по лестнице и лежали под ногами. Сбившись у одного из поворотов все вместе, они исчезли за дверью.

— Что там? — спросил генерал.

Ясумура посмотрел на номер, красневший на стенке, нахмурился, затем пересчитал что-то на пальцах и воскликнул:

— Да ничего! Это топливный отсек! Пустые цистерны — вот что там! Все топливо израсходовано на полет!

Осторожно переступив через сплетение кабелей, они вошли в проем и уткнулись в белую стенку.

— Этого не должно быть! — воскликнул инженер.

Было прохладно, и Сэм, чиркнув по стене стволом автомата, увидел, что она в инее.

Массивные балки тянулись от стены к корпусу корабля. Чуть повыше того места, где исчезали кабели, к стене был прикреплен телефон. На него теперь и уставился Ясумура.

— Никаких телефонов здесь быть не может! Линия заканчивается выше!

Сэм приблизился к аппарату и попытался включить его. Экран остался темным.

— Ты будешь со мной разговаривать! Будешь, хочется тебе этого или нет! — сказал он со злостью, жестом отгоняя Бэка и Ясумуру.

И прежде чем те успели что-то понять, он направил свой автомат на кабельное месиво и нажал спуск.

Два кабеля подпрыгнули и разорвались.

Экран ожил.

На них смотрел юпитерианин.

... «Перикл» снижался над Юпитером. Двигатели боролись с гравитацией. Прочнейший корпус, казалось, трещал под напором бушующей атмосферы.

Когда под действием вихревых потоков корабль все же отклонялся от курса, чувствительные приборы посылали сигнал на компьютер, и все немедленно возвращалось в норму.

Это было что-то вроде бульона — атмосфера Юпитера, сжатая гравитацией, превышающей земную втрое. Бульон кипел. То и дело сверкали молнии, и в обшивку корабля немилосердно барабанил аммиачно-метановый дождь.

В кабину управления не проникали даже отголоски этой бури. Тишина здесь могла нарушаться только тихим гулом вентилятора, или негромкой фразой, брошенной кем-то из трех сидящих в креслах людей, или случайным шорохом.

Толстые звукоизолирующие переборки отражали все внешние шумы, и облака, беззвучно крутящиеся на одном из экранов, никого не интересовали. Сейчас существовали только курс, высота, скорость, показания радара.

Корабль продолжал снижение...

— Курс — без существенных отклонений, — сказал Ренд, второй офицер. — Мы сядем прямо в центр айсберга.

Это был блондин с мягкими чертами лица, выглядевший довольно молодо для своего звания, присвоенного, кстати, за чисто кабинетные достижения в области компьютерного управления.

Эта посадка осуществлялась по программе, составленной им, и Ренд, откинувшись на спинку, с интересом наблюдал за воплощением своих идей.

— Не стоит называть Риф айсбергом, — предельно внятно произнес Уик, первый офицер. — Тут мы имеем дело не со льдом в нашем традиционном понимании, а с чем-то неизмеримо более прочным. Об этом свидетельствуют радиопробы... Он достаточно надежен для того, чтобы мы без опасений использовали его в качестве посадочной площадки.

— Скорость ветра — сто миль в час... Какова температура воздуха? — спросил капитан Бремли.

— Минус сто два, — ответил Ренд. — Всего на несколько градусов ниже температуры поверхности Рифа. Подъезжаем...

В напряженной тишине они следили за показаниями приборов, готовые к любой неожиданности — и взгляд их, скользя по бесчисленному количеству стрелок, индикаторов и шкал, всякий раз задерживался на дисплее, где красный кружочек катился вдоль белой линии к растущей глыбе — Рифу.

Риф... Так его называли с самого начала. В море замерзших и превратившихся в жидкость газов отыскалась бы, вероятно, не одна такая громадина. Но количество радиопроб было ограниченным... В начале предполагалось, что Риф свободно плавает в этом океане, но, понаблюдав, астронавты убедились в обратном: он неизменно вползал в поле их зрения через каждые десять часов. Местоположение Рифа было учтено в программе посадки...

И вот они садились. Энергия, вырывавшаяся из сопел корабля, почти остановила его движение и нещадно вжала людей в кресла. Радар тем временем исследовал поверхность Рифа.

Вот включились вспомогательные двигатели — и огромный «Перикл» медленно, по дюйму в секунду, растапливая лед, опустился окончательно.

Как только были выключены двигатели, вибрация исчезла. Корабль сжалось гравитацией Юпитера.

— Такое ощущение, будто мы все еще сбавляем скорость, — сказал Ренд, с усилием приподнимаясь в кресле.

Капитан Бремли ответил лишь после того, как связался со всеми рабочими отсеками. Это заняло пару минут, так как из сорока одного человека экипажа в посадке участвовала лишь треть.

— Сели, — облегченно вздохнул капитан. — Целыми и невредимыми... Но что-то не нравится мне эта тройная гравитация!

— Недельку протянем... — успел ответить Ренд, прежде чем с приборами стало твориться что-то невероятное.

Это противоречило всем имевшимся у них сведениям! И в компьютерном банке информации не содержалось ничего на этот счет...

Но приборы неистовствовали!

Тогда за дело принялись люди. Они проверяли и перепроверяли все, что было можно, спеша обнаружить неисправность, пока та еще, быть может, устраняема.

Вскоре выяснилось, что корпус корабля не поврежден, и ни одна частица юпитерианской атмосферы не проникла внутрь. От этого известия стало легче, и работа продолжалась уже не так суматошно.

Обнаружение любых неполадок делалось почти невозможным из-за того, что все приборы по-прежнему чудили. В конце концов их отключили — за беспольностью.

— Магнитное поле, — сказал вдруг Уик. — Сильнейшее. Свыше десяти тысяч килогауссов... Оно под кораблем, у самого грунта, у льда, вернее. И возникло внезапно, только что, как некий феномен...

В том, что это действительно феномен, они убедились двумя часами позже, когда, исследовав поврежденные приборы, определили силу воздействия на них.

— Замечательно, — сказал Бремли, пробежав глазами вытащенный из компьютера листок. — Это невообразимо мощное поле. А в хвосте у нас, как вы знаете, достаточное количество стали. Притяжение почти эквивалентно максимальной тяге наших двигателей!

— Вы хотите сказать...

— Да-да, именно это. Поле держит нас, и если мы попытаемся сейчас взлететь — корабль взорвется. Мы в ловушке...

— Но этого не может быть! — возмутился Уик. — Даже если предположить, что Юпитер — естественная криогенная лаборатория по созданию магнитных полей такой чудовищной силы...

— Поле может быть и искусственным, — очень тихо пробормотал Бремли, кивая на индикаторные лампочки. Судя по ним, под кораблем что-то двигалось...

Снаружи корпус был оснащен прожекторами, которые обычно находились в специальных закрытых нишах. Капитан пробежал пальцами по кнопкам и, убедившись, что половина прожекторов выдержала посадку, включил их.

Снаружи была кромешная тьма. Солнечный свет никогда не пробивался сюда сквозь скопления облаков и необыкновенно плотную двухсотмильную кожуру атмосферы, озаряемой лишь вспышками молний.

Но теперь здесь был свет, яркий, ослепительный, выхватывавший из мрака мельчайшие детали ледяного пейзажа и... юпитериан.

— Да, симпатиями их не назовешь, — покачав головой, заметил Уик.

То, что они сейчас видели, являлось, несомненно, результатом длительного развития. С органами зрения наверху, органами передвижения внизу и органами манипуляции на гибких конечностях, юпитериане были в чем-то похожи на людей, но — карикатурно. Толстые коротышки с кожей, как у слонов, бревноподобными руками-ногами и морщинистой головой.

— Кажется, свет не причиняет им беспокойства, сэр, — сказал Ренд.

— Может быть, эти глубокие складки защищают их глаза? Мы пока ничего не знаем об этих тварях кроме того, что у них хватило ума создать удерживающее нас здесь магнитное поле... Мы должны установить с ними контакт...

— По-моему, они тоже не прочь пообщаться! — воскликнул Уик, указывая на группу юпитериан, стоявших у самого корабля. — Что-то эти ребята там

делают... Камера не позволяет увидеть, что именно По-моему, оттуда поступил сигнал о движении?

— Машинное отделение, — пробормотал капитан, торопливо набирая телефонный номер.

— Разверните камеру! — крикнул он в трубку. — Что там у вас гремит?

Они увидели дрожащую и выгибающуюся стенку, которую вдруг проткнул красновато-зеленый прут с палец толщиной. Прут этот проник внутрь отсека на фут или чуть больше и задымился. Потом он изменил свой цвет и стал отчаянно извиваться.

— Всем покинуть отсек! — приказал капитан, одновременно нажав красную кнопку.

По всему кораблю пронзительно завывала сирена, и стали герметично закрываться все двери.

Это была, вне сомнений, живая плоть! Ее прочность превосходила стальную, но она была живая, а также наделенная сознанием и, возможно, чувствами! Она горела, дымясь и корчась, но упорно двигалась вперед, причем так, будто что-то искала...

Внезапно задняя ее часть, скользя внутрь отсека, оставила позади себя дыру, и вместе с криком капитана в помещение ворвалась ледяная атмосфера Юпитера.

Два человека так и не выбрались из отсека, дверь которого была теперь намертво придавлена резко возросшим давлением...

Это была случайность, спасшая корабль. Если бы что-то подобное произошло в другом отсеке, тонкие переборки сразу бы рухнули, и ядовитые пары, распространившись по шахтам, умертвили бы всех. Но машинное отделение, которое соседствовало с камерами сгорания, было снабжено необыкновенно толстыми стенками и массивными дверьми. Металл напрягся и заскрежетал, но выдержал...

Девять последующих дней юпитериане вели себя тихо. Один из них прошел как-то мимо, не обратив на корабль ни малейшего внимания.

С помощью дистанционно управляемого аппарата удалось закрыть злополучное отверстие в машинном отделении. Позже — когда давление уменьшилось — спустившись в скафандрах добровольцы поставили более надежную заплату.

Воздух постепенно очищался от ядовитых паров — и машинное отделение было снова готово к работе. Однако работы не было: магнитное поле держало корабль по-прежнему цепко.

Они не забыли о своем стремлении установить контакт с юпитерианами. С величайшим трудом был собран приемопередатчик с фиксированной частотой. Этот аппарат не имел ни одной подвижной детали, а экран с ортиконом были выполнены с использованием безвакуумного метода Партини. Все это помещалось в большом пластиковом кубе, и о перепадах давления можно было не думать.

Передачик установили таким образом, чтобы его мог видеть любой из находившихся поблизости юпитериан. Из него гремел голос Бремли, но никто не реагировал на это. В конце концов один коротышка, случайно наткнувшись на аппарат, разбил его.

— Такое впечатление, что они не рвутся поболтать с нами, — сказал Ренд, но никто не улыбнулся.

... На десятый день юпитериане вновь собрались у корабля, и капитан, на всякий случай, приказал всем перебраться на более высокие уровни, герметично закрыв все проходы.

В машинном отделении была установлена аппаратура, обеспечивавшая идеально четкое изображение.

— Они пробиваются в том же месте! — взволнованно крикнул кто-то.

Это было действительно почти то же место, чуть сбоку. А отверстие было намного меньше, и пробивший его мгновенно исчез. Ударившая гелиево-водородная струя прервалась, как только в отверстие просунулся тонкий коричневый усик. Он вытянулся на целый ярд, а потом, потеряв вдруг упругость, обвис и, коснувшись пола, прекратил свой рост.

Но теперь конец его стал стремительно разбухать, как воздушный шар.

Вскоре это был уже приличных размеров бочонок. Верхняя часть его все еще двигалась, но вот она приняла вид замысловатых узелков и замерла.

— Ну, и что же это такое? — спросил Ренд, не надеясь услышать ответ.

Капитан сосредоточенно смотрел на экран.

— Нечто чужеродное. И это нечто может быть чем угодно, но я думаю, что в данном случае мы имеем дело с коммуникационным устройством. — Капитан поднес ко рту микрофон. — Алло! Алло! Вы слышите меня?

Один из узелков бочонка развязался, и из образовавшейся щели вылетел пронзительный звук.

— Ар-р-р-о-о! — закричал бочонок, омерзительно имитируя человеческий голос. — А-а-р-р-р-о-о!

... Капитан и офицеры корабля работали с бочонком в течение нескольких недель и кое-чего добились. Пока экипаж был поглощен мыслями о невыносимой гравитации, они по очереди обучали биокommunikатор английскому.

По-видимому, он не обладал тем, что называют разумом, но он был, несомненно, живым, там, под жесткой пленкой, укрывавшей его от кислорода.

Сначала люди говорили с ним по динамику, но, не обнаружив в нем никакой агрессивности, стали приходить в отсек.

Бочонок отказывался отвечать на любые вопросы, кроме тех, что были связаны с языковыми уроками. Но и уроки эти были очень важны для астронавтов: появлялась надежда в конце концов убедить юпитериан убрать магнитное поле.

... На семнадцатый день, в середине занятия, бочонок вдруг перестал говорить и закрыл свой единственный глаз, выращенный им в учебных целях.

Ренд, выполнявший роль учителя, испуганно выбежал вон и вместе со всеми прильнул к экрану.

Через несколько минут глаз открылся снова. Он был уже другого цвета и смотрел со смышленостью, прежде отсутствовавшей.

— Что вы такое? — спросил бочонок.

Началась беседа различных форм жизни...

Слова и элементарная техника общения довольно легко усваивались юпитерианами. Их память была эйдетична, и однажды объясненное слово они уже не забывали. Юпитериане быстро поняли, что такое «стул», «стакан», «нож», «идти» и «бежать». Но когда доходило до абстракций, они становились безнадежно тупыми.

«Вы пришли откуда?» — спрашивали юпитериане, и когда им отвечали: «С Земли, третье от Солнца планеты», они интересовались: «Что такое Земля? Что такое планета? Что такое Солнце?»

Погребенные здесь, на дне почти жидкой, забитой облаками атмосферы, они не только никогда не видели звезд, но и не имели понятия о том, что существуют миры, отличные от их собственного. Когда же им объяснили это, казалось, что они все поняли, только тема их не увлекает... Тут проглядывала некая схема, которой следовали юпитериане: выбор предмета—вопрос—утрата интереса... Им (или ему — люди не знали, беседуют они с одним юпитерианином или с множеством) явно недоставало элементарных сведений по механике, но ни один вопрос не мучил их так, как — «что вы такое?»

Первым, кто что-то понял об этих существах, был капитан.

— Биология, — сказал он. — Биологические науки. Химия, когда она биохимия... Нейрофизика и все в этом духе... Электричество... Конечно! Биоэлектричество!

— То есть... — Ренд смотрел на него с недоумением.

— Это юпитериане! Представьте себе на минуточку тот мир, в котором они живут! У них нет ни машин, ни механизмов, но есть разум, и они смогли создать прибор для связи с нами, хотя и не опознали наш коммуникатор. Эти существа работают лишь с живой материей и работают виртуозно... Посмотрите, как быстро сконструировали они этот бочонок! И как ловко впили его сюда!

— Все это верно, сэр, и многое объясняет, но вот как быть с магнитным полем? Ведь без мощных генераторов тут не обойтись!

— Не обойтись? С биоэлектричеством мы сталкиваемся и на Земле — взять хотя бы электрического ската... Кстати, можно спросить их и все выяснить! Полагаю, мы уже на той стадии знакомства, когда такой вопрос не покажется им бесцеремонным...

— Под кораблем находится источник магнитного поля, — войдя в машинное отделение, сказал капитан. — Вы это знаете?

— Силовое поле электрической природы, да... — согласился бочонок, повернув свой глаз в сторону капитана.

— Наш корабль не может взлететь, пока оно существует — вы это тоже знаете?

— Да.

— Вы уберете поле, чтобы мы могли взлететь?

— Силовое поле исчезнет... после разговора.

Это был довольно внятный ответ. Одно лишь оставалось неясным: что понимается под «разговором»? Было очевидно во всяком случае, что понимается нечто большее, чем просто беседа. А насколько большее?..

Потом, задав несколько уточняющих вопросов, Брем-ли понял, наконец, что его собеседников интересует биология человека, устройство живой клетки его организма. Так значит, под словом «разговор» они подразумевают «получение знаний о...»?

Он приказал доставить ему шприц и взял из руки кровь.

— Сюда, — равнодушно сказал бочонок, открывая под глазом щель.

Капитан приблизился и, почувствовав едкий запах аммиака, впрыснул в темное отверстие все содержимое шприца.

— Нужен разговор о вас... — вновь подал голос бочонок, когда капитан уже отошел в сторону.

— Я покажу рентгеновские снимки человеческих существ. Есть также пособия по...

— Нужен разговор, сделанный глазом... — Глаз бочонка задрожал на своем коротком стебельке, едва капитан шагнул вперед.

— Не подходите слишком близко, сэр! — крикнул Ренд. — Ведь мы еще не знаем, что они понимают под словом «разговор»!

— В данный момент это слово обрело значение «взглянуть»...

Капитан остановился и посмотрел на бочонок.

— Ну, а потом вы наконец отпустите корабль?

— Силовое поле исчезнет после разговора...

— Мне это не нравится, капитан! — послышался тревожный крик Ренда.

— Мне тоже... Но это звучит достаточно определенно. Вернее, достаточно определенно для их манеры излагать свои мысли... Кто-то, Ренд, должен показать-ся этим ребятам, иначе мы не выберемся отсюда... Я не хотел бы рисковать другими...

Он сделал еще один шаг, и глаз на вытянувшемся стебле тоже подался вперед.

Покачавшись с секунду перед лицом капитана, он ткнулся ему в грудь, а потом — рассек тело надвое...

Глава 13

С экрана на трех землян смотрел юпитерианин, неподвижный и бесстрастный.

Ясумура приоткрыл рот и попятился назад.

— Во имя дьявола — что это?! — изумленно воскликнул генерал.

— А вы посмотрите вокруг... — сказал Сэм, кивнув на заиндевевшую стену. — Тяжелые опорные балки, толстые стены, герметический контейнер в пол-отсека...

— Юпитерианин! — закричал Ясумура. — Они привезли этого уродца оттуда! Я не знал, что и на Юпитере существует жизнь...

— Существует, несомненно, — кивнул Сэм. — Но, по-моему, вы неправильно оцениваете ситуацию, рассуждая о том, кто кого привез... Все кабели ведут сюда! И это единственное живое существо на корабле! Остальные — мертвы!

— Оно способно разговаривать? — спросил генерал.

«Устраните неполадки в кабелях! — послышался голос, пронзительный и равнодушный. — Разговор затруднителен».

— Да ты просто прекрасно говоришь! — вскричал Бэк. — А теперь вот что... Поведай-ка нам, что ты здесь делаешь и как... — Он вдруг умолк и резко

повернулся к Сэму. — Ты думаешь, что этот красавец имеет какое-то отношение к чуме?

— Я думаю, что он ответствен за болезнь Ренда. Когда я уговаривал вас забраться сюда, в голове у меня уже вертелась эта мысль. Но разве вы поверили бы мне?

— Никогда! Я решил бы, что ты чокнулся!

— Оттого-то я и не стал вам ничего объяснять... Но иначе и быть не могло! Все, связанное с болезнью Ренда, выглядело уж очень организованным. Четкая периодичность мутаций, варьирование вирусоносителей, неизлечимость... Если взглянуть на болезнь с этой точки зрения, то из чужеродной она превращается в...

— Искусственно вызванную!

— Правильно. И, я полагаю, вызванную вот этим существом... Что мы сейчас и выясним...

— Устраните неполадки! Разговор затруднителен...

— Устраню, но ответ на несколько вопросов! — Сэм вдруг понял, что он кричит, и понизил голос. — Это ты ответствен за болезнь Ренда — здесь, в городе?

— Бессмысленно.

— Вот она — проблема общения, — вмешался Ясумура. — Юпитерианин владеет английским, благодаря людям из экипажа «Перикла». Но это владение весьма условно... Ему приходится соотносить слова с окружающими его предметами, что иногда приводит к казусам... Когда вы задаете ему вопрос, Сэм, постарайтесь облечь его в наиболее простую форму.

Сэм кивнул и сказал:

— Я живое существо и ты живое существо. Понимаешь?

— Я живое...

— Когда маленькие живые существа живут внутри большого существа и повреждают его — это называется болезнью... Понимаешь?

— Что такое «повреждают»?

— «Повреждают» — это... ладно, потом. Болезнь — это когда маленькое существо разрушает большое существо. Останавливает его. Вот моя рука, ты ее видишь. Если маленькое существо принесет мне болезнь руки — рука отвалится. Если моя рука отвалится — я поврежден. У маленьких существ есть и

другие способы повредить мое тело... Это ты привез болезнь, которая вредит сейчас многим людям?

— Теперь я знаю. Болезнь — это когда... Устрани-те повреждение. Разговор затруднителен.

— Юлит, — сказал генерал Бэк. — Не хочет при-знаваться.

Сэм помотал головой.

— Мы не знаем этого наверняка... По-моему, он просто предлагает сделку: вы мне кабель — я вам информацию... Что ж, можно попробовать... Доктор Ясумура! Будьте любезны!

— Одну секунду... — Концы оборванных кабелей соприкоснулись и тут же были скручены вместе.

— Это ты привез болезнь, которая вредит сейчас людям? — снова спросил Сэм.

Юпитерианин вытолкнул глаз на тонком стебле, посмотрел им куда-то вбок, затем втянул обратно и бесстрастно ответил:

— Да.

— Но зачем?! — вскричал Ясумура. — Зачем ты сделал это грязное дело?

— Разговор продолжится. Что такое «грязное дело»?

— Успокойтесь, Стэнли, прошу вас. — Сэм отта-щил Ясумуру от экрана. — Ведь ему неизвестны эмоции...

Он вновь повернулся к юпитерианину.

— Если ты начал эту болезнь — ты должен знать, как ее прекратить. Скажи нам это.

— Разговор не закончен.

— Я не знаю, что ты имеешь в виду под словом «разговор»... И знать не хочу! — Сдерживаемая ярость наконец прорвалась, и Сэм сжал свой автомат. — Ты знаешь, на что способна эта штука! Так же легко, как твои кабели, она может изорвать в куски и тебя!

— Оставь, Сэм! — сердито крикнул генерал. — Ты все равно не испугаешь его! Сам же говорил об эмоциях! Подходить тут нужно по-другому...

— И я знаю, как... Ему не нравятся разорванные проводочки? Ну что ж...

Генерал метнулся к нему, но Сэм нажал спусковой крючок еще быстрее — и автоматная очередь полос-

нула по скоплению кабелей, заискривших голубыми дугами.

— Ты взбодрил эту скотину! — кивнул на экран Ясумура.

Качаясь взад-вперед, юпитерианин крутил свои глазные стебли и приговаривал:

— Разговор не полный... Многочисленные повреждения...

— Он и не будет полным, разговор твой! Если ты, конечно, не поможешь нам остановить эту болезнь.

— Разговор не полный...

— Сэм, позвольте мне привести кабели в порядок! Вы ведь убиваете его!

— Ничего подобного, Стэнли! Он в совершенном порядке! Все это хозяйство, как мы убедились, тянется к радио- и телеаппаратуре. И под разговором он понимает какую-то информацию, идущую по кабелям! Разговор же этот не будет полным, пока он нам не поможет! — Сэм снова посмотрел на экран. — Понял? Дай мне то, что я прошу, и мы позаботимся о твоих кабелях!

Юпитерианин перестал шевелиться и втянул глазные стебли в сморщенную голову.

— Нужно устранить неполадки...

— После того...

— Нужно устранить неполадки...

— После!!

Крик Сэма отозвался гулким эхом, и наступила тишина.

Они пристально смотрели друг на друга — человек и чужак. Они молчали, потому что все было сказано и нужно было решаться на поступок.

— Сэм! — Ясумура подался было вперед, но Бэк удержал его.

— Не мешай, — пробормотал генерал. — Мальчик знает, что делает.

— После!!! — еще раз крикнул Сэм, направляя автомат в сторону изуродованных кабелей.

Юпитерианин сместился куда-то в сторону и исчез с экрана.

— Что бы это значило? — спросил Ясумура, смахивая со лба капельки пота.

— Не знаю, — утрюмо отозвался Сэм. — Но я его сейчас расшевелю.

И он прострелил еще два кабеля.

Через мгновение раздался грохот, и стена над экраном задрожала.

— Назад! — крикнул Бэк, отшвыривая Ясумуру подальше.

С леденящим душу скрежетом какой-то предмет прошел сквозь толстую металлическую стенку и упал на пол. Из дыры вырвалась струя холодного газа — и тут же иссякла. Облачко, покрутившись, рассеялось.

Они смотрели на расколовшийся серый цилиндр, длиною в фут, и на другой цилиндр, пурпурный в крапинку, находившийся внутри первого. Пурпурный, впрочем, тоже не позволил себя долго разглядывать. Он развалился, источая едкий аммиачный запах. Обнаружившийся затем лимонно-желтый цилиндр постигла та же участь...

Весь этот процесс длился минуты три, и никто не заметил, что с экрана на них вновь смотрит юпитерианин.

Когда лужица на полу отбурлила и испарилась, там остался только бледно-желтый полупрозрачный цилиндр длиной в шесть дюймов.

Стволом автомата Сэм выкатил его из грязи и присел на корточки.

Цилиндр был полным, тонкостенным и внутри него переливалась жидкость.

— Разговор должен быть полным. Устраните неполадки...

Глава 14

— Это... лекарство от чумы? — спросил генерал, зачарованно глядя на капсулу. — А если подвох?

— Устраните неполадки... — равнодушно пищал динамик.

— Я займусь этим... — сказал Ясумура, доставая нож. — Какая же тут мешанина! Хорошо, что маркировка есть...

Сэм снял берет и ухватил им цилиндр.

— Надеюсь, что это действительно лекарство... — Он удивленно поднял брови. — Он совсем не холодный! А ведь там, в резервуаре, очень низкая температура! Такая странная водичка может оказаться лекарством, Кливер!

— Тогда нужно побыстрей вынести его отсюда! В связи с чем у меня два вопроса: откуда можно связаться с Хэбером и где тут лифт.

— И то, и другое внизу, генерал, — не поднимая от проводов головы, ответил Ясумура. — Следуйте вдоль стены и выходите в первую же дверь. И пожалуйста, пришлите потом за мной кого-нибудь... Тут, правда, еще работать и работать на нашего приятеля. И хотелось бы с ним поболтать потом...

Генерал Бэк набрал номер, и через полминуты экран наконец засветился.

— Рапорт! — рявкнул Бэк.

— Сейчас спокойно, сэр, — ответил лейтенант. — Стрельба прекратилась. Они неплохо пристрелялись, надо сказать. Я тут хотел выглянуть — так чуть голову не снесло... Попыток проникновения пока не предпринималось.

— Ладно, держитесь, Хэбер. И не лезьте под пули. Скоро я вступаю с этими стрелками в переговоры — мы выходим отсюда. Кажется, найдено лекарство от чумы, и его нужно срочно доставить в госпиталь для проверки. — Он повесил трубку, прежде чем ошеломленный Хэбер смог что-то ответить. — Я поднимусь в кабину управления, Сэм. Скажешь Ясумуре, чтобы он, как только закончит свою работу, сразу отправлялся к Хэберу. Потом поднимешься ко мне.

...Когда Сэм, выполнив поручение поднялся наверх, Бэк, что-то возбужденно кричавший в микрофон, подозвал его.

— Тут Чейбл! Поговори с ним! Этот деятель не верит ни одному моему слову!

С экрана смотрело бледное лицо.

— Как я могу поверить вашим словам или словам доктора Бертолли после всего случившегося? Сейчас заседает Чрезвычайный Совет, и вы знаете, что они обсуждают? Я не решаюсь сказать об этом!

— Я решусь, — спокойно ответил Сэм. — Речь идет о водородных бомбах, которые планируется сбросить на Красную зону — то есть на Нью-Йорк и территорию вокруг него в радиусе ста миль... Но делать этого не следует! Потому что появилась возможность покончить с болезнью несколько другим способом! — Он показал Чейблу капсулу. — Здесь, я думаю, находится лекарство от болезни Ренда. Эту капсулу нужно срочно доставить в Белвью.

— Нет! — испуганно вскрикнул Чейбл. — Пока вы внутри корабля, остается надежда на то, что Чрезвычайный Совет не примет крайних мер! Вы останетесь на месте!

— Я хотел бы поговорить с доктором Мак-Кеем. Он поймет, о чем идет речь...

— Это невозможно. Мак-Кей, как вы знаете, болен, и я не допущу, чтоб его волновали.

Сэм, попросившись, прервал связь — и сразу же набрав номер оператора, попросил соединить его с Мак-Кеем.

— Баба! — кипятился генерал. — Истерики он тут будет закатывать!.. Обвинить меня во лжи!

После продолжительных гудков, на экране появился совсем не Мак-Кей, а Эдди Перкинс.

— Ты?! — Он засопел и прищурился. — Все никак не утомонишься? Мне доложили о твоих подвигах в аэропорту. По-моему, с твоими мозгами творится что-то...

— Помолчи, Эдди, — прервал его Сэм. — Я не намерен грызться с тобой. Но тебе представляется единственная возможность искупить свою вину. Помогите мне сейчас — и я никогда не припомню тебе твоих ошибок... Я должен поговорить с Мак-Кеем! А почему я должен, это тебе объяснит находящийся здесь генерал Бэк. Ты его знаешь и, надеюсь, не сомневаешься в его честности...

— Все очень просто, доктор Перкинс! — бодро сказал Бэк. — Мы тут на «Перикле» обнаружили причину болезни Ренда. У доктора Бертолли есть теперь сыворотка. Нам нужно срочно покинуть корабль и отправиться в Белвью, да вот не дают. И единственным человеком, который мог бы помочь нам в данной ситуации, является не кто иной, как доктор Мак-Кей. Соединив нас с ним, вы...

Напористая речь Бэка делала сопротивление почти бесполезным. Сэм смотрел на Эдди Перкинса, кусавшего губу, и думал о том, что этот парень, в сущности, вполне безобиден, он только слабоват для определенного рода испытаний...

— Соедини нас, Эдди...

— Но Мак-Кей болен.

— Ведь он умрет вместе со всеми нами, если болезнь Ренда не будет остановлена! Соедини, Эдди...

Перкинс сделал конвульсивное движение в сторону переключателя и исчез с экрана...

Не глядя друг на друга, они напряженно ждали, и, когда перед ними наконец появилось лицо Мак-Кея, Сэм облегченно вздохнул.

— Что случилось, Сэм? — тревожно спросил Мак-Кей, сидя на больничной койке.

Пока Сэм рассказывал ему обо всем, он молча слушал, изредка кивая.

— Я верю этому, Сэм... Верю просто потому, что никогда не верил в болезнь Ренда. С самого начала все в ней было невероятно. Но теперь, когда выяснилось, что это изобретенная и сконструированная болезнь, теперь все становится понятным. Неясно только... ну ладно, об этом потом... Так чем могу быть полезен?

— Мы хотим немедленно доставить эту жидкость в Белвью, но нас не выпускают! Распоряжение профессора Чейбла!

— Что за ерунда! Хорошо, Сэм, я тут кое с кем поговорю и все улажу. В конце концов именно мне поручено найти лекарство от болезни Ренда! И я могу потребовать, чтобы капсулу немедленно доставили в госпиталь! — Он положил трубку.

— Орел! — улыбнулся генерал. — Надеюсь, что его сердечко не откажет в тот момент, когда он станет втемняшивать в головы политиканов некоторые полезные вещи... А нам, Сэм, остается сидеть в шлюзе и ждать, когда эти болваны нас выпустят...

Лейтенант Хэбер и Стэнли Ясумура отдыхали у коридорной стены.

— Сидите, — сказал генерал, когда Хэбер попытался подняться. — Какие новости?

— Никаких, сэр. Все по-прежнему.

— Нам нужно будет снова открыть крышку люка — скоро, возможно, выходим.

— Стэнли! — сказал Сэм. — Давай-ка я займусь этим! Ты только проинструктируй меня...

— Это было бы неплохо, но... Видишь ли, Сэм, ты провозишься с этим гораздо дольше. Лучше подай-ка мне вон тот провод и пожелай удачи...

Ясумура лег на пол и медленно выполз из коридора в шлюз. Ничего не произошло, пока он добирался до открытой распределительной коробки, и работу свою он сделал, не замеченный снаружи. Но на обратном пути его увидели, и по корпусу корабля забарабанили пули, некоторые попадали внутрь и звонко рикошети-ровали...

Ясумура вполз в коридор и устало закрыл глаза.

— Чистая работа! — похвалил его генерал. — А теперь давай-ка откроем крышку и посмотрим, что будет делать наша бравая полиция.

Ясумура закрепил провода в клеммах энергопакета, и крышка стала медленно открываться.

Стрельба сразу же усилилась, но она уже никого не беспокоила.

— Маз-зи-лы! — презрительно усмехнулся генерал. — Интересно, чего они хотят добиться этой своей дурацкой пальбой?

И тут внезапно наступила тишина.

А через несколько томительных минут снаружи закричали:

— Генерал Бэк! Вы слышите меня?

— Слышу! — рявкнул в ответ Бэк. — Но не вижу! Если я войду в шлюз, эти нервные полицейские опять начнут стрелять?

— Нет, сэр! Приказано не стрелять!

Если генерал даже и был несколько обеспокоен — по нему этого никто не сказал бы... Поправив берет, смахнув с рукава какую-то пылинку, он шагнул вперед — и в глаза ему ударил яркий свет прожекторов.

— А это еще что такое? Может быть, уберете свои фонари, пока я не ослеп?

Послышались приглушенные крики, и два прожектора погасли.

— Вам разрешено покинуть корабль! — Говоривший, седой капитан полиции вышел вперед.

— Мне нужен транспорт. Вертолет.

— Вертолет есть.

— Разогрейте двигатели... Что с моим сержантом?

— Если вы имеете в виду того, кто стрелял в нас, — он мертв.

Не говоря больше ни слова, генерал развернулся и тяжело протопал внутрь.

— Пошли, ребята. А то ведь они могут и передумать...

На лице его было то выражение, какое бывает у солдат, видевших смерть слишком многих своих друзей.

— Я ведь больше не нужен вам, — подал голос Ясумура. — И вполне могу остаться — поболтать с юпитерианином, ознакомиться с записями в бортжурнале...

— Да, конечно, — сказал генерал. — Спасибо за помощь.

— Это вам спасибо — за то, что взяли меня с собой!

...Большая грузоподъемная машина подкатила к «Периклу», и платформа поднялась до уровня шлюза.

Сэм с генералом, поддерживая с двух сторон лейтенанта, ступили на нее и плавно опустились на землю.

Чуть в стороне медленно вращался винт.

Даже не взглянув на угрюмых вооруженных полицейских, которые стояли вокруг, они прошли к вертолету, уложили на заднем ряду сидений Хэбера и усадились сами.

— Госпиталь Белвью, как можно скорей, — опустившись рядом с пилотом и сжав капсулу в руке, сказал Сэм.

Пилот швырнул машину вверх...

Впереди вырисовывались усеянные огоньками очертания Манхэттена, а Сэм видел лишь искаженное лицо Ниты... С того момента, как он расстался с ней, прошли уже часы, и теперь она должна быть в куда более худшем состоянии, если уже не... Нет, он не верит в это! Она не могла умереть — особенно сейчас, когда спасение так близко! А близко ли?.. Он посмотрел вниз. На коленях лежал цилиндр. Действительно ли в капсуле лекарство? Хотя — что за выгода юпитерианину подсовывать не то? А почему, собственно, он должен был дать им «то»?.. Оба вопроса были бессмысленны...

Вертолет, на мгновение замерев над госпитальным корпусом, опустился на площадку. К нему уже спешили люди.

— Позаботьтесь о раненом! — крикнул Сэм и, оттолкнув в сторону замешкавшегося санитаря, бросился к входу, а потом к лифту, ожидая который, он стал бешено колотить рукой по стене.

Генерал Бэк вскочил вслед за ним в уже смыкающиеся двери.

— Спокойно, мой мальчик! Мы уже там!

... В палате было темно, и Сэм включил верхнее освещение. Незнакомая женщина прикрыла ладонью глаза и застонала. Он повернулся к другой койке... Нита... Боже, как она плохо выглядит, как она плоха...

— Что вы здесь делаете? Кто вы такой? Немедленно выйдите вон!

Сэма схватил за руку незнакомый врач, и он понял, как странно выглядит здесь в этом грязном комбинезоне и с черным лицом.

— Извините меня, доктор... Я Бертолли... Есть ли у вас... — Не договорив, он бросился к автоклаву.

Все было горячим и обжигало пальцы, но он не замечал этого, как и всего остального. Например, исчезновения врача, который стоял теперь в стороне рядом с энергично жестикулирующим Бэком...

Капсула. Сэм протер торец спиртом и ввел иглу — она прошла удивительно легко. Что там, внутри? Лекарство от болезни Ренда? А может быть, яд?.. Перевернув капсулу, он оттянул поршень шприца до упора. Стекланный цилиндр наполнился жидкостью соломенного цвета.

Вручив капсулу Бэку и строго наказав: «этим концом вверх!» — он осторожно вытащил из-под одеяла руку Ниты и протер ее на сгибе локтя. Кожа была сухая, обжигающе горячая. Ее покрывали красные нарывы... «Нита!»... Он заставлял свой мозг воспринимать ее как обыкновенного пациента... Помассировав вену, он ввел иглу, решив для начала ограничиться дозой в пять кубиков.

Регистрирующее устройство показывало температуру 41 и 1, что в сочетании с другими факторами означало приближение смерти.

Но вот тяжелое дыхание прервалось, и Нита, выгнувшись под одеялом, издала протяжный стон.

Неужели он убил ее?

Бросив испуганный взгляд на регистратор, Сэм увидел, что температура чуть — на полградуса — снизилась, а потом...

А потом произошло чудо. В считанные минуты болезнь была побеждена. Нормализовалась температура, нарывы усохли, дыхание стало ровным.

Нита открыла глаза, взглянула на него и улыбнулась.

— Сэм, милый... Что ты делаешь здесь с таким чумазым лицом?

Глава 15

— Меня прислал доктор Мак-Кей, — сказал Эдди Перкинс, когда Сэм обернулся и, к удивлению своему, увидел множество людей.

— Вот, Эдди... Возьми этот шприц и капсулу, которую держит генерал... Смотри, она должна быть именно в таком положении... Скажи, что это лекарство от болезни Ренда... Будь осторожен — больше его нет... Я сейчас позвоню Мак-Кею и расскажу, что тут у нас произошло...

— Он принял снотворное — придется подождать до завтра... Мы были очень напуганы тем, с какой энергией он организовывал ваше вызволение... — Перкинс направился к выходу, бережно неся в сложенных лодочкой ладонях шприц и капсулу. Задержавшись в дверях, он тихо произнес: — Послушай, Сэм... Спасибо тебе.

... Нита крепко спала, а Сэм смывал с рук и лица черный крем, когда вновь появился генерал.

— У тебя целых пять минут, — сказал он. — Ясумура просит нас немедленно прибыть туда. Полицией я уже сыт по горло, поэтому подождем мой транспорт. Он уже в пути... Ну что, Сэм, как там дела со снадобьем? Выручит оно нас?

— Не знаю, — ответил Сэм, вытираясь. — Юпитерианин дал очень хорошее средство — вы сами

видели, как оно подействовало на Ниту... Хорошее, но этой капсулы не хватит и на полсотни человек. А случаев уже в тысячу раз больше. Но я надеюсь, что в лаборатории разгадают секрет лекарства.

— Какова вероятность?

— Не знаю. Может быть, нулевая, а может — стопроцентная. Увидим... Стэнли не сказал, что ему нужно от нас?

— Я не разговаривал с ним. Передали.

Когда они вышли на вертолетную площадку, Сэм удивился, что уже светло, на западе таяли последние звезды, а небо — как свежeweымытое.

Гул моторов, возникший где-то в южной части города, превратился скоро в рев, и они увидели в небе звено самолетов вертикального взлета, один из которых стал снижаться над площадкой.

— Когда вы сказали о транспорте, я решил, что это будет вертолет! — крикнул Сэм. — Кто ж мог такое предположить!

Самолет с громким ревом коснулся площадки и довольно быстро утих. Высунувшийся пилот протянул Бэку ремень и кобуру с хромированным пистолетом.

— Дело, понимаешь ли, в том, Сэм, что меня уж очень достали эти полицейские. И подумал я: игривое помахивание здоровенной дубиной может, хотя бы ненадолго, образумить этих ребят...

Перед тем, как забраться в самолет, он с удовлетворением хлопнул по кобуре, привычно повисшей на боку.

Сэм последовал за ним и оказался в очень тесной для троих кабине.

Когда они поднялись в воздух, остальные самолеты симметрично их окружили, и весь этот узор помчался в сторону аэропорта Кеннеди, где вскоре мягко опустился неподалеку от «Перикла».

... На этот раз в пристальных взглядах полицейских начисто отсутствовал даже намек на угрозу.

— Кто-то поднимался туда? — спросил генерал.

— Нет, сэр! Получен приказ...

— Отлично. Выполняйте его. Беспрекословно.

Так и не узнав подробностей приказа, он стал пружинисто подниматься вверх по удобной металли-

ческой лестнице, оглушая своей чеканной поступью идущего за ним Сэма.

Стэнли Ясумура, утонувший в капитанском кресле, приветствовал их взмахом руки.

— Все записано на пленку... Записи велись до самого конца... Такое не каждому под силу...

— Что вы имеете в виду? — спросил Сэм.

— «Перикл» угодил там в ловушку, сразу же после посадки. В созданное юпитерианами мощнейшее магнитное поле... Я быстро прокрутил начало, но вы можете все прослушать... А затем местные, так сказать, жители вступили в контакт с экипажем, изучили английский и убили капитана, точнее, разрезали на две равные части и называли это разговором...

— Это именно то слово, которое употреблял и наш юпитерианин! Какой же смысл они в него вкладывают?

Я хотел разузнать об этом у нашего гостя, но он что-то не хочет общаться... По-моему, для юпитериан это означает некое всеобъемлющее понимание, постижение основных жизненных процессов... У них, очевидно, никогда не было технокультуры, но вот что у них есть — так это биокультура, и еще какая. С живыми клетками они могут творить все... Когда туда прилетел наш «Перикл» и привез иную форму жизни, юпитерианам захотелось сделать то, что делают дети со своими новыми игрушками: вскрыть и посмотреть, что там внутри...

— Ад холоден, как говаривал Данте, — пробурчал Бэк, нервно барабанив пальцами по кобуре. — Это же сущие дьяволы — ни души, ни чувств! Ничего, скоро этот корабль полетит туда во второй раз... Набитый водородными бомбами!

— Вы неправы, Кливер, — сказал Сэм. — Они — это другая форма жизни, с другими мыслями и другими чувствами — если с чувствами! Да, они не спрашивали людей, хотят ли те быть разъятыми на куски, но ведь и мы не спрашиваем об этом лабораторных крыс!

— Что за чушь! Мы не могли бы спросить об этом крыс, даже если б захотели!

— Возможно, и юпитериане не могут задать людям такой вопрос. Или не хотят. Кто знает — не рассекают ли они и друг друга без всякого разрешения...

— Так думали и некоторые на «Перикле», — кивнул Ясумура. — Уик, первый офицер, всегда рассуждал, как бесстрастный датчанин, но у него было неукротимое воображение, какое и должно быть у физика-теоретика... В этих записях есть изложенная им теория, по которой юпитерианские особи являются не индивидами в строгом смысле слова, а частичками единого разума... Если это действительно так, то их ни в малейшей степени не должен тревожить факт гибели одной такой частички, и саму эту частичку подобная перспектива не беспокоит ничуть! Допустим, что это единственно известный им способ существования. разве усомнятся они в том, что и мы такие же? И расчленил нас на здоровье!

— Это лишь теория, — сказал Бэк.

— Но она многое объясняет! Либо каждый юпитерианин гениален, либо существует единый разум, достаточно мощный, чтобы управлять всем. Он — или они — осваивали английский так быстро, как им только успевали его преподавать. Они — или он — никогда не сталкивались с техническими проблемами, но смогли схватить все это на лету, в несколько дней, и устроили себе на корабле уютное гнездышко, а также научились этим кораблем управлять...

— Неужели люди не оказали им никакого сопротивления?

— О каком сопротивлении вы говорите... — Ясумура включил запись и стал искать нужное ему место. — До того, как юпитериане обосновались на корабле, что-то, наверное, еще можно было сделать, хотя трудно сказать, что именно. Вспомните, ведь они не могли даже взлететь, не взорвав себя!.. Вот она, последняя запись, сделанная Рендом...

«... Двадцать четвертое мая, согласно бортовым часам, хотя мы уже не следим за временем... Мне не следовало говорить «мы» — совсем недавно захвачен Андерсон, а он был последним — не считая меня, конечно... Эти усики проходят сквозь любой металл, они повсюду, и никуда от них не скрыться. Одно касание — и ты парализован, а потом... Я видел, что они сделали с Андерсоном. Сейчас он внизу, на уровне С, в одном из резервуаров, и кроме него там еще

двое... Всех их сначала сделали больными, потом вылечили, хотя после этого они уже не выглядели так, как прежде... Ну, а потом они умерли... Я никогда не видел ничего подобного. Должно быть, эти болезни конструируются из обнаруженных в наших организмах микробов или еще как-то...» — Что-то зашумело, затем послышался звон разбитого стекла, и когда Ренд начал говорить снова, в голосе его прибавилось хрипотцы...

«... Если мой голос звучит так, как голос напившегося человека, то... так ему и положено звучать... Потому что трудновато выдерживать, знаете ли, и с каждым разом все... Но я разбил бутылку, потому что не должен быть пьяным!.. чтобы сделать то, что я должен... Послушайте, кем бы вы ни были, я надеюсь, что вы никогда этого не услышите... Наверное, я смогу пробраться в машинное отделение и сделать то, что задумал... А задумал я следующее... Вывести из строя аварийную систему и поиграть с реактором... Это будет уже обыкновенным самоубийством — так как остальные мертвы или почти мертвы... Эти твари такие проницательные... Они изучат нас, нашу технику и... да мало ли какие у них планы... Но я хочу остановить их. Я — Ренд, второй офицер "Перикла", заканчиваю запись двадцать четвертого мая...» — Дальше был только фоновый шум...

— Он оказался прав... — вздохнул Бэк. — Они привезли свою адскую болезнь и попытались всех нас истребить.

— Нет, — сказал Сэм. — Все это более походит на лабораторный эксперимент, чем на попытку уничтожить нас... То, что они смогли создать болезнь, соответствующую земным условиям, поражающую животных, которых им никогда не приходилось видеть, непрерывно мутирующую, свидетельствует о постижении ими всех биохимических тайн... Не думаю, что кто-то из нас сможет объяснить, каким образом вирус из корабля был пущен через Лонг-Айленд по прямой линии... Если бы они захотели этого, чума уже давно распространилась бы по всему миру и уничтожила бы нас в один день. Но они этого не захотели.

— Тогда чего ж они пытались добиться, когда... — начал было генерал, но его перебил Ясумура.

— Вы только посмотрите, как пляшут стрелки блока питания!

Загудел телефон, и по экрану расплылся человек в форме.

— Что вы там передаете? — спросил он. На наших частотах помехи!

— Это не мы, а сосед снизу. На что похожи сигналы?

— Минуточку, сейчас услышите... И посмотрите, пожалуйста, у себя, нельзя ли прекратить это безобразие! Передача идет в широком диапазоне и перекрывает все, что можно!

Голос умолк, и через минуту они услышали пронзительный полувизг-полустон, который раздражал слух не меньше, чем царапанье вилки о тарелку.

Ясумура поспешил убавить громкость.

— Что за чертовщина?! — передернув плечами, возмутился Бэк.

— Юпитерианская, — вежливо объяснил Сэм. — Стэнли, этот сигнал может дойти до Юпитера?

— Почему бы и нет? Если они располагают хорошими приемниками, то сигнал, прошедший слой Хевисайда, вполне благополучно будет уловлен... Но вы, кажется, имеете в виду...

— Ничего, абсолютно ничего. Просто интересуюсь... Смотрите, все стрелки опять на нуле! Что это значит?

Ясумура быстро проверил приборы.

— Энергия не поступает вообще! Интересно, что там задумал наш друг?

— Спускаемся, — коротко бросил Сэм и стремительно вышел.

Первым, на что они обратили внимание, едва открылись двери лифта, был едкий запах аммиака. Это заставило их перейти на бег.

На полу, рядом со стенкой резервуара, была лужа. И стенка сама тоже была влажной.

— Резервуар нагревается... — пробормотал Ясумура.

— И атмосфера из него уже вышла, насколько я понимаю. — Сэм смотрел на потемневший экран.

— Значит, эта штука мертва? — растерянно спросил Бэк. — Она покончила самоубийством? Но почему?!

— Вряд ли это можно назвать самоубийством... Ведь у юпитерианина, вероятно, никогда не было ни намерения, ни желания вернуться домой. Он прибыл сюда, чтобы выполнить работу — провести эксперимент. Наш мир был его лабораторией, а мы — подопытными животными. Эксперимент завершился, он доложил...

— Радиосигналы!

— А доложив — умер, или отсоединился — назовите, как хотите... Функция выполнена! Он бесчувствен, как клетка эпителия, которая защищает нас, а потом умирает и отпадает.

— Одно утешительно. — Генерал Бэк с удовольствием пнул скопление кабелей. — Ему пришлось доложить о провале своей миссии.

— Вы так думаете? Но может быть, мы имели дело и с социальным экспериментом? Ведь они заранее знали, каким образом болезнь будет воздействовать на наши тела, и поэтому могли заинтересоваться, скажем, нашими социальными структурами или нашей наукой... Тем, как станем бороться с болезнью и что сделаем, обнаружив ее источник... В конце концов они не предприняли ни малейшей попытки скрыть тот факт, что болезнь принесена ими, и заранее приготовили капсулу. Как только юпитерианин понял, что вся его коммуникационная система рушится, он тут же эту капсулу передал нам.

Послышался звук шагов, и в дверях возник Эдди Перкинс.

— Я пытался вызвать вас по телефону, но не смог пробиться, — задыхаясь выпалил он.

— В чем дело, Эдди?

— Болезнь Ренда... лекарство... Мы можем воспроизвести содержимое капсулы... Все! Мы победили!

Глава 16

Порыв ветра прилепил к стеклу несколько снежных хлопьев, которые, повисев немного, растеклись.

Киллер Домингес, оседлав стул, выпустил в сторону окна тонкую струйку сигаретного дыма.

— О как распогодилось! Увы, у меня уже есть артрит — непременно заработал бы сегодня!.. Жаль, что вы уходите, док.

— Ухожу, Киллер! Ухожу без сожалений! — Сэм выгреб из ящика несколько пар белых носков и бросил в лежащий на кровати чемодан. — Это замечательная комната для интерна! В ней хорошо жилось и славно работалось! Но слишком уж она... спартанская!

— И тесновата для семейного человека — да, док?

— Тоже верно, — улыбнулся Сэм. — Не хотел бы я привести сюда Ниту... Знаешь, чего единственно мне будет не хватать? Твоей манеры водить машину!

— Ерунда, док... Только легче на сердце будет без этого фургона... Лаборатория есть лаборатория! С вашей головой и познаниями в юпитерианских делах только туда и идти! Кстати, поговаривают, что идея создания этой лаборатории исходит от них...

— В известном смысле. — Сэм задвинул ящик и подошел к стенному шкафу. — Начало всему было положено лекарством от болезни Ренда, которое мы

получили от юпитерианина. Это новое слово в медицине... I-молекула, так ее называли, оказалась живой, как вирус или микроорганизм, и легко размножающейся. Вот почему за несколько дней нам удалось произвести такое количество лекарства. Ты просто кладешь ее в чашку Петри — и она начинает размножаться!

— Колоссально. А не разорятся ли аптеки?

— Может быть... Мы еще только начинаем выяснять, на что способна I-молекула. Если окажется, что она в десять раз менее эффективна, чем нам кажется — все равно, это повлечет за собой фундаментальные изменения в медицине! Видишь ли, I-молекула не только самовоспроизводится, но и при определенных обстоятельствах может быть обучена бороться с различными болезнями, например...

— Достаточно, док, достаточно... Все в меру... Я их привожу — вы их чините... А что это за секретная информация о подготовке очередной экспедиции на Юпитер? Мало было забот с первым полетом?

— Есть ли что-то, о чем бы ты не слышал, Киллер?

— У меня связи, вы ж знаете...

Сэм закрыл чемодан на замок.

— Пока мы — всего лишь маленькая группа, которая пытается убедить ООН в том, что юпитериане отнюдь не кровожадны... Пока, правда, усилия наши почти бесплодны. У людей еще не прошел испуг. Но он пройдет, и мы снова вступим в контакт с юпитерианами — в дружественный, надеюсь. Полетят, разумеется, добровольцы, и все меры предосторожности, исключающие повторение чего-то вроде болезни Ренда, будут своевременно приняты...

Пока он говорил, в дверях за его спиной появилась Нита.

— Мне кажется, что среди этих добровольцев будешь и ты, — сказала она, стряхивая с пальто мокрые снежинки.

Поцелуй их длился так долго, что Киллер, некоторое время смотревший на них с одобрением, решительно погасил сигарету и, пробормотав что-то о долге, который зовет, исчез.

— Так ты не ответил мне... — наконец сказала она.

Сэм посерьезнел.

— Ведь ты не станешь меня останавливать, верно?

— Нет, хотя и не буду в восторге... Только, пожалуйста, не так скоро!

— Ну, до этого дня еще нужно дожить... Кстати, подбирается неплохая компания. Стэн Ясумура, например... Хэбер. Не скакать же ему всю жизнь на костылях... Кливер Бэк! Уж и не знаю, как ему удалось пройти Космическую комиссию, но он посещает теперь специальные курсы, чтобы попасть в эту экспедицию...

— Бедняжка! В его-то возрасте! Все эти свободные падения и барокамеры! Мне жаль его!

— А мне — нет... — сказал Сэм, беря ее под руку, подхватывая чемодан и направляясь к двери. — Мне больше жаль юпитериан...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

— Господи, как я попал сюда? Как только я позволил втравить себя в такую историю? — просто-нап Л. М. Гринспэн, чувствуя, как после недавнего обеда начинает подавать признаки жизни застарелая язва желудка.

— Вы находитесь здесь, Л. М., потому что вы дальновидный и смывленный бизнесмен. Или, если подойти с другого конца, потому что вам приходится хвататься за соломинку, а если вы не примете срочных мер, то ваш кинотрест «Клаймэктик студияз» бесследно исчезнет. — Барни Хендриксон попыхивал сигаретой, которую он зажал между пожелтевшими от никотина пальцами, и рассеянно смотрел в окошко из «роллс-ройса», мчавшегося по дну бетонного каньона. — Или, если сформулировать по-иному, вы вкладываете один час вашего драгоценного времени в осмотр изобретения, которое спасет вашу студию от банкротства.

Все внимание Л. М. было поглощено деликатной процедурой раскуривания контрабандной гаванской сигары: он отрезал ее конец золотой карманной гильотинкой, лизнул отслоившийся табачный лист и стал обжигать ее над крохотным огнем, пока не раскурил. Потом он спокойно затянулся, и изящная зеленая

сигара ожила в его руках. Автомобиль с тяжеловесной легкостью затормозил у края тротуара, и шофер обежал вокруг машины, чтобы открыть дверцу. Л. М. подозрительным взглядом окинул окрестности, не сдвинувшись с места.

— Трущоба. Разве может быть в такой дыре чудо, которое спасет от краха мою студию?

Барни сделал безуспешную попытку вытолкнуть из машины неподвижное, покоящееся тело.

— Не спешите с выводами, Л. М. В конце концов, кто бы осмелился предсказать, что сопливый мальчишка из трущоб Ист-Сайда в один прекрасный день станет владельцем самой большой в мире киностудии?

— Ты что, переходишь на личности?..

— Давайте не будем отвлекаться, — настаивал Барни. — Сначала войдем в дом, посмотрим, что покажет нам профессор Хьюитт, и только потом примем решение.

Л. М. неохотно вылез из машины и, ступив на потрескавшийся асфальт тротуара, позволил подвести себя к двери низкого полуразвалившегося дома. Барни, поддерживая его под локоть, нажал на кнопку звонка. Ему пришлось еще два раза нажать на кнопку, прежде чем перекосившаяся дверь со скрипом отворилась и на них воззрился маленький человечек с огромной лысой головой и очками в массивной оправе.

— Профессор Хьюитт, — произнес Барни, проталкивая вперед Л. М., — позвольте представить вам человека, о котором я говорил вам на прошлой неделе, — директора «Клаймэктик студиоз» мистера Л. М. Гринспэна собственной персоной.

— Да-да, конечно, заходите. — Профессор заморгал и сделал шаг в сторону, пропуская гостей.

Как только дверь за его спиной закрылась, Л. М. с тяжким вздохом покорился и разрешил Барни провести себя вниз по скрипучим деревянным ступенькам. Войдя в подвал, он остановился, глядя на длинный ряд электрических приборов и аппаратов, закрученных спиралями проводов и гудящих динамо-машин.

— Что это? Декорации к фильму о Франкенштейне?

— Профессор сейчас объяснит нам, — сказал Барни, подтолкнув вперед профессора Хьюитта.

— Это труд всей моей жизни, — начал профессор, махнув рукой куда-то в сторону туалета.

— Вот как? Интересно, что же это за труд?

— Профессор подразумевает машины и аппараты, он просто не совсем точно указал направление, — поспешил объяснить Барни.

Профессор Хьюитт не слышал их разговора. Склонившись над контрольной панелью, он что-то налаживал. Внезапно раздался тонкий пронзительный свист, который все усиливался, и из массивного аппарата у стены полетели искры.

— Вот! — произнес профессор, указывая драматическим жестом, теперь уже более точным, на металлическую платформу, укрепленную на массивных изоляторах. — Это сердце времееатрона, где и происходит перемещение вещества. Я не буду вдаваться в математику или говорить об устройстве времееатрона, которое исключительно сложно. Полагаю, что его работа говорит сама за себя.

Профессор наклонился, пошарил под столом, извлек оттуда пивную бутылку, покрытую толстым слоем пыли, и поставил ее на металлическую платформу.

— А что это за времееатрон? — подозрительно спросил Л. М.

— Минутку терпения, господа. Сейчас я продемонстрирую его в действии. Итак, я помещаю в сферу действия поля простой предмет и включаю аппарат, образующий темпоральное поле. Смотрите.

Хьюитт включил рубильник, электрический ток устремился через стоящий в углу трансформатор к машине, рев динамо перешел в пронзительный визг. Лампы на контрольной панели ослепительно засверкали, и воздух наполнился резким запахом озона.

Пивная бутылка на неувловимое мгновение исчезла, и шум машины затих.

— Вы заметили перемещение? Эффектно, не правда ли? — Профессор, сияя от самодовольства, вытянул из рекордера длинную бумажную ленту с чернильными разводами. — Вот смотрите, здесь все запечатлено. Бутылка семь микросекунд была в прошлом и

затем снова вернулась в настоящее!.. Что бы ни говорили мои враги, я добился успеха! Мой времеатрон действует! Я назвал свою машину «времеатрон» от сербского «время» — в честь моей бабушки, родившейся в Мали-Лозине. Итак, вы видите перед собой действующую машину времени!

Л. М. вздохнул и собрался было уходить.

— Чокнутый, — сказал он.

— Выслушайте же его до конца, Л. М. У профессора есть оригинальные идеи. Он согласился работать с нами только потому, что все научные учреждения и благотворительные фонды отказались финансировать дальнейшую работу над его машиной. Профессору нужны средства для ее усовершенствования.

— В мире каждую минуту рождается один такой изобретатель. Пошли, Барни.

— Да выслушайте вы его, Л. М., — умолял Барни. — Пусть он покажет вам эксперимент с посылкой бутылки в будущее. Слишком уж это впечатляет.

— Я должен обратить ваше внимание на то, что любой предмет на пути в будущее преодолевает мощный темпоральный барьер, и для этого требуется несравненно большее количество энергии, чем при перемещении того же предмета в прошлое. Но все же я могу продемонстрировать этот эксперимент. Прошу вас, внимательно следите за бутылкой.

Еще раз чудо электронной техники столкнулось с силами времени, и в наэлектризованном воздухе заиграли искры. Пивная бутылка чуть заметно дрогнула.

— Пока. — Л. М. повернулся и начал подниматься по лестнице. — Между прочим, Барни, ты уволен.

— Вы не можете уйти вот так, Л. М., не дав профессору возможности объясниться, а мне — рассказать о моих планах. — Барни сердился, сердился на себя, на киностудию, где он работал, находившуюся на грани банкротства, на слепоту директора, на тщету всех человеческих стремлений, на банк, закрывший его счет. Он кинулся вслед за Л. М. и выхватил у него изо рта дымящуюся гаванскую сигару. — Сейчас мы проведем настоящий эксперимент, такой, что вы оцените его по достоинству!

— Эти сигары — по два доллара за штуку! Сейчас же верни...

— Я вам ее отдам, но сначала посмотрите... — Барни швырнул на пол бутылку и положил дымящуюся сигару на платформу. — Какой из приборов регулирует входную мощность? — повернулся он к Хьюитту.

— Вот это — ручка входного реостата, но зачем это вам? Если вы увеличите уровень темпорального перемещения, то оборудование выйдет из строя, раз — и все!

— Можно купить новое оборудование, но, если нам не удастся убедить Л. М., вы на мели, сами понимаете. Итак, вперед!

Барни оттолкнул протестующего профессора в сторону и включил реостат на полную мощность. На этот раз эффект был потрясающим. Рев динамо-машины перешел в смертельно пронзительный визг, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки, лампы на панели засверкали всеми огнями ада все ярче и ярче, по металлическим поверхностям забежали электрические разряды, а волосы присутствующих встали дыбом, и из них посыпались искры.

— Через меня идет ток! — заревел Л. М., и в этот момент напряжение достигло предела, лампы на панели, ослепительно сверкнув, лопнули, и в подвале воцарилась полная темнота.

— Смотрите вот сюда! — закричал Барни, щелкая зажигалкой и поднося ее к машине.

Платформа была пуста. Сигара исчезла!

— Ты должен мне два доллара!

— Смотрите, смотрите! По крайней мере две секунды, три, четыре... пять... шесть... семь...

Внезапно на платформе появилась все еще дымившаяся сигара. Л. М. живо схватил ее и как следует затянулся.

— Ну хорошо, это машина времени, теперь я верю. Но какое она имеет отношение к производству фильмов или к спасению моей студии от банкротства?

— Позвольте мне объяснить...

Глава 2

В кабинете Л. М. сидели шесть человек, расположившихся полукругом перед письменным столом директора.

— Запереть дверь и перерезать телефонные провода! — распорядился Л. М.

— Сейчас три часа утра, — запротестовал Барни, — кто будет подслушивать в такую рань?

— Если об этом пронюхают банки, я разорен — пиши пропало до самой смерти, а может быть, и дольше. Перережьте провода!

— Позвольте, я займусь этим, — сказал Эмори Блестэд, вставая со стула и доставая из нагрудного кармана отвертку с ручкой, обмотанной изоляционной лентой: в «Клаймэктик студияз» он возглавлял технический отдел. — Вот оно, решение загадки! За последний год мои ребята в среднем по два раза в неделю чинили в этом кабинете перерезанные провода!

Работа спорилась в его руках: он быстро снял крышки с соединительных коробок, и вот уже все семь телефонов, селектор, сеть телевидения и телепринт разъединены. Л. М. Гринспэн внимательно следил за ним и не произнес ни единого слова, пока своими глазами не убедился в том, что все десять проводов безжизненно повисли.

— Докладывайте! — рявкнул он, ткнув пальцем в направлении Барни Хендриксона.

— Итак, все готово и можно приниматься за дело, Л. М. Оборудование для времеатрона установлено в павильоне фильма «Сын чудовища женится на дочери монстра», и все расходы отнесены на бюджет фильма. Между прочим, машина профессора обошлась дешевле обычных декораций.

— Не отвлекайтесь!

— Ладно. Итак, последние съемки «чудовищного» фильма закончены в павильоне сегодня, то есть, я хотел сказать, вчера, и мы поспешили в темпе вынести оттуда все оборудование. Как только они ушли, мы тут же смонтировали времеатрон в кузове армейского грузовика из картины «Пифиси из Бруклина», профессор проверил оборудование и привел машину в полную готовность.

— Что-то не нравится мне эта история с грузовиком — его могут хватить.

— Не хватятся, Л. М., мы обо всем позаботились. Во-первых, он считался избыточным армейским снаряжением, и его хотели сбыть с рук. Во-вторых, недавно мы продали его через наш обычный канал сбыта, а здесь его приобрел Текс. Под нас не подкопаешься.

— Текс? Какой еще Текс? И кто вообще все эти люди? — с раздражением произнес Л. М., обведя подозрительным взглядом сидящих вокруг стола. — Ведь я же предупредил, чтобы об этой штуке знало как можно меньше людей, по крайней мере, до тех пор, пока мы не убедимся, что она действует. Если только банки пронюхают...

— Ну уж меньше и вовлечь невозможно, Л. М. Смотрите: я, профессор, которого вы знаете, Блестэд, ваш начальник технического отдела, проработавший на студии тридцать лет...

— Знаю, знаю... но кто эти трое? — Л. М. махнул рукой в сторону двух загорелых молчаливых людей, одетых в джинсы и кожаные куртки, и сидящего рядом с ними высокого нервного человека со светлыми волосами.

— А, эти... Эти двое — трюкачи с нашей студии, Текс Антонелли и Даллас Леви.

— Трюкачи с нашей студии! Послушай, Барни, что за трюк ты собираешься выкинуть с этими ковбойскими мальчиками из Бронкса?

— Ради бога, не волнуйтесь, Л. М. Для нашего проекта понадобятся люди, на которых можно положиться и которые без лишнего шума в случае неприятностей найдут выход из положения. До прихода к нам Даллас служил в армии, а затем выступал в родео. Текс тринадцать лет протрубил в морской пехоте, он инструктор по нападению и защите без оружия.

— А кто этот длинный?

— Это доктор Йенс Лин из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, филолог. — Высокий мужчина рывком встал и отвесил короткий поклон в направлении письменного стола. — Он специалист по германским языкам или по чему-то вроде этого. Он будет нашим переводчиком.

— Ну а теперь, когда вы стали членами нашей группы, вам понятно, насколько важен наш проект? — спросил Л. М.

— Мне платят денежки, — сказал Текс, — а я держу язык за зубами.

Даллас молча кивнул, соглашаясь с товарищем.

— Нам представляется удивительная возможность. — Лин говорил быстро, с легким датским акцентом. — Я взял отпуск на год и готов сопровождать экспедицию в качестве технического советника даже без предложенного щедрого гонорара. Ведь мы так мало знаем о разговорном старонорвежском...

— Ну хорошо, хорошо, — Л. М. поднял руку, удовлетворившись тем, что услышал. — Так какой же у нас план? Посвятите меня в детали.

— Сначала нам придется совершить пробное путешествие, — заметил Барни. — Надо посмотреть, работает ли машина профессора...

— Да я вас уверяю...

— ... и если она работает, мы сколотим съемочную группу, разработаем сценарий и затем отправимся снимать фильм прямо на месте. И на каком месте! Вся история открыта нам на широком экране! Мы сможем все заснять, записать звук...

— И спасем студию от банкротства. Ни тебе расходов на дополнительные съемки, ни декораций, ни стычек с профсоюзами...

— Эй, поосторожнее! — нахмурился Даллас.

— Конечно, речь идет не о вашем профсоюзе, — извинился Л. М. — Вся группа, которая отправится в прошлое из нашего времени, будет получать повышенную ставку с надбавками: я имел в виду участников оттуда — на них мы сможем сэкономить, верно? А теперь отправляйся, Барни, пока у меня не остыл энтузиазм, и без хороших новостей не возвращайся.

Их шаги, стук каблуков о бетонную дорожку гулко отдавались от гигантских звуковых сцен в огромном помещении, а тени тянулись за ними сначала сзади, а потом выбрасывались вперед, когда они проходили через ярко освещенные круги под редкими лампами. Тишина и одиночество заброшенных студий внезапно напомнили им о величии их замысла, и они инстинктивно приблизились друг к другу, почти касаясь плечами. Перед входом в здание стоял сторож; увидев их, он поздоровался, и его голос разбил мрачные чары тишины.

— Закрыто и опечатано, сэр, никаких происшествий!

— Отлично, — одобрительно отозвался Барни. — Возможно, мы останемся внутри до утра — секретная работа, — смотрите, чтоб никто из посторонних нам не помешал.

— Я уже сказал об этом капитану, и он предупредил ребят.

Барни запер за собой дверь, и тотчас же под крышей вспыхнули ослепительные солнца ламп. Огромное помещение пакугаза было почти пустым, если не считать нескольких пыльных листов фанеры в дальнем углу и грузовика грязно-оливкового цвета с белой армейской звездой на дверце кабины и брезентовым верхом.

— Батареи и аккумуляторы заряжены, — объявил профессор Хьюитт, взобравшись в кузов грузовика и покрутив несколько ручек. Затем он разъединил мас-

сивные кабели, тянувшиеся от зарядного устройства к выводам на стене, и забросил их в грузовик. — Садитесь, джентльмены, мы можем начать эксперимент когда угодно.

— Может быть, мы назовем это не экспериментом, а как-нибудь иначе? — с беспокойством спросил Эмори Блестэд. Он вдруг начал жалеть, что связался с этим предприятием.

— Я, пожалуй, сяду в кабину — там поудобнее, — сказал Текс Антонелли. — Мне пришлось водить вот такой же шестиосный все время, пока я служил на Марианнах.

Один за другим участники экспедиции забрались вслед за профессором в кузов грузовика, и Даллас закрыл откидной борт. Ряды электронного оборудования и генератор, спаренный с двигателем внутреннего сгорания, занимали большую часть кузова, и участникам пришлось сесть на ящики с припасами и оборудованием.

— У меня все готово, — объявил профессор. — Может быть, для первого раза побываем в тысяча пятисотом году?

— Нет! — Барни был непреклонен. — Установите на своих приборах тысячный год, как договорились, и отправляемся.

— Но расход энергии будет меньше, и риск...

— Не трусьте в последнюю минуту, профессор. Нам необходимо перенестись как можно дальше в прошлое, чтобы никто не мог опознать нашу машину и причинить нам какие-нибудь неприятности. К тому же мы решили снимать фильм о викингах, а не делать новый вариант «Собора Парижской богородицы».

— Действие «Собора Парижской богородицы» происходит не в шестнадцатом веке, а гораздо раньше, — заметил Йенс Лин. — Я бы сказал, что события происходят в средневековом Париже примерно...

— Профессор, — заворчал Даллас, — если мы собираемся куда-то отправиться, давайте кончим трепаться и поехали. Всякая ненужная задержка перед битвой подрывает боевой дух войск.

— Вы совершенно правы, мистер Леви, — отозвался профессор, и его пальцы забежали по кнопкам контрольной панели.

— Итак, тысяча лет от рождества Христова — пожалуйста! — Он выругался и стал нащупывать кнопки. — Так много липовых переключателей и приборов, что я совсем запутался, — пожаловался профессор.

— Пришлось тут кое-что прибавить, чтобы потом использовать эту штуковину для съемки фильма ужасов, — извиняющимся голосом сказал Блестэд. Голос его звучал как-то странно, лицо покрылось каплями пота. — Она должна была выглядеть более реалистично.

— И для этого вы сделали ее похожей черт знает на что? — сердито пробормотал профессор Хьюитт, заканчивая приготовления.

В следующее мгновение его рука протянулась к многополюсному рубильнику и перекинула его вперед.

Под воздействием внезапной нагрузки частота генератора снизилась, звук стал ниже и надсаднее, электрический разряд затрещал, холодные искры заплясали по всем открытым поверхностям, и люди почувствовали, как волосы на их головах встают дыбом.

— Что происходит? — раздался дрожащий голос Йенса Лина.

— Абсолютно ничего, — спокойно отозвался профессор Хьюитт, регулируя что-то на контрольной панели. — Это всего лишь вторичное явление, статический разряд, не имеющий никакого значения. Сейчас происходит накопление временного поля, вы должны это почувствовать.

Они действительно почувствовали что-то, явственно ощутили, как их тела охватывает какая-то неприятная клейкая субстанция, как растет напряжение.

— У меня такое ощущение, будто мне в пупок вставили огромный ключ и заводят мои кишки, — заметил Даллас.

— Я просто не могу так здорово выразиться, — заметил Лин, — но и у меня те же симптомы.

— Переключил на автомат, — сказал профессор, утопив одну из кнопок и отойдя от пульта управления. — В ту микросекунду, когда поле достигнет своего максимума, селеновые выпрямители автоматически включатся. Вы сможете следить за процессом по этой шкале. Как только стрелка достигнет нуля...

— Двенадцать, — сказал Барни, всматриваясь в шкалу, потом отвернулся от нее.

— Девять, — донесся голос профессора. — Поле быстро растет. Восемь... семь... шесть...

— А как насчет надбавки за боевые условия? — спросил Даллас, но никто даже не улыбнулся.

— Пять... четыре... три...

Напряжение стало ощутимым физически, оно стало частью машины, частью их самих. Никто не мог пошевелиться. Шесть пар глаз уставились на движущуюся красную стрелку, а профессор продолжал:

— Два... один...

Они не услышали слова «нуль», потому что в этот момент даже звук остановился. Что-то произошло с ними, что-то неуловимое и такое из ряда вон выходящее, что в следующую секунду никто не мог вспомнить, что это было и каковы были их ощущения. В то же мгновение свет прожекторов в пакгаузе померк; тьму раздвигало лишь тусклое сияние трех рядов циферблатов и шкал на контрольной панели. Пространство за открытым задним бортом грузовика, где мгновение назад виднелось ярко освещенное помещение пакгауза, теперь было серым, бесформенным, однообразным; не на чем было глазу остановиться.

— Эврика! — крикнул профессор.

— Не выпить ли нам? — спросил Даллас, извлекая кварту хлебного виски из-за ящика, на котором он сидел, и тут же последовал собственному совету, нанеся заметный ущерб содержимому бутылки.

Кварта начала переходить из рук в руки, даже Текс высунулся из кабины сделать глоток, и все хлебнули для храбрости, за исключением профессора. Он же был слишком занят своими приборами и что-то радостно бормотал под нос.

— Да-да, несомненно, определенно перемещает в прошлое... скорость легко контролируется... теперь и

физическое перемещение возможно... Космическое пространство или Тихий океан... для нас не подходят... не подходят... — Профессор взглянул под козырек серебристого экрана и что-то отрегулировал. Затем он повернулся к остальным: — Господа, теперь держитесь крепче. Хотя и старался я как можно точнее угадать уровень почвы в месте прибытия, но я боюсь быть слишком точным. Мне бы не хотелось доставить вас под землю, поэтому вполне возможно падение с высоты нескольких дюймов. Все готовы? — Профессор потянул за ручку рубильника.

Сначала о землю ударились задние колеса, а в следующее мгновение на грунт со страшным шумом рухнули и передние. Все попадали друг на друга. Яркий солнечный свет ворвался через открытый задник и заставил всех прищуриться. Свежий соленый ветерок принес откуда-то издалека шум прибоя.

— Черт меня побери! — бормотал Эмори Блестэд.

Серая пелена позади грузовика исчезла, и вместо нее, окаймленный брезентом подобно гигантской картине, показался каменистый океанский берег, о который разбивались огромные волны. Низко над берегом, крича, парили чайки, и два испуганных тюленя с фырканием бросились в воду.

— Что-то я не узнаю эту часть Калифорнии, — сказал Барни.

— Это Старый, а не Новый Свет, — с гордостью ответил профессор Хьюитт. — Точнее, Оркнейские острова, где в тысяча третьем году существовало множество поселений норвежских викингов. Вас, несомненно, удивляет способность времематрона осуществлять не только темпоральное, но и физическое перемещение, однако существует фактор...

— С тех пор как Гувер был избран президентом, меня уже ничто не удивляет, — сказал Барни. Он почувствовал себя в своей тарелке после того, как они наконец прибыли куда-то — или в когда-то. — А теперь за работу. Даллас, подними полог брезента спереди, чтобы нам видеть, куда ехать.

В следующее мгновение перед ними открылся каменистый берег — узкая полоса земли между пенящимся прибоем и отвесными скалами. Примерно в полумиле от грузовика торчал мыс, а за ним ничего не было видно.

— Заводи! — крикнул Барни, наклонившись к кабине. — Давай посмотрим, что там дальше на берегу!

— Точно, — откликнулся Текс, нажимая на кнопку стартера.

Мотор заворчал и ожил. Текс включил первую скорость, и грузовик, покачиваясь на камнях, двинулся вперед.

— Хотите? — спросил Даллас, протягивая пистолетную кобурю с ремнем.

Барни с неприязнью посмотрел на оружие.

— Попридержи его. Я, наверно, застрелю себя или кого-нибудь из окружающих, если буду играть с этой штукой. Отдай ее Тексу, и пусть у тебя под рукой будет винтовка.

— А разве нам не дадут оружия — для нашей же безопасности? — спросил Эмори Блестэд. — Я знаю, как обращаться с винтовкой.

— Ты дилетант, а мы собираемся строго придерживаться профсоюзных правил. Твое дело, Эмори, помогать профессору — времееатрон сейчас самая ценная вещь. Текс и Даллас позаботятся о вооружении — только так мы будем застрахованы от несчастных случаев.

— Ах ты черт! Вы только посмотрите! Неужели я вижу такую красоту собственными глазами? — Йенс Лин, захлебываясь от восторга, показывал вперед.

Грузовик объехал мыс, и перед ними открылся маленький залив. Грубая почерневшая ладья была вытащена на берег, а чуть выше, подальше от воды, находилась жалкая землянка, сложенная из камня и неровных кусков дерна, крытая тростником и водорослями. Берег казался пустынным, хотя из дыры в крыше землянки поднималась струйка дыма.

— Куда все подевались? — спросил Барни.

— Совершенно ясно, что появление ревущего грузовика напугало жителей, и они спрятались внутри землянки, — объяснил Лин.

— Выключи мотор, Текс. Может быть, нам стоило взять с собой немного бисера или еще чего для торговли с туземцами?

— Боюсь, это не те туземцы, мистер Хендриксон...

Как бы в подтверждение слов Лина грубо сколоченная дверь землянки распахнулась, и из нее выскочил человек. С ужасным криком он прыгнул вверх, ударил топором с широким лезвием по щиту, висевшему на левой руке, и бросился бежать вниз по склону прямо к грузовику. Несколько огромных шагов — и он уже подбежал к экспедиции. На его голове был отчетливо виден черный шлем с рогом; белокурая борода и пышные усы развевались на ветру. Продолжая издавать невнятные звуки, воин начал грызть край щита. На его губах появилась пена.

— Как видите, он явно испуган, однако герою-викингу не подобает выказывать страх перед своими рабами и слугами, которые, несомненно, следят за ним из землянки. Поэтому он приводит себя в состояние неистовой ярости, подобно берсеркеру...

— Может, подождем с лекцией, а, док? Ну-ка, Даллас и Текс, возьмитесь за этого парня, успокойте его, пока он чего-нибудь не сломал.

— Пуля в брюхо быстро его успокоит.

— Ни в коем случае! Студия не может себе позволить такую роскошь, как убийство, даже убийство при самообороне.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, но учтите: в контракте есть специальный параграф об особом вознаграждении за риск.

— Знаю, знаю! Берите быка за рога, пока не...

Слова Барни были прерваны глухим ударом и звоном разбитого стекла, сопровождавшимися громким победным воплем.

— Я понял, что он говорит! — радостно захихикал Йенс Лин. — Он хвалится, что выбил глаз чудовищу...

— Этот буйнопомешанный отрубил фару! — завопил Даллас. — Займись-ка им, Текс, отвлеки его чем-нибудь! Я сейчас вернусь.

Текс Антонелли выскользнул из кабины и кинулся прочь от грузовика. Викинг заметил его и тут же начал преследование. Пробежав около пятидесяти ярдов,

Текс остановился и поднял с земли две круглые гальки величиной с кулак. Подбросив одну из них на ладони, словно это был бейсбольный мяч, Текс спокойно ожидал приближения своего яростного преследователя. Когда викинг приблизился к нему на пять ярдов, Текс швырнул камень, целясь в голову, и, как только щит взлетел вверх, чтобы отразить нападение, метнул второй камень прямо в живот викинга. Оба камня оказались в воздухе одновременно, и, пока первый, отскочив от щита, летел куда-то в сторону, второй попал викингу прямо в солнечное сплетение, и тот с шумным «уф!» опустился на землю. Текс отошел на несколько шагов и подобрал еще две гальки.

— Bleyoa!* — выдохнул поверженный воин, потрясая топором.

— Да и ты не лучше. Ну-ка, поднимайся!

— А теперь давай упакуем его, — предложил Даллас, который появился из-за грузовика, крутя веревочной петлей над головой. — Профессор трясется над своими железками и хочет побыстрее смотаться отсюда.

— О'кей, сейчас мы это организуем.

Текс прибежал к соленым морским выражениям, но ему не удалось преодолеть лингвистический барьер. Тогда он обратился к латинскому языку жестов, которым овладел еще в юности, и с помощью быстрых движений пальцев и рук сравнил викинга с рогоносцем, кастратом, приписал ему кое-какие грязные привычки и закончил Предельным Оскорблением — его левая рука ударила по правому бицепсу, отчего правый кулак подпрыгнул вверх. Очевидно, какое-то одно — а может быть, и не одно — из этих оскорблений имело свои корни в одиннадцатом веке, потому что викинг заревел от ярости и с трудом поднялся на ноги.

Текс стоял не двигаясь, хотя он казался пигмеем рядом с атакующим его гигантом. Топор взлетел вверх, но в то же мгновение Даллас бросил лассо и поймал им топор, а Текс подставил викингу подножку, и тот тяжело рухнул на землю. Как только викинг упал, Текс с Далласом оседали его: один вывернул ему

* Трус! (старонорв.)

руки, а другой молниеносно обмотал его веревкой. Через несколько секунд викинг уже был беспомощен как младенец — руки его были заведены за спину и привязаны к ногам, а сам он ревел от бессильной ярости, пока Даллас и Текс волокли его по гальке к грузовику. В свободной руке у Текса был щит, а у Далласа — топор.

— Я должен поговорить с ним, — настаивал Йенс Лин. — Это редчайшая возможность!

— Мы не можем ждать ни минуты, — торопил их профессор, регулируя один из приборов верньерной ручкой.

— Эй, на нас нападают! — завопил Эмори Блестэд, указывая дрожащей рукой на землянку.

Толпа косматых оборванцев, вооруженных разнообразными мечами, копьями и топорами, атаковала грузовик.

— Пора уносить ноги, — распорядился Барни. — Бросьте этого доисторического лесоруба в кузов и поехали. Когда мы вернемся на студию, у вас будет уйма времени для разговора с этим парнем, док.

Текс прыгнул в кабину и, схватив с сиденья револьвер, разрядил его весь в сторону моря, включил двигатель, потом оставшуюся фару и дал гудок. Крики атакующих мгновенно сменились воплями страха, и враги, побросав свое оружие, бросились обратно к землянке. Грузовик развернулся и поехал обратно вдоль берега. Когда они приблизились к выступающему мысу, с другой стороны мыса раздался автомобильный сигнал. Текс едва успел свернуть вправо и въехал прямо в прибой, пропуская мчащийся навстречу им фырчащий грузовик оливково-защитного цвета.

— Извозчик! — крикнул Текс в окошко и дал газ.

Барни Хендриксон взглянул на проезжавший мимо по старому следу грузовик и, посмотрев в открытый задник, окаменел. Он увидел самого себя с насмешливой улыбкой на лице — он качнулся, когда грузовик подпрыгивал на камнях. В последний момент, когда автомобиль уже исчезал за поворотом, второй Барни Хендриксон в своем кузове, заведя двойника, приложил большой палец к носу и покачал рукой. Барни бессильно опустил на ящик.

— Вы видели? — с трудом выговорил он. — Что это такое?

— Весьма интересное явление, — сказал профессор Хьюитт, нажимая кнопку стартера на своем генераторе. — Время гораздо более пластично, чем я предполагал; оно позволяет удваивать, может быть, даже утраивать темпоральные линии мира. Или даже допускает существование бесчисленного количества временных витков. Открывающиеся возможности просто невероятны...

— Может, вы перестанете нести эту абракадабру и объясните мне, что я видел, — оборвал его Барни, отрываясь от почти пустой бутылки.

— Вы видели самого себя, вернее, мы видели нас, когда мы будем... Боюсь, что грамматика английского языка не позволяет точно описать создавшееся положение. Может быть, правильнее сказать, что вы видели этот самый грузовик и себя в нем так, как это будет выглядеть немного позже. Я думаю, это достаточно просто для понимания.

Барни со стоном опустошил бутылку и вдруг вскрикнул от боли, когда пришедший в себя викинг изловчился и укусил его в лодыжку.

— Лучше кладите ноги на ящики, — предостерег Даллас, — он все еще психует.

Грузовик сбавил скорость, и из кабины донесся голос Текса:

— Мы приехали туда, откуда стартовали, вот здесь начинаются следы шин. Что дальше?

— Поставьте машину по возможности в то самое положение, в каком она была, когда мы сюда приехали, это облегчит мне наладку приборов. Итак, приготовьтесь, господа, мы начинаем наше обратное путешествие через время.

— Troll taki yor oll!* — крикнул викинг.

* «Да будете вы добычей троллей!» — старонорвежский эквивалент выражению «черт подери!».

Глава 3

— Что случилось? — подозрительно спросил Л. М., когда участники экспедиции вошли в его кабинет и устало опустились на те же стулья, с которых они поднялись восемнадцать веков назад. — Что это значит — десять минут назад вы вышли из моего кабинета и спустя десять минут снова возвращаетесь?

— Это для вас десять минут, Л. М., — ответил Барни, — а для нас прошли часы. Машина профессора действует, так что самое первое и самое трудное препятствие мы преодолели. Теперь нам известно, что времеатрон профессора Хьюитта работает даже лучше, чем можно было ожидать. Перед нами открыт путь к тому, чтобы перенести в прошлое целую съемочную группу и заснять исторически совершенно достоверный, полнометражный, широкоэкранный, реалистичный, дешевый, высококачественный фильм. Наша следующая задача уже попроще.

— Сценарий.

— Вы правы, как всегда, Л. М. И получилось так, что у нас уже есть сценарий, очень реалистический, более того — патриотический. Если я спрошу вас, Л. М., кто открыл Америку, что вы ответите?

— Христофор Колумб в тысяча четыреста девяносто втором году.

— Именно так думают все, но на самом деле честь ее открытия принадлежит викингам!

— Разве Колумб был викингом? А я-то всегда считал, что он из евреев.

— Бог с ним, с Колумбом! Еще за пятьсот лет до его рождения корабли викингов отплыли из Гренландии и открыли землю, которую они называли Винланд — сейчас доказано, что это была Северная Америка. Первая экспедиция под предводительством Эрика Красного*...

— И думать забудь! Ты хочешь, чтобы нас занесли в черный список за выпуск коммунистического фильма?

— Пожалуйста, выслушайте меня до конца, Л. М. После того как Эрик открыл эту страну, туда приплыли викинги, создали поселение, построили дома и фермы, и все это под водительством легендарного героя, Торфинна Карлсефни...

— Ну что за имена! Их тоже придется менять. Я уже вижу центральную любовную сцену: «...поцелуй меня, мой милый Торфинн Карлсефни», — шепчет она. Нет, не пойдет. Не больно-то здорово, Барни.

— Нельзя переделывать историю, Л. М.

— А чем же еще мы занимались всю жизнь? Сейчас не время на меня наседать. И это ты, Барни Хендриксон, который когда-то был моим лучшим директором и продюсером, пока эти вшивые кретины вконец не разорили нас. Возьми себя в руки! Первоочередная задача кино — совсем не воспитание. Мы продаем развлечения, и, если они никого не развлекают, их никто не покупает. Именно так я смотрю на вещи. Вы берете своего викинга, называете его Бенни, или Карло, или другим хорошим скандинавским именем и создаете сагу о его приключениях...

— Именно об этом я и думал, Л. М.

— ...например о дне битвы, в которой он, конечно, побеждает. Но он не находит покоя, такой уж у него характер. Тогда он отправляется восвояси и открывает Америку, затем возвращается и говорит: «Смотрите, я открыл Америку!». И они делают его своим королем.

* То есть Эрика Рыжего.

Затем девушка с длинными белокурыми волосами — парик, конечно, — машет ему рукой каждый раз, когда он отплывает и обещает ей вернуться. И вот теперь он уже постарел, на висках седина и шрамы на лице, он много страдал, и на этот раз, вместо того чтобы отплыть одному, он берет с собой девушку, и они вместе отплывают при пламенеющем закате в новую жизнь, как первые пионеры на Плимут-Рок. Ну как?

— Как всегда потрясающе, Л. М. Вы не утратили своего таланта.

Барни устало вздохнул. Доктор Йенс Лин, у которого глаза чуть не выскочили из орбит, издал звук, как будто его душили.

— Но-но... ничего этого не было, все записано в летописях. И даже мистер Хендриксон не совсем прав, считается, что Винланд открыл Лейф Эриксон, сын Эрика Рыжего. Здесь существуют две разные версии — одна взята из «Хаукбука», а другая из «Флатейярбука» и...

— Достаточно! — проворчал Л. М. — Ты уловил мою мысль, Барни? Даже если в исторических книгах все это немного по-другому, мы можем слегка подправить здесь и там, чуть-чуть изменить в других местах, и перед нами готовый сценарий. Кого ты прочишь на главные роли?

— Раф Хоук будет идеален в роли викинга, если только нам удастся его заполучить. А на женскую роль неплохо бы актрису с выразительными формами...

— Слайти Тоув. Она сейчас свободна, у нее простой. Последние две недели ее проныра агент обивает пороги в моей конторе — вот откуда я узнал, что она на мели и обойдется нам по дешевке. Дальше тебе понадобится сценарист; используй для этого Чарли Чанга, у него с нами контракт. Он специалист по таким картинам.

— По библейским сюжетам — может быть, но не по историческим фильмам, — с сомнением сказал Барни. — И если уж говорить откровенно, «Вниз с креста», на мой взгляд, не фонтан. Или другой фильм — «Идя по водам Красного моря».

— Цензура зарезала, вот и все. Я сам одобрил оба сценария, и они были великолепны... — Внезапно за стеной раздался хриплый рев, и Л. М. замер на полуслове. — Слышали?

— Это наш викинг, — объяснил Текс. — Он все лез в драку, поэтому мы оглушили его, сковали и заперли в душевой вашего заместителя.

— Что еще за викинг? — нахмурился Л. М.

— Из местных жителей, — ответил Барни. — Он напал на грузовик, поэтому мы захватили его с собой, чтобы доктор Лин с ним поговорил. Поставщик информации.

— Тащите его сюда. Вот кто нам нужен — человек, который знаком с местной обстановкой и может ответить на наши вопросы о съемке фильма. До чего нужен туземец, который знает все ходы и выходы, особенно когда снимаешь на натуре!

Текс и Даллас вышли из кабинета, и через несколько минут, на протяжении которых слышался звон цепей да звучные удары, ввели викинга. Он остановился на пороге, оглядывая комнату осоловелыми глазами; только тут удалось впервые внимательно рассмотреть его.

Викинг был огромный — почти семи футов ростом даже без рогатого шлема — и волосатый, как медведь. Спутанные белокурые волосы свисали ниже плеч, а пышные усы исчезали в волнах бороды, накрывавшей грудь. Его одежда состояла из грубошерстной куртки и штанов, причем все это скреплялось и удерживалось на месте целой системой кожаных ремней. От викинга исходил терпкий запах рыбы, пота и смолы, однако массивный золотой браслет на его руке не казался лишним. Глаза викинга, голубые, почти небесной синевы, свирепо смотрели на присутствующих из-под густых бровей. Он был избит и закован в цепи, но, очевидно, не сломлен, так как стоял с высоко поднятой головой, расправив плечи.

— Добро пожаловать в Голливуд, — обратился к нему Л. М. — Садитесь, налейте ему стаканчик, Барни, и располагайтесь поудобнее. Как, вы сказали, вас зовут?

— Он не говорит по-английски, Л. М.

Лицо у Л. М. Гринспэна вытянулось.

— Да, Барни, я бы не сказал, что мне это нравится. Не люблю говорить через переводчиков — слишком медленно и ненадежно. О'кей, Лин, действуй, спроси его имя.

Йенс Лин забормотал себе под нос спряжения старонорвежских глаголов, а потом заговорил вслух:

— Hvat heitir maorinn?

Из горла викинга вырвалось лишь рычание — он игнорировал вопрос переводчика.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Л. М. — Я думал, что ты болтаешь на его наречии? Он что, не понимает тебя?

— Необходимо терпение, сэр. Старонорвежский был мертвым языком почти тысячу лет, и мы знакомы с ним только на основании письменных источников. Единственный современный язык, который стоит ближе всего к старонорвежскому, — исландский, и сейчас я воспользовался исландским произношением и интонацией...

— Ну хорошо, хорошо. Мне не нужны лекции. Успокой его, умасли несколькими стаканчиками виски, и примемся за дело.

Текс подтолкнул стул к пяткам викинга, и тот опустился на него, свирепо озираясь вокруг. Барни взял бутылку «Джека Даниэльса» из бара, скрытого за поддельным Рембрандтом, и налил половину высокого коктейльного стакана. Но когда Барни поднес стакан к губам викинга, тот резко отдернул голову в сторону и зазвенел цепями, сковывавшими запястья.

— Etir!** — огрызнулся он.

— Он думает, что вы хотите его отравить, — объяснил Лин.

— Ну, разубедить его нетрудно. — Барни поднес стакан ко рту и сделал огромный глоток.

На этот раз викинг позволил поднести стакан к своим губам и начал пить. По мере того как содержи-

* Как твое имя? (старонорв.)

** Яд! (старонорв.)

мое стакана исчезало в глотке, глаза у викинга открывались все шире и шире.

— Ooinn ok Fitalrigg!* — радостно завопил он, выпив последнюю каплю и смахивая с глаз слезы.

— Еще бы это ему не понравилось — семь двадцать пять бутылка плюс налог, — проворчал Л. М. — Готов побиться о заклад, что там, откуда он явился, нет ничего подобного. Спроси-ка снова его имя.

Викинг нахмурился от напряжения, пытаясь понять вопрос, который повторяли ему и так и сяк, и наконец уловил, чего от него хотят.

— Оттар, — ответил он.

— Ну вот, хоть какой-то прогресс, — отозвался Л. М. и бросил взгляд на часы. — Ведь уже четыре часа утра, а мне хотелось бы уладить это дело как можно скорее. Спроси этого Оттара о валютном курсе — кстати, какими деньгами они пользуются, Лин?

— Дело в том, что... в основном у них меновая торговля, хотя упоминается серебряная марка...

— Именно это нам и нужно знать. Сколько марок за доллар, и пусть не пытается ссылаться на инфляцию. Мне нужны цены на свободном рынке, больше меня не проведешь, и, если понадобится, мы купим марки в Танжере...

Внезапно Оттар взревел, рванулся вперед, опрокинув свой стул и отшвырнув попавшегося на пути Барни — тот грохнулся прямо на растения в горшках, — и сграбастал обеими руками бутылку виски. Он уже почти поднес ее к губам, когда кастет Текса опустился ему на затылок, и обмякшее тело викинга рухнуло на пол.

— Что это такое? — закричал Л. М. — Убийство у меня в кабинете? В нашей фирме и так хватает сумасшедших — отвезите этого парня обратно и найдите мне другого, кто говорит по-английски; в следующий раз я хочу обойтись без переводчика.

— Ни один из них не говорит по-английски, — угрюмо проворчал Барни, осторожно извлекая из своего костюма шипы кактуса.

— Тогда научите его — но хватит с меня сумасшедших.

* Один и Фрейя — скандинавские боги.

Глава 4

Барни Хендриксон подавил стон и дрожащей рукой поднял к губам бумажный стаканчик черного кофе. Он уже забыл, сколько часов — или веков — он не сомкнул глаз. Затруднения возникали одно за другим, а рассвет следующего дня принес новые проблемы. Пока Барни потягивал кофе, голос Далласа Леви жужжал в телефонной трубке подобно рассерженной осе.

— Согласен, Даллас, согласен, — прохрипел Барни едва слышно в ответ — после того, как он выкурил подряд три пачки сигарет, его голосовые связки отказали. — Оставайся с ним и постарайся его успокоить... Около этих старых пакгаузов ни единой живой души... ну хорошо, последние три часа ты получал двойную ставку... ладно, теперь получишь тройную, я дам расписку. Только не выпускай его из-под замка, пока мы не решим, что с ним делать. И передай доктору Лину, чтобы он пришел ко мне как можно быстрее. Пока.

Барни опустил телефонную трубку и попытался сконцентрировать свое внимание на лежащем перед ним листочке бумаги с бюджетом съемочной группы. Пока что чуть не около каждой строчки стояли вопросительные знаки — будет нелегко протащить этот бюджет через бухгалтерию. А что будет, если полиция разнюхает о том, что у них в старом пакгаузе

заперт викинг? Может ли быть законным обвинение в похищении человека, умершего почти тысячу лет назад?

— Голова крутом идет, — пробормотал он и протянул руку за новым стаканом кофе.

Профессор Хьюитт, свеженький как огурчик, ходил взад и вперед по кабинету, крутил ручку карманной счетной машинки и записывал результаты в записную книжку.

— Ну как дела, проф? — спросил Барни. — Сможем ли мы послать в прошлое что-нибудь большее по размеру, чем наш грузовик?

— Терпение, наберитесь терпения. Природа раскрывает свои секреты очень неохотно, и открытие может не состояться лишь из-за того, что запятая в десятичной дроби оказалась не на месте. Ведь кроме обычных четырех измерений физического пространства и времени необходимо принять во внимание три дополнительных измерения: перемещение в пространстве, массу, кумулятивную ошибку, которая, по моему мнению, вызывается энтропией...

— Избавьте меня от деталей, проф, мне нужен всего лишь ответ.

Селектор на его столе загудел, и Барни велел секретарше провести доктора Лина прямо в кабинет. Лин отказался от предложенной сигареты и, согнув длинные ноги, опустился в кресло.

— Ну, выкладывайте дурные новости, — сказал Барни, — или это ваше обычное выражение лица? Неполадки с викингом?

— Как вы сами выразились, неполадки. Перед нами стоит проблема коммуникации, поскольку степень моего владения старонорвежским языком далека от совершенства и в придачу Оттар не проявляет никакого интереса к тому, о чем я пытаюсь с ним говорить. Тем не менее мне кажется, что с помощью известных поощрительных мер его можно убедить в том, что он должен овладеть английским языком.

— Поощрительных мер?..

— Денег или их эквивалента в одиннадцатом столетии. Подобно большинству викингов, он падок на деньги и готов на что угодно, лишь бы добиться высокого положения и богатства, хотя он, разумеется,

предпочитает достичь этого с помощью убийств и насилия.

— С этим не будет никаких затруднений. Мы готовы платить ему за уроки, бухгалтерия уже разработала валютный курс — разумеется, в нашу пользу, — но как насчет времени? Вы можете научить его говорить по-английски за две недели?

— Это совершенно исключено! С человеком, который стремится овладеть языком, этого можно добиться, но не с Оттаром. Мягко выражаясь, у него полное отсутствие такого стремления, да плюс к тому он отказывается делать что бы то ни было, пока его не освободят. А это тоже немаловажно.

— Немаловажно! — сказал Барни и почувствовал вдруг непреодолимое желание вырвать у себя клочок волос. — Представляю себе этого волосатого психа с его топором на углу Голливуд-стрит и Вайн. Об этом не может быть и речи!..

— Если мне позволят внести предложение... — сказал профессор Хьюитт, внезапно прекратив свое бесконечное хождение и повернувшись к Барни. — Если доктор Лин вернется с этим аборигеном в его время, то у него появится отличная возможность вести обучение английскому языку в привычной для викинга обстановке, что должно ободрить и успокоить его.

— Однако это совсем не ободрит и не успокоит меня, профессор, — холодно заметил Лин. — Жизнь в те времена была жестокой и очень короткой.

— Я уверен, что можно принять предохранительные меры, доктор, — сказал профессор, возвращаясь к своим вычислениям. — Мне кажется, что филологические перспективы в данном случае значительно перевешивают фактор личной безопасности...

— В этом вы, несомненно, правы, — согласился Лин, устремив свой невидящий взгляд в дебри существительных, корней, падежей и склонений, давным-давно скрытых под пластами времени.

— ...не говоря уже о том, что в этом случае временной фактор может быть изменен так, как это нужно нам. Господа, мы можем сокращать время или растягивать его до бесконечности! Доктор Лин может потратить на обучение Оттара десять дней, десять месяцев или десять лет, оказавшись в эре викингов, а

после того как мы вернемся за ним, с нашей точки зрения, пройдет несколько минут.

— Двух месяцев будет достаточно, — огрызнулся Лин, — если вас интересует моя точка зрения.

— Ну вот и отлично, — сказал Барни. — Лин отправится в прошлое с викингом и научит его английскому языку, а мы прибудем со съемочной группой через два месяца по викингскому времени и приступим к съемкам фильма.

— Я еще не дал своего согласия, — настаивал Лин. — Опасность...

— Интересно, насколько это приятно — быть величайшим и единственным во всем мире специалистом по старонорвежскому языку? — вкрадчиво спросил Барни, уже успевший приобрести некоторый опыт в общении с академическим умом, и отсутствующее выражение на лице Лина показало, что стрела попала точно в цель. — Отлично! Подробности мы обдумаем позже. А теперь почему бы вам не отправиться к Оттару и не попробовать объяснить ему все это? Не забудьте упомянуть про деньги. Мы заставим его подписать контракт и включим статью о неустойке, так что вы будете в полной безопасности, пока у него не угаснет желание получать монеты.

— Ну, это можно, — согласился Лин, и Барни понял, что доктор пойман на крючок.

— Отлично! Отправляйтесь к Оттару и объясните, чего мы от него хотим, а пока вы будете его обрабатывать, я свяжусь с отделом контрактов и попрошу их составить один из тех, на первый взгляд законных, пожизненных каторжных контрактов, которыми они славятся. — Барни нажал на рычажок селектора. — Соедини-ка меня с контрактным, Бетти. И где же наконец мой бензедрин?

— Я звонила в амбулаторию час назад, — проквалкал селектор.

— Позвони еще раз, если хочешь, чтобы я не протянул ноги после полудня.

Как только Йенс Лин вышел из кабинета, в дверях появился миниатюрный человек восточного типа с

кислым выражением физиономии, одетый в розовые брюки, вишневого цвета рубашку и спортивную куртку из твида.

— Привет, Чарли Чанг, — рывкнул Барни, протягивая руку. — Не видел тебя сто лет.

— Действительно, сто лет, — согласился Чарли, широко улыбаясь и трясая протянутую руку. — Счастлив снова работать с тобой.

Они терпеть не могли друг друга, и, как только их руки освободились, Барни зажег сигарету, а на лице Чанга улыбка превратилась в обычную кислую гримасу.

— Что-нибудь наклеивается, Барни? — спросил он.

— Широкоэкранный фильм на три часа с солидным бюджетом, и ты — единственный человек, который мог бы написать сценарий.

— У нас уже иссякли все сюжеты, Барни, но я всегда считал, что «Песня Соломона», полная секса, но без примеси порнографии, была бы...

— Сюжет для фильма уже выбран — совершенно новая идея об открытии Америки мореплавателями-викингами.

Выражение лица Чанга стало еще более кислым.

— Звучит неплохо, Барни, но ты же знаешь, на какие темы я пишу. Не думаю, что викинги по моей линии.

— Ты отличный писатель, Чарли, а это значит, что все по твоей линии. К тому же ты подписал контракт, — прибавил Барни, обнажая кинжал угрозы.

— Конечно, нельзя забывать о контракте, — холодно произнес Чарли. — Я всегда мечтал написать сценарий для исторического фильма.

— Великолепно! — воскликнул Барни, снова двигая к себе листочек с бюджетом фильма. Дверь распахнулась, и рассыльный вкатил тележку, доверху нагруженную книгами. Барни показал на них. — Вот тебе из библиотеки все, что нужно по викингам, — быстренько просмотри, и через минуту мы с тобой обсудим набросок сценария.

— Через минуту, да, да, — сказал Чарли, мрачно разглядывая несколько десятков толстенных томов.

— Пять тысяч семьсот семьдесят три и двадцать восемь сотых кубических футов с нагрузкой двенадцать

тысяч семьсот семьдесят семь и шестьдесят две сотые килограмма при условии увеличения затраты энергии на двадцать семь целых две десятые процента, — внезапно сообщил профессор Хьюитт.

— О чем это вы говорите? — рявкнул Барни.

— Это те данные, о которых вы меня спрашивали, — какой груз может быть перенесен времеатроном в прошлое при увеличении подачи электроэнергии.

— Великолепно! А теперь не будете ли вы так любезны перевести это на обыкновенный язык?

— Грубо говоря, — профессор закатил глаза и что-то быстро-быстро забормotal про себя на едином выдохе. — Я полагаю, что во времени и пространстве может быть перемещен груз весом в четырнадцать тонн и размерами двенадцать на двенадцать на сорок футов.

— Вот это понятнее. Похоже, сюда вместится все, что нам будет нужно в прошлом.

— Контракт, который вы просили, — сказала Бетти, опуская на письменный стол документ на восьми страницах.

— Хорошо, — сказал Барни, перелистав страницы хрустящей меловой бумаги. — Пригласи сюда Далласа Леви.

— В приемной ждет мисс Тоув со своим импресарио. Ей можно войти?..

— Только не сейчас! Скажи ей, что у меня разыгралась проказа и я никого не принимаю. И где наконец мои бенни? Я не продержусь до полудня на одном кофе!

— Я уже три раза звонила в амбулаторию. Сегодня у них, кажется, не хватает персонала.

— Тогда лучше сходи сама и принеси бензедрин.

— Барни Хендриксон, я не видела тебя столько лет...

Эти слова, произнесенные хриловатым голосом, пронеслись по кабинету, и в нем тотчас воцарилась тишина. Злые языки говорили, что Слайти Тоув обладает актерскими способностями марионетки, у кото-

рой порваны ниточки, умом обезьяны чихуахуа и нравственностью Фанни Хилл. И они были совершенно правы. Тем не менее эти достоинства — вернее, их отсутствие — не могли объяснить потрясающий успех фильмов, в которых Слайти снималась. Единственным достоинством, которым она обладала в избытке, было ярко выраженное женское начало плюс ее удивительная способность вступать в контакт, если можно так выразиться, на гормональном уровне. Слайти распространила вокруг себя не столько аромат секса, сколько аромат сексуальной доступности. И это также соответствовало действительности. Причем этот аромат был настолько силен, что с минимальными потерями просачивался сквозь барьеры пленки, линз и проекторов и захлестывал зрителя потоками горячей дымящейся страсти с серебряного экрана кинематографа. Ее картины делали сборы. Женщины, как правило, не любили ходить на них. Теперь этот специфический аромат, свободный от препятствий в виде пространства, времени и целлулоида кинопленки, ворвался в кабинет, заставив всех мужчин повернуться к Слайти. Казалось, если бы в кабинете стоял счетчик Гейгера, он трещал бы уже не переставая.

Бетти громко фыркнула и вылетела из комнаты, но в дверях, в которых боком стояла актриса, ей пришлось сбавить скорость. Правду говорили, что у Слайти самый большой бюст в Голливуде...

— Слайти... — произнес Барни, и голос его сел. Конечно, из-за того, что было выкурено слишком много сигарет.

— Барни, дорогой, — произнесла актриса, пока гидравлические поршни ее округлых ног медленно и плавно несли ее через комнату, — я не видела тебя целую вечность.

Опершись на край письменного стола, Слайти наклонилась вперед. Сила земного тяготения тут же потянула вниз тонкую ткань ее блузки, и не меньше девяноста восьми процентов ее монументальной груди появилось в поле зрения продюсера.

— Слайти... — сказал Барни, мгновенно вскакивая на ноги. — Я хотел поговорить с тобой о роли в

картине, которую мы будем делать, но ты видишь, я сейчас занят...

Нечаянно он взял ее руку, которая тут же запульсировала в его пальцах, как огромное, горячее, бьющееся сердце, и актриса наклонилась еще ниже. Барни отдернул руку.

— Если ты подождешь несколько минут, я займусь тобой, как только освобожусь.

— Тогда я сяду вот здесь около стенки, — раздался низкий голос, — и не буду никому мешать.

— Вы меня звали? — спросил Даллас Леви, с порога обращаясь к Барни и в то же время пожирая глазами актрису.

Гормоны вступили в контакт с гормонами, и Слайти глубоко вздохнула. Даллас удовлетворенно улыбнулся.

— Да, — сказал Барни, извлекая контракт из-под горы бумаг на столе. — Отнеси вот это Лину и передай ему, чтобы его друг подписал. У тебя еще какие-то неприятности?

— После того как мы обнаружили, что ему нравится пережаренный бифштекс и пиво, никаких. Всякий раз, когда он начинает волноваться, мы суем ему в пасть еще один бифштекс и кварту пива, и он сразу успокаивается. Пока что выведено в расход восемь бифштексов и восемь кварт пива.

— Давай, пусть подпишет, — сказал Барни, и его взгляд случайно упал на Слайти, которая опустилась в кресло и скрестила обтянутые шелком ноги. На ее подвязках были маленькие розовые бантики...

— Ну, что ты скажешь, Чарли? — спросил Барни, бессильно опускаясь в свое вращающееся кресло и делая поворот на сто восемьдесят градусов. — Уже есть идеи?

Чарли Чанг поднял двумя руками толстую книгу и показал Барни.

— Пока я на тринадцатой странице первого тома, и осталось еще порядочно.

— Это всего лишь иллюстративный материал, — сказал Барни. — Я думаю, мы сможем набросать план в общих чертах сейчас, а детали тыставишь позже. Л. М. предложил сделать сагу, и, мне кажется, это отличная мысль. Действие начнется на Оркнейских

островах примерно в тысячном году, когда происходит масса событий. Там у тебя будут норвежские поселенцы, и грабители-викинги, и атмосфера, накаленная до предела. Может быть, стоит начать с рейда викингов — корабль с головой дракона медленно скользит по черной воде, представляешь?

— Вроде как в вестерне, когда бандиты, готовясь к ограблению банка, молча въезжают в спящий город?

— Примерно так. Дальше: главный герой — вождь викингов или, может быть, главарь поселенцев на берегу, ты сам сообразишь, как лучше. Происходит бой, затем еще какая-нибудь битва, поэтому герой решает вместе со своим племенем переселиться в новую страну — Винланд, об открытии которой он только что узнал.

— Что-то вроде покорения Запада?

— Точно. Затем путешествие, шторм, кораблекрушение, высадка на берег, первое поселение, битва с индейцами. И думай пошире, потому что у нас будет много массовых сцен. Финал на высокой ноте — в свете заходящего солнца.

Чарли Чанг, слушая Барни, торопливо делал заметки на титульном листе книги и кивал головой в знак согласия.

— Еще один вопрос, — сказал он, выставив вперед книгу. — Некоторые имена в хронике — один смех. Вот послушай только, здесь есть Эйольф Вонючий. И дальше Пиг Полярный Медведь, Рагнар Волосатые Штаны — и уйма таких же. Конечно, можно их вставить для смеха...

— Это серьезный фильм, Чарли, самый серьезный из всех, какие тебе приходилось делать.

— Конечно, Барни, ты — босс. Это просто предложение. Будет любовная линия?

— Да, и начни ее пораньше — ты знаешь, как это делается.

— Эта роль для меня, Барни, милый, — раздался шепот у него над ухом и теплые руки обвили шею продюсера.

— Не позволяй ему улестить тебя, Слайти, — раздался приглушенный голос. — Барни Хендриксон мой друг, мой очень старый друг, но он бизнесмен до

мозга костей, хитрый и проницательный, и, что бы ты ему ни обещала — хотя мне и не хочется этого говорить, — я должен буду внимательно изучить все контракты, перед тем как ты их подпишешь.

— Айвэн, — прохрипел Барни, пытаясь вырваться из душистого осьминожьего плена, — будь добр, оттащи свою клиентуру в сторону на несколько минут, и потом я займусь вами. Не знаю, сумеем ли мы договориться, но тогда мы, по крайней мере, сможем говорить.

Айвэн Гриссини, по виду классический мошенник — горбатый нос, черные волосы и мягкий, покрытый перхотью костюм, — и был мошенником, притом потрясающим. Он чуял запах долларов за десять миль против ветра во время грозы с градом и всегда носил с собой шестнадцать авторучек, которые он неизменно наполнял каждое утро перед тем, как отправиться к себе в контору.

— Посиди рядом со мной, бэби, — сказал он, направляя Слайти в угол привычным отработанным движением. Поскольку Слайти не была набита зелененькими, Гриссини оставался невосприимчив к ее чарам. — Барни Хендриксон всегда делает то, что обещал, и даже еще больше.

Телефон зазвенел в ту самую минуту, когда в дверях появился Йенс Лин, размахивая контрактом.

— Оттар не может это подписать, — сказал он. — Ведь контракт на английском языке.

— Так переведите ему, вы же технический советник. Одну минуту, — проговорил Барни в трубку.

— Я могу перевести контракт, это чрезвычайно трудно, но возможно, однако зачем это? Ведь Оттар не умеет читать.

— Подождите минутку, Лин. Нет, это я не тебе, Сэм. Знаю, Сэм... Конечно, я видел предварительные расчеты, ведь я сам их составил. Нет, не нужно спрашивать меня, где я достаю ЛСД... Будь реалистом, Сэм. Согласен, мы не вчера родились, ни ты, ни я... Как ты не понимаешь, что этот фильм может быть снят

в пределах той цифры, которую я дал тебе, плюс или минус пятьдесят тысяч... Не говори, что это невозможно, Сэм. Помнишь поговорку — мы делаем и невозможное, просто для этого требуется немного больше времени? Что? Прямо по телефону? Сэм, будь благо-разумен. У меня в кабинете сейчас настоящий цирк, да-да, Барнум и Бейли, я просто не могу сейчас входить в детали... Отделаться? Я? Никогда! Да-да, конечно, спроси его. Л. М. в курсе дел с самого начала, он следит за каждым шагом, и ты увидишь, что он поддерживает меня по каждому пункту... Верно... И тебе того же самого, Сэм.

Барни опустил трубку, и Чарли Чанг сказал:

— Ее взяли в плен, когда пираты напали на поселение; в начале картины она сопротивляется ему с ненавистью, но затем вопреки ее собственной воле ненависть переходит в любовь.

— Меня еще никогда не брали в плен пираты, — прохрипела Слайти из угла.

— Отличная мысль, Чарли, — согласился Барни.

— И даже если бы он мог читать — он все равно не умеет писать, — продолжал Лин.

— У нас не раз возникала такая же проблема с иностранными актерами, — повернулся к нему Барни. — Подколи к контракту перевод, заверенный дву-язычным нотариусом, затем пусть Оттар обмакнет большой палец в чернила и приложит его в конце каждого документа. Когда отпечаток его пальца заверят два нейтральных свидетеля, этот документ будет признан действительным в любом суде мира.

— Не так-то просто найти нотариуса, владеющего в равной степени английским и старонорвежским язы-ками...

— Обратись в отдел кадров, они могут найти кого угодно.

В открытую дверь вошла секретарша и водрузила на письменный стол пузырек, полный таблеток бензедрина.

— Вот ваши бенни, мистер Хендриксон.

— Слишком поздно, — прошептал Барни, глядя пе-ред собой неподвижным взглядом, — слишком поздно.

Телефон и селектор зазвенели одновременно. Бар-ни вытряхнул из пузырька на ладонь пару таблеток и

запил их холодным, пахнущим картоном кофе. Затем он нажал на рычажок селектора.

— Хендриксон слушает.

— Барни, сейчас же зайди ко мне, — раздался голос Л. М.

Бетти подняла телефонную трубку.

— Это секретарша Л. М. Гринспэна, — сказала она Барни. — Л. М. хочет, чтобы вы зашли к нему.

— Понятно. — Барни с трудом поднялся из-за стола — болели мышцы — и подумал, сколько времени потребуется, чтобы бензедрин начал действовать. — Навались на работу, Чарли, мне понадобится конспект сценария — пара страниц, и как можно скорее.

Когда Барни проходил мимо Гриссини, проворные руки импресарио устремились к лацкану его пиджака, но Барни с искусством, отточенным многолетней практикой, ловко увернулся.

— Подожди минутку, Айвэн, я поговорю с тобой сразу после возвращения от Л. М. — Хор голосов мгновенно стих, отрезанный захлопнувшейся дверью. — Будь добра, Бетти, дай мне свое полотенце, — попросил он.

Бетти протянула ему полотенце, и Барни набросил его на плечи, тщательно подоткнув его край за воротник рубашки. Затем он наклонил голову, подsunул ее под водопроводный кран и чуть не задохнулся, когда Бетти открыла кран. В течение нескольких секунд струя ледяной воды текла на затылок и шею продюсера, затем он выпрямился и вытер голову и шею полотенцем. Бетти одолжила ему свой гребешок. После ледяного душа он чувствовал себя слабее, но все-таки лучше и, когда посмотрел в зеркало, увидел, что выглядит почти как человек. Почти.

— Запри за собой дверь, — распорядился Л. М., когда Барни вошел в его кабинет, затем, хрюкнув от напряжения, перекусил кусачками последний телефонный провод. — Больше нет, Сэм?

— Этот был последний, — сказал Сэм тусклым голосом.

Внешне Сэм тоже выглядел весьма тусклым, что было, несомненно, защитной окраской, ибо Сэм был личным персональным бухгалтером Л. М., и о нем ходила слава как о самом большом в мире специалисте по корпоративным финансам и увиливанию от уплаты налогов. Он прижал к груди папку с документами и посмотрел на Л. М.

— В этом уже нет необходимости, — сказал он.

— Может быть, может быть. — Л. М. опустил в кресло, отдуваясь. — Но стоит мне только произнести слово «банк», когда у меня в кабинете не перерезаны провода, как мое сердце начинает биться с переборами. У меня плохие новости для тебя, Барни. — Он откусил конец сигары. — Мы разорены.

— Что это значит? — Барни перевел взгляд с одного непроницаемого лица на другое. — Это что, шутка?

— Л. М. имеет в виду, — уточнил Сэм, — что «Клаймэктик студияз» в ближайшее время обанкротится.

— Сели на мель, загублено дело всей моей жизни, — сказал Л. М. глухим голосом.

Сэм механически кивнул, подобно кукле чревовещателя, и сказал:

— В общих чертах положение таково. Обычно мы только через три месяца шлем свой финансовый отчет в банки, которые, как ты знаешь, держат контрольный пакет нашей студии. Однако по неизвестным нам причинам они присылают своих ревизоров для проверки бухгалтерских книг уже на следующей неделе.

— Ну? — спросил Барни и внезапно ощутил легкое головокружение. Тишина стала невыносимой; он вскочил и начал ходить по кабинету. — Ну и они обнаружат, что студия на мели, что все прибыли — только на бумаге, — Барни повернулся к Л. М. и драматическим жестом указал на него, — и что все деньги перекачаны в фонд Л. М. Гринспэна, не облагаемый налогом. Не удивительно, что вы не переживаете, Л. М. Пусть себе студия катится под откос, а Л. М. Гринспэн будет идти вперед!

— Поосторожнее выражайся! Разве можно так разговаривать с тем, кто вывел тебя в люди...

— Вывел в люди — а теперь все, конец! — Барни саданул себя по шее ребром ладони сильнее, чем это входило в его планы. — Послушайте, Л. М., — сказал он умоляющим голосом, потирая ушибленное место, — мы не должны сдаваться! Пока не опустился топор, у нас еще остается шанс! Ведь вы считали, что еще есть надежды на спасение, иначе бы не связались с профессором Хьюиттом и его машиной. Вы, наверно, думали, что большие кассовые сборы уменьшат давление со стороны банков, снова сделают фирму платежеспособной. Но ведь все еще можно поправить!

Л. М. с мрачным видом покачал головой.

— Не хочу сказать, что приятно пожимать руку человеку, который вот-вот вонзит тебе нож в спину, но что я могу сделать? Конечно, финансовый успех фильма, и даже просто отснятая, но не выпущенная на экраны большая картина — и плевать нам на банковскую ревизию. Но ведь мы не можем отснять фильм за неделю.

Мы не можем отснять фильм за неделю! Эти слова шевелились в оступевшей от кофеина, никотина и бензедрина голове Барни, будя какие-то далекие смутные воспоминания.

— Л. М., — сказал Барни, сопровождая свои слова драматическим жестом, — у вас будет инфаркт!

— Типун тебе на язык! — охнул Л. М. и схватился за мощный пласт жира где-то в районе сердца. — И не произноси больше этого слова. Одного инфаркта мне вполне достаточно.

— Послушайте. Вы отправляетесь вместе с Сэмом к себе домой, чтобы поработать над бухгалтерскими книгами, и, конечно, берете их с собой. Сегодня вечером вы заболеваете. Может быть, это расстройство желудка, а может, инфаркт. Ваш доктор говорит, что он подозревает инфаркт. В благодарность за все те деньги, которые он получил от вас, он должен оказать вам эту маленькую любезность. Несколько дней все бегают туда-сюда и кричат, бухгалтерские книги временно забыты, затем подходит уикенд, и никому и в

голову не придет смотреть книги раньше понедельника, может быть, даже вторника.

— Понедельника, — твердо сказал Сэм. — Ты не знаешь банков, Барни. Если в понедельник мы не представим книг, они пошлют на дом к Л. М. автобус с врачами.

— Ну хорошо, в понедельник. У нас все равно достаточно времени.

— Пусть понедельник — что от этого изменится? Откровенно говоря, я озадачен. — Л. М. нахмурился и принял озадаченный вид.

— А вот что, Л. М. Утром в понедельник я доставлю вам в кабинет отснятую картину. Картину, которая принесет вам два-три миллиона только из-за продолжительности, широкоэкранности и цвета.

— Ты сошел с ума!

— Ничуть, Л. М. Вы забыли про времееатрон. Машина профессора Хьюитта действует. Помните, вчера вечером вы еще подумали, что мы отлучились на десять минут? — Л. М. неохотно кивнул головой. — Так оно и было по вашему времени. Но по времени викингов мы провели в прошлом более часа! И мы можем все повторить. Отправим съемочную группу со всем необходимым в прошлое, и пусть она остается там столько времени, сколько ей нужно для того, чтобы сделать фильм.

— Ты хочешь сказать...

— Совершенно верно. Когда мы вернемся обратно с отснятым фильмом, вам будет казаться, что прошло всего десять минут!

— Почему же никто не подумал об этом раньше? — прошептал Л. М. с блаженной улыбкой на лице.

— Тут много причин...

— Так ты хочешь сказать, — Сэм подался вперед так, что чуть не упал с кресла, и какой-то намек на выражение, может быть, даже на улыбку появился на его лице, — так ты хочешь сказать, что мы будем платить только за десять минут производства фильма?

— Я имел в виду совсем не это, — огрызнулся Барни. — И вообще хочу сразу предупредить, что с точки зрения бухгалтерии здесь будет масса трудностей. Тем не менее, чтобы ободрить вас, я гаранти-

рую, что мы произведем все съемки на местности — со многими массовыми сценами — за одну десятую стоимости фильма, снятого в Испании.

Глаза Сэма сверкнули.

— Я не знаком с подробностями этого проекта, Л. М., но некоторые его детали кажутся весьма интересными.

— И ты сможешь сделать это, Барни? Сможешь снять такой фильм?

— Я сделаю это, только если вы окажете мне всяческое содействие и не будете задавать вопросов. Сегодня вторник. Пожалуй, к субботе мы сможем закончить всю подготовку. — Барни начал загибать пальцы. — Нам нужно подписать контракты с главными исполнителями, запастись достаточным количеством пленки, набрать технический персонал, взять, по крайней мере, две дополнительные съемочные камеры... — Он продолжал бормотать себе под нос, перечисляя все необходимое. — Да, — сказал он наконец, — мы можем сделать это.

— И все-таки не знаю... — задумчиво сказал Л. М. — Уж больно сумасшедшая идея...

Будущее грандиозного боевика висело на волоске, и Барни отчаянно пытался найти довод, который убедил бы Л. М.

— Еще одно, Л. М. Если мы будем вести съемки в течение шести месяцев, то придется, конечно, платить заработную плату за все шесть месяцев. Однако если взять кинокамеры и остальное съемочное оборудование напрокат, то мы заплатим ренту лишь за несколько дней!

— Барни, — сказал Л. М., выпрямляясь в кресле, — ты назначаешься режиссером и продюсером этой картины.

Глава 5

— Вы еще услышите о Синекитте, мистер Хендрик-сон...

— Барни...

— ...еще услышите, Барни, эта история еще не окончена. После войны итальянцы создали неореалистическое искусство, затем ему на смену пришел кухонный реализм английской кинематографии. Но понимаешь, Барни, Рим еще не умер. Такие ребята, как я, приезжают ненадолго в Голливуд, совершенствуют технику, схватывают на лету новые приемы...

— А попутно и солидные гонорары...

— Не отрицаю, их привлекают доллары. Да, знаешь, Барни, вряд ли мы сумеем заснять что-нибудь на цветную пленку в это время дня. — Он взмахнул своим восьмимиллиметровым «болеком», висящим на ремешке на запястье. — Нужно было зарядить камеру черно-белым три-экс. Ведь уже пять часов вечера.

— Не беспокойся, Джино, ручаюсь, что у тебя будет сколько угодно света. — Барни поднял голову и увидел, как из двери пакгауза вышел Эмори Блестэд. — Подойди-ка сюда, Эмори, — окликнул он инженера. — Познакомься, это наш кинооператор Джино Каппо. Джино, это Эмори Блестэд, наш инженер.

— Очень рад познакомиться, — сказал Эмори, пожимая руку итальянцу. — Меня всегда интересовало,

как вам удалось добиться столь отталкивающих кино-эффектов в «Осенней любви».

— Вы имеете в виду «Порко мондо»? Это не киноэффекты, именно так выглядят некоторые районы Югославии. — Он повернулся к Барни. — Даллас просил меня передать, что они приведут Оттара через пять минут.

— Давно пора. Пусть профессор прогревает свою машину.

Барни, болезненно морщась, вскарабкался в кузов армейского грузовика и опустился на ящики. Ему все-таки удалось соснуть часок на кушетке в своем кабинете, но его разбудил очередной срочный вызов Л. М., и Барни поднялся в его кабинет для продолжительного спора из-за бюджета фильма. Нервное истощение начинало сказываться.

— Я заново отрегулировал все свое оборудование, — сообщил ему профессор Хьюитт, радостно похлопывая по контрольной панели времееатрона. — И, начиная с этого дня, могу гарантировать будущим путешественникам максимальную точность, как во временном, так и в географическом плане.

— Великолепно. Отрегулируйте все так, чтобы мы прибыли на то же место, что и раньше, в тот же день и в тот же час. Тогда было превосходное освещение.

Дверь распахнулась, и пакгауз наполнился громкими гортанными звуками. В помещение, пошатываясь, ввалился Оттар в сопровождении Йенса Лина и Далласа Леви, которые не столько сдерживали, сколько поддерживали викинга — Оттар был в стельку пьян. За ними шествовал Текс, кативший перед собой тележку, доверху нагруженную ящиками. Понадобились совместные усилия всех троих, чтобы забросить викинга в кузов грузовика, где он тотчас же впал в забытие, что-то бормоча с блаженным видом. Оттара со всех сторон забаррикадировали ящиками.

— Что это в них? — поинтересовался Барни.

— Товары для обмена, — ответил Лин, с трудом перекидывая ящик с надписью *Виски «Джек Даниэльс»* через задний борт грузовика. — Оттар подписал контракт, я ужасно удивился, что здесь удалось разыскать исландского нотариуса...

— В Голливуде можно найти что угодно.

— ... и Оттар согласился учить английский язык после того, как его доставят домой. У него появился заметный интерес к алкогольным напиткам двойной очистки, и мы заключили соглашение — за каждый день учебы по бутылке виски.

— Неужели вы не могли всучить ему какой-нибудь сивухи? — спросил Барни, когда второй ящик «Джека Даниэльса» исчез в кузове. — Как же я буду выкручиваться перед бухгалтерией?

— Мы пробовали, — вставил Даллас, перекидывая через борт третий ящик. — Попытались всучить ему пойло вроде «Олд Оверкоут» — девяностопятиградусный хлебный спирт, но он сделал от ворот поворот. Изысканный вкус у этого дикаря! Два месяца обучения, пять ящиков виски — таковы условия.

Йенс Лин вскарабкался в кузов, и Барни с восхищением уставился на его высокие, до колен, саперные сапоги, краги, охотничью куртку с множеством карманов и ножны с огромным ножом.

— А зачем этот костюм для джунглей? — спросил он.

— Просто чтобы остаться в живых и для удобства, — объяснил Лин, освобождая место для спального мешка и огромного сундука, который Даллас с трудом втащил в кузов. — Здесь у меня ДДТ против вшей, которых там, конечно, хоть пруд пруди, таблетки для очистки питьевой воды и запас консервов. Питание в те времена не отличалось разнообразием, и современному человеку оно, конечно, не годится. Поэтому я решил предпринять простейшие меры предосторожности.

— Очень предусмотрительно, — заметил Барни. — Эй вы, влезайте сюда и закрывайте задний борт, пора отправляться!

Хотя времеатрон по-прежнему завывал и искры бегали по его поверхности с той же интенсивностью, обстановка в машине была далеко не такой напряженной. Условные рефлексy человека, живущего в мире

машин, одержали победу, и путешествие во времени казалось теперь таким же обыкновенным, как подъем в скоростном лифте, полет на реактивном самолете, спуск в подводной лодке или взлет в космической ракете. Только Джино, для которого это путешествие было первым, проявил признаки беспокойства, бросая быстрые взгляды то на ряды электронных инструментов, то на закрытую дверь пакгауза. Однако явное спокойствие других пассажиров — Барни ухитрился заснуть во время путешествия, а Даллас и датский филолог затеяли спор из-за того, что одна из бутылок виски оказалась открытой и, стало быть, терялся один день обучения английскому языку, — благотворно подействовало на оператора. В момент перехода от одного темпорального состояния в другое Джино, потрясенный, привстал, однако тут же сел, едва ему в руки сунули бутылку. Тем не менее, когда за грузовиком появилось сверкающее голубое небо и соленый морской воздух наполнил легкие, у него глаза на лоб полезли.

— Ловкий трюк, а? — сказал он, глядя на свой экспонетр. — Как это у вас получается?

— Подробности можешь узнать у профа, — выдохнул Барни, проглотив лошадиную порцию виски. — Очень сложно. Что-то вроде перемещения во времени.

— А, понятно, — радостно кивнул Джино, устанавливая диафрагму на цифре 3,5. — Вроде временных зон, когда летишь из Лондона в Нью-Йорк. Такое впечатление, будто солнце не двигается, и ты прилетаешь в то же самое время, в которое взлетел.

— Что-то вроде этого.

— Великолепная освещенность. С таким светом можно дать хорошие краски.

— Если ты собираешься вести машину, не напивайся, — сказал Даллас, протягивая полупустую бутылку Тексу, сидящему за рулем грузовика. — Один глоток, приятель, и в дорогу.

Стартер взревел, мотор ожил, и Барни, поглядев через переднее окошко кузова, увидел, что они едут по следам другого грузовика, отчетливо видным на мокром песке и гальке. Смутное воспоминание забрезжило у него в голове, несмотря на усталость, и он

застучал по металлической крыше кабины прямо над головой Текса.

— Подай сигнал! — крикнул он изо всех сил.

Грузовик подъехал к мысу и начал объезжать его. Тут-то и раздался автомобильный гудок. Спотыкаясь о ящики, наступив на бок спящего викинга, Барни бросился к заднему борту грузовика. Послышался нарастающий рокот мотора, и армейский грузовик, похожий на их машину как две капли воды, промчался мимо, двигаясь в противоположном направлении. У самого борта Барни поспешно протянул руку и схватился за стойку у себя над головой. В удалявшемся грузовике он успел разглядеть самого себя с бледным лицом, выпученными глазами и широко открытым, как у кретина, ртом. Испытывая садистское удовлетворение, он приложил большой палец другой руки к носу и растопырил пальцы, насмехаясь над потрясенным Барни в другой машине, которая тотчас же скрылась за мысом.

— Здесь большое движение? — поинтересовался Джино.

Оттар сел, потирая бок и бормоча под нос проклятия. Йенс быстро успокоил его, протянув бутылку, и через минуту грузовик остановился, проехав несколько футов по мелкой гальке.

— Примроуз-коттедж! — крикнул из кабины Текс. — Конечная остановка.

Вонючий дым по-прежнему поднимался из дыры на крыше приземистой землянки, однако ее обитателей не было видно. Оружие и примитивные орудия труда все еще были разбросаны на земле. Оттар не то вывалился, не то выпрыгнул из грузовика и заорал что есть мочи, изо всех сил сжав голову руками, словно в порыве горя:

— Hvar erut per rakka? Komit ut!*

Он снова схватился за голову и стал искать глазами бутылку, которую Йенс Лин с мудрой предусмотрительностью успел припрятать. Из дома начали выходить дрожащие слуги.

* Где вы, собаки? Выходите сейчас же! (старонорв.)

— Ну, за дело! — распорядился Барни. — Разгрузите ящики и поставьте их, куда покажет доктор Лин. Нет-нет, Джино, не суйся, ты пойдешь со мной.

Они вскарабкались на невысокий холм сразу позади хижины, с трудом прокладывая путь по короткой жесткой траве и то и дело спотыкаясь о косматых, диких на вид овец, которые меменя шарохаались в сторону. С вершины мыса они отчетливо увидели изогнутую дугу залива, уходящую вдаль по обе стороны, и сланцево-серое безбрежье океана. Длинная волна накатилась на берег, разбилась о гальку и с шипением поползла по камням обратно в море. Посреди залива стоял мрачный остров с отвесными скалистыми берегами, под которыми пенился океанский прибой, а еще дальше, на горизонте, виднелось темное пятно другого острова, уже пониже.

— Сделай-ка панораму на все триста шестьдесят градусов, мы изучим ее позднее. И возьми крупным планом этот остров.

— А почему бы не пойти в глубь материка и не посмотреть, что там находится? — спросил Джино, глядя в видоискатель.

— Потом, если останется время, сходим. Ведь мы собираемся снимать морскую картину, и мне хочется использовать виды открытого моря.

— Ну тогда пройдемся хотя бы вдоль берега — посмотрим, что там за мысом.

— Ладно, только не ходи один. Возьми с собой Текса или Далласа — они выручат тебя в случае нужды. И не отлучайся больше чем на пятнадцать минут, чтобы мы могли найти тебя, когда придет время отправляться обратно.

Барни взглянул на берег и заметил лодку; схватив Джино за руку, он указал на нее.

— У меня идея. Возьми Лина в качестве переводчика, прихвати пару туземцев, и пусть они отвезут тебя подальше в море. Сделай несколько снимков — как это место выглядит с моря...

— Эй, Барни, — крикнул Текс, появляясь на вершине холма, — ты нужен в хижине. Там производственное совещание.

— Ты как раз вовремя, Текс. Оставайся с Джино и присмотри за ним.

— Я прилипну к нему как банный лист. *Va buona, et cumpri!**

Джино подозрительно посмотрел на него.

— *Vui sareste italiano?***

Текс засмеялся.

— Я? Нет, я американо, но у меня полно родственников-макаронников вдоль всего Неаполитанского залива.

— *Di Napoli! So' napoletano pur'io!**** — радостно закричал Джино.

Оставив Джино и Текса, которые восторженно жали друг другу руки и вспоминали общих знакомых, Барни направился к хижине. Свесив ноги, в кузове грузовика сидел Даллас. В его руке дымилась сигарета.

— Все уже там, — сказал он, — а я решил для верности присмотреть за грузовиком, чтобы было на чем ехать обратно. Лин сказал, чтобы ты сразу заходил.

Барни без всякого энтузиазма взглянул на низкую дверь, ведущую в хижину. Она была приоткрыта, и из щели шло больше дыма, чем из отверстия в крыше, служившего дымоходом.

— Не спускай глаз с машины, — вырвалось у Барни. — В такой дыре не хватает только этих неприятностей.

— И я подумал то же самое, — пробормотал Даллас и извлек из кармана автоматический пистолет. — Десять зарядов. И я стреляю без промаха.

Широко распахнув дверь, Барни нагнулся и вошел в хижину. Дым, что поднимался от тлеющего очага, висел на уровне его головы серой пеленой, и Барни

* Будь здоров и радуйся жизни! (неапол. диал.)

** Вы итальянец будете? (итал.)

*** Из Неаполя! Чистый неаполитанец! (итал.)

был почти рад этому, так как запах дыма заглушал остальные ароматы, щедро наполнявшие помещение. Принюхавшись, Барни различил запах тухлой рыбы, смолы, пота и еще множество других, которые ему и распознавать не хотелось. В первое мгновение он почти ослеп, попав в полутьму после яркого солнечного света, потому что единственными источниками освещения в хижине были открытая дверь и несколько отверстий, пробитых в стенах.

— Jaeja, kunningi! Pu skalt drekka meo mer!*

Хриплый голос Оттара потряс воздух, и, когда Барни немного освоился в полумраке, он смог различить группу людей, сидящих вокруг стола из толстых досок. У одного его конца сидел Оттар, колотивший по столу кулаком.

— Он хочет, чтобы ты выпил с ним, — сказал Лин. — Это очень важный шаг, гостеприимство, хлеб-соль, понимаешь?

— Oj!** — рявкнул Оттар, поднимая небольшой бочонок с земляного пола.

— Выпил чего? — спросил Барни, глядя в темноту.

— Эль. Они делают эль из ячменя — это у них основная культура. Эль — изобретение северных германских племен, можно сказать, предок нашего пива. Даже само слово дошло до нас, правда в слегка измененном виде...

— Drekk!*** — приказал Оттар, наливая до краев рог и протягивая его Барни.

Присмотревшись, Барни увидел, что это действительно коровий рог, изогнутый, потрескавшийся и далеко не первой чистоты. Йенс Лин, профессор и Эмори Блестэд также держали в руках по рогу. Барни поднес рог к губам и сделал глоток. Жидкость была кислой, водянистой, выдохшейся и ужасной на вкус.

— Замечательно! — сказал он, надеясь, что в темноте выражение его лица не будет видно.

* Хей, мой друг! Ты должен выпить со мной! (старонорв.)

** Эль! (старонорв.)

*** Пей! (старонорв.)

— Ja, gott ok vell!* — согласился Оттар, и новая порция отвратительной жидкости хлынула в рог Барни, перелилась через край и потекла по его руке.

— Если тебе не нравится напиток, — глухим голосом произнес Эмори, — то подожди, когда очередь дойдет до еды.

— Вот как раз что-то несут.

Профессор показал на дальний угол комнаты, где кто-то из слуг копался в большом деревянном сундуке. Выпрямившись, слуга пнул один из темных холмиков, разбросанных по земляному полу. Раздалось обиженное мычание.

— Скот?.. — удивился Барни.

— Вот именно. Его держат в доме, — разъяснил Эмори. — Он придает здешней атмосфере особо тонкий аромат.

Слуга, которому длинные светлые волосы, ниспадавшие до плеч и закрывавшие глаза, придавали сходство с неухоженной овчаркой, направился к столу, сжимая в своих почерневших от грязи лапах по какой-то большой глыбе. Подойдя, он бросил глыбы на стол перед Барни, и они стукнулись о дерево, словно камни.

— Что это такое? — спросил Барни, подозрительно скосив глаза на лежащие перед ним глыбы. Одновременно он переложил рог в другую руку и пытался вытряхнуть ручеек эля из рукава своего пиджака.

— Слева — это сыр местного производства, а справа — кнекброд, твердый хлеб, — пояснил Йенс Лин. — А может быть, наоборот.

Барни попробовал их надкусить, вернее, постучал зубами по их гранитной поверхности.

— Великолепно, просто великолепно, — сказал он, бросая их обратно на стол и глядя на светящийся циферблат своих часов. — Освещение меняется, и скоро нам нужно отправляться. Мне бы хотелось поговорить с тобой, Эмори, давай выйдем на улицу, если только ты можешь оторваться от пира.

— С удовольствием, — ответил Эмори.

* Да, великолепный эль! (старонорв.)

Содрогаясь от отвращения, он допил эль и выплеснул остатки на пол.

Солнце село за полоску льдистых облаков, и с моря подул холодный ветер; Барни зябко поежился и поглубже засунул руки в карманы.

— Мне нужна твоя помощь, Эмори, — сказал он. — Составь список всего необходимого для съемки фильма на местности в этой обстановке. По-видимому, здесь не удастся воспользоваться местными ресурсами по части съестного...

— Клянусь богом, ты прав!

— ... поэтому придется все захватить с собой. Кроме того, я хочу смонтировать фильм прямо здесь, так что в одном из прицепов должно быть помещение для монтажа.

— Ты хочешь нажить себе неприятности, Барни. Да здесь даже черновой монтаж и то не осилишь. А как с тренировкой? А музыка?

— Мы сделаем все, что можем. Найдем композитора и пару музыкантов, может быть, используем местный оркестр.

— Представляю себе местную музыку!

— Неважно, если потом придется изменить почти все звуковое сопровождение. Мы должны привезти готовый фильм, вот что важно...

— Мистер Хендриксон, — позвал Йенс Лин, открывая дверь и подходя к ним. Он порылся в нагрудном кармане своей охотничьей куртки и протянул Барни измятый конверт. — Я только что вспомнил, меня просили передать вам записку.

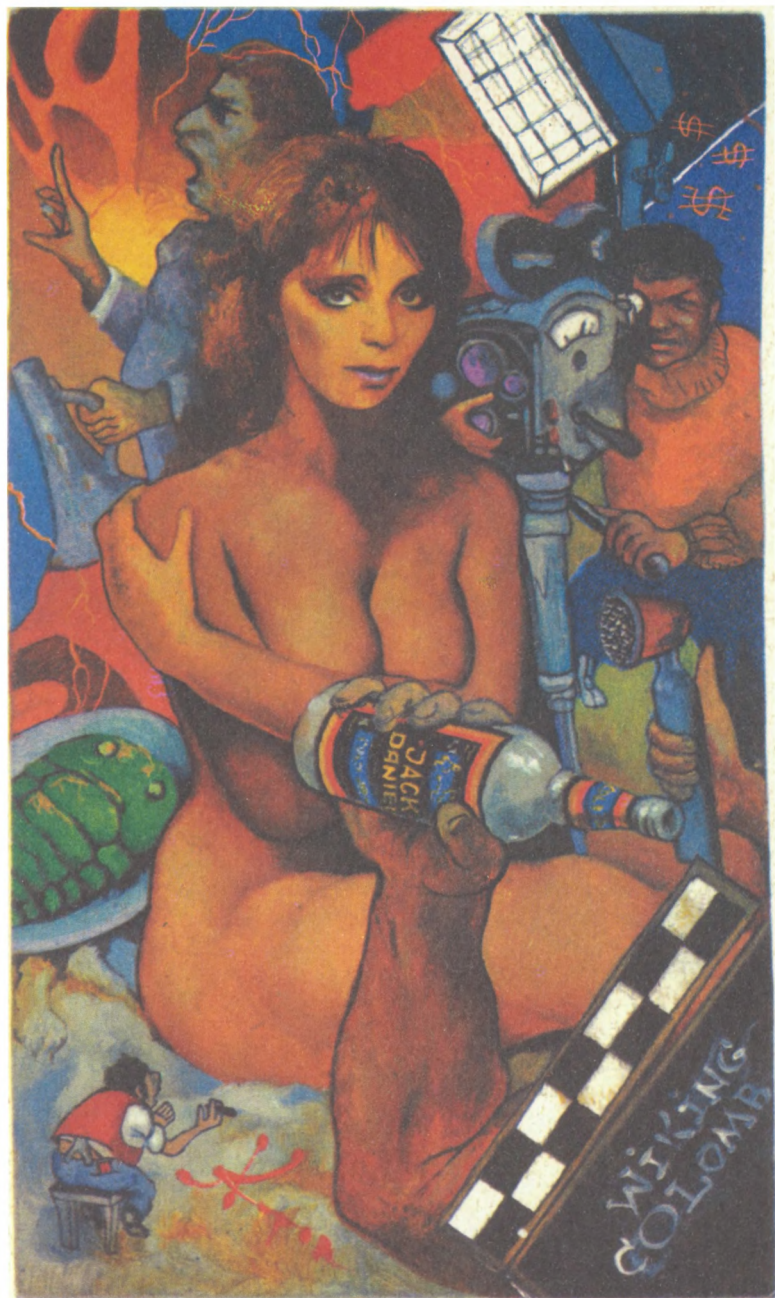
— Что еще такое? — спросил Барни.

— Не имею представления. Насколько мне известно, она конфиденциальная. Ваша секретарша передала ее мне, как раз когда мы отправлялись.

Барни разорвал конверт. Внутри был лист желтой бумаги с коротким машинописным текстом, гласившим:

Л. М. СООБЩИЛ ПО ТЕЛЕФОНУ: ОПЕРАЦИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ, ВСЯ РАБОТА ПО СЪЕМКЕ ФИЛЬМА ПРЕКРАЩАЕТСЯ. ПРИЧИНА НЕ УКАЗАНА.

Глава 6

Барни отшвырнул от себя журнал, однако его обложка прилипла к руке и наполовину оторвалась. Он нетерпеливо отодрал от ладони бумагу и еще раз пожалел о том, что у него не хватило времени помыть руки после викингова пива. Надо же — съемка отменяется!

— Мисс Закер, — сказал он, — Л. М. ждет меня. Он так сказал. Он оставил записку. Я уверен, что он с нетерпением ожидает...

— Мне очень жаль, мистер Хендриксон, но он дал мне самые строгие указания ни в коем случае не беспокоить его во время совещания. — Пальцы секретарши на мгновение замерли над клавишами машинки, и даже челюсти прекратили жевательные движения. — Как только представится возможность, я сейчас же сообщу о том, что вы ждете. — Стук машинки возобновился, и в такт с ним опять начали двигаться челюсти.

— Вы могли бы, по крайней мере, позвонить ему и сообщить о моем приходе.

— Мистер Хендриксон! — воскликнула секретарша тоном матери-настоятельницы, обычно обвиненной в содержании публичного дома.

Барни вышел в коридор, выпил воды, затем вымыл липкие ладони. Когда он вытирал руки о лист бумаги,

раздалось жужжание интеркома, и мисс Закер кивнула ему.

— Теперь можете войти, — сказала она ледяным тоном.

— Что случилось, Л. М.? — спросил Барни, едва переступил порог. — Что значит эта записка?

Сэм сидел в своем кресле чурбан чурбаном, а напротив него съежился на стуле взопревший Чарли Чанг. Выражение лица у него было разнесчастное.

— Что это значит, а? Он еще спрашивает, что это значит! Это значит, что ты, Барни Хендриксон, провел меня за нос. Ты добился от меня согласия на съемку фильма, когда у тебя даже сценария не было.

— Ну конечно, у меня нет сценария! Как у меня может быть сценарий, когда мы только что решили делать фильм? Ведь это же чрезвычайный случай, правда?

— Правда, правда. Но чрезвычайный случай — это одно дело, а съемка фильма без сценария — совсем другое. Может быть, во Франции и делают фильмы по принципу тяп-ляп, так что не поймешь, есть у них сценарий или нет. Но в нашем «Клаймэктике» так дела не делаются!

— Да, непорядок, — согласился Сэм.

Барни изо всех сил пытался сохранить самообладание.

— Послушайте, Л. М., будьте благоразумны. Ведь это критический момент, вы забыли? Утопающий хватается за соломинку. Особые обстоятельства...

— То есть банк. Называй вещи своими именами. Теперь это можно.

— Не будем уточнять, потому что мы еще можем провести их. Мы можем сделать картину. Вы вызвали моего сценариста...

— У него нет сценария.

— Конечно, у него нет сценария. Только вчера вы и я окончательно договорились об идее фильма. Теперь, когда вы поговорили с ним и объяснили ему свои требования...

— У него нет сценария.

— Ради бога, Л. М., выслушайте меня. Чарли — хороший сценарист, вы сами его нашли и взрастили.

Если кто-то может сделать то, что нам требуется, так это старый добрый Чарли. Если бы сейчас у вас в руках был сценарий этого фильма, написанный Чарли Чангом, вы ведь дали бы разрешение на съемки, верно?

— У него нет еще...

— Л. М., вы не слушаете меня. Если. Это важное слово. Если бы я сейчас вошел в кабинет и вручил вам написанный Чарли Чангом сценарий этого эпохального фильма под названием... под названием «Викинг Колумб», дали бы вы разрешение на его производство?

На лице Л. М. застыло непроницаемое выражение. Он взглянул на Сэма, который едва заметно опустил голову.

— Да, — тотчас же ответил Л. М.

— Ну вот, дело пошло на лад, — поспешно подхватил Барни. — Если я передам вам этот сценарий через час, вы дадите добро на производство фильма. Никакой разницы, верно?

Л. М. пожал плечами.

— Ну хорошо, для меня — никакой. Ну а какая для тебя разница?

— Ждите меня здесь, Л. М. — Барни вскочил и, схватив удивленного Чарли Чанга за рукав, потащил его в коридор. — Поговорите с Сэмом о бюджете, выпейте по коктейлю. Я вернусь ровно через час. «Викинг Колумб» уже почти готов к производству.

— У меня есть знакомый психиатр, который принимает вечером, — сказал Чарли, едва за ними захлопнулась дверь кабинета. — Поговори с ним, Барни, а? Мне приходилось слышать много скоропалительных обещаний в нашем скоропалительном деле, но такого...

— Помолчи, Чарли. Тебе предстоит большая работа. — Барни, не переставая говорить, вывел упиравшегося сценариста в коридор. — Скажи, сколько времени потребуется тебе на то, чтобы состряпать черновой вариант сценария для этого фильма, если работать на полную катушку? Сколько времени?

— Это огромная работа. По крайней мере шесть месяцев.

— Отлично. Шесгь недель. Концентрация усилий, первоклассный материал.

— Я сказал не недель, а месяцев.

— Если тебе понадобится шесть месяцев, у тебя будет шесть месяцев. Поверь моему слову, у тебя будет столько времени, сколько тебе потребуется. И кроме того, спокойное, тихое место для работы. — Они проходили мимо висевшей на стене фотографии, и Барни, внезапно остановившись, ткнул в нее пальцем. — Вот здесь. Остров Санта-Каталина. Масса солнечного света, освежающая морская ванна особенно приятна, когда у тебя мозги пересохнут.

— Я не смогу там работать, Барни. Остров полон людей, ночью в каждом доме вечеринки с танцами.

— Это ты так думаешь. А тебе понравится работать на Санта-Каталине, если вокруг не будет ни души и весь остров будет принадлежать тебе одному? Подумай только, что можно написать в таких условиях!

— Барни, честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Поймешь, Чарли. Через несколько минут все поймешь. Пятьдесят стопок бумаги, ящик копирки, стул — один, стол для пишущей машинки — один, пишущая машинка...

— Это допотопный образец, Барни, — прервал его Чарли. — На этом античном чуде приходится самому нажимать на клавиши. Я могу работать только на электрической модели Ай-Би-Эм.

— Боюсь, что в той части острова, где разместится твой лагерь, снабжение электричеством будет не очень надежным. Ничего, ты сам увидишь, с какой быстротой твои пальцы обретут прежнюю сноровку, — утешил его Барни. Когда в кузов грузовика впихнули огромный сундук, Барни поставил галочку в длинном списке. — Один комплект сафари.

— Один комплект чего?

— Один комплект сафари «сделай сам» из отдела бутафории и реквизита. Палатка, складная постель, стулья, сетки от moskitov, походная кухня — и все в отличном рабочем состоянии. Ты расположишься с удобствами, как доктор Ливингстон, только в два раза комфортабельнее. Пятидесятигаллонные бочки с водой — три, часы-табель пружинные с набором карточек — один комплект.

Ничего не понимая, Чарли Чанг смотрел на то, как самые разнообразные вещи одна за другой исчезают в кузове армейского грузовика. Все происходившее было бессмыслицей, включая седого старикашку позади всего этого барахла, который колдовал над радиоустановкой из фильма о Франкенштейне. Когда в кузов погрузили древние красного дерева часы-табель с римскими цифрами на циферблате, Чарли схватил Барни за руку.

— Ничего не понимаю, а уж это — и вовсе. Зачем мне часы-табель?

— Профессор Хьюитт объяснит тебе все самым подробным образом через несколько минут, а пока прими мои слова на веру. Часы играют важную роль, ты в этом убедишься. Не забудь пробивать карточку каждое утро.

— Мистер Хендриксон, — послышался голос его секретарши, — вам здорово повезло. — Она появилась в дверях пакгауза, ведя за руку озадаченного негра в белом халате и высоком поварском колпаке. — Вы сказали, что вам нужен повар, причем немедленно, и я тут же отправилась на кухню и нашла там Клайда Роулстона. Оказалось, что он не только повар, но знает стенографию и машинопись.

— Ты настоящий ангел, Бетти. Закажи еще одну машинку...

— Сейчас ее доставят. А как с аптечкой «скорой помощи»?

— Уже погрузили. Ну, тогда все. Клайд, это Чарли, Чарли, это Клайд. Позже вы сумеете познакомиться поближе. А теперь, пожалуйста, залезайте оба в грузовик.

— Я полезу, как только мне объяснят, что здесь происходит, — заявил Клайд, бросив на Барни вызывающий взгляд.

— Чрезвычайное положение, вы нужны «Клаймэктику», и я уверен, что вы оба, как преданные служащие, поможете нашей компании. Профессор Хьюитт вам все объяснит. Это займет немного времени. Обещаю вам, что мы с вами увидимся на этом свете ровно через десять минут по моим часам. А теперь, если вы перелезете через эти ящики, я подниму задний борт.

Успокоенные уверенным голосом Барни, они влезли в кузов, и профессор Хьюитт наклонился через их плечи к Барни.

— Мне кажется, кембрийский период подходит больше всего, — сказал он. — Знаете, ранний палеозой. Здоровый, умеренный климат, тепло и уютно, позвоночные еще не появились, так что опасность не угрожает. Моря кишат простыми трилобитами. Хотя для продолжительного пребывания, пожалуй, слишком тепло. Может быть, немного позже, в девонский период. Достаточно большие позвоночные все еще не появились...

— Профессор, вы специалист, поступайте, как считаете нужным. Нам предстоит масса работы, по крайней мере в нашем временном отрезке. Доставьте их на Каталину, выгрузьте со всем барахлом, затем передвиньтесь на шесть недель вперед и доставьте обратно. Барахло бросьте на острове, оно может нам понадобиться позднее. Отправляйтесь, у нас осталось всего пятнадцать минут.

— Считайте, что фильм у нас в руках. С каждым новым путешествием во времени мне все легче и легче налаживать приборы, так что теперь их точность очень высока. Ни одного мгновения не будет потрачено даром, буквально ни одного.

Профессор Хьюитт вернулся к своим приборам, и генератор надрывно заревел. Чарли Чанг открыл было рот, но его слова не донеслись до Барни, так как грузовик исчез. Исчез, а не растаял, исчез мгновенно, как исчезает изображение на киноэкране, когда рвется лента. Барни собрался было поговорить с секретаршей, но только он обернулся, как грузовик появился снова.

— Что случилось? — спросил Барни, как вдруг увидел, что все припасы из кузова исчезли. Клайд Роулстон стоял рядом с профессором у контрольной панели, а Чарли Чанг сидел на пустом ящике, сжимая в руках толстую пачку машинописной бумаги.

— Ровным счетом ничего, — ответил профессор. — Просто я рассчитал наше возвращение с максимальной точностью.

На Чарли уже не было куртки, его рубашка помялась и выцвела, особенно на плечах, где она стала совершенно белесой. Волосы у него отросли, а щеки были покрыты густой черной щетиной.

— Ну, как дела? — спросил Барни.

— Неплохо, принимая во внимание обстоятельства. Правда, я еще не закончил сценария, потому что там в воде плавают эти твари. Такие зубы! Глаза...

— Сколько еще времени тебе понадобится?

— Две недели будет вполне достаточно. Но эти глаза, Барни...

— Там нет таких больших тварей, которые могли бы быть для тебя опасными, так сказал проф.

— Может быть, они не такие большие, но в океане их столько, и у них такие зубы...

— До свидания. Отправляйтесь, профессор! Две недели!

На сей раз путешествие было таким коротким, что, если бы Барни в этот миг моргнул, он мог бы совсем не заметить исчезновения грузовика. Однако теперь Чарли и Клайд сидели рядом на другой стороне грузовика, и пачка печатных страниц стала заметно толще.

— «Викинг Колумб», — крикнул Чарли, размахивая сценарием над головой. — Шедевр на широком экране! — Он протянул папку Барни, и тот увидел, что к задней обложке прикреплена пачка карточек. — Это карточки учета нашего рабочего времени, и если ты посмотришь на них, то увидишь, что мы пробивали их каждый день, и мы с Клайдом требуем двойной оплаты по субботам и тройной — по воскресеньям.

— Другой бы стал спорить, — сказал Барни, со счастливой улыбкой взвешивая на ладони пухлый том. — Пошли, Чарли, мы немедленно обсудим твой сценарий.

Выйдя из пакгауза, Чарли понюхал вечерний воздух.

— Какая здесь вонь, — заметил он. — Я никогда раньше этого не замечал. А какой удивительный воздух был у нас на острове! — Затем он посмотрел на свои ноги. — Как непривычно снова ходить в ботинках!

— Странник вернулся, — сказал Барни. — Я пойду отнесу сценарий, а ты тем временем сменишь живописные лохмотья бродяги на что-то более прилич-

ное и быстренько побрееешься. Когда будешь готов, сразу иди в кабинет Л. М. Как ты думаешь, получился хороший сценарий?

— Может быть, пока еще рано говорить, но я думаю, это лучшее, что мне удалось написать. Работал в такой обстановке, когда тебя ничто не отвлекает — если не считать глаз! Да и Клайд здорово помогал: он печатал чисто и быстро. Ты знаешь, он к тому же и поэт.

— Я думал, он повар.

— Он оказался паршивым поваром, и кончилось тем, что я все стряпал сам. Он работал в кухне студии только для того, чтобы раздобыть денег на оплату квартиры. А вот поэт он действительно отличный и хорошо пишет диалоги. Он мне здорово помог. Как ты думаешь, мы можем упомянуть про его участие в фильме?

— Не вижу, почему бы нет. Не забудь побриться!

Барни вошел в кабинет Л. М. и положил сценарий на письменный стол.

— Готово! — сказал он.

Л. М. осторожно взвесил рукопись на обеих руках, затем отвел ее в сторону, чтобы лучше видеть обложку.

— «Викинг Колумб». Хорошее название. Впрочем, придется его изменить. Да, Барни, ты доставил сценарий, как и обещал. Может быть, теперь ты раскроешь нам секрет, как за один час написать сценарий? Расскажи Сэму, ему тоже хочется послушать.

Сэм, почти неразличимый на фоне темных обоев, стал виден, только когда он кивнул головой.

— Никакого секрета, Л. М., это времееатрон. Вы видели, как он работает. Чарли Чанг отправился в прошлое, в спокойное уединенное местечко, где он и написал сценарий. Он оставался в прошлом столько времени, сколько ему потребовалось, затем мы вернули его в настоящее почти тотчас же после того, как он отправился. С нашей точки зрения, прошло совсем немного времени, поэтому мы и считаем, что на создание полного сценария потребовался всего один час.

— Сценарий за час! — На лице Л. М. появилась счастливая улыбка. — Да это же настоящая револю-

ция в кинопромышленности! Давай не будем скупиться, Барни. Дадим этому парню самую высокую ставку, какая у нас есть, а затем увеличим ее в два раза! Я не скупердяй. Мне хочется поступить по справедливости, и уж я позабочусь о том, чтобы Чарли Чанг получил самую высокую почасовую оплату, которая когда-либо была выплачена сценаристу за один час его времени!

— Вы не совсем поняли меня, Л. М. Может быть, это с вашей точки зрения прошел всего один час, но Чарли Чанг трудился как ишак над этим сценарием более двух месяцев, включая субботы и воскресенья, и ему придется заплатить за все это время.

— Он не сможет этого доказать! — Л. М. сделал свирепую гримасу.

— Нет, сможет. Каждый день он пробивал карточку на часах-табеле, и к сценарию приложены все его карточки.

— Тогда пусть обращается в суд! На работу потребовался один час, и я заплачу ему за один час.

— Сэм, — взмолился Барни, — поговорите с ним. Скажите ему, что в этом мире ничего нельзя получить даром. Ведь деньги за восемь недель работы — это гроши за такой великий сценарий!

— Мне больше нравится одночасовой сценарий, — заметил Сэм.

— Нам всем они больше нравятся, только одночасовых сценариев на свете не бывает. Это просто новый метод работы, однако нам придется платить ту же самую сумму за работу, что бы ни случилось.

Зазвонил телефон, Л. М. схватил трубку, приложил ее к уху, несколько раз односложно хрюкнул в ответ, затем бросил трубку.

— Сейчас придет Раф Хоук, — сказал он. — Мне кажется, мы сможем использовать его для главной роли, но я подозреваю, что он заключил контракт с независимой студией на другую картину. Прощупай его, Барни, до прихода его менеджера. А теперь — насчет этого часа...

— Давайте обсудим этот час потом, Л. М. Я уверен, что все уладится.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел Раф Хоук. Он замер на мгновение на пороге, повернув голову так, чтобы дать возможность присутствующим полюбовать-

ся его профилем. Он был действительно хорош. Раф выглядел так хорошо потому, что его внешность составляла главное содержание его жизни. И когда во всем мире, в бесконечном количестве кинотеатров миллионы женских сердец начинали биться чаще при виде Рафа, заключающего какую-нибудь счастливую звезду в свои крепкие мужские объятия, ни одна из этих миллионов не знала, что ее шансы быть заключенной в эти объятия практически равнялись нулю. Раф не любил женщин. Впрочем подозрения насчет его ненормальности были тоже безосновательны. Он не любил ни мужчин, ни женщин, ему не нравились ни овцы, ни плащи, ни ветряки, ни любые другие предметы. Рафу нравился только Раф, и отблеск любви в его глазах был лишь отражением самовлюбленного восхищения.

До встречи с продюсером Раф был просто обычным загорелым куском мяса на Пляже Мускулов. Но тут обнаружилось, что Раф может играть. То есть не то чтобы играть, а делать то, что ему говорят. Он точно выполнял все данные ему инструкции, снова и снова повторяя одни и те же слова и жесты с бесконечным терпением барана. В перерывах между съемками он отдыхал, глядя в зеркало.

Полное отсутствие таланта у него так и не было обнаружено, потому что в тех картинах, где он играл, прежде чем кто-либо успевал его раскусить, начиналась атака индейцев, или на экран врывалось стадо динозавров, или рушились стены Трои, или происходило что-нибудь еще, отвлекающее внимание зрителей. Поэтому Раф был счастлив, а когда продюсеры взирали на кассовые сборы, они тоже были счастливы, и все утверждали, что Раф сделает еще немало картин, прежде чем у него отрастет брюшко.

— Привет, Раф, — воскликнул Барни, — вот кого нам хотелось видеть!

Раф поднял руку, приветствуя собравшихся, и улыбнулся. Он не любил говорить, когда ему заранее не подсказывали, что нужно говорить.

— Я не намерен ходить вокруг да около, Раф, и просто хочу сказать, что мы собираемся снимать

величайшую в мире картину и, когда зашла речь о главном герое и было упомянуто твое имя, я сразу сказал, что если мы хотим снимать фильм о викингах, то Раф Хоук — самый викингский викинг и лучшего нам не найти.

Раф выслушал комплимент, не выказав ни малейших признаков удовольствия или интереса.

— Ведь ты слышал о викингах, не правда ли, Раф? — спросил Барни.

Раф сдержанно улыбнулся.

— Помнишь, — продолжал Барни, — высокие парни с огромными топорами и рогами на шлемах, которые все время плавают на кораблях с деревянными драконами на носу...

— О да, конечно, — оживился наконец Раф, поняв что к чему. — Я слышал о викингах. Я еще никогда не играл викинга.

— Но где-то в глубине сердца ты всегда хотел сыграть викинга! Я знаю, Раф, иначе и быть не могло. Эта роль создана для тебя, ты себя покажешь, ты будешь просто великолепен перед камерой в костюме викинга!

Густые брови медленно поднялись вверх, образовав морщину.

— Я всегда великолепен перед камерой.

— Конечно, Раф, конечно, именно поэтому мы и собрались здесь. У тебя ведь нет никаких обязательств? Ты не собираешься сниматься в других картинах, а?

Раф еще больше нахмурился, с трудом припоминая что-то.

— В конце следующей недели начинаются съемки фильма, что-то про Атлантиду.

Л. М. Гринспен оторвал взгляд от сценария, нахмурившись не хуже Рафа.

— Так я и думал. Извинись перед своим менеджером, иначе нам придется поискать кого-нибудь другого.

— Л. М., — вмешался Барни, — читайте лучше сценарий. Наслаждайтесь им. Но позвольте мне поговорить с Рафом. Вы забываете о том, что в понедельник наш фильм будет лежать у вас на столе, так что у Рафа

останется еще три дня для отдыха перед гибелью Атлантиды.

— Хорошо, что ты упомянул про сценарий, Барни, потому что в нем есть грубые ошибки.

— Откуда вы знаете, ведь вы прочитали только десять страниц. Почитайте еще, и тогда мы его обсудим. Автор ожидает в приемной. Все необходимые изменения будут сделаны в одно мгновение, пока вы тут сидите. — Барни повернулся к Рафу. — Твоя мечта исполнится, и ты сможешь сыграть роль викинга. Видишь ли, мы разработали новый технический процесс, при котором фильм снимается на местности, и, хотя мы вернемся через пару дней, ты получишь оплату как за полнометражный художественный фильм. Ну, что ты об этом думаешь?

— Я думаю, что вам лучше поговорить с моим менеджером. Если дело касается денег, я предпочитаю помалкивать.

— Именно так и следует поступать, Раф, как раз для этого и существуют менеджеры, и я не согласился бы действовать помимо него.

— Нет, это никуда не годится, — сказал Л. М. грустным голосом. — Я ожидал лучшего от Чарли Чанга. Начало никуда не годится.

— Сейчас я приглашу сюда Чарли, Л. М., мы все обговорим, выявим недостатки и устраним их.

Барни взглянул на часы. 8.00. А еще необходимо разыскать менеджера этого мускулистого манекенщика. И бороться за каждую фразу в сценарии. И отправить Чарли обратно на Каталину к глазам и зубам — заканчивать работу. И найти актеров для остальных ролей. И подобрать все необходимое оборудование и снаряжение, которое может понадобится для двух месяцев съемок на местности, затем перебросить всю съемочную группу в одиннадцатый век. И снять картину в этом столетии, для чего потребуются решить целый ряд весьма интересных проблем совершенно иного плана. И доставить отснятый фильм к утру понедельника. А сейчас среда, восемь часов вечера. Масса времени!

Конечно, нечего беспокоиться, еще масса времени. Тогда почему он весь в поту?

Глава 7

— Чудо организации, только так это и можно назвать, мистер Хендриксон, ухитриться собрать все это меньше чем за четыре дня! — восхищенно сказала Бетти, идя вместе с Барни вдоль длинной колонны грузовиков и трейлеров, вытянувшейся по бетонной ленте дороги, ведущей к съемочному павильону Б.

— Я бы назвал это несколько иначе, — ответил Барни, — но при дамах я всегда очень осторожен в выражениях. Какие результаты дала проверка по списку?

— Все готово. Все отделы представили контрольные списки завершенными и подписанными. Они тоже великолепно потрудились.

— Отлично, но куда девались люди?

Они прошли мимо почти всех машин, и Барни убедился, что, кроме нескольких шоферов, там никого нет.

— После того, как вы вчера вечером отправились за пленкой, все сидели в павильоне, не хотели расходиться и все такое. Ну, знаете ли, одно к одному...

— Нет, не знаю. Что одно, к чему одному?

— Было очень весело, и нам очень не хватало вас. Сначала Чарли Чанг заказал два ящика пива с интендантского склада — сказал, что он уже год не пробовал пива, затем еще кто-то принес выпивки и закуски, и скоро началось настоящее веселье. Вечеринка про-

должалась до поздней ночи, так что, я думаю, все еще не очухались и спят в трейлерах.

— Ты в этом уверена? Кто-нибудь проверил их по списку?

— Охранники не пили, и они утверждают, что никто не выходил с территории, значит, все должно быть в порядке.

— Будем надеяться, — сказал Барни, пожав плечами и окидывая взглядом длинный ряд молчаливых трейлеров. — Сразу же по прибытии проверим всех по списку, и, если кто-нибудь отсутствует, придется послать за ним профессора. Пусть люди поспят во время путешествия, это, наверно, самый лучший выход. Да и ты сама должна отдохнуть, ведь ты всю ночь была на ногах.

— Спасибо, босс. Если понадобится, я в трейлере номер двенадцать.

Из распахнутых дверей съемочного павильона доносился стук молотка — плотники заканчивали сооружение настила на платформе машины времени. Барни остановился у входа, зажег сигарету и попытался пробудить в себе восторженное отношение к наспех сколоченному сооружению, которое должно было доставить съемочную группу к месту съемок на Оркнейских островах.

Прямоугольная железная рама была сварена по чертежам профессора, затем на нее была наслана платформа из толстых досок. Как только передняя часть настила была закончена, на ней соорудили контрольную рубку, и профессор Хьюитт начал руководить монтажом увеличенного времееатрона, который отличался не только гигантскими размерами, но и гораздо большим количеством сверкающих катушек и проводов, чем первоначальный вариант. К тому же у него был мощный дизель-генератор. Почти две дюжины огромных автомобильных покрышек было прикреплено к дну платформы для смягчения удара при приземлении, по краям платформы были сооружены поручни, и над ней было воздвигнуто нечто вроде клетки из тонких труб для обозначения границ действия временного поля.

Все сооружение выглядело каким-то иллюзорным, ненастоящим, и Барни решил, что лучше всего ему не думать об этом.

— Включай! — крикнул профессор Хьюитт, выползая из-под своего аппарата с дымящимся паяльником в руках.

Механик склонился над дизелем, машина застонала, повернулась, затем выплюнула струю синего дыма и деловито застучала.

— Ну, как дела, профессор? — спросил Барни через открытую дверь. Хьюитт обернулся и, прищурившись, посмотрел на него.

— А, доброе утро, мистер Хендриксон. Я полагаю, что вы интересуетесь состоянием моего времеатрона-2, и рад ответить, что он работает отлично. Мы готовы начать операцию в любое время, все цепи проверены; ждем ваших указаний.

Барни посмотрел на плотников, забивающих последние гвозди в настил платформы, затем ногой отбросил щепку.

— Мы отправимся немедленно, как только обсудим проблему возвращения.

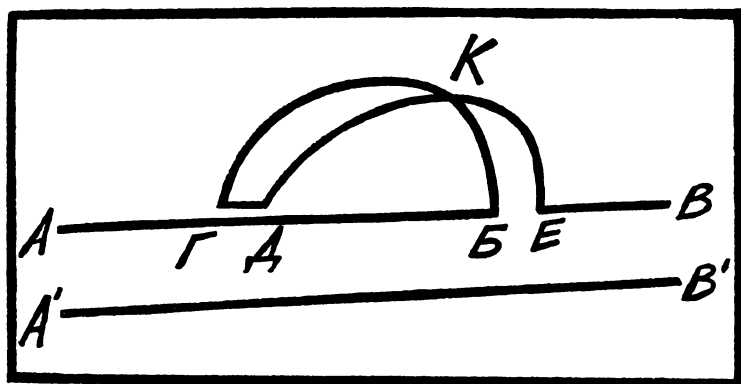
Хьюитт покачал головой.

— Я провел эксперименты с времеатроном, чтобы выяснить, нельзя ли пересечь временной барьер, однако это оказалось невозможным. Когда мы возвращаемся назад, нам приходится описывать дугу в континууме, используя дополнительную энергию для деформирования наших собственных временных линий по сравнению с мировыми. Обратное путешествие после визита в прошлое независимо от того, как долго мы в нем оставались, происходит вдоль того же временного вектора, который был создан первоначальным движением во времени; в определенном смысле обратное путешествие можно назвать эндотемпическим поглощением временной энергии, тогда как первоначальное путешествие в будущее или прошлое — процесс экзотемпический. Таким образом, мы не можем вернуться в момент, который был раньше момента нашего отправления из мировой временной материи, так же, как мячик не может подпрыгнуть выше того уровня, с которого его уронили. Поняли?

— Ни единого слова. Не могли бы вы снова все объяснить, но на этот раз выражаться по-человечески?

Профессор Хьюитт поднял кусок фанеры, лизнул кончик своей шариковой ручки и начертил простой рисунок.

— Взгляните сюда, — сказал он, — и вам тотчас все станет ясно. Линия A^1B^1 — это линия мирового времени, где A^1 — прошлое, а B^1 — будущее. Точка B — это наше сознание сегодня, теперь, наше «сейчас» во времени. Линия AB — временная линия времееатрона, совершающего путешествие, или наши собственные временные линии, когда мы путешествуем вместе с ним. Обратите внимание, что мы оставляем линию мирового времени в точке B и движемся по дуге через экстратемпоральный континуум обратно по времени, прибывая, ну, скажем, в тысячный год, в точку Γ . Таким образом, мы путешествуем по дуге $B\Gamma$. Мы возвращаемся в мировое время в точке Γ и остаемся там, двигаясь вместе с мировым временем, и продолжительность нашего визита в прошлое обозначена линией ΓA . Вы следите за моими рассуждениями?..

— Пока да, — сказал Барни, проводя указательным пальцем вдоль линий. — Продолжайте, профессор, пока я еще не забыл, что к чему.

— Конечно. Теперь обратите внимание на дугу ДЕ, наше обратное путешествие во времени к тому моменту, которое отстоит всего на долю секунды от момента нашего первоначального отправления, то есть точки Б. Я могу контролировать наше прибытие в точку Е при условии, что она будет находиться после точки Б, однако я никогда не смогу вернуться перед точкой Б. Чертеж всегда будет давать БЕ и никогда — ЕБ.

— Почему?

— Я рад, что вы задали этот вопрос, потому что это центральный вопрос всей проблемы. Посмотрите снова на чертеж, и вы увидите, что при пересечении дуги БГ с дугой ДЕ возникает точка К. Эта точка К обязательно должна существовать, иначе будет невозможно совершить обратное путешествие, ибо К является точкой обмена энергией, где происходит уравнивание масштабов времени. Если у вас точка Е будет между Б и Д, дуги не пересекутся, независимо от того, насколько близко друг от друга они пройдут, обмена энергией не произойдет, и путешествие во времени не состоится.

Барни нахмурился и потер лоб.

— Или, попросту говоря, мы не можем вернуться раньше, чем отправились, — сказал он.

— Совершенно точно.

— Иными словами, все время, которое мы потратили на этой неделе, безвозвратно пропало.

— Правильно.

— Значит, если мы хотим, чтобы картина была готова к десяти часам утра в понедельник, мы должны отправиться в прошлое и оставаться там до тех пор, пока она не будет закончена.

— Да я и сам не смог бы короче сформулировать этот тезис.

— Тогда давайте отправим этот цирк в дорогу, потому что сейчас утро субботы. Плотники уже кончили свою работу, пора трогать.

Первым автомобилем в колонне был джип; Текс спал на переднем сиденье, а Даллас на заднем. Барни подошел к машине, нажал на сигнал и в следующее мгновение замер, глядя как зачарованный в дуло

длиннотельного кольца, который сжимала дрожащая рука Текса.

— У меня ужасно трещит голова, — прохрипел Текс, — и я не советовал бы нас беспокоить. — Он неохотно опустил револьвер в кобуру.

— Какие-то нервные все сегодня, правда? — сказал Барни. — Ничего, свежий морской воздух будет вам на пользу. Поехали!

Текс нажал на стартер, двигатель взревел, и джип въехал по металлическим сходням, установленным Далласом, на платформу врематеатра. Как только джип замер на платформе, Даллас втащил за собой обе металлические полосы.

— На первый раз достаточно, — сказал Барни. — Мы найдем ровную полянку и вернемся обратно за остальными. Поехали, профессор, — то же самое место, что и раньше, но спустя два месяца.

Хьюитт пробормотал что-то себе под нос, устанавливая цифры на приборах, затем включил механизмы врематеатра. Вторая модель была усовершенствованным образцом в том отношении, что она в какое-то неуловимое мгновение давала возможность ощутить все симптомы казни на электрическом стуле и тошноты, но все это кончилось чуть не раньше того, как началось. Казалось, пассажиры были струнами арфы, на которой некий палец небожителя взял аккорд. Съёмочный павильон исчез, вместо него уже были соленые брызги и чистый освежающий воздух. Текс застонал и доверху застегнул молнию на своем костюме.

— Похоже, вон та лужайка для нас подойдет, — заметил Барни, указывая на довольно ровное поле, плавно опускающееся к берегу. — Отвези меня туда, Текс, а Даллас останется с профессором.

Джип на самой малой скорости с трудом взобрался на вершину холма, грохот его выхлопа вызвал переполох среди черноголовых чаек, которые с криком начали кружиться над их головами.

— Пожалуй, здесь хватит места, — сказал Барни, вылезая из джипа и сковыривая носком ботинка кочку с пучком травы. — Двигай обратно и скажи профу — пусть прыгнет чуть-чуть вперед и посадит платформу рядом со мной — так ему будет легче отыскать это

место, когда мы примемся за переброску остальной группы.

Барни сунул руку в карман, извлек пачку сигарет, но она оказалась пустой. Он смял ее и бросил на землю, а тем временем Текс лихо развернулся и стремительно направил джип обратно к платформе. Сходни были все еще опущены, джип въехал по ним и остановился. Барни отчетливо видел, как Даллас убрал сходни и профессор повернулся к времеатрону.

— Эй!.. — начал Барни, но в то же мгновение платформа исчезла; на земле остались только следы джипа и отпечатки автомобильных покрышек на траве, где раньше покоилась платформа. Барни не хотел отправлять Текса вместе с остальными.

Облако закрыло солнце, и Барни вздрогнул от холода. Чайки снова сели на воду у самого берега; первозданную тишину нарушал лишь шум прибоя, разбивавшегося о берег. Барни взглянул на смятую пачку сигарет — единственный знакомый предмет среди этого чуждого окружения — и снова поежился.

Он не смотрел на часы, но, конечно, прошло не более одной-двух минут. И все же за это короткое время он хорошо понял, каково было Чарли Чангу, заброшенному на доисторический остров Каталина со всеми этими глазами и зубами вокруг него. Барни надеялся, что Йенс Лин не чувствовал себя слишком несчастным во время своего двухмесячного пребывания с Оттаром. Если бы за многие годы работы в кино Барни не утратил совести, он мог бы почувствовать жалость к ним. Но теперь он испытывал жалость только по отношению к самому себе. Облако скрылось, теплые лучи солнца снова упали на Барни, однако ему все еще было холодно. В течение этих минут он чувствовал себя таким одиноким и таким забытым, как никогда раньше.

Платформа снова появилась и упала с высоты нескольких дюймов на лужайку рядом с ним.

— Давно пора! — крикнул Барни, расправив плечи и почувствовав, как к нему снова возвращается уверенность. — Где вы пропадали?

— В двадцатом столетии, где же еще? — ответил профессор. — Вы ведь не забыли о точке К, верно?

Для того чтобы переместиться на несколько минут вперед в вашем относительном времени, мне пришлось сначала вернуться в то время, из которого мы прибыли, и уже затем обратно к вам с соответствующим физическим и временным сдвигом. Как вы считаете, сколько времени мы отсутствовали?

— Не знаю, несколько минут, пожалуй.

— По-моему, это очень хорошо для путешествия туда и обратно продолжительностью в две тысячи лет. Ну-ка посмотрим, пять минут дадут нам микроскопически малую ошибку по отношению к...

— Ну ладно, проф, вы рассчитаете это в свободное время. Нам нужно сейчас перебросить сюда всю группу и приняться за работу. Вы двое съезжайте с платформы и оставайтесь здесь. Мы начнем перевозить автомобили по одному, и сразу после прибытия вы должны отводить их в сторону, чтобы освободить место для других. Поехали.

На этот раз Барни вернулся вместе с платформой и даже на мгновение не задумался о том, как чувствовали себя те двое, которые остались позади.

Переброска происходила довольно гладко. После того как были перевезены первые машины, грузовики и трейлеры начали как по конвейеру двигаться через двери съемочного павильона и бесследно исчезать в прошлом. Неудача постигла только грузовик, стоявший третьим в очереди: он не поместился на платформе, и, когда платформа с грузовиком исчезла, два дюйма выхлопной трубы и половина номерного знака со стуком упали на пол. Барни поднял кусок трубы и с любопытством посмотрел на сверкающий срез, гладкий и ровный, будто отполированный. Очевидно, этот кусок оказался за границами временного поля и просто остался на месте. То же самое легко могло случиться с рукой.

— Во время путешествия все, кроме профессора, должны находиться внутри трейлеров и грузовиков. Только несчастных случаев нам не хватало!

Последним рейсом переправили трактор с катером на прицепе и грузовик-холодильник, и Барни вскарабкался на платформу вслед за ними. Он бросил последний взгляд на калифорнийский пейзаж, залитый солнцем,

и подал профессору знак отправляться. На часах было 11.57 — до полудня субботы оставалось три минуты, когда двадцатый век мигнул и исчез и появилось одиннадцатое столетие. Барни облегченно вздохнул. Теперь время — в том веке, который они покинули, — остановилось. И как бы долго они ни снимали свой фильм, там, в Калифорнии, время останется неизменным. Когда они вернутся с отснятым фильмом, в Голливуде все еще будет полдень субботы — почти два дня до рокового понедельника. Впервые спешить было некуда.

Несколько секунд Барни стоял, расслабившись, чувствуя, как напряжение покидает его. Но вот он вспомнил, что ему предстоит снять целую картину со всеми вытекающими отсюда проблемами и неприятностями, и ответственность снова внезапным бременем опустилась ему на плечи, и только что исчезнувшее напряжение вновь навалилось на него.

Где-то рядом взревел двигатель трактора, и воздух наполнился отвратительным запахом выхлопных газов. Барни отошел в сторону, пока по сходням осторожно спускали прицеп с катером, и оглядел лужайку. Грузовики и трейлеры были разбросаны как попало, хотя некоторые из них образовали что-то вроде круга, подобно повозкам переселенцев, готовящихся отразить атаку индейцев. Здесь и там бродили одинокие фигуры, однако большинство еще спало. Барни пожалел, что не относится к их числу, однако тут же решил, что не смог бы заснуть, даже если бы попытался. «Ну что ж, — подумал он, — пора приниматься за дело.»

Барни подошел к Тексу и Далласу как раз тогда, когда они устраивались на траве, подложив под головы сиденья, вытащенные из джипа.

— Лови! — сказал он, бросая монету, которую Даллас поймал на лету. — Кидайте жребий. Один из вас отправится со мной за Йенсом Лином, а другой может дрыхнуть.

— Решка — идешь ты, — сказал Даллас и выругался, когда монета улеглась на траве, глядя на него портретом Джорджа Вашингтона.

Текс засмеялся, затем опустился на траву.

— Знаешь, — сказал Даллас, когда они отъехали от лагеря и спускались к берегу моря, — я не имею ни малейшего представления, где мы находимся.

— На Оркнейских островах, — ответил Барни, провозжая взглядом чаек, которые стремительно пронеслись над их головами и выкрикивали проклятия по их адресу.

— Я всегда был слаб в географии.

— Это маленькая группа островов к северу от Шотландии, примерно на одной широте со Стокгольмом.

— К северу от Шотландии — кончай шутить! Когда шла война, моя часть находилась в Шотландии, и за все время я видел солнце только несколько раз в просвете между облаками, и к тому же я там чуть не замерз...

— Не сомневаюсь, но ведь это было в двадцатом веке. А сейчас мы в одиннадцатом веке, в середине так называемого Малого Климатического Оптимума. По крайней мере, так назвал его профессор, и, если тебе хочется знать больше, спроси у него. Короче говоря, в одиннадцатом веке климат был... точнее, сейчас он мягче, чем в двадцатом.

— Трудно этому поверить, — пробормотал Даллас, глядя на солнце с таким подозрением, как будто ожидал, что оно может исчезнуть в любую минуту.

Дом был точно таким, каким они оставили его два месяца назад. На пороге сидел один из слуг и точил нож. Когда джип подъехал, слуга испуганно вскочил, уронив точильный камень, и исчез внутри хижины. Через минуту на пороге появился Отгар, вытирая рукавом рот.

— Добро пожаловать, — рявкнул он, когда джип остановился. — Рад видеть вас снова. Где «Джек Даниэльс»?

— Похоже, что уроки языка возымели свое действие, — заметил Даллас, — но побороть его пристрастие к «Джеку» они не смогли.

— Виски у нас сколько угодно, — успокоил Оттара Барни. — Но сначала я хочу поговорить с доктором Лином.

— Он там, в хижине, — сказал Оттар и вдруг заревел: — Йенс, иди сюда!

Йенс Лин появился из-за угла хижины, волоча ноги, согнувшись под тяжестью грубого деревянного бочонка. Он был бос и оброс грязью до пояса. Нечто похожее на мешок с куском кожи вокруг поясницы заменяло ему одежду; спутанная борода и ниспадающие до плеч волосы делали его похожим на Оттара. Увидев джип, он замер как вкопанный, его глаза расширились, изо рта вырвался хриплый крик. Подняв бочонок над головой, он побежал к джипу. Даллас выпрыгнул из машины и принял положение боевой готовности.

— Осторожнее, док, — сказал он. — Опустите бочонок, пока кого-нибудь не ушибли.

Слова, а может быть, фигура Далласа, приготовившегося к прыжку, обуздали ярость Лина. Он остановился и опустил бочонок.

— Что случилось? — крикнул он. — Где вы все пропадали?

— Готовились к съемкам фильма, где же еще? — ответил Барни. — Прошло всего два дня с тех пор, как я доставил вас сюда, то есть для нас это было два дня, и я понимаю, что для вас прошло целых два месяца.

— Два месяца! — завопил Йенс. — Прошло больше года! Что случилось?

Барни пожал плечами.

— Наверно, профессор сделал какую-нибудь ошибку. Все эти приборы, знаете...

Йенс Лин заскрипел зубами с такой силой, что скрежет было слышно на расстоянии нескольких шагов.

— Ошибка... Для вас это всего лишь ошибка. А я оказался здесь с этими вшивыми варварами, ухаживал за их вонючим скотом. Через пять минут после вашего отъезда Оттар стукнул меня кулаком по голове и забрал всю мою одежду, все снаряжение и все виски.

— Зачем работать за виски, когда можно его взять просто так, — сказал Оттар, следуя элементарной логике викинга.

— Ну, что сделано, не воротишь, — сказал Барни. — Вы пробывали здесь год, но я позабочусь о том, чтобы вы получили все сполна. Ваш контракт все еще в силе, и вы получите жалованье за весь год. Не так уж плохо за два дня работы, и вам еще предстоит академический отпуск, за который вы тоже получите годовой оклад. Вы выполнили свою задачу и научили Оттара английскому языку...

— Любовь к виски его научила. Он непробудно пил в течение месяца, а когда очухался, вспомнил об уроках английского языка. Он заставил меня учить его каждый день, чтобы, если вы вернетесь, потребовать плату за каждый день обучения.

— Оттар говорит очень хорошо, это верно. Где виски?

— У нас неограниченный запас, Оттар, не волнуйся, — сказал Барни и снова повернулся к Лину. У него в голове зашевелились мрачные мысли о судебном процессе, который может возбудить доктор. — Послушайте, док, давайте будем квиты, а? Годовое жалованье за обучение Оттара английскому языку, и вы будете помогать нам, пока снимается фильм. Я уверен, что это был для вас интереснейший год...

— А-а-а!

— И вы его не скоро забудете. Вы узнали массу нового насчет грамматики старонорвежского...

— Гораздо больше, чем мне бы хотелось.

— Так что давайте не будем ссориться. Как ваше мнение?

Йенс Лин несколько мгновений стоял, стиснув кулаки и тяжело дыша, затем бросил бочонок на землю и свирепо поддал его ногой, так что бочонок тут же разлетелся на куски.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — У меня нет выбора. Но я и пальцем не пошевелию, пока мне не будет предоставлен душ, полная дезинфекция и свежая смена белья.

— Конечно, док. Через несколько минут мы доставим вас в лагерь, он вон за тем холмом...

— Ничего, я найду его сам, если вы не против. — Йенс Лин повернулся и зашагал по берегу.

— Виски, — напомнил Оттар. — Дайте мне немного...

— Работа, — в тон ему ответил Барни. — Если ты у нас на водочном жалованье, то постарайся его отработать. Съёмки начинаются завтра утром, и мне хотелось бы сначала кое-что узнать.

— Конечно. Заходи в дом.

— Никогда в жизни! — воскликнул Барни, отпрянув в сторону. — Я слишком хорошо помню, что случилось с парнем, который зашел к тебе до меня.

Глава 8

— Не шевелись, — закричал Джино. — От тебя требуется только одно — стоять неподвижно, а ты не можешь сделать даже этого.

— Хочется выпить, — пробурчал Оттар и нетерпеливо дернул за длинные спутанные волосы слугу, который стоял рядом, изображая Слайти.

Слуга взвизгнул и чуть не упал.

Джино выругался и оторвался от окошечка видискателя.

— Барни, — взмолился он, — поговори с этими крестинами из каменного века. Мы снимаем любовную сцену, а они слоняются взад и вперед по всему склону, будто это матч по борьбе. Это самые плохие статисты, каких мне только приходилось видеть.

— Ты просто замечь место, Джино, через минуту мы будем готовы, — ответил Барни, поворачиваясь к своим звездам.

Раф стоял, сложив руки на груди и устремив в пространство отсутствующий взгляд. В костюме викинга и со светлой бородой он выглядел очень импозантно. Слайти откинулась на спинку походного кресла, пока ей расчесывали парик, и выглядела еще более импозантно со своими двумя кубическими футами округлой плоти, выпирающей из-за низкого выреза платья.

— Повторяю все еще раз, — сказал Барни. — Вы любите друг друга, Раф отправляется на битву, и ты, может быть, больше никогда не увидишь его, поэтому вы прощаетесь на холме, страстно обнимая друг друга.

— А я-то думала, что ненавижу его, — сказала Слайти.

— Это было вчера, — разъяснил ей Барни. — Наши сцены снимаются не в том порядке, в каком они будут в фильме, я уже два раза объяснял это сегодня утром. Давайте я повторю еще раз, кратко, — если соизволите осчастливить меня своим вниманием, мистер Хоук. Действие начинается с того, что Тор, роль которого исполняет Раф, вместе с бандой викингов нападает на ферму, где живешь ты, Слайти. Тебя зовут Гудрид, и ты дочь хозяина дома. В бою все убиты, кроме тебя, и Тор захватывает тебя в качестве трофея. Ночью он приходит к тебе, но ты борешься с ним, потому что ненавидишь его. Однако постепенно он завоевывает твое сердце, и в конце концов ты полюбила его. В это время он уходит с викингами в очередной поход, и ты ждешь его возвращения. Это как раз та сцена, которую мы снимаем сейчас. Он уходит, ты бежишь за ним, окликаешь его, он поворачивается, ты подбегаешь к нему и обнимаешь, прямо здесь. Надеюсь, теперь это понят...

— Смотрите, — прервал его Раф, указывая на море, — подходит корабль.

Они повернулись к морю — действительно, ладья викингов только что обогнула мыс и вошла в залив. Парус был свернут, голова дракона на носу корабля вздымалась и опускалась в такт ритмичным движениям гребцов.

— Завтра! — закричал Барни. — Лин, где ты? Разве вы с Оттаром не договорились, что этот Финнбогги приведет свой корабль завтра?

— У них очень приблизительное представление о времени, — ответил Лин.

Барни швырнул шляпу на землю и подбежал к оператору.

— Как ты думаешь, Джино, это стоит заснять? Ты можешь взять корабль?

Джино повернул туррет, направил длинную трубу телеобъектива в море и прильнул к видоискателю.

— Неплохо, — сказал он, — великолепный кадр.

Оттар и другие норвежцы уже бежали вниз по склону и не обратили никакого внимания на крики Барни, который хотел, чтобы они убрались из кадра.

— Что это они делают? — спросил Барни, когда скандинавы начали выбегать из хижины, держа в руках оружие.

— Если бы я только знал, — недоуменно сказал Лин. — Может, это какой-то неизвестный мне обряд приветствия?

Оттар со своими людьми стоял у самой воды, что-то крича, и люди с корабля кричали ему в ответ.

— Снимай все происходящее, Джино, — распорядился Барни. — Если кадры будут хорошими, мы вставим эти сцены в сценарий.

Несколько взмахов веслами, и корабль викингов уткнулся в берег. Голова дракона высилась над стоящими на берегу людьми. Не успел корабль остановиться, как вновь прибывшие схватили щиты, висевшие вдоль бортов, и попрыгали в воду. Подобно стоящим на берегу, они тоже размахивали над головой самыми разномастными мечами и топорами. В следующее мгновение обе группы столкнулись.

— Ну, как это выглядит в кадре? — спросил Барни.

— Санта Мария! — крикнул Джино. — Они убивают друг друга!

Звон металла смешался с хриплыми боевыми криками воинов. Зрители, стоявшие на холме, не могли различить деталей, множество борющихся фигур сливались в общую массу, пока из гущи боя не вырвался человек, который, спотыкаясь, побежал вдоль берега. Он был безоружен и казался раненым, а следом за ним бежал его противник, вовсю размахивая топором с длинной рукояткой. Преследование было коротким, а конец — внезапным. Как только расстояние между преследуемым и преследователем сократилось, топор, описав широкую дугу, отрубил убежавшему голову, которая покатилась вдоль берега.

— Да, они вошли в роль, — выдавил из себя Барни.

— Мне кажется, это не Финнбогги со своими людьми, — сказал Лин. — Я думаю, что это совсем другой корабль.

Барни был человеком действия, но подобные действия были не в его духе. Звуки битвы и зрелище обезглавленного трупа, валяющегося на окровавленном песке, парализовали его. Как поступить? Это был не его мир, не его методы борьбы. Вот Текс или Даллас в такой ситуации оказались бы в своей тарелке. Кстати, где же они?

— Радио, — пробормотал он, с опозданием вспомнив о приемнике-передатчике, висевшем у него на плече; он включил радио и спешно вызвал к себе обоих трюкачей.

— Он заметил нас, поворачивается, он бежит к нам, — взволнованно закричал Джино. — Какие великолепные кадры!

Вместо того, чтобы вернуться в гущу боя, убийца бежал вверх по склону, размахивая топором и что-то хрипло крича. Группа артистов, стоящих на вершине холма, следила за его приближением, но не двигалась с места. Все было настолько чуждо им, что они не могли представить себя ничем иным, кроме зрителей, не могли вообразить, что могут быть вовлечены в ужасную бойню, развернувшуюся на берегу. Атакующий викинг подбегал все ближе и ближе, пока не стали отчетливо видны темные пятна океанских брызг и пота на грубой красной шерсти его рубахи и зловещие багровые пятна крови на топоре и руках.

Тяжело дыша, викинг бежал прямо на Джино, очевидно считая съемочную камеру каким-то оружием. Оператор оставался на посту до последнего мгновения, снимая своего разъяренного противника, и отскочил в сторону только в тот момент, когда топор обрушился вниз. Широкое лезвие ударило по ноге треножника, согнув ее и чуть не опрокинув съемочную камеру на землю.

— Эй, поосторожнее с оборудованием! — крикнул Барни и тут же пожалел об этом, когда обезумевший от ярости викинг повернулся в его сторону.

Джино пригнулся, выставив перед собой руку с ножом, поблескивающим в лучах солнца, и спокойно ожидая новой атаки — тут, несомненно, чувствовался опыт юношеских лет, проведенных в труппах Неаполя. Стоило викингу на мгновение отвлечься, как Джино нанес удар.

Он не промахнулся, однако викинг, несмотря на свои огромные размеры, оказался быстрым, как кошка. Он успел повернуться, и нож вместо живота скользнул по боку. Заревев от внезапной боли, викинг продолжал наступление, и рукоятка топора обрушилась на голову итальянца, сбив его с ног. Все еще яростно крича, викинг схватил Джино за волосы, отогнул его голову назад, обнажив шею, и взмахнул топором, чтобы нанести роковой удар.

Воздух разорвал щелчок пистолетного выстрела, и тело викинга, в грудь которого попала пуля, судорожно дернулось. Он повернулся, открыв рот, на лице его застыла гримаса молчаливой боли, и Текс — они даже не знали, что подъехал джип, — положив руку с револьвером на руль, выстрелил еще два раза. Обе пули попали викингу в лоб, и он рухнул на землю, отдав богу душу еще до того, как его тело коснулось земли.

Джинно оттолкнул от себя безжизненное тело викинга и, встав на ноги, весь дрожа, наклонился над камерой. Текс снова включил двигатель джипа. Остальные были настолько потрясены внезапностью атаки, что стояли как вкопанные.

— Хотите, я поеду к берегу и помогу нашим статистам? — спросил Текс, вкладывая патроны в барабан револьвера.

— Да, — сказал Барни. — Необходимо прекратить это безобразие, пока еще кого-нибудь не убили.

— Не могу гарантировать, что этого не случится, — зловеще пробормотал Текс и повернул джип вниз по склону холма.

— Кончай съемку! — крикнул Барни оператору. — Мы можем вставить в наш фильм что угодно, только не джипы.

Текс заклинил чем-то кнопку гудка, так что тот ревел не переставая, и держал мотор на самой низкой передаче — он гудел как бешеный, а коробка передач выла, готовая разорваться. Со скоростью пять миль в час джип устремился к месту битвы.

Оттар и его люди видели джип много раз и успели привыкнуть к нему, однако этого нельзя было сказать

про викингов с нападающего корабля. Они увидели, как на них мчится какое-то ревущее чудовище, и по вполне понятным причинам не стали ждать его приближения, а разбежались влево и вправо. Текс, резко развернув джип у самой кромки воды, успел поддать буфером в зад одному из них, который не проявил достаточного проворства. Оттар и его люди собрались позади джипа и перешли в решительное наступление на рассеянного по берегу противника. Морские викинги дрогнули и обратились в бегство, поспешно карабаясь на корабль и хватаясь за весла.

На этом и пришел бы конец попытке вторжения, если бы Текс не был охвачен боевой лихорадкой. Не успел корабль викингов сдвинуться с места, как он выскочил из-за руля, подбежал к переднему бамперу и вытащил оттуда барабан лебедки с намотанным на него стальным тросом. На его конце была петля. Вытянув трос достаточной длины, он вскочил на капот джипа и начал размахивать тросом. При этом он издавал воинственный клич, разносившийся по всему берегу. Все шире и шире становились круги, и наконец трос взвился в воздух и петля опустилась прямо на голову дракона на носу корабля викингов. Текс дернул за трос, накрепко затянув петлю, и, спрыгнув на землю, неторопливо залез обратно в кабину.

Весла взбили белой пеной воды залива, и корабль медленно и плавно отошел от берега. Текс закурил сигарету предоставив тросу разматываться. Вот корабль отошел на двадцать, вот уже на тридцать футов от джипа. Один из викингов, стоя на носу, рубил топором стальной трос, но не добился ничего, разве что совершенно затупил топор. Текс ногой очень быстро переключил лебедку на обратное вращение. Трос поднялся из воды, натянулся подобно струне, корабль дрогнул и остановился. Затем медленно, но верно он двинулся обратно к берегу. Весла, отбрасывая брызги, погружались глубоко в воду, но тщетно.

Теперь оставалось только довершить разгром. После Тексова маневра первоначальный пыл, с которым атакующие бросились на берег, полностью испарился. Оружие посыпалось в воду, и захватчики подняли руки вверх — они сдавались. Только один из них

жаждал сразиться — тот самый, который пытался разрубить стальной трос. Держа топор в одной руке и круглый щит в другой, он прыгнул на берег и кинулся к джипу. Текс взвел курок револьвера и ждал, но в схватку вступил Оттар, отразивший атаку. Оба викинга начали описывать круги возле самой воды, выкрикивая оскорбления по адресу друг друга. Когда Текс увидел, что все остановились, он осторожно спустил взведенный курок и сунул револьвер в кобуру, следя за схваткой двух богатырей.

Оттар, взмокший от пота и предельно возбужденный битвой, будил в себе безумие берсеркера, грыз край щита, что-то хрипло крича. Он вбежал по колено в воду и продолжал идти к своему противнику. Вождь атакующих замер в нескольких ярдах от него, бросая на Оттара яростные взгляды из-под нависшего на глаза железного шлема и выкрикивая ответные оскорбления. Оттар несколько раз плашмя ударил топором по своему щиту, затем внезапно ринулся вперед, взмахнув топором, и обрушил сокрушительный удар на голову противника. Тот успел поднять щит, чтобы отразить удар, однако он был нанесен с такой силой, что викинг рухнул на колени.

С радостным воплем Оттар снова и снова наносил безжалостные удары топором, не замедляя ритма, как дровосек, валящий дерево. Викинг стоял на коленях и не мог поднять свой топор — он опирался на него, чтобы не упасть под градом мощных ударов. От его щита летели щепки, и огромная волна окутала сражавшихся туманом мелких брызг.

Вдруг ритмичные удары по щиту прекратились — Оттар поднял топор как можно выше и со всей силой обрушил его прямо вниз, на голову противника. Щит взлетел вверх, однако не предотвратил сокрушительного удара. Топор соскользнул по щиту, едва замедлив движение, и глубоко вонзился в бедро викинга. Тот взвыл от боли и взмахнул топором, стремясь нанести ответный удар. Однако Оттар, увернувшись, легко отскочил назад и остановился на мгновение посмотреть на дело рук своих. Раненый с трудом встал, перенося весь свой вес на здоровую ногу, и было ясно видно, что его бедро перерублено почти наполовину и

из раны хлещет поток крови. Оттар отбросил от себя щит и топор и издал победный клич. Раненый викинг сделал неловкую попытку атаковать его, однако Оттар, смеясь, увернулся. Все скандинавы, стоявшие на берегу, да и большая часть викингов на корабле тоже смеялись над бессильной яростью раненого викинга. Он продолжал ползти к Оттару, пытаясь повалить своего противника.

Должно быть, Оттар понял, что эта забава может кончиться только смертью его противника от потери крови, потому что он подбежал к поверженному врагу и вспрыгнул ему на спину, погрузив его лицо в пенящуюся воду. Затем, встав одной ногой на правую руку викинга, которая все еще сжимала топор, он обеими руками схватил его голову, ткнул ее в песок и мелкую гальку и держал до тех пор, пока тело викинга не перестало дергаться. Враг утонул в нескольких дюймах пенившейся воды. Все воины на берегу и корабле приветствовали победу Оттара радостными криками.

На вершине холма царила тишина, только Раф Хоук нетвердым шагом отошел в сторонку: его рвало. Барни впервые заметил, что Джино снова склонился над камерой.

— Ты успел заснять схватку? — спросил он, мучаясь от того, что его голос дрожит и срывается.

— До последнего момента! — ответил Джино, хлопывая по диску с заснятым фильмом, — хотя я не уверен, что мне удалось запечатлеть все подробности с такого расстояния.

— Все к лучшему, — сказал Барни. — На сегодня мы закончим, все равно вот-вот начнет темнеть, да я и не думаю, что кто-нибудь из нас сможет работать в таком окружении, — он кивком головы указал на мрачное зрелище внизу, у берега.

— А меня это несколько не волнует, — беззаботно ответила Слайти. — Это напоминает мне бойню, на которой работал мой отец, когда мы жили в Чикаго. Я каждый день приносила ему ленч.

— Ну, не все могут похвастаться таким хладнокровием, — сказал Барни. — Завтра ровно в семь тридцать начнем с того, где кончили сегодня.

Он направился вниз по склону холма к шумной толпе на берегу.

Убитых и раненых из обеих групп сволокли в одно место, туда, где волны не могли их достать, и победители уже грабили захваченное судно, начав с эля. Уцелевшие викинги стояли под стражей, и перед ними расхаживал взад и вперед Оттар, что-то крича и размахивая кулаками для пущей выразительности. Повидимому, его слова возымели действие, потому что, когда Барни спустился с холма, скандинавы, побежденные и победители, повернулись и вместе двинулись по направлению к хижине. Только один человек не двинулся с места. Оттар обрушил ему на голову мощнейший удар, и человек рухнул как подкошенный. Двое слуг подняли и унесли его. Оттар вошел в море и начал шарить по дну, разыскивая свой топор, когда Барни подошел к нему.

— Может быть, ты скажешь мне, что все это значит? — спросил Барни.

— Ты видел, как я рубанул его по ноге? — торжествуя крикнул Оттар, размахивая найденным топором над головой. — Крак! Отрубил почти начисто!

— Хорошо сыграно. Я видел все. Прими мои поздравления. Но кто он такой и что они здесь делали?

— Его имя Торфи. Виски?! — Это уже был триумфальный возглас, потому что Текс бросил на песок освобожденный трос и извлек из-под сиденья джипа пол-литровую бутылку.

— Виски, — согласился Текс. — Правда, не твой любимый сорт, но этот тоже неплох. А хорошо у тебя получился этот удар с размаху!

Предвкушая наслаждение, Оттар стал вращать глазами, затем, поднеся к губам бутылку, зажмурился и осушил ее до дна.

— Вот бы мне так научиться, — с завистью сказал Текс.

Барни подождал, пока бутылка не опустела и Оттар с победным криком не запустил ее в море, а затем спросил:

— Так вот этот Торфи. Кто он такой?

Усталость после битвы и выпитое виски внезапно обрушились на плечи Оттара, и он опустился на гальку, тряся огромной головой.

— Торфи, сын Вальбранда, — сказал он, как только снова смог набрать воздуха в легкие, — сына Вальтофа сына Орлуга, пришел к Свайни... Торфи убил за один раз двенадцать людей Кроппа. Он убил и семью Холсменов, и он был в Хеллисфитаре вместе с Иллути Черным и Стурли Добрым, когда там убили восемнадцать пещерных людей. Они также сожгли Аудуна, сына Смидкела, в его собственном доме в Бергене. — Оттар остановился и с глубокомысленным видом кивнул головой, будто сообщил сведения огромной важности.

— Ну и что? — озадаченно спросил Барни. — Что все это значит?

Оттар посмотрел на него и нахмурился.

— Смидкел был женат на Тородде, моей сестре.

— Да, конечно, — воскликнул Барни. — Как только это вылетело у меня из головы! То есть у этого Торфи были нелады с твоим шурином, а значит, и с тобой, и, когда он попытался тебя прикончить, ты его опередил. Ну и жизнь. А кто были его воины?

Оттар пожал плечами и с трудом поднялся на ноги, опираясь на переднее колесо джипа.

— Викинги, грабители. Собирались грабить Англию. Им не нравился Торфи, потому что он решил плыть сначала сюда, вместо того чтобы сразу отправиться в Англию. Теперь они отправятся со мной грабить Англию. Мы поплывем на моем новом корабле.

Он указал топором на корабль, украшенный головой дракона, и зашелся от смеха.

— А тот, который не хотел присоединиться к вам?

— Это Хаки, брат Торфи. Я сделаю его рабом. Продам его собственной семье.

— Ну что за парни, — сказал Текс. — Они не очень-то церемонятся.

— Ты совершенно прав, — подтвердил Барни, в изумлении уставившись на викинга, который в этот момент показался ему гигантом. — Лезь в джип, Оттар, мы отвезем тебя домой.

— Оттар поедет в чипе, — с энтузиазмом воскликнул викинг, бросил в джип свой топор и щит и полез в кабину.

— Только не на сиденье водителя, — сказал Текс. — Всему свое время.

В число припасов, снятых с захваченного корабля, входила дюжина бочонков эля, бóльшая часть которых была открыта и стояла перед хижиной, где уже начался пир в ознаменование победы. По-видимому, воины Оттара не питали злых чувств к своим бывшим противникам, потому что те смешались с победителями и не уступали им по количеству выпитого эля. Единственным человеком, который не наслаждался пиром, был Хаки, связанный по рукам и ногам и брошенный под скамью. Пирующие шумными криками приветствовали Оттара, который тут же направился к бочонку с выбитым дном, зачерпнул рукой эль из бочонка и начал его пить.

Когда крики стихли, снаружи послышался шум мотора, и Барни увидел пикап, который шел вдоль берега к дому. Машина затормозила, осыпав Барни дождем мелкой гальки, и из нее выглянул Даллас.

— Мы добрых десять минут пытались связаться с тобой по радио, а может быть, и больше, — сказал он.

Барни взглянул вниз на свой радиоприемник и увидел, что он был выключен.

— Все в порядке, — успокоил он Далласа. — Просто я по ошибке выключил эту штуку.

— Зато в лагере не все в порядке, вот почему мы и пытались вызвать тебя...

— Что... что случилось?

— Да Раф Хоук. Он вернулся страшно взволнованный, не смотрел под ноги и в темноте наступил на овцу — знаешь, такие грязно-серые, очень похожи на валуны, — споткнулся, упал и сломал ногу.

— Ты хочешь сказать, что на третий день съемок фильма наш главный актер сломал себе ногу?

Даллас не без сочувствия посмотрел ему прямо в глаза, затем медленно кивнул головой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 9

Вокруг трейлера Рафа Хоука собралась толпа, и Барни пришлось основательно поработать локтями.

— Расходитесь, — рявкнул он. — Это вам не представление! Дайте мне дорогу!

Раф лежал на кровати, лицо у него было серым и покрылось мелкими капельками пота. Он все еще был в костюме викинга. Правая нога ниже колена была забинтована, сквозь белую марлю местами проступала кровь. У изголовья стояла медицинская сестра — вся в белом, готовая к действиям.

— Ну как он? — спросил Барни. — Это серьезно?

— Настолько серьезно, насколько это возможно, — информировала его медсестра. — У мистера Хоука сложный перелом ноги, то есть его нога ниже колена сломана в нескольких местах и острый конец кости пробил кожу.

Эти слова исторгли у Рафа, лежавшего с закрытыми глазами, театральный стон.

— Мне кажется, дело обстоит не так уж трагично, — с отчаянием в голосе заметил Барни. — Сейчас ему нужно сложить сломанные кости, и он в два счета встанет на ноги.

— Мистер Хендриксон, — начала медсестра ледяным тоном. — Я не доктор и поэтому не могу предписывать курс лечения. Я оказала пациенту первую

помощь: наложила стерильную повязку на рану, чтобы предупредить заражение, и сделала укол новокаина, чтобы облегчить боль. Я выполнила свой долг. А теперь мне хотелось бы знать, когда придет врач.

— Конечно, этим случаем немедленно займется врач. Где моя секретарша?

— Я здесь, мистер Хендриксон, — раздался голос из-за двери.

— Бетти, возьми пикап, он стоит здесь, у самой двери. Текс отвезет тебя. Найди профессора Хьюитта, пусть он, не теряя ни секунды, доставит тебя на платформе обратно в студию. Он знает, как это сделать. Там разыщи нашего врача и немедленно возвращайся с ним сюда.

— Не надо доктора, отправьте меня обратно... обратно, — застонал Раф.

— За дело, Бетти, быстрее. — Барни, широко улыбаясь, повернулся к Рафу и похлопал его по плечу. — А теперь забудь обо всех неприятностях. Мы не стоим перед расходами, к твоим услугам будут все чудеса современной медицины. Сейчас хирурги чего только не делают — ставят на кость металлические стержни и так далее. Они живо поставят тебя на ноги, и ты будешь как огурчик.

— Нет! Я не хочу сниматься в этой картине. Теперь моей работе с вами конец, я уверен, что именно так сказано в моем контракте. Я хочу домой!

— Успокойся, Раф. Не волнуйся, отдохни. Сестра, останьтесь с ним, я сейчас выгоню всех отсюда. Я убежден, что все будет в порядке.

Однако в словах Барни было не меньше фальши, чем в улыбке. Он рывкнул на любопытных, и трейлер тотчас опустел.

Не прошло и пяти минут, как вернулся пикап. В трейлер вошли доктор и двое служителей, несших ящики с медицинскими принадлежностями.

— Я прошу всех, кроме сестры, покинуть помещение, — сказал доктор.

Барни пытался было протестовать, затем пожал плечами. Все равно пока здесь нечего было делать.

Выйдя из трейлера, он подошел к профессору, который копался во внутренностях времееатрона.

— Не вздумайте разбирать его, — предостерег Барни. — Мне нужно, чтобы эта ваша машина времени круглые сутки была в состоянии боевой готовности.

— Я просто проверяю отдельные участки проводки. Боюсь, что в спешке многие провода были соединены и изолированы кое-как и на них теперь нельзя полагаться.

— Как долго длилось ваше последнее путешествие? То есть я хочу сказать, сколько сейчас времени в Голливуде?

Профессор посмотрел на указатели приборов.

— Если брать с точностью до нескольких микросекунд, то сейчас 14,3552 часа, суббота...

— Черт побери, уже половина третьего субботы! Куда же делось все это время?

— Уверю вас, я здесь совершенно ни при чем. Я ждал у платформы, прескверно позавтракал у одного из автоматов, пока не вернулся пикап. Насколько я понял, доктор куда-то отлучился, его искали, и, кроме того, нужно было запастись медицинским оборудованием.

Барни невольно потер живот: у него возникло такое ощущение, будто в желудке образовался кусок льда величиной с пушечное ядро.

— Я должен сдать готовый фильм в понедельник утром. Сейчас половина третьего субботы, а мы отсняли материала всего на три минуты, и главный герой лежит со сломанной ногой. Времени, времени у нас в обрез. — Барни как-то странно взглянул на профессора. — А почему у нас нет времени? Времени должно быть сколько угодно, правда, профессор? Можно найти уединенное местечко, вроде такого, куда мы посылали Чарли Чанга, и там можно закончить лечение Рафа!

Не ожидая ответа профессора, Барни вскочил и кинулся к Рафу, спотыкаясь о разбросанное повсюду съемочное оборудование. Без стука он ворвался в трейлер. Нога Рафа была уложена в лубок, и доктор измерял его пульс. Он недовольно посмотрел на Барни.

— Дверь была закрыта совсем не случайно, — заметил он.

— Я знаю, доктор, и я вам гарантирую, что больше никто не войдет через нее. Здорово вы его обработали... я надеюсь, вы не обидитесь, если я спрошу, через сколько времени вы поставите его на ноги?

— До тех пор, пока я не помешу его в госпиталь...

— Ага, совсем ненадолго!

— ... там я сниму шину и наложу гипс, и он будет лежать в гипсе по крайней мере двенадцать недель — это минимальный срок. А потом пациент будет ходить на костылях не меньше месяца.

— Ну что ж, это отнюдь не плохо, то есть я хочу сказать, совсем здорово, просто здорово. Я надеюсь, вы сделаете все, чтобы он вылечился, и сможете сами отдохнуть в то же самое время, каникулы, так сказать. Мы найдем для вас обоих милое уединенное местечко, где вы оба сможете отдохнуть.

— Я не знаю, о чем вы говорите, но то, что вы предлагаете мне, совершенно неосуществимо. У меня обширная практика, и я не могу оставить ее на двенадцать недель или даже на двенадцать часов. Сегодня вечером у меня очень важная встреча, и я должен немедленно отправляться назад. Ваша секретарша заверила меня, что я буду дома вовремя.

— Так оно и случится, — уверенно сказал Барни. Ему уже пришлось один раз объяснять все это Чарли, и теперь он знал, как это делается. — Вас доставят вовремя для важной встречи сегодня вечером, в понедельник вы прибудете на работу без опоздания, и все остальное будет в полном порядке. Вдобавок вы сможете отдохнуть — разумеется, за наш счет — и получите трехмесячное жалование. Ну разве это не великолепно? Сейчас я объясню вам, как это делается...

— Нет! — взвизгнул Раф. Он приподнялся на постели и с трудом показал Барни кулак. — Я знаю, что вы хотите сделать, но я решительно отказываюсь. Я не хочу иметь ничего общего ни с этой картиной, ни с этими сумасшедшими варварами. Я видел, что случилось сегодня на берегу, и с меня хватит.

— Успокойся, Раф...

— Не пытайся уговорить меня, Барни, я все равно не изменю решения. Я сломал ногу, и у меня с этой картиной все кончено. И даже если б я не сломал ногу, я все равно отказался бы от участия. Ты не можешь заставить меня играть.

Барни открыл рот — у него на языке вертелись выражения, ярко характеризующие игру Рафа, — но неожиданно для себя он сдержался.

— Мы поговорим об этом завтра, а сейчас отдохни как следует, — пробормотал он, затем повернулся и вышел из трейлера.

Он знал, что, закрывая за собой дверь трейлера, он закрывал дверь для всей картины. И для своей карьеры. Ясно, что Раф не изменит своего решения. Мало что проникало через мышцы и кости в его крошечный мозг, но то, что проникало, оставалось там навсегда. Барни не мог заставить этого кретина с чрезмерно развитой мускулатурой отправиться для лечения на какой-нибудь доисторический остров — а значит, фильму пришел конец.

Барни споткнулся и, подняв голову, увидел, что он пересек весь лагерь и вышел к берегу, сам того не заметив. Он был один на холме, который поднимался над берегом и над заливом. Солнце уже склонилось к самому горизонту, освещая полосу низких облаков золотым светом заката, а закат отражался от поверхности воды, образуя дрожащие блики с каждой новой волной. На этом мире, свободном от людей, лежал отпечаток первозданной красоты, но Барни ненавидел этот мир и все, что его окружало. Он заметил камень у себя под ногами и, размахнувшись, бросил его, как бы стремясь разбить зеркало моря. Но, бросая его, он сделал неловкое движение, повредил руку, и камень, не долетев до воды, упал на прибрежную гальку.

Итак, картины не будет. Он громко выругался.

— Что ты сказал? — раздался позади него низкий голос Оттара.

Барни резко повернулся.

— Я сказал — убирайся отсюда, волосатый болван!

Оттар пожал плечами и протянул огромную руку, в которой он держал две бутылки виски.

— По-моему, ты плохо выглядишь. Выпей глоток!

Барни открыл рот, чтобы сказать что-то обидное, но потом вспомнил, с кем говорит, буркнул «Спасибо!» — и приложился к бутылке, после чего почувствовал себя немного лучше.

— Я пришел сюда за своей бутылкой, а тут Даллас сказал, что он на собственные деньги поставит мне еще одну — за сегодняшний бой. Сегодня большой день!

— О да, большой день. Дай-ка бутылку. И это последний день, потому что фильм окончен, погиб, капут. Ты знаешь, что это значит?

— Нет. — Раздалось продолжительное бульканье.

— Да откуда тебе знать, тебе, чистому дитяти природы, неиспорченному варвару. В каком-то смысле я тебе просто завидую.

— Я не дитя природы. Был человек по имени Торд Лошадиная Голова, он был моим отцом.

— Да, я завидую тебе, потому что ты — хозяин мира. То есть хозяин своего мира. Сильная рука, неутолимая жажда, великолепный аппетит и никаких сомнений. А мы постоянно сомневаемся сами в себе, мы этим живем. Готов поспорить, что ты даже не знаешь, что значит сомневаться в себе.

— Это что-то вроде самоубийства?

— Конечно, это тебе незнакомо.

Викинг уже сидел на земле, и Барни опустился рядом с ним, чтобы легче доставать бутылку. Солнце село, и ярко-красное небо на горизонте незаметно переходило в серые облака, а потом в темный мрак над головой.

— Понимаешь, Оттар, мы делаем фильм, картину. Развлечение и большой бизнес, слитые воедино. Деньги и искусство — они не смешиваются, но мы их смешиваем уже давным-давно. Я занимался этим делом еще тогда, когда на мне были короткие штанишки, и вот теперь, в период ранней зрелости, когда мне сорок пять, я покончил с кино. Потому что без этого шедевра «Клаймэктик» пойдет ко дну, а вместе с ней ко дну пойду и я. А знаешь почему?

— Выпей-ка еще.

— Спасибо. Я тебе скажу, почему. Потому что за всю свою долгую и богатую событиями жизнь я сделал семьдесят три картины, и каждая из них была забыта, едва она сошла с экрана. Если я уйду из «Клаймэктика», мне конец, потому что в мире множество продюсеров и режиссеров, которые лучше меня, и они претендуют на ту же работу, на какую буду претендовать я.

Оттар, придав лицу благородное и героическое выражение, орлиным взором посмотрел на море, улыбнулся и икнул. Барни одобрительно кивнул и снова приложился к бутылке.

— Ты умный человек, Оттар. Я скажу сейчас тебе то, чего я еще никому не говорил, потому что я напился на твою дневную зарплату, а ты, наверно, понимаешь только одно слово из десяти. Знаешь ли ты, кто я? Я — посредственность. А ты имеешь представление, какое ужасное признание я сделал? Если ты ни на что не способен, ты быстро узнаешь об этом, и тебя отовсюду гонят, и ты идешь работать заправщиком на автостанцию. Если ты гений, ты тоже знаешь это, и твоя жизнь сделана. А вот если ты посредственность, ты никогда не можешь до конца этому поверить, сваливаешь все на обстоятельства и пытаешься сделать еще одну картину, пока не отснимешь семьдесят третью бездарную ленту. А вот семьдесят четвертой не бывать. Но самое смешное заключается в том, что этот семьдесят четвертый действительно мог стать хорошим фильмом. И уж по крайней мере, клянусь богом, он не был бы похож на остальные. Все погибло. Картина умерла, не успев родиться, бедная картина попала в царство кинематографического забвения. Картина умерла, нет картины...

— Что такое картина?

— Я уже объяснял, произведение искусства. Развлечение. Вроде этих ваших, как вы их называете, саг...

— Хочешь, я спою песню из саги? Я хорошо пою.

Не ожидая ответа, Оттар встал, глотнул из бутылки, чтобы прочистить горло, и запел громовым голосом, сливающимся с шумом прибоя:

Рази, рази, меч,
Место в моем сердце, где живет червь!
Гневные лица — мои сыновья — принесут месть.
У смерти нет страха. Голос Валькирии
Сзывает новых гостей в пивной зал Одина.
Приходит смерть. На столе — пир.
Жизнь окончена. Я умираю смеясь!

Оттар замер на мгновение, затем взревел с новой силой.

— Это была песня Рагнара перед тем, как король Аэлла убил его, и Рагнар умер. Как жаль, что мне не удалось сделать это!

Оттар погрозил кулаком недоброму небу.

У Барни в глазах двоилось, но он обнаружил, что, если закрыть один глаз, он достаточно четко видел вторым. Оттар возвышался над ним, гигант на заре существования мира, в кожаной одежде, с развевающимися волосами. Последние багровые отсветы заката легли на его лицо. Сага была для него жизнью, искусство и жизнь сливались в одно целое. Песня была битвой, а битва — песней.

Мысль, пришедшая в голову Барни, была настолько неожиданной, что он тихо охнул.

А почему бы нет? Если бы он не наакался, распивая виски на берегу древнего моря с человеком, который умер тысячу лет назад, эта идея никогда не пришла бы ему в голову. Почему бы нет? Вся история со съемкой этой картины — безумие, так почему не добавить к ней еще один, последний штрих? В его руках была свобода и власть — и ведь все равно картина погибла, хуже не будет. Почему же нет?

— Пошли со мной, — пробормотал Барни, с трудом встав на ноги и пытаясь поднять с земли неподвижную громаду викинга.

— Зачем?

— Смотреть кино. — На Оттара это не произвело впечатления, и он остался сидеть. — Ну тогда пошли за виски.

Это пришлось Оттару больше по душе, и они отправились в лагерь. Барни то и дело опирался на своего спутника, который даже не замечал этого.

— Экстры готовы? — спросил Барни, просовывая голову в трейлер кинолаборатории.

— Сейчас вынимаем из сушилки, мистер Хендрик-сон, — ответил техник.

— Отлично! Установите экран снаружи и давайте их сейчас просмотрим. Сначала покажите вчерашнюю порцию, а потом то, что было снято сегодня.

— А виски? — спросил Оттар.

— Да, да, посиди немного, сейчас принесу, — ответил Барни.

Найти в темноте свой трейлер оказалось совсем непросто, да к тому же повсюду было разбросано на редкость много всякого хлама, о который Барни то и дело спотыкался; затем возникла проблема, как найти нужный ключ из множества ключей в связке. Когда Барни вернулся обратно с бутылкой виски в руках, складной экран был уже установлен и парусиновые кресла расставлены. Они с Оттаром поудобнее устроились в креслах, поставили перед собой бутылку, проектор зажужжал, и они начали смотреть фильм в этом удивительном кинотеатре под открытым небом и яркими звездами.

Сначала Оттар никак не мог воспринимать проектируемые на экран кадры как картину, его неразвитый ум не связывал движущиеся изображения с действительностью. Он не был, однако, полным профаном в изобразительном искусстве, ему были знакомы как три измерения в резьбе по дереву, так и плоскостное изображение — рисунки, и, когда на экране появилось изображение берега и его хижины, он вскрикнул от изумления.

Ужин уже подошел к концу, и почти вся съемочная группа подошла к экрану, чтобы посмотреть на экстры. Даже те, кто не присутствовал при сражении, были достаточно наслышаны о нападении викингов, и, когда на экране возник корабль, послышались шепот и

вздохи, то и дело прерываемые гневным ревом Оттара. Когда корабль нападающих пристал к берегу и началась битва, воцарилась полная тишина. Угол съемки был великолепен, кадры четкие, детали настолько ясны, что было почти невыносимо смотреть. Даже Барни, который все время был на берегу, почувствовал, как у него по спине забегали мурашки, когда на экране появилось лицо залитого кровью викинга, бегущего вверх по холму прямо на камеру, все ближе и ближе.

Испустив страшный боевой клич, Оттар вскочил на ноги, бросился на экран и сорвал его, запутался в белой ткани, споткнулся и покатился вниз по склону, в ярости разрывая материю и ломая металлическую раму. Поднялся крик, одна из девушек принесла небольшой прожектор и осветила викинга. Подбежавший к Оттару Лин сумел наконец успокоить его, а подоспевшие помощники вытащили викинга из-под обломков экрана. Пока продолжалась неразбериха, лагерь осветился автомобильными фарами, и через минуту машина «Скорой помощи» с надписью «Госпиталь округа Лос-Анджелес» на белом борту въехала в свет прожектора.

— Чертовски трудно найти кого-нибудь в вашем лагере, — сказал шофер. — У вас, киношников, действительно большие павильоны для съемок, вот уж никогда бы не подумал, что все это можно уместить на одной сцене.

— Что вы хотите? — спросил Барни.

— Меня вызвали. Приехал за пациентом со сломанной ногой по имени Хоук.

Барни обвел глазами молчаливую толпу.

— Ну-ка, Бетти, покажи им дорогу к трейлеру Рафа. И передай ему мои лучшие пожелания, скажи, я надеюсь, что он быстро поправится, и все в таком духе.

Бетти хотела что-то сказать, но не смогла найти слов. Она быстро прошла к машине, приложив платок к лицу, и вскарабкалась в нее. По-прежнему стояла тишина, многим было неприятно встречаться с Барни взглядом. Он улыбнулся про себя широкой таинственной улыбкой и приветливо махнул рукой.

— Представление продолжается! — распорядился он. — Принесите новый экран и давайте досмотрим экстры до конца.

Когда последнюю пленку прокрутили через проектор, Барни встал перед экраном, освещенный со всех сторон, и, приложив руку козырьком к глазам, стал вглядываться в темноту.

— Я не вижу, кто здесь. Джино, ты тут? А Эмори? — Из толпы послышались утвердительные возгласы. — Отлично, сейчас проведем пробу. Установите-ка вон там прожекторы.

— Сейчас уже ночь, мистер Хендриксон, — раздался голос из темноты.

— Я еще не ослеп и понимаю, что вы хотите сказать. Все вы получите сверхурочные, но я хочу снять эту пробу немедленно. Как вам всем, наверно, уже известно, поскольку слухи распространяются у нас чертовски быстро, Раф Хоук сломал ногу и сниматься не может. Значит, мы остались без главного героя. Может быть, некоторым это покажется катастрофой, но это неверно, потому что мы сняли не так уж много метража, который теперь придется выбросить. Но нам нужен главный герой, и именно этим мы сейчас и займемся, так как я хочу сделать пробу парня, которого все вы хорошо знаете, нашего местного друга Оттара...

Послышалось несколько удивленных возгласов, шепот и смешки. Барни услышал только смех.

— Здесь я распоряжаюсь, я директор этой картины, и я хочу устроить пробу — вот так!

Он остановился перевести дыхание и только тут действительно осознал, что он здесь главное лицо и сейчас больше, чем когда бы то ни было. Тысячелетие отделяло его от конторы треста, от ее телефонов. Л. М. не сможет добраться до него, даже если бы он и не был в постели со своим мнимым инфарктом и не прятал под матрас бухгалтерские книги. Теперь вся ответственность лежала на нем, только на нем одном, и судьба картины зависела от того, какое решение он

сейчас примет. И не только картины — судьба всей киностудии зависела от него, от него зависело, будут ли работать все окружавшие его сотрудники, не говоря уж о нем самом.

При обычных условиях подобная ситуация обеспечила бы ему бессонные ночи и спазмы желудка, заставив его испытать адские муки нерешительности. Но не сейчас. Может быть, ему передалась частичка духа викингов, сознания, что каждый человек сражается один на один со всем миром, и если ему повезет, то кто-то протянет ему руку помощи, однако рассчитывать на помощь не приходится.

— Сейчас мы сделаем эту пробу. Никто не может спорить с тем, что Оттар выглядит настоящим викингом. А если он говорит с небольшим акцентом, ну так что ж — Бойер и фон Штрохейм тоже не могли избавиться от акцента, но всем известно, чего они добились. А теперь посмотрим, сможет ли он играть, по крайней мере, хотя бы как Раф.

— Ставлю пять зеленых, что он лучше, — донеслось из толпы.

— Кто спорит? — ответил другой голос, и по толпе пронесся смешок.

Теперь они были на его стороне, Барни чувствовал это. Может быть, им всем передалось сумасшествие викингов. Какой бы ни была причина, они были с ним заодно.

Барни откинулся на спинку кресла, время от времени давая указания и потягивая из горлышка виски, пока устанавливали осветительные приборы и камеры. Когда все было готово, Барни встал и отнял бутылку у клевавшего носом Оттара.

— Отдай обратно, — проворчал Оттар.

— Сейчас. Но я хочу, чтобы ты еще раз спел мне эту сагу о Рагнаре.

— Не хочу петь.

— Нет, хочешь. Я рассказал всем о том, какая это была великая песня, и все хотят ее услышать, правда?

Из толпы послышалось дружное «да!» и одобрителные возгласы. Слайти выскользнула из темноты и прижалась к плечу Оттара.

— Спой для меня, милый, это будет моя песня, — процитировала она из своей предыдущей картины о каком-то второразрядном композиторе.

Оттар не мог устоять перед ее просьбой. Все еще ворча, но уже без злобы, он встал на место, указанное Барни, и взял в руку бутафорский топор.

— Легкий, — сказал он. — Из дерева. Никуда не годится.

И он спел для них, сначала монотонно и нараспев, все еще разглядывая топор, затем все громче и выразительнее, проникаясь духом древней боевой песни. Пропев последнюю строфу, Оттар с воинственным ревом грохнул топором по ближайшему прожектору, опрокинув его на землю и едва не превратив в металлолом. Слушатели разразились аплодисментами и возгласами одобрения, а Оттар, тяжело дыша, расхаживал перед ними взад и вперед, воспринимая все как должное.

— Это было великолепно, — сказал Барни. — А теперь давай сделаем еще одно маленькое дело, и ты свободен. Видишь, вон там стоит стойка прожектора с надетой на нее курткой и шлемом? Так вот, это вражеский часовой. Ты должен подкрасться и убить его так, как ты сделал бы это на самом деле.

— Зачем?

— Зачем? Оттар, что за вопрос? — Барни отлично знал, что это был за вопрос — это был вопрос, на который страшно трудно дать ответ. Зачем? Для актера было совершенно понятно, потому что игрой он зарабатывал себе на хлеб. Но зачем это все Оттару?

— Забудь-ка на минуту об этом, — сказал Барни. — Давай сядем рядом и выпьем по глотку. Теперь я расскажу тебе сагу.

— Ты тоже знаешь саги, да? Саги интересные.

В век Оттара, когда не было развлечений и не было еще письменности, саги заменяли все — песню и историю, газету и книгу, и Барни было это известно.

— Отлично, — сказал он и сделал знак, чтоб на Оттара навели камеру. — Хватай-ка бутылку и слушай

мой рассказ, рассказ о великом викинге, которого звали Оттаром...

— Как и меня?

— Как и тебя, да, и он был знаменитым воином. У него был хороший друг, который вместе с ним пировал и вместе с ним участвовал в сражениях. Они были самыми лучшими друзьями в мире. Но однажды во время битвы друга Оттара захватили в плен, связали и увели. Однако Оттар пошел по следу врага и, подкравшись к лагерю противника, стал ждать наступления темноты. После битвы его мучила жажда, и он пил, но сидел в укрытии не двигаясь.

При последних словах Барни Оттар поднес к губам бутылку и сделал быстрый глоток, потом прислонился к трейлеру.

— Вскоре стало темно, его время наступило. Он освободит своего друга. Встань, Оттар, сказал он себе, встань, пойд и освободи своего друга, которого враги должны убить на рассвете. Встань!

Последнее слово прозвучало как приказ, и в одно мгновение Оттар легко вскочил на ноги. Бутылка упала. Она была забыта.

— Оглянись вокруг, Оттар, и ты увидишь часового. Осторожно — вон он!

Теперь Оттар не играл — он жил. Он низко наклонился, выглянул из-за угла и тут же спрятался обратно.

— Там стоит часовой, спиной к тебе. Подползи к нему, Оттар, и без единого звука задуши его собственными руками. Схвати его за горло, и пусть он умрет молча. Иди, только осторожно, пока он стоит к тебе спиной.

Оттар уже выскользнул из-за укрытия, низко согнулся и начал двигаться вперед по изъезженной земле, беззвучно, как тень. Все замерли при виде Оттара. Барни оглянулся и увидел рядом свою секретаршу, которая не сводила глаз с крадущегося викинга. На полпути Оттар услышал шаги и замер: кто-то шел сюда. Он спрятался. Оттар скользнул в тень валуна, и Барни прошептал:

— Иди к нему, Бетти, просто пройди мимо. — Он взял ее за руку и толкнул вперед.

Оттар спрятался в тени как раз в ту минуту, когда мимо него прошла женщина. Она была совсем рядом, но не заметила его. Она ушла. Оттар подождал, пока все не стихло, затем начал снова красться вперед, все ближе и ближе — и бросился на часового!

Джино пришлось быстро повернуться, чтобы удержать викинга в кадре, когда он вскочил, рванулся вперед, все еще совершенно беззвучно, и, буквально пролетев последние метры по воздуху, бросился на чучело. Шлем упал и покатился в сторону, викинг схватил стальной стержень подставки и единым движением согнул пополам.

— Стоп! — крикнул Барни. — Такова была сага, все было точно так, как ты изобразил это. Убил часового и освободил своего друга. Здорово, просто здорово. А теперь давайте покажем Оттару, как нам понравилось его представление!

Под гром аплодисментов и крики одобрения Оттар сел на землю и быстро заморгал, как бы постепенно вспоминая, где он и что с ним. Он посмотрел на изогнутый стержень, потом отбросил его в сторону и ухмыльнулся.

— Это была хорошая сага, — сказал он. — Вот так действует Оттар.

— Ну ладно, завтра я покажу тебе экстры, — сказал Барни. — Ты увидишь движущиеся картинки с твоим изображением — как ты делал все это. А пока хватит, это был длинный день. Текс... или Даллас — пусть один из вас возьмет джип и отвезет Оттара домой.

Ночной воздух становился все холоднее, и толпа быстро рассосалась. Подсобные рабочие убрали освещение и камеру. Барни задумчиво посмотрел вслед исчезающим красным огонькам джипа, зажег сигарету. Тут только он заметил стоящего рядом с ним Джино.

— Как твое мнение? — спросил он.

— Мое мнение? — Джино пожал плечами. — Откуда я знаю? Я всего лишь оператор...

— Каждый оператор, сколько я их ни встречал, в глубине души был убежден, что из него бы вышел директор намного лучше, чем те кретины, с которыми ему приходится работать. Что ты о нем думаешь?

— Если ты спрашиваешь мое мнение, а видимо, это так, то я скажу, что он по крайней мере лучше, чем тот кусок мяса, который унесли на носилках. И если проба получится так, как я ожидаю, может быть, ты сделал находку века. Одиннадцатого века, конечно. Вот и говори потом о методе!

Щелчком пальца Барни послал окурок далеко в темноту.

— Я, — сказал он, — думаю точно так же.

Глава 10

Барни пришлось повысить голос, чтобы перекрыть грохот ливня, бьющего по крыше трейлера.

— А ты уверен, что он понимает, что подписывает? — крикнул он, с сомнением глядя на кривой крест и отпечаток пальца под контрактом.

— Совершенно уверен, — ответил Йенс Лин. — Я прочитал ему как английский оригинал, так и перевод на старонорвежский язык, и он со всем согласился, затем подписался в присутствии свидетелей.

— Надеюсь, ему никогда не попадется хороший адвокат. В соответствии с этим контрактом он — исполнитель главной роли в фильме — получает зарплату меньше всех в группе, включая негра, присматривающего за уборной.

— Ему не на что жаловаться, так как он сам выставил такие условия. Одна бутылка «Джека Даниэльса» в день и по серебряной марке каждый месяц.

— Но ведь этого не хватит даже на пломбу в зубе.

— Не следует забывать о разном экономическом положении двух миров, — начал Йенс с профессорским апломбом, для пущей убедительности подняв палец. — Экономика одиннадцатого века в основном зиждется на торговле и обмене товарами, почти без применения монет. Поэтому серебряная марка имеет гораздо большую ценность, которую трудно сравни-

вать с нашей ценой серебра, производимого в большом количестве. Пожалуй, лучше взглянуть на ее покупательную способность. За одну серебряную марку можно купить раба. За две марки...

— Достаточно, уже все понятно. Для меня важно знать, останется ли он с нами до конца картины?

Йенс пожал плечами.

— О, это очень хороший ответ. — Барни потер большими пальцами разламывающиеся от боли виски и посмотрел из окна на свинцовое небо и падающий занавес дождя. — Уже два дня, как льет, неужели дождь никогда не прекратится?

— Этого следовало ожидать. Не нужно забывать, что, хотя погода в одиннадцатом веке теплее, чем в двадцатом, из-за влияния Малого Климатического Оптимума, мы все-таки находимся в Северной Атлантике примерно на пятьдесят девятом градусе северной широты, и дождь здесь...

— Избавь меня от лекции. Я должен быть уверен, что Оттар будет сотрудничать с нами на протяжении съемки всего фильма, иначе даже и начинать не стоит. Он может отплыть завтра в этой своей новой ладье или выкинуть какой-нибудь другой номер, принятый у викингов. Послушай, а что он вообще здесь делает? Он не очень-то соответствует моему представлению о веселом фермере.

— В настоящее время он находится в изгнании. По-видимому, ему не понравилось принятие христианства в том виде, в каком оно происходит при короле Олафе Трюгтвессоне, и он, проиграв сражение, был вынужден бежать из Норвегии.

— А почему ему не захотелось быть обращенным в христианство?

— Во-первых, Лаф подвергнет его испытанию змеей. То есть конец «лурхорна» — длинного медного боевого горна — силой засовывается глубоко в горло жертвы, затем в него впускается ядовитая змея, отверстие тут же затыкается, и горн подогревается на огне, так что змее приходится искать выход в брюхе язычника.

— Необычайно привлекательно. А что случилось после его бегства из Норвегии?

— Он направился в Исландию, однако во время шторма его корабль погиб, и он с несколькими воинами выбрался на этот остров. Все это случилось незадолго до нашего появления.

— Если он потерпел кораблекрушение, то в чьем же доме он живет?

— Этого я не знаю. Он и его воины убили владельца и поселились в доме.

— Господи, что за жизнь! Ну по крайней мере для нас это приятные новости. Я уверен, что он не захочет куда-нибудь отправиться, пока его здесь поят и к тому же платят.

Вместе с порывом ветра и дождя в трейлер Барни ворвался Эмори Блестэд. Ему пришлось налечь на дверь всем телом, чтобы закрыть ее.

— Можешь повесить свои вещи на гвоздь в двери, пусть они немного высохнут, — сказал Барни. — Кофе на плитке. Ну, как дела с декорациями?

— Почти закончены, — ответил Эмори, размешивая сахар в своей чашке. — Мы разломали заднюю стену хижины, чтобы можно было втащить внутрь осветительные приборы и камеры, покрыли стены фанерой и подняли крышу на четыре фута. Это оказалось гораздо легче, чем я ожидал, мы просто подняли всю крышу вместе с балками на домкратах, потом местные рабочие нарезали дерна и довели стены до необходимой высоты. Эти парни действительно умеют работать.

— И к тому же почти даром, — дополнил Барни. — Пока что единственное, в чем мы не расходимся с планом, — это в бюджете. — Он взглянул на свой экземпляр сценария, отмечая сцены красным карандашом. — Мы можем сейчас приступить к съемкам в помещении?

— В любое время.

— Тогда полезли в резиновые сапоги. Что ты думаешь о пробе, Эмори?

— Абсолютно первоклассная проба. Этот викинг прирожденный актер, настоящая находка.

— Да. — Барни погрыз карандаш, затем бросил его на пол. — Будем надеяться. Может оказаться, что он в состоянии сыграть одну-две сцены, однако справится ли он с целой картиной? Я хотел снять сначала простые сцены: как влезают и вылезают из лодок, героический взгляд в сторону заката и тому подобное, но погода все это прикончила. Придется браться за интерьеры и надеяться на лучшее.

Потоки дождя низвергались с крыши, текли по бокам джипа, который медленно полз вверх по склону холма вдоль полосы жидкой грязи, проложенной предыдущими машинами, что двигались из лагеря. В поле позади хижины Оттара уже стояло несколько автомобилей, среди которых возвышалась передвижная электростанция с урчащим генератором. Они подъехали как можно ближе к хижине, вылезли из джипа и похлопали к двери. К стене прижалась группа слуг, выброшенных из дому, чтобы освободить место для съемочного оборудования. Вид у них был мокрый и несчастный. Фанерная дверь была приоткрыта из-за толстых электрических кабелей, и Барни протиснулся внутрь.

— Ну-ка, дайте побольше света, — сказал он, вылезая из мокрого насквозь плаща. — И выставьте этих людей, я хочу взглянуть на кровать.

— Осторожнее, краска на древнем дереве еще не просохла, — сказал Эмори, показывая на двустворчатые двери в стене.

— Неплохо, — одобрительно отозвался Барни.

— Чего хорошего?! — фыркнул Йенс Лин. — Ведь я же говорил, что в таком простом доме люди спят на лавках вдоль стен — вот этих, — но в доме вполне может быть небольшая комнатка с кроватью, встроенной в стену, совсем маленькой, чтобы тепло спящих могло обогревать ее. — Лин распахнул пятифутовые двери, за которыми оказалась маленькая комнатка с матрасом из пенопласта и нейлоновыми простынями. — Но эта мерзость! В ней нет ничего похожего...

— Не волнуйтесь, док, — сказал Барни, осматривая комнатку через видеоискатель камеры. — Ведь мы снимаем картину, правда? Мы даже не сможем втиснуть камеру и пару операторов в тот гроб, о котором вы думаете. Хорошо, уберите заднюю стену.

Двое плотников убрали заднюю стену комнаты, за ней в сарайчике оказалась камера.

— Залезай внутрь, Джино, и я еще раз повторю содержание. Это дубль пятьдесят четыре. А, Оттар, как раз вовремя, тебе сейчас на сцену.

В дом ввалился викинг, щеголявший в хлорвиниловом плаще, в сопровождении гримера, который держал зонт над его головой.

— Здорово, Барни, — рявкнул Оттар. — Правда, я красивый?

Он действительно выглядел хорошо. Сначала его отмачивали в ванне — пришлось три раза менять воду, — его борода и волосы были вымыты, высушены, окрашены, подстрижены и причесаны, костюм Рафа был перешит и прилажен к его массивной фигуре. Оттар выглядел весьма внушительно, он знал это и наслаждался.

— Ты великолепен, — сказал Барни. — Ты так хорошо выглядишь, что мне хочется сделать еще несколько снимков с тебя, ведь ты любишь на них смотреть, правда?

— Хорошая мысль. Я хорошо выгляжу на снимках.

— Верно. А теперь вот чего я хочу от тебя. — Барни закрыл двери, ведущие в комнату. — Я буду внутри с камерой. Ты стоишь вот здесь и открываешь двери... вот так... и, когда они полностью открыты, ты смотришь на кровать — вот так — и медленно улыбаешься. Вот и все.

— Мне это кажется очень глупым. Лучше сними меня прямо здесь.

— Я высоко ценю твое предложение, Оттар, но мне хочется сделать это по-своему. В конце концов ты получаешь ежедневно по бутылке и серебряную марку каждый месяц, так что постарайся заработать их.

— Совершенно верно, каждый день. Где сегодняшняя бутылка?

— Ты получишь ее после работы, а мы ведь пока даже не начали. Так что стой здесь, а я обойду кругом и встану с другой стороны с камерой.

Он отбросил плащ и направился к сарайчику.

После новых объяснений, криков и нескольких неудачных попыток Оттар, казалось, понял, чего от него хотят, двери были снова закрыты, и Барни подал сигнал. Объектив устремился в темное помещение, и камера зажужжала, когда дверь вдруг распахнулась с такой силой, что одна из дверных ручек осталась в руке Оттара и он швырнул ее на пол.

— Черт побери! — рявкнул он.

Барни глубоко вздохнул.

— Видишь ли, Оттар, эту сцену нужно играть не совсем так, немного по-другому, — сказал он. — Постарайся войти в роль. Ты пришел домой неожиданно, очень усталый. Ты открываешь дверь, чтобы лечь спать, опускаешь взгляд, видишь спящую Гудрид, и на твоем лице появляется улыбка.

— На этом острове нет никакой Гудрид.

— Гудрид — это имя Слайти в нашем фильме. Ты ведь знаешь, кто такая Слайти?

— Конечно, но ведь ее здесь нет. По-моему, Барни, все это очень глупо.

Барни приходилось долгие годы снимать безразличных и просто плохих актеров, поэтому возражения Оттара не действовали на него.

— Давай подождем минутку и сделаем еще одну пробу, — предложил он.

На этот раз за закрытыми дверями несколько минут слышалось какое-то шуршание, ворчание, жалобы, затем двери снова распахнулись, но уже несколько медленнее, и появилось лицо Оттара. Он свирепо глянул в объектив, затем опустил взгляд, и выражение его лица начало постепенно изменяться. Наморщенный лоб разгладился, уголки рта поднялись вверх, образовав счастливую улыбку, а глаза широко раскрылись. Он протянул руку.

— Стоп. На этот раз отлично. — При этих словах Барни бросился к кровати, опередив Оттара, и схватил бутылку «Джека Даниэльса». — Я ее поберегу для тебя. О-ох!

Викинг схватил его за кисть, и Барни почувствовал, что его рука зажата в тиски гидравлического пресса. Бутылка выпала из его ослабевших пальцев. Пошатываясь и потирая полураздавленную руку, Барни направился обратно, спрашивая себя, не допустил ли он все-таки ошибки при распределении ролей.

Появилась Слайти, и, после того, как с нее были сняты резиновые сапоги, плащи и много ярдов пластика, она оказалась, дрожащая и босая, в одной прозрачной ночной рубашке. Под рубашкой она была одета в обтягивающее формы нейлоновое трико телесного цвета с глубоким вырезом и совершенно прозрачное. Эффект был сокрушительным.

— Подлинный костюм одиннадцатого века, — ядовито прокомментировал Йенс Лин и ушел.

Оттар блаженно посасывал из бутылки и не обращал внимания на окружающих.

— Мне холодно, — выговорила Слайти.

— Установите электрический термоизлучатель над кроватью, — распорядился Барни. — Дубль сорок три, Слайти, закрой двери и залезай в мешок. Внутри достаточно тепло.

— Я не хочу схватить пневмонию.

— Не беспокойся, милая, с твоей изоляцией это невозможно.

Это была короткая сцена, всего несколько секунд на экране, однако на съемках фильма время летит незаметно — когда они закончили, Оттар уже высосал полбутылки и, сидя в углу, напевал что-то про себя со счастливым выражением лица.

— Начали, дубль пятьдесят пять, и ты тоже, Оттар, расстанься на минуту со своей зарплатой, — сказал Барни.

Умиротворенный солидной порцией виски, Оттар подошел, грохоча тяжелыми сапогами, и посмотрел на кровать, где под американо-викингским одеялом изящно вытянулась Слайти.

— Она устала? — спросил с участием Оттар. — Слишком много огней, трудно спать.

— Похвальная наблюдательность, но мы все еще снимаем фильм. Вот что тебе нужно сделать. — Барни подошел и встал рядом с кроватью. — Ты только что

открыл дверь, смотришь вниз на спящую девушку. Затем медленно протягиваешь руку и касаешься ее волос. Она просыпается и в страхе отстраняется от тебя. Ты смеешься, садишься на край кровати, притягиваешь ее к себе и целуешь. Сначала она сопротивляется, отталкивает тебя, но потом ненависть переходит в любовь, она медленно протягивает руки, обнимает тебя за шею и тоже целует тебя. Твоя рука поднимается к бретельке на плече — вот этой, не перепутай, вторая приклеена — и ты медленно спускаешь ее с плеча девушки. Вот и все. На этом съемка закончится, остальное довершит воображение зрителей, а воображение у них — будь спокоен. Давайте попробуем сначала без камеры.

Это была отчаянно трудная работа, поскольку Оттар не проявлял к Слайти ни малейшего интереса, то и дело поглядывая на бутылку, чтобы убедиться, что никто ее не украл, и Барни, пытавшийся придать движениям викинга хоть какое-то правдоподобие, обливался потом. Наконец бутылка была поставлена на кровать, в угол, вне поля зрения камеры, так что по крайней мере большую часть времени Оттар смотрел в нужном направлении.

Барни выпил глоток воды, отдающей химикалиями, и еще раз поставил Оттара к линии, прочерченной на земляном полу.

— Начинаем! — объявил он. — Будем снимать этот дубль без звука, и я все время буду вами руководить. А остальные пусть сейчас же заткнутся, у нас не съемочный павильон, а прямо какое-то профсоюзное собрание. Камера, поехали! Ты вошел, Оттар, смотришь вниз — вниз, не на свою проклятую бутылку! — протягиваешь руку и касаешься ее волос. Слайти просыпается, великолепно, пока все идет хорошо, садись — осторожно, не сломай кровать! О'кей, теперь ты обнимаешь ее, потом целуешь.

Пальцы Оттара впились в руку Слайти, внезапно он нагнулся к ней и совершенно забыл про бутылку. Волшебство гормонов Слайти действовало в один-

надцатом веке с не меньшей силой, чем в двадцатом. Запах приятно пахнущего женского тела ударил ему в голову, и ему не потребовалось наставлений Барни, чтобы крепко прижать Слайти к своей груди.

— Очень хорошо, — раздался одобрительный возглас Барни. — Страстное объятие и поцелуй, но тебе это не нравится, Слайти.

Слайти пыталась выскользнуть из объятий викинга и колотила кулаками по его широченной груди. Повернув голову в сторону, она прошептала: «Потише, питекантроп, потише», затем Оттар снова поцеловал девушку.

— Великолепно! — крикнул Барни. — Очень правдоподобно, Слайти. Теперь бретелька, Оттар.

Послышался треск рвущейся материи.

— Эй, что ты делаешь! — раздался возмущенный голос Слайти.

— Не беспокойся, — подал реплику Барни, — студия купит новую рубашку. Великолепно! Теперь выражение твоего лица меняется. Ненависть переходит в страстную любовь. Очень хорошо...

Глава 11

— Что мне действительно нравится в одиннадцатом веке, — сказал Барни, подцепив вилкой большой кусок белого мяса, — так это морская пища. Скажите, почему это так вкусно, профессор? Еще нет промышленных отходов или из-за чего-то другого?

— Наверно, это объясняется тем, что у вас на тарелке лежит не морская пища одиннадцатого века.

— Не пытайтесь купить меня, профессор. Уж я-то знаю, что это не замороженный полуфабрикат, который мы получили со складов «Клаймэктика». Смотрите, облака начинают расходиться. Если так пойдет и дальше, мы сможем заснять концовку сцены возвращения.

Передняя часть брезентовой крыши была поднята, и перед ними расстилалась панорама лугов, а вдали виднелся океан. Профессор Хьюитт указал на него.

— Практически морская рыба этого века ничем не отличается от рыбы двадцатого столетия. Однако трилобит, который находится на вашей тарелке, действительно принадлежит к совершенно иной разновидности и эпохе — его добыли на острове Каталина наши отдыхающие.

— А, вот почему из тех ящиков, которые они привезли с собой, текло. — Барни подозрительно посмотрел на еду. — Одну минуточку, то, что я сейчас

ем, не имеет никакого отношения к тем глазам и зубам, о которых говорил Чарли Чанг?

— Нет, — успокоил его профессор, — после того как членам съемочной группы разрешили проводить уикенды в другой эпохе, чтобы не прерывать работы, мы сменили периоды. Остров Санта-Каталина является идеальным местом для отдыха, мистер Чанг может это подтвердить, но его несколько беспокоила местная фауна. Признаю свою ошибку: я оставил его в девонском периоде, когда рыбы-амфибии, дышавшие воздухом, начали выходить из моря. По большей части эти земноводные — совершенно безвредные создания. Однако в воде были существа...

— Глаза и зубы... Слышал о них.

— ... поэтому я решил, что кембрий — более подходящий период для наших отдыхающих. В те времена во всем океане не было существа более опасного для купающихся, чем этот совершенно безвредный трилобит.

— Вы опять употребили это слово, профессор. Что оно значит?

— Вымершее членистоногое. Эти существа — переходная форма от ракообразных к паукообразным, однако экземпляр, который вы едите, действительно огромный. Нечто вроде полуметровой морской вши.

Барни выронил вилку и поспешно глотнул кофе.

— Это было великолепное блюдо, — сказал он. — А теперь, если вы не против, поговорим о колонии в Винланде. Что вам удалось выяснить?

— У меня не слишком хорошие новости.

— После трилобита все кажется хорошим. Ну так что?

— Не нужно забывать, что моя информация о данном периоде весьма ограничена. Однако доктор Лин хорошо знаком с историей, в его распоряжении имеются все саги относительно открытия Винланда и ранних скандинавских поселений, и я следовал его указаниям. Нам было очень нелегко отыскать подходящее место для высадки, поскольку берега Ньюфаундленда и Новой Шотландии, мягко выражаясь, очень изрезаны, однако удалось найти этот район. Мы широко использовали моторную лодку, так что я могу

заверить вас, что наши поиски были настолько тщательными, насколько это только возможно.

— И что вам удалось обнаружить?

— Ничего.

— Именно такие новости мне и хотелось услышать, — сказал Барни, отодвигая подальше от себя тарелку с жареным по-французски трилобитом. — Давайте-ка сюда дока, профессор. Если вы не против, мне хотелось бы услышать об этом поподробнее.

— Все обстоит именно так, — мрачно подтвердил Йенс Лин. — В Северной Америке нет норвежских поселений. Это меня очень тревожит. Мы осмотрели все возможные районы поселений, начиная с десятого и кончая тринадцатым веком, и ничего не обнаружили.

— А откуда вы знаете, что там вообще что-то было? Лин выдвинул вперед подбородок.

— Позвольте напомнить вам, что после обнаружения карты Винланда мало кто сомневался в том, что норвежцы действительно открыли и исследовали Северную Америку. Доказано, что в тысяча сто двадцать первом году епископ Эрик Гнуппссон совершил поездку в Винланд. Норвежские саги говорят о множестве путешествий, совершенных из Скандинавии в Винланд, и описывают находившиеся там поселения. Сомнительными являются только сведения о точном расположении поселений; целью наших недавних поисков и было отыскать их. Поскольку источники расходятся в описании расположения Хеллуланда и Маркланда, упоминающихся в сагах, нам предстояло осмотреть тысячи миль побережья. Гаторн-Харди считает, что пролив Лонг-Айленд и есть знаменитый Страумсфьорд, и делает вывод, что Хоп находится в устье реки Гудзон. Однако в других источниках говорится, что высадка произошла гораздо севернее; например, Сорм и Бэбкок указывают на район Лабрадора и Ньюфаундленда, а Моуэтт даже помещает Хоп в...

— Стоп! — воскликнул Барни. — Меня не больно-то интересуют теории. Вы хотите сказать, что вам

не удалось обнаружить поселений или даже каких-нибудь доказательств их существования?

— Не удалось, но...

— Значит, все ваши авторитеты ошибаются?

— Ну... получается так, — сказал Лин. Выражение лица его было несчастным.

— Пусть это вас не беспокоит, док, — сказал Барни, протягивая чашку, чтобы официантка налила ему новую порцию кофе. — Напишите книгу об этом — и сразу станете новым авторитетом. Сейчас гораздо важнее решить, что делать дальше? Позвольте напомнить вам, если вы не просматривали сценарий в последнее время, что наш фильм называется «Викинг Колумб», что это сага об открытии Америки и первом поселении на ее территории. Так что же нам теперь делать? Мы предполагали переправить всю группу в одно из поселений викингов и отснять там часть картины. Однако поселений нет. Что дальше?

Йенс Лин задумчиво пожевал палец, затем поднял голову.

— Можно отправиться на западное побережье Норвегии. Там есть норвежские поселения и некоторые места мало чем отличаются от берега Ньюфаундленда.

— А там есть индейцы, которых мы могли бы нанять для съемок боевых сцен? — спросил Барни.

— Нет, индейцев в Норвегии совсем нет.

— Тогда это нам не подходит. Давайте-ка спросим нашего местного эксперта. — Барни оглянулся вокруг и в дальнем углу столовой увидел Оттара, который поглощал огромную кучу дымящихся трилобитов. — Ну-ка, Йенс, потревожьте нашу кинозвезду. Скажите, что он успеет съесть второе и третье потом.

— Вам нужен Оттар? — слышалась тяжелая поступь, и викинг плюхнулся на скамейку.

— Что тебе известно о Винланде? — спросил его Барни.

— Ничего.

— Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о нем?

— Конечно, я слышал саги о Винланде, которые поют скальды, и разговаривал с Лейффом Эрикссоном о его путешествии. Но я никогда не видел Винланда и

ничего о нем не знаю. Когда-нибудь отправлюсь в Исландию, оттуда в Винланд, сразу разбогатею.

— Что? Золото? Серебро?

— Дерево, — сказал Оттар, не скрывая презрения к тем, кто не знает таких простых вещей.

— Дерево для гренландских поселений, — объяснил Йенс Лин. — Там у них всегда страшная нужда в дереве, особенно в твердых сортах для строительства кораблей. Груз такой древесины, доставленной в Гренландию, сделает владельца богатым человеком.

— Итак, вот вам ответ, — сказал Барни, поднимаясь из-за стола. — Как только мы закончим съемки на острове, заплатим Оттару, и он отправится в Винланд. Мы сделаем прыжок во времени и встретим его на месте. Там мы снимем сцену прибытия, морские сцены для показа путешествия и сцену отплытия. Затем люди Оттара строят несколько хижин для своего поселения, мы платим бакшиш местному племени, они сжигают хижины викингов, и картина окончена.

— Хорошая мысль. В Винланде много дерева, — сказал Оттар.

Йенс Лин открыл было рот, чтобы протестовать, затем пожал плечами.

— Кто я такой, чтобы жаловаться? Если он такой дурак, что согласен на это, чтобы дать вам возможность окончить картину, зачем мне быть против? Правда, мне неизвестны саги о путешествии кого-то по имени Оттар в Винланд, однако, поскольку в последнее время выяснилось, что достоверность саг вообще находится под сомнением, я не думаю, что мне нужно протестовать.

— Пойду доем обед, — сказал Оттар.

Выйдя из столовой, Барни увидел, что его ожидает секретарша с охапкой папок.

— Я не хотела беспокоить вас во время еды, — объяснила она.

— Ну и напрасно. После того блюда, которое я только что съел, у меня никогда уже не наладится

нормальное пищеварение. Ты знаешь, кто такие трилобиты?

— Конечно. Такие противные скользкие мокрицы, которых мы ловили на Санта-Каталине. Это страшно весело, их ловят ночью при свете фонаря, потом зажаривают целиком и едят с пивом. Вы должны...

— Ничего я не должен. О чем ты хотела поговорить со мной?

— О табелях, особенно о регистрации уикендов. Видите ли, все, кто входит в съемочную группу, проводили уикенды на Каталине, то есть все, кроме вас. За те пять недель, которые мы провели здесь, у вас не было ни одного выходного дня.

— Не беспокойся обо мне, Бетти, дорогуша. Я не собираюсь отдыхать, пока отснятая картина не будет лежать в коробке. Так в чем же дело?

— Некоторые любители подводного плавания хотели бы оставаться на Каталине не два дня, а четыре и потом работать субботу и воскресенье следующей недели. Мои табели рабочего времени и так находятся в ужасном беспорядке, а если это принять, можно окончательно запутаться. Что мне делать?

— Прогуляйся-ка со мной до дома Оттара, мне нужна тренировка. Пойдем вдоль берега.

Пока они спускались к берегу, Барни хранил молчание.

— Сделай вот что. Забудь про дни недели и считай только рабочие дни. Каждый, кто отработал пять дней подряд, следующие два дня может отдыхать. Если они хотят отдыхать четыре дня, то должны отработать десять дней подряд, а с одиннадцатого по четырнадцатый день — выходные. Отметки об их рабочих днях будут у тебя в журнале и в табелях, ведь они отмечают их и здесь, и на Каталине. Поскольку два или четыре выходных дня означают всего лишь пятиминутное путешествие на машине времени, все работают ежедневно без выходных — для меня это главное. Давай-ка, веди свой журнал так, как я тебе сказал, а я после возвращения утрясу этот вопрос с Л. М. и бухгалтерией.

Они уже почти дошли до мыса и залива рядом с хижинкой Оттара, когда сзади показался прыгавший по кочкам джип с непрерывно ревавшим клаксоном.

— А это что? — застонал Барни. — Неприятности, ясно как божий день. Никто не мчится ко мне сломя голову, чтобы сообщить хорошие новости. — Он остановился с несчастным видом, поджидая джип.

Сидевший за рулем Даллас умудрился затормозить, почти не осыпав их дождем гальки.

— В залив входит какой-то корабль, — выпалил Даллас. — Все отправились разыскивать вас.

— Ну вот, ты меня и нашел. Что же это — опять викинги—пираты, как и в прошлый раз?

— Все, что мне известно, я уже сказал, — ответил Даллас, с самодовольным видом жуя спичку.

— Значит, я был прав относительно неприятностей, — сказал Барни, влезая в джип. — Отправляйся обратно в лагерь, Бетти, не исключено, что произойдет еще один скандал.

Как только джип обогнул мыс, они увидели его. Подгоняемый попутным ветром, в залив входил большой корабль с широким парусом. Все киношники высыпали на холм за домом Оттара, а местные жители побежали к самой воде, размахивая руками и что-то крича.

— Опять бойня, — сказал Барни. — А вон и мой оператор, он готов запечатлеть самые кровавые сцены на цветной пленке. Пошли вниз и попробуем на этот раз не допустить убийства.

Джино установил свою камеру на самом берегу в таком месте, откуда можно было снимать как встречающих, так и прибывающий корабль. На этот раз, когда корабль подошел поближе, стало очевидным, что дела обстоят гораздо лучше — норвежцы смеялись и махали руками, у них не было оружия. Оттар прибежал на берег, как только ему сообщили о приближающемся корабле, и стоял по колено в воде, громко крича. Когда незнакомцы приблизились к берегу, большой парус был приспущен, и корабль, двигаясь по инерции, врезался носом в берег и замер. Высокий викинг с огромной рыжей бородой, стоявший у рулевого весла, прыгнул с борта в волны прибоя и подбежал к Оттару. Оба великана что-то прокричали в знак приветствия и крепко обнялись.

— Объятия крупным планом, — крикнул Барни Джинно. — И мне не придется спрашивать разрешения на то, чтобы включить эту сцену в фильм или платить действующим лицам хотя бы один цент, — добавил он со счастливой улыбкой, наблюдая за сценой на берегу.

Теперь, когда стало ясно, что кровопролития не ожидается, киношники начали спускаться на берег. Слути выкатили бочонки с элем. Барни подошел к Йенсу Лину, который наблюдал за тем, как Оттар и вновь прибывший с радостными криками хлопали друг друга по бицепсам.

— О чем они говорят? — поинтересовался Барни.

— Они старые друзья и говорят друг другу, как приятно снова встретиться.

— Это и так ясно. Кто этот рыжебородый?

— Оттар зовет его Торхалл, так что это, наверно, Торхалл Гамлиссон из Исландии. Они с Оттаром не раз совершали вместе набеги, и Оттар всегда очень тепло отзывался о нем.

— А о чем они кричат сейчас?

— Торхалл говорит, он очень рад, что Оттар решил купить его корабль, так как он, Торхалл, собирается вернуться в Норвегию и мог бы воспользоваться для этого ладьей Оттара. Теперь он спрашивает о второй половине денег.

Нахмурившись, Оттар бросил резкое слово.

— Я знаю это и без перевода, — сказал Барни. — Мы пробыли здесь достаточно долго, чтобы освоиться по крайней мере с этим словосочетанием.

Теперь крик заметно усилился, и в голосах викингов слышались неприятные нотки.

— Оттар полагает, что у Торхалла в голове злые духи, потому что он никогда не покупал никаких кораблей. Торхалл говорит, что два месяца назад, когда Оттар приехал к нему в Исландию, пользовался его гостеприимством и купил его корабль, он пел совсем другим голосом. Оттар не сомневается теперь, что Торхаллом владеют злые духи, потому что он не покидал этот остров в течение года, и предлагает проделать в голове Торхалла дыру, чтобы выпустить злых духов. Торхалл отвечает, что, как только он

доберется до своего топора, выяснится, в чьей голове будет проделана дыра...

Барни хлопнул себя по лбу и покинул позицию наблюдателя, которую занимал, пока тяжеловесы обменивались взглядами ненависти и готовились к смертоубийственному матчу.

— Стойте! — закричал он, но викинги не обратили на него ни малейшего внимания. Барни испытал свои силы в старонорвежском: — *Nemit staoar!** — Но по-прежнему безрезультатно. — Стреляй в воздух! — крикнул Барни Далласу. — Необходимо остановить их, пока не поздно.

Даллас выстрелил в гальку, и раздробленные осколки с визгом полетели в воду. Викинги повернулись, на мгновение забыв о своих распрях. Барни поспешил к ним.

— Оттар, послушай меня. Мне кажется, я знаю, в чем дело.

— Я тоже знаю, — прошипел Оттар, сжимая кулаки. — Никто не смеет называть Оттара...

— Все это не так плохо, как тебе кажется, просто у нас разные точки зрения. — Барни потянул Оттара за рукав. Викинг даже не шелохнулся. — Док, отведи Торхалла в дом и поставь ему пару пива, а я пока поговорю с Оттаром.

Даллас еще несколько раз выстрелил в гальку для поддержания разговора. Наконец им удалось разнять противников, и Торхалл поспешил в хижину за обещанной выпивкой.

— Послушай, Оттар, ты мог бы отправиться в Винланд на своей ладье? — спросил Барни.

Оттар, все еще разъяренный, заморгал и помотал головой, не понимая вопроса.

— Ладья? При чем здесь моя ладья? — сказал он наконец.

Барни терпеливо повторил свой вопрос, и Оттар покачал головой, категорически отвергая подобный план.

* Стойте! (старонорв.)

— Глупый вопрос, — сказал он. — Ладя — для набегов, по рекам, вдоль берегов. Не годится для открытого моря. Для океанских путешествий нужен кнорр. Вот он — кнорр.

Теперь, когда Барни обратил на корабль свое внимание, он явственно увидел различие между ними. Если ладья с драконом на носу была длинной и узкой, то кнорр был широким судном с высокими бортами длиной, по крайней мере, сто футов. Кнорр Торхалла казался кораблем, надежным во всех отношениях.

— Ты мог бы отправиться в Винланд на этом корабле? — спросил Барни.

— Конечно, — ответил Оттар, глядя в сторону Торхалла и сжимая кулаки.

— Тогда купи его у Торхалла.

— И ты тоже! — рывкнул Оттар.

— Подожди одну минутку, послушай меня. Если я подкину тебе часть денег, ты сможешь купить этот корабль?

— Он стоит кучу марок.

— Ничего не сделаешь, быть яхтсменом — дорогое удовольствие. Так ты сможешь купить его?

— Может быть.

— Тогда договорились. Если он говорит, что ты купил корабль два месяца назад, значит, так оно и было... Не бей меня! Я дам тебе денег, профессор перебросит тебя в Исландию для совершения сделки, и все будет о'кей!

— О чем ты говоришь?

Барни повернулся к Йенсу Лину, который внимательно слушал их разговор.

— Улавливаешь, Йенс, не правда ли? Сегодня утром мы договорились, что Оттар отправится в Винланд. Он сказал мне, что для этого путешествия ему нужен другой корабль. Торхалл утверждает, что Оттар приехал к нему и купил вот этот корабль два месяца назад. Очевидно, так оно и было. Так что давайте быстренько провернем это дело, пока положение не усложнилось. Возьми с собой Далласа и объясни все профессору. Лучше всего вам взять моторный катер. Отправляйтесь со всей компанией в Исландию — Исландию два месяца назад, — купите корабль, дого-

воритесь, чтобы он был доставлен сюда сегодня, затем возвращайтесь. Это должно занять не более получаса. Возьми у кассира несколько марок, чтобы было чем заплатить за корабль. И не забудьте поговорить с Торхаллом перед отъездом и выяснить, сколько заплатил ему Оттар, чтобы ты мог вручить ему требуемую сумму.

— То, что вы говорите, — парадокс, — сказал Йенс. — Я не думаю, что это осуществимо...

— Для меня неважно, что ты думаешь. Ты получаешь жалованье и делай, что тебе говорят. А я пока умаслю Торхалла, чтобы он к вашему возвращению был в хорошем настроении.

Джип уехал, и Барни отправился в хижину, чтобы оживить угасавшую пьянку. Норвежцы разделились на две группы, вновь прибывшие держались подле своего вождя. Группы обменивались мрачными взглядами и почти не пили. Вошел Джино с бутылкой, которую он извлек из чехла для телеобъектива.

— Хочешь попробовать, Барни? — спросил он. — Это настоящая граппа из старой Италии. Я не могу пить здешний самогон.

— А твой ничем не лучше, — ответил Барни. — Попробуй предложить Торхаллу, может быть, ему понравится.

Джино вытащил пробку и сделал огромный глоток, затем протянул бутылку Торхаллу. — *Drekkit!* — предложил он на приличном старонорвежском. — *Ok verio velkomnir til Orkneyja!**

Рыжебородый викинг взял бутылку, глотнул, закашлялся, внимательно посмотрел на бутылку, потом выпил еще.

Прошло не менее получаса, прежде чем джип вернулся, но этого времени оказалось достаточно, чтобы пьянка пошла вовсю. Пиво текло рекой, граппу почти всю прикончили. Когда в хижину вошел Оттар, атмосфера резко изменилась. Торхалл быстро встал и

* Выпей! И добро пожаловать на Оркнейские острова!

прислонился спиной к стене, но Оттар, сияя широкой улыбкой, направился прямо к нему. Он хлопнул Торхалла по плечу, через мгновение вражда была забыта, напряжение исчезло, и празднование пошло своим чередом.

— Ну, как дела? — спросил Барни у Йенса Лина, который выбрался из джипа с гораздо большей осторожностью, чем Оттар.

За несколько минут отсутствия у него выросла трехдневная борода и под налитыми кровью глазами появились огромные черные круги.

— Мы легко отыскали Торхалла, — начал он хриплым голосом, — нам оказали самый восторженный прием, и мы купили корабль без всяких трудностей. Но мы не могли уехать, не спрыснув сделку, пир продолжался день и ночь, так что прошло больше двух суток, прежде чем Оттар заснул на столе и нам удалось унести его в джип. Посмотрите только на него — снова пьет! И как только ему это удастся? — Йенс содрогнулся.

— Простая жизнь и масса свежего воздуха, — объяснил Барни.

Крики и счастливые возгласы викингов становились все громче, и Оттар не выказывал признаков усталости, попав опять на пир.

— Похоже, что наш ведущий актер вместе со статистами не примется сегодня за работу, так что давайте соберемся и обсудим план съемок в Винланде и на борту этого корабля — как там его называют?

— Кнорр. Именительный — кнорурр, родительный — кнорре, далее...

— Стоп! Я же не учу тебя, как снимать фильм. Итак, пойдем посмотрим этот кнорр — он выглядит достаточно устойчивым, чтобы на нем можно было поставить камеру, — и определим, в скольких сценах мы сможем его использовать. Потом нам нужно составить планы встречи в Винланде, причем нужно будет как-то следить и за кораблем. Масса работы. Мы уже перевалили вершину и движемся сейчас под гору — если ничего не случится.

Над головой раздался пронзительный крик чайки, Барни быстро протянул руку и постучал пальцами по мореному дереву кнорра.

Глава 12

— Я убью тебя как бешеную собаку, не смей плескать воду мне в лицо! — яростно заревел Оттар.

— Стоп! — сказал Барни, потом спустился на палубу и вручил Оттару полотенце. — Тебе нужно сказать: «Прочь от паруса — я убью первого, кто осмелится коснуться его! Поднять все паруса! Говорят вам, я чую землю. Не впадайте в отчаяние!». Вот что тебе нужно сказать. Здесь нет ни слова о воде, Оттар.

— Он нарочно плеснул водой мне в лицо! — сердито сказал Оттар.

— Конечно! Ведь ты находишься в открытом море, за много миль от берега, среди штормовых волн, которые то и дело обдают тебя брызгами. На море так всегда бывает. Но ты же не сердись на океан и не проклинаешь его всякий раз, когда тебя окатывает волной?

— Так то в открытом море, а не на суше перед самым моим домом!

Не было смысла снова пускаться в объяснения о том, что они снимают картину, и что картина должна казаться настоящей, и что актеры должны считать, будто все это происходит в действительности. Барни пускался в объяснения уже не меньше сорока раз. Картины не имели никакой цены в глазах этого образчика скандинавской мужественности. А что име-

ло для него цену? Еда, питье, простые удовольствия. И гордость.

— Меня удивляет, что такая чепуха, как брызги воды, беспокоит тебя, Оттар, — сказал Барни, затем повернулся к подручному. — Ну-ка, Эдди, набери ведро воды и плесни мне прямо в морду.

— Как прикажете, мистер Хендриксон.

Эдди размахнулся и выплеснул ведро холодной воды в поток воздуха от мощного вентилятора. Холодные брызги окатили Барни с головы до ног.

— Великолепно, — сказал он, изо всех сил пытаюсь удержать дрожь. — Здорово освежает. Водяные брызги в лицо ничуть не беспокоят меня.

Лицо Барни исказилось в чудовищной гримасе, потому что сентябрьские вечера на Оркнейских островах и так были холодными, а теперь поток воздуха от вентилятора словно ножом прорезал мокрую одежду.

— Швырни воду на меня! — распорядился Оттар. — Я покажу, что не боюсь воды.

— Одну минуту — и помни о том, что ты сказал.

Барни вышел из поля зрения камеры, и в этот момент его окликнули.

— Лента на заднем проекторе почти кончилась, мистер Хендриксон.

— Тогда перемотай ее, и побыстрее, а не то придется здесь заночевать.

Штормовое море исчезло с экрана за спиной Оттара, и группа перевела дух. Рабочие, стоявшие на платформе рядом с кнорром, включили электрическую помпу, чтобы наполнить бочку морской водой. Оттар стоял на палубе один, держась за рулевое весло вытасченного на берег корабля, и сердито смотрел вокруг. Ослепительный свет прожекторов освещал кнорр и кусок берега позади, все остальное было окутано тьмой.

— Дай-ка мне сигарету, — попросил Барни свою секретаршу. — Мои подмокли.

— Готово, можно начинать, мистер Хендриксон.

— Отлично. Занять позиции. Камера!

Двое рабочих изо всех сил навалились на длинные рычаги, раскачивавшие кусок деревянной палубы, на которой стоял Оттар.

— Поехали!

Сомкнув челюсти, Оттар взглянул в лицо шторму, удерживая рулевое весло, которое рабочий, скрытый за кораблем, старался вырвать из рук викинга.

— Прочь от паруса! — заревел Оттар. — Клянусь Тором, я убью любого, кто коснется паруса. — Брызги плеснули ему в лицо, но Оттар засмеялся холодным смехом. — Я не обращаю внимания на воду — я люблю воду! Поднять все паруса — я чую землю! Не теряйте надежды!

— Стоп! — приказал Барни.

— Он великий путаник, — сказал Чарли Чанг. — В моем сценарии написано не совсем так.

— Пусть остается все как есть, Чарли. Всякий раз, когда он держится так близко к тексту, как сейчас, будем считать это попаданием в яблочко. — Барни повысил голос. — О'кей, на сегодня все. Подъем в семь тридцать утра, мы должны успеть захватить рассвет. Йенс, Эмори, перед тем как уходить, подойдите ко мне.

Они стояли на шкафуте рядом с мачтой, и Барни топнул каблуком по палубе.

— Вы уверены, что эта посуда действительно доберется до Северной Америки?

— Без сомнения, — сказал Йенс Лин. — Эти норвежские кнорры были быстроходнее и обладали лучшей мореходностью, чем каравеллы Колумба или испанские и английские корабли, которые достигли Нового Света пятьсот лет спустя. История этих кораблей достоверно изложена.

— Вспомните, что недавно у нас появились основания сомневаться в достоверности некоторых из них.

— Но есть и другие доказательства. В тысяча девятьсот тридцать втором году сделали точную копию одного из таких кнорров, всего шестидесяти футов в длину, и этот корабль, повторив путь Колумба, пересек Атлантику чуть не в полтора раза быстрее его. Не все знают, насколько совершенными были эти корабли. К примеру, считают, что кнорры с их широкими, почти

квадратными парусами могли идти только по ветру. Но они могли — то есть могут идти — и против ветра, если он до пяти румбов.

— Я верю вам на слово. А откуда эта вонь?

— Груз, — лаконично ответил Йенс, указывая на тюки, надежно привязанные к палубе кожаными веревками. — В этих кораблях нет трюмов, поэтому весь груз находится на палубе.

— Что же это за груз — лимбургский сыр?

— Нет, в основном продукты, пища для скота, эль и тому подобное. А вонь исходит от кожаных покрышек, которые делают водонепроницаемыми, пропитав их тюленьим жиром, смолой и маслом.

— Очень остроумно. — Барни указал на темное отверстие позади мачты. — А что случилось с ручной помпой, которую мы договорились установить на корабле? Он должен добраться до Винланда, иначе мы не снимем картины. Я хочу, чтобы были приняты все меры предосторожности. Эмори сказал, что помпа будет полезным новшеством, где же она?

— Оттар отказался от помпы, — объяснил Йенс. — Он отнесся к ней с большим сомнением — боится, что помпа сломается и они не смогут ее починить. У них своя система: один человек стоит в трюме и ведром вычерпывает воду со дна корабля, а второй выливает ее за борт с помощью вот этого деревянного коромысла. Может быть, такая система кажется примитивной, зато действует безотказно.

— Конечно, пока у них хватает ведер и людей, а я уверен, что в этом недостатка не будет. О'кей, я покупаю все. Еще не хватало, чтобы я учил Оттара его профессии. Просто я хочу быть уверенным, что он благополучно доберется до Винланда. А как насчет этого навигационного приспособления, Эмори?

— Все в порядке, я установил его внутри корпуса, так что они не смогут добраться до него, и вывел на палубу очень простой репитер — по нему рулевой будет вести корабль.

— Он будет работать?

— Не вижу, почему нет. Викинги очень неплохие мореплаватели. Правда, обычно их морские переходы очень коротки, так что они прокладывают курс от

одной точки на берегу к другой. Но они знакомы с океанскими течениями, разбираются в привычках морских птиц и полагаются на то, что птицы приведут их к земле. Кроме того, они довольно точно умеют определять широту по высоте Полярной звезды над горизонтом. Поэтому помощь, которую мы им хотим оказать, должна вписываться в применяемую ими систему и дополнять ее; с другой стороны, если наше приспособление выйдет из строя, это не должно привести к трагедии. Конечно, проще всего было бы установить обыкновенный магнитный компас, но он будет казаться им слишком необычным, да к тому же магнитный компас весьма ненадежен в этих высоких широтах, где масса магнитных аномалий и так велико расхождение между географическим полюсом и магнитным.

— Вот почему ты этого не сделал. А что же ты сделал?

— Поместил внутрь корпуса гирокомпас с запасом питания в виде новых никадовых батарей. Мы включим гирокомпас в момент отплытия, и батареи хватит по крайней мере на месяц. Гирокомпас — последней модели, микросхема, непрецизионный, в армии их применяют на ракетах. А вот здесь, прямо перед рулевым, находится репитер компаса.

Барни посмотрел сквозь толстое стекло циферблата и отчетливо увидел белую стрелку на черном фоне. В сущности, это был даже не циферблат — на черном круге была нанесена всего одна большая белая точка.

— Я надеюсь, что Оттар оценит эту штуковину быстрее, чем я, — сказал он.

— Он ее и так оценил, — ответил Эмори. — Правда, он полон энтузиазма. Может быть, если я нарисую карту, вы лучше поймете мои объяснения.

Эмори взял ручку и блокнот и быстро сделал простой набросок.

— Пунктирная линия — это шестьдесят градусов северной широты, причем обратите внимание на то, что она параллельна курсу, по которому должен плыть Оттар, чтобы достичь мыса Фэрзуэлл на южной оконечности Гренландии. Следуя на запад, он легко может проверять свою широту по высоте Полярной звезды.

Мы устанавливаем гирокомпас так, что он все время показывает на мыс Фэруэлл. Когда стрелка указателя касается белой точки — точка и стрелка покрыты люминесцентным составом и светятся ночью, — корабль плывет в требуемом направлении. По этому гирокомпасу Оттар приплывет прямо к южной оконечности Гренландии.

— Там они предполагают провести зиму у родственников Оттара. Пока все хорошо, но что случится весной, когда они отправятся дальше? Этот курс в шестьдесят градусов приведет их прямо в Гудзонов залив.

— Нам придется переставить гирокомпас, — сказал Эмори. — Оттар будет ждать нас, мы приедем и поставим ему новые батареи, затем направим гирокомпас вот сюда, в пролив Белле-Айл. К этому времени он уже будет верить инструменту и последует по указанному им курсу, хотя на этот раз курс не будет параллелен широте. Тем не менее Восточное Гренландское течение направлено в ту же сторону, а он с ним знаком. Он сумеет без труда достигнуть или берега Лабрадора, или Ньюфаундленда.

— Ну хорошо, Оттар сумеет отыскать Винланд, — сказал Барни. — А как мы его отыщем?

— Рядом с батареями вмонтирован радиоответчик. Получив сигнал нашего радио, он автоматически пошлет ответ. Тогда нам будет нетрудно отыскать корабль с помощью простого радиопеленгатора.

— Звучит довольно убедительно. Будем надеяться, что это соответствует действительности. — Барни окинул взглядом низкую палубу и тонкую мачту. — Я бы не осмелился переправиться на этой штуке даже через залив, но ведь я не викинг. Итак, завтра отплытие. Мы закончили все съемки на острове. Завтра утром спускайте корабль на воду, погоняем его несколько раз в гавань и из гавани, сделаем съемки с берега и с борта корабля. А потом выпустим нашего голубя, пусть летит. Смотри, Эмори, вдруг твои приспособления не сработают. Тогда нам придется остаться в Винланде и вести домашнее хозяйство вместе с индейцами. Если я не

доставляю обратно готовую картину, нам просто нет смысла возвращаться.

Джино поднял голову из-за камеры и сказал:

— Пусть начинают, я готов.

Барни повернулся к Оттару, который стоял, небрежно опершись на рулевое весло:

— Ну-ка, дай команду.

Усталые матросы что-то мрачно пробормотали себе под нос и снова навалились на деревянные рукоятки шпиля. Они поднимали и опускали парус и плавали взад и вперед по заливу с самого рассвета, пока Джино снимал корабль в разных ракурсах. По мере того как вращался барабан шпиля, смазанная жиром веревка из моржовой шкуры с шипением поползла через дыру в вершине мачты, поднимая тяжеленный холщовый парус, который еще более утяжеляли полосы из тюленьей кожи, нашитые на него для придания формы. Джино направил объектив на парус, снимая его подъем.

— Уже поздно, — сказал Оттар. — Если мы отплываем сегодня, нужно делать это поскорее.

— Мы уже почти закончили, — успокоил его Барни. — Я только хочу снять корабль, когда он выходит из залива, и на этом закончим.

— Ты же снимал эту сцену сегодня утром, ты сам сказал, что корабль отплывает в рассвет.

— Это было с берега. А теперь я хочу, чтобы ты и Слайти встали рядом у рулевого весла в момент отплытия от родного берега в неизвестное...

— На моем корабле женщина не может стоять у рулевого весла.

— Она не будет управлять кораблем, просто встанет рядом, может быть, возьмет тебя за руку. Я не прошу у тебя слишком многого.

Когда парус достиг вершины мачты, Оттар стал отдавать распоряжения. Трос, на котором поднимался парус, был снят с барабана шпиля и закреплен намертво, а на его место помещена веревка от якоря. Усилиями матросов, которые Джино запечатлел на

пленке, якорь начал подниматься со дна залива. Якорь — килик — представлял собой огромный камень, обшитый деревянными брусьями и обросший водорослями. Корабль начал набирать скорость, ветер наполнил парус, и Барни вернулся к съемкам.

— Слайти, — позвал он. — На сцену, и побыстрее.

Было совсем не просто перейти с носа на корму кнорра, когда корабль был полностью загружен. Поскольку кнорр был без трюмов и всего лишь с двумя крошечными каютами, на палубе находился не только весь груз, но там же сидело и лежало более сорока человек, шесть низкорослых коров и связанный бык, стадо овец и два козла, стоявших на вершине туюков. Крики, мемеканье и мычание наполняли воздух. Тем не менее Слайти сумела преодолеть все препятствия, и Барни помог ей вскарабкаться на крошечное возвышение у рулевого весла. На Слайти было белое платье с глубоким декольте, и выглядела она очень привлекательно с распущенными белокурыми волосами и щеками, розовыми от ветра.

— Встань рядом с Оттаром, — сказал ей Барни, затем быстро удалился из поля зрения съемочной камеры. — Начали!

— Их затылки — великолепный кадр, — прокомментировал Джино.

— Оттар! — крикнул Барни. — Ради Тора, повернись к нам. Ты смотришь не в ту сторону!

— Нет, я смотрю как раз в нужную сторону, — упрямо ответил Оттар, сжимая в руках длинное рулевое весло и сурово глядя назад на исчезающую землю. — Когда покидаешь сушу, нужно всегда смотреть на нее, чтобы взять верное направление. Так всегда делается.

После продолжительных уговоров, лести и подкупа Барни удалось уговорить Оттара встать так, чтобы он мог править, глядя через плечо. Слайти стояла рядом с ним, положив руку на борт рядом с рукой викинга, и Джино удалось отснять вид удаляющегося берега.

— Стоп! — скомандовал наконец Барни и Оттар с облегчением занял правильное положение.

— Я спущу вас на берег у мыса, — сказал Оттар.

— Отлично, — ответил Барни. — А я свяжусь по радио с лагерем и вызову грузовик.

Самым трудным при высадке была выгрузка камеры, и Барни оставался на борту до тех пор, пока камеру не переправили на берег в целости и сохранности.

— Ну, Оттар, увидимся в Винланде, — сказал он, протягивая руку. — Доброго тебе пути.

— Конечно, — ответил викинг, сжимая своей ручищей руку американца. — Отыщи для меня место получше. Вода, трава для скота, много деревьев.

— Постараюсь, — сказал Барни, трясая рукой, — он пытался восстановить кровообращение в своих побелевших пальцах.

Викинги не теряли времени. Как только Барни спустился на берег, Оттар приказал закрепить бейтас — парус. Длинное бревно одним концом вошло в специальное отверстие в палубе, а другой его конец уперся в верхний край паруса, развернув его к ветру. Корабль в последний раз отошел от берега и направился в открытое море. Крики людей и рев животных скоро утихли вдали.

— Только бы они добрались до Винланда, — сказал Барни вполголоса. — Только бы они добрались. — Он резко повернулся и вскарабкался на грузовик. — Быстро доставь меня к профессору, жми на третьей скорости, — сказал он шоферу.

Он мог избавиться от своих страхов, немедленно выяснив, сумел ли корабль благополучно достичь Исландии. Машина времени не могла решить его трудностей, но она могла сократить период бесплодного и томительного ожидания.

Когда они подъехали к лагерю, там царила суматоха. Палатки свертывали и укладывали на грузовики вместе с остальным имуществом: съемочная группа готовилась к переезду на новое место. Однако Барни ничего этого не замечал; его пальцы нетерпеливо барабанили по боковому стеклу. Если корабль в пути постигнет неудача, все это будет ни к чему. Не успел еще грузовик затормозить у машины времени, как Барни уже выпрыгнул из кабины. Джип погрузили на платформу, и сидевшие в нем Текс и Йенс Лин

свели за тем, как профессор заряжает аккумуляторы времееатрона.

— А где Даллас? — спросил Барни.

— Куда-то ушел.

— Мы можем отправиться и без него, — сказал Текс. — Не обязательно ехать нам вдвоем. Ведь нам нужно только доставить Оттару запас виски на зиму, после того как мы узнаем, что он прибыл благополучно.

— Делай, что тебе говорят. Я хочу, чтобы на всякий случай туда отправилось два человека. Мы не можем сейчас позволить себе срывов. Вот он идет — отправляйтесь.

Барни сделал шаг назад, и профессор включил темпоральное поле. Как всегда, с точки зрения наблюдателя, путешествие заняло лишь долю секунды. Платформа исчезла и вновь появилась в нескольких футах от Барни.

Впрочем, перемены были налицо. Профессор Хьюитт сидел в контрольной кабине, плотно закрыв дверь, а те, кто был в джипе, подняли брезентовый полог. Он был покрыт толстым слоем снега. Порыв снежного бурана вырвался из поля времееатрона, и снег покрыл траву вокруг платформы.

— Ну? — нетерпеливо спросил Барни. — Что случилось? Вылезайте из укрытия и докладывайте.

Даллас спустился с платформы и подошел к Барни по покрытой снегом траве.

— Эта мне Исландия, — проворчал он. — Ну и климат!

— Метеорология потом. Ну, как Оттар с кораблем?

— Все в порядке. Корабль вытащили зимовать на берег, и, когда мы отправлялись, Оттар и его дядя хлестали виски, которое мы им доставили. Мы поволновались — думали, что так и не найдем его, профессору пришлось четыре раза менять координаты. Оказалось, что он сделал остановку на Фаррерских островах. Между нами говоря, я не думаю, что Оттар добрался бы до Исландии, если бы его не подгоняла любовь к спиртному. Ведь когда привыкаешь к очищенному спирту, домашний самогон перестает нравиться.

Барни с облегчением вздохнул; впервые за долгое время он почувствовал, что напряжение покидает его. Он даже выжал из себя слабую улыбку.

— Отлично. Теперь начнем перебрасывать группу, пока у нас здесь еще не стемнело.

Он вскарабкался на платформу, осторожно ступая по колее, проложенной джипом, чтобы не набрать снега в ботинки, и открыл дверь кабины.

— У ваших аккумуляторов хватит энергии для следующего прыжка?

— Когда мотор генератора работает, зарядка аккумулятора идет непрерывно. Это большое усовершенствование.

— Тогда перебросьте нас вперед во времени, в весну тысяча пятого года, и выберите на Ньюфаундленде местечко получше, в тех краях, которые вы осматривали с Лином, когда искали поселения викингов.

— Я как раз знаю такое прелестное местечко, — сказал профессор, перелистывая записную книжку. — Идеальное положение.

Он установил координаты и включил времеатрон.

Снова возникло уже знакомое ощущение временного прыжка, и платформа опустилась на скалистый берег. Волны бились о берег, казалось, над самой их головой, и брызги с шипением падали на снег. Над ними возвышалась мрачная громада утеса.

— Это что, прелестное местечко? — заорал Барни, пытаясь перекрычать грохот прибора.

— Ошибочные координаты! — крикнул в ответ профессор. — Маленькая ошибка. Это не то место.

— Вы еще будете мне заливать! Давайте двигать отсюда, пока нас на смыло в море.

После второго прыжка машина времени мягко опустилась на зеленую лужайку на берегу небольшого залива. Чуть дальше полукругом выстроились высокие деревья, и через лужайку к морю бежал, извиваясь, журчащий ручей.

— Вот это другое дело, — заметил Барни, глядя, как члены его экипажа выбирают из джипа. — Где мы, Йенс?

Йенс Лин огляделся вокруг, вдохнул воздух полной грудью и улыбнулся.

— Я хорошо помню это место, оно было одним из первых. Прямо перед нами Эпавесский залив, выходящий в залив Сейкрид-Бей на северной оконечности Ньюфаундленда. А вот там пролив Белле-Айл. Мы разузнали все об этом месте потому, что...

— Отлично. Кажется, это то, что нужно. А ведь компас на корабле Оттара нацелен на этот пролив?

— Совершенно верно.

— Тогда здесь и остановимся. — Барни наклонился, зачерпнул с платформы пригоршню мокрого снега и начал делать снежок. — Это место возле устья ручья мы оставим для Оттара. А свой лагерь разобьем вон там, в верхнем правом углу лужайки. Здесь довольно ровно, постараемся, чтобы двадцатое столетие не попадало в поле съемочной камеры. Ну, за работу! Но сначала счистите снег. Я не хочу, чтобы кто-нибудь сломал ногу.

Даллас наклонился, чтобы завязать шнурок, и удержаться от искушения при виде такой цели было просто невозможно. Размахнувшись, Барни швырнул тугой комок прямо в центр тесных джинсов.

— Вперед, викинги! — сказал он со счастливой улыбкой. — Пошли заселять Винланд.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 13

Серый безмолвный мир нагонял уныние и тоску. Туман заглушил все звуки, слизнул все краски; океан перед путешественниками раскинулся, но не был виден до тех пор, пока набежавшая волна не разбилась пеной на песчаном пляже у самых их ног. Грузовик, стоявший в десяти футах, казался темным пятном в серой мгле.

— Попробуй еще разок, — сказал Барни, напрягая зрение и тщетно пытаясь проникнуть сквозь сырую завесу мглы.

Даллас, по случаю непогоды одетый в огромное черное пончо и широкополую стетсоновскую шляпу, поднял углекислотный баллон с сиреной и открыл клапан. Траурный рев сирены помчался над водой, отдаваясь в их ушах даже после того, как клапан был закрыт.

— Ты слышал? — внезапно спросил Барни.

Даллас наклонил голову и прислушался.

— Ничего, кроме шума волн.

— Я готов поклясться, что слышал плеск весел. Давай попробуем еще раз, по минуте. Слушай внимательно.

Сирена заревела снова. Барни поплелся к армейскому грузовику с брезентовым верхом и заглянул в кузов.

— Никаких изменений? — спросил он.

Эмори Блестэд, не отрываясь от радиопеленгатора, отрицательно покачал головой с надетыми на нее наушниками. Он медленно поворачивал рукоятку, вращающую антенну радиопеленгатора. Антенна повернулась в одну сторону, потом в другую. Эмори поднял глаза и постучал пальцем по указателю у основания антенны.

— Насколько я могу судить, корабль не двигается, — сообщил он. — Пеленг не изменился. Наверно, они ждут, когда разойдется туман.

— На каком они расстоянии от берега?

— Барни, имей совесть. Я тебе сто раз говорил, что с помощью этого прибора я могу определить направление, но не расстояние. Сила сигнала ответчика также ничего мне не говорит — может быть, одна миля, а может, пятьдесят. Я могу сказать только одно: с того момента, когда мы впервые услышали сигнал три дня назад, уровень поднялся, так что они приблизились.

— Ну ладно, ты убедил меня. Значит, этого ты не можешь мне сказать. А что же ты можешь сказать?

— То же, что и раньше. Корабль отплыл из Гренландии восемнадцать дней назад. Я переставил гирокомпас и направил его на пролив Белле-Айл, заменил батареи, включил ответчик и проверил, как работают все приборы. Мы сами видели, как они отплыли.

— Вы с Лином говорили мне, что плавание займет всего четыре дня, — сказал Барни, нервно кусая ноготь.

— Мы сказали, что плавание может занять всего четыре дня, но, если погода ухудшится — изменится ветер или что-нибудь еще, — путешествие займет гораздо больше времени. Так оно и случилось. Но ведь мы услышали сигнал ответчика, значит, они благополучно пересекли океан.

— Это было два дня назад, а что ты сделал для меня после этого?

— Послушай, Барни, скажу тебе как старый друг: это путешествие во времени не сделало тебя спокойнее. Мы же собирались только отснять фильм, верно? Мы выполнили свой долг и даже перевыполнили — и

никто не проронил ни слова жалобы. Давай полегче — и сам не мучайся, и людей не мучай.

— Да, да, ты прав, — ответил Барни. Больше, чем когда-либо, он был близок к тому, чтобы принести извинения. — Но ведь два дня — ты и сам скоро поймешь, как это много.

— Ты совершенно напрасно беспокоишься, сплошной туман, незнакомый берег, полный штить — они просто не хотят рисковать. Им нет никакого смысла грести к берегу: они не знают, где он и что их там ожидает. Сейчас, судя по радиопеленгатору, мы находимся в самой ближней к ним точке суши и, как только туман поднимется, сможем указать им направление...

— Эй! — раздался с берега крик Далласа. — Я что-то слышу, вон там, вдалеке.

Барни сполз по песчаному откосу к кромке воды. Даллас стоял, приложив ладонь к уху, и внимательно прислушивался.

— Тише! — прошептал он. — Прислушайся. Вон там в тумане. Клянусь, я слышал плеск воды, как будто от весел, и голоса.

Волна разбилась у их ног и медленно покатилась обратно. На мгновение наступила полная тишина и стал отчетливо слышен плеск весел.

— Ты прав! — крикнул Барни, затем закричал еще громче: — Эй вы, там! Сюда!

Даллас тоже закричал, забыв о сирене, когда в туманной мгле показалось темное пятно.

— Это лодка, — сказал Даллас, — ее обычно держат на палубе.

Они кричали, махали руками. Внезапно порыв ветра разорвал туман, и стала видна лодка и те, кто в ней сидел.

Лодка была сделана из темных звериных шкур, трое сидящих в ней туземцев с длинными черными волосами были одеты в меховые парки с откинутыми капюшонами.

— Это не викинги, — сказал Даллас, размахивая правой рукой. — Кто это может...

Люди в лодке, заметив его движение, опустили круглые весла в воду, тормозя лодку, а тот, что был на носу, взмахнул рукой, и что-то просвистело в воздухе, направленное на Далласа.

— Они прикончили меня! — с этим криком Даллас упал на песок со стрелой, торчащей из груди.

Рядом с ним упала сирена, клапан открылся, и над водой раздался мрачный рев. Заслышав его, люди в лодке начали отчаянно грести в обратном направлении и через несколько секунд исчезли в тумане.

С того момента, как лодка появилась, и до того, как она исчезла, прошли буквально считанные секунды. Барни стоял, потрясенный происшедшим, оглушенный ревом, ничего не понимая. Сирена мешала ему сосредоточиться, и Барни пришлось наклониться и выключить ее, прежде чем он повернулся к Далласу, который лежал на песке и казался сраженным намертво.

— Выдерни эту штуку из меня, — внезапно сказал Даллас тихим голосом.

— Я поврежу что-нибудь... это тебя убьет... я не могу.

— Это не так страшно, как кажется. Однако постарайся выдернуть ее, а не запихнуть глубже.

Дрожащими руками Барни схватился за дротик, потянул, и дротик легко подался, но потом запутался в одежде Далласа, так что Барни пришлось упереться и дернуть изо всех сил. Дротик остался у него в руках, вырвав огромный лоскут прорезиненной материи из пончо Далласа. Даллас тут же сел, поднял пончо и расстегнул куртку и рубаху.

— Ты только посмотри, — сказал он, показывая на красную царапину вдоль ребер. — Еще два дюйма вправо, и мне бы устроили вентиляцию. Когда я шевелился, этот крючок на наконечнике впивался мне в тело, и все казалось гораздо хуже, чем на самом деле.

Он осторожно потрогал пальцем острый зубец, отходящий в сторону от костяного наконечника.

— Что случилось? — крикнул Эмори, сбегая по песчаному склону. — Что это? Где лодка?

Даллас встал и заправил рубаху в брюки.

— Мы установили контакт с местным населением, — объяснил он. — Похоже, что индейцы, или эскимосы, или кто-то еще прибыли сюда до викингов.

— Ты ранен?

— Не смертельно. На этой стреле не было моего имени. — Он усмехнулся и внимательно осмотрел стрелу. — Хорошая резьба по кости и отличная балансировка.

— Все это мне не нравится, — сказал Барни, доставая из кармана подмокшую сигарету. — Разве у меня мало неприятностей и без этих индейцев? Остается только надеяться, что они еще не добрались до корабля викингов.

— А я надеюсь, что это произошло, — с наслаждением сказал Даллас. — Не думаю, чтобы они причинили Оттару много беспокойства.

— Я хотел вам сказать, — вставил Эмори, — что с холма, где стоит грузовик, видно, как поднимается туман и в просветах светит солнце.

— Давно пора, — сказал Барни, глубоко затягиваясь сигаретой, так что мокрый табак начал вспыхивать и трещать.

Как только солнце появилось на небе, оно быстро рассеяло туман. К тому же с запада подул ветер. Через полчаса туман совершенно исчез, и в миле от берега они увидели кнорр Оттара.

Барни едва сдержал улыбку.

— Просигналь-ка им этой штукой, — сказал он Далласу. — Они посмотрят в нашу сторону и быстро увидят грузовик.

Даллас открывал и закрывал клапан сирены до тех пор, пока она, пискнув, не замолчала совсем. Однако желаемый эффект был достигнут. Они отчетливо видели, как большой парус стал уменьшаться, затем, после поворота, снова увеличился и у носа корабля появилась белая полоска пены. Никаких следов лодки из шкур не было видно. Казалось, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

В нескольких сотнях метров от берега кнорр повернулся и лег в дрейф, парус захлопал на ветру. Люди на борту кнорра размахивали руками и кричали что-то непонятное.

— Давай сюда! — крикнул Барни. — Давай к берегу! Почему они не пристают прямо к берегу?

— Надо думать, у них есть причины, — сказал Эмори. — Опасные подходы или что-нибудь еще.

— Как же тогда, они считают, я смогу добраться до корабля?

— Может быть, вплавь, — предложил Даллас.

— Шутник. Послушай, а может, послать тебя к ним в надувной лодке?

— Смотрите, — заметил Эмори, — у них на палубе еще одна лодка.

На палубе виднелась лодка, двадцатифутовая копия кнорра, однако викинги спускали на воду другую лодку.

— Это что-то знакомое, — пробормотал Даллас.

Прищурившись, Барни посмотрел на лодку.

— Ты совершенно прав. Она как две капли воды похожа на лодку, в которой приплывали краснокожие.

В прыгающую на волнах лодку спустились двое и начали грести к берегу. Оттар сидел на носу, приветственно размахивая веслом. Через несколько мгновений лодка уткнулась носом в песок.

— Добро пожаловать в Винланд, — сказал Барни. — Ну, как поплавали?

— Берег здесь никуда не годится, нет травы для животных, нет деревьев, — сказал Оттар. — Ты нашел хорошее место?

— Великолепное, дальше по берегу в нескольких милях, именно то, что ты просил. Ну как, были происшествия во время плаванья?

— Ветер все время дул в другую сторону, плыли очень медленно. Полно плавающего льда и тюленей, и мы видели двух варваров. Они охотились за тюленями и попытались улизнуть, но мы стали их преследовать и, когда они бросили в нас дротики, убили их. Съели их тюленей. Взяли их лодку.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Мы только что встретили их родственников.

— Где это хорошее место, о котором ты говорил?

— Поплывешь вдоль берега, потом повернешь за мыс и пройдешь мимо островов. Его нельзя не заметить. Да вот возьми с собой Эмори, он покажет тебе дорогу.

— Нет, нет, только не меня. — Эмори словно оттолкнулся от чего-то и попятился. — Как только посмотрю на лодку, меня уже тошнит. Стоит мне три минуты побыть в море, как мой желудок выворачивается наизнанку и я прямо труп, да и только.

Даллас по солдатской привычке не любил вступать в неприятные разговоры.

Когда Барни повернулся к нему, он был уже на полпути к вершине холма.

— Я шофер, — объяснил Даллас, — я подожду вас в кабине.

— Вот вам служащие, преданные и верные, — холодно заметил Барни. — Я все понял, ребята, можете не повторять. О'кей, Эмори, скажи шоферу, пусть отправляется в лагерь. Мы постараемся добраться до корабля как можно быстрее, спустим людей Оттара на берег и, может быть, в недалеком будущем снова приступим к съемкам. Разбуди Джино, скажи, пусть он заберется на холм, на ту точку, которую мы с ним выбрали, и начинает съемки корабля, как только он появится в проливе. И позаботься о том, чтобы на месте высадки уничтожили отпечатки автомобильных шин.

— Все будет сделано, Барни. Я бы с удовольствием отправился вместо тебя, но я и море...

— Да-да, конечно. Отправляйтесь.

Влезая в лодку, Барни промочил ноги. Вода была настолько холодной, что ему стало казаться, будто у него ампутированы ноги ниже колен. Лодка — тюленьи шкуры, натянутые на деревянную раму, — качалась, угрожая перевернуться от малейшего движения, и прыгала по воде, подобно огромному водяному жуку. Барни пришлось сесть на дно и схватиться руками за борта, чтобы удержать равновесие. Когда им наконец

удалось достигнуть кнорра, он никак не мог вылезти из качающейся лодки и перебраться через высокий борт корабля, пока чьи-то сильные руки не подхватили его под мышки и не втащили на палубу, как мешок с зерном.

— Hanany! Soustu handartokin!* — рявкнул Оттар, и его люди с веселыми криками начали разворачивать корабль, готовя его к последнему этапу плавания.

Барни предусмотрительно удалился на корму, чтобы его в спешке не помяли. Моряки поворачивали длинное бревно, прикрепленное к нижнему концу паруса, и под пронзительные крики женщин отшвыривали тяжелыми сапогами попадавших под ноги коз, которые шумно выражали свой протест. Переполненная палуба напоминала оживленный деревенский двор с испуганными домашними животными и разбросанными здесь и там кулями корма. Посреди всей этой суматохи одна из женщин, склонившись над деревянным ведром, доила корову. Когда корабль изменил направление и ветер донес до Барни запах парного молока, сходство стало казаться еще более разительным.

Наконец суматоха постепенно улеглась, и скот вернулся к своей кормежке. Попутный ветер не только надувал огромный парус, но и уносил с кормы на нос разнообразные запахи, так что воздух на корме был чистым и свежим. Форштевень с шипением врезался в длинные пологие валы Атлантического океана, и вдоль бортов корабля проносилась волна. Легкий как пробка, кнорр был надежным и практичным судном, море было для него родной стихией.

— Кажется, хорошее место, — заметил Оттар, легким прикосновением руки выравнивая рулевое весло кнорра и указывая другой рукой на берег, где уже были видны деревья и пятна лужаек.

— Вот подождите, когда обогнем мыс, — сказал ему Барни, — там еще лучше.

Корабль проходил мимо группы островов, расположенных в устье залива. Животные почуяли землю, запах свежей травы и подняли шум. Бык со спутанными ногами, привязанный к палубе, потянул за веревку

* А ну, за работу! Уже немного осталось! (старонорв.)

и заревел, женщины закричали от радости, а мужчины запели. Плавание подходило к концу, местечко и впрямь оказалось прекрасным. Когда перед ними открылся Эпавесский залив с высокими деревьями на холмах, которые поднимались навстречу небу, и ярко-зеленой весенней травой на лугу около ручья, даже Барни почувствовал волнение. Потом он заметил темное пятно на вершине холма — Джино со съемочной камерой, увидел джип на склоне и вспомнил о фильме. Он спрятался за борт кнорра и не высовывался до тех пор, пока не надел на голову рогатый шлем викингов, висевший недалеко от него. Только после этого он выпрямился и стал виден с берега.

Оттар вел свой корабль, не спуская паруса, прямо к устью ручья, и все, кто был на борту, кричали от возбуждения. Наконец форштевень кнорра царапнул песчаное дно, корабль поднялся на волне и проплыл еще немного, снова коснулся дна и замер на месте. Забыв о все еще поднятом нижнем парусе, команда и пассажиры попрыгали в волны прибоя и, смеясь от радости, побрели по воде к берегу и луту по обе стороны ручья. Оттар вырвал огромный пучок высокой, по колено, травы, понюхал ее, потом пожевал. Некоторые катались по земле, испытывая животное удовольствие от ощущения твердой земли после многих дней, проведенных на качающейся палубе корабля.

— Великолепно! — крикнул Барни. — То есть просто великолепно! Высадка в Винланде после долгих месяцев плавания, первые поселенцы в новом мире. Поразительные кадры, подлинные исторические кадры! — Он пробрался между обезумевшими животными на нос корабля и встал так, что оператор отчетливо видел его. Махнув рукой, он крикнул: — Достаточно, Джино. Спускайся сюда.

Голос его едва ли был слышен, однако жест был весьма выразителен. Джино вылез из-за камеры, махнул в ответ, затем принялся грузить камеру в джип. Еще через несколько минут джип, разбрасывая гальку,

уже мчался по берегу. Барни спрыгнул с корабля в воду и побежал ему наперерез.

— Стой! — крикнул он Далласу, который вел машину. — Развернись и поезжай на другой берег, прямо против устья ручья. А ты, Джино, установи камеру на вершине и снимай вход корабля в залив, его приближение, людей, которые прыгают с палубы в воду и бегут прямо на камеру, обтекая ее слева и справа.

— Потрясающая сцена — как они спрыгивали с корабля, — сказал Джино. — Я буду готов через десять минут.

— Тебе потребуется больше, чтобы все это опять запечатлеть. Обожди, — окликнул он Далласа, который включил мотор и начал разворачивать джип. — Мне нужна твоя бутылка.

— Какая еще бутылка? — На лице Далласа отразилось искреннее недоумение.

— Бутылка, которую ты всегда таскаешь с собой. Ну ладно, нечего притворяться. Я всего лишь беру ее взаймы. Вечером ты получишь новую.

Трюкач с видимой неохотой извлек из-под сиденья бутылку виски с черной наклейкой, на четверть пустую.

— Так-так, — холодно заметил Барни. — Уже запустил лапу в частные владения.

— Это чистая случайность — мое виски кончилось. Я заплачу.

— А я-то думал, что, кроме меня, ни у кого нет ключа к ящику. И чему только люди не научатся в армии!.. Ну, за дело. — С этими словами он засунул бутылку во внутренний карман куртки и пошел обратно к Оттару, который стоял на коленях на берегу ручья и пил воду из пригоршни.

— Ну-ка, загони всех обратно на корабль, — сказал Барни. — Мы хотим опять снять высадку, на этот раз с близкого расстояния.

Оттар посмотрел на Барни и захлопал глазами, вытирая тыльной стороной руки воду, стекавшую с бороды.

— О чем ты говоришь, Барни? Все так счастливы, что они снова на берегу. Они не захотят вернуться.

— Захотят, если ты им прикажешь.

— Почему я должен приказывать? Это идиотская мысль.

— Ты прикажешь им, потому что ты снова на зарплате. А вот и аванс.

С этими словами он протянул бутылку Оттару, тот широко улыбнулся и поднес ее к губам. Пока викинг пил, Барни успешно справился со своей задачей.

Даже Оттару было нелегко вернуть людей на корабль. Наконец он потерял терпение, уложил одного из мужчин сильнейшим ударом в грудь и пинками повернул двух женщин в нужном направлении. После этого, несмотря на ворчание и жалобы, люди поднялись на палубу и разобрали весла. Дальше все было просто — усилия, которые потребовались для того, чтобы снять кнорр с мели, потушили остатки мятежа.

Как только камеру выгрузили на пригорок, Барни тут же послал джип обратно в лагерь. Еще до того, как корабль взял обратный курс и вновь поднял паруса, джип вернулся, нагруженный ящиками пива, коробками сыра и консервированной ветчины.

— Вывалите все это добро примерно в десяти ярдах позади камеры, причем сделайте кучу достаточно высокой, чтобы они могли видеть продукты издали. Открой ветчину, пусть знают, что это такое. И дайте мне банку ветчины с бутылкой пива.

— Вон они идут, — крикнул Джино. — Великолепный кадр, совершенно потрясающий.

Полным ходом кнорр мчался по заливу, быстро приближаясь к камере, пока огромный парус не закрыл половину неба. В следующее мгновение нос кнорра врезался в устье ручья, подняв тучу брызг.

Барни, который не был уверен, что энтузиазма скандинавов хватит и на вторую высадку, решил не рисковать. Он поднял над головой ветчину с пивом и крикнул изо всех сил: «Ol! Svinajot, ol ok ostr!»*.

Это оказало мгновенное действие. После трех недель плавания, в котором единственной пищей были

* Пиво! Ветчина, пиво и сыр! (старонорв.)

сухари и вяленая рыба, мореплаватели взревели от восторга. На этот раз энтузиазм был таким же, если не большим, чем во время первой высадки. Люди, сбивая друг друга с ног, мчались по пояс в воде к берегу и пробегали мимо камеры, чтобы дорваться до еды и питья.

— Стоп, — сказал Барни, — но пока не уходи. Как только они покончат с закуской, я хочу, чтобы они выгрузили домашний скот.

Подошел Оттар. В одной руке у него была наполовину опустошенная банка ветчины, в другой — бутылка.

— Подойдет это место для поселения? — спросил его Барни.

Оттар посмотрел вокруг и кивнул со счастливой улыбкой.

— Хорошая трава, хорошая вода. Полным-полно деревьев на берегу для топки. Полным-полно хорошей древесины вон там для рубки. Рыба, охота — хорошее место. Где Гудрид? Где все остальные?

— Выходной день, — сказал ему Барни, — все они на Санта-Каталине. Свободный день с сохранением жалованья, праздник, пикник, жарят мясо на кострах и так далее.

— Почему праздник?

— Потому что я щедрый и люблю, когда люди счастливы, а ведь до вашего прибытия мы не могли ничего делать. К тому же это сберегает деньги. Я три недели ждал вас всего с несколькими людьми. А остальные будут отсутствовать только один день.

— Хочу видеть Гудрид.

— Ты хочешь сказать — Слайти. Я полагаю, что она тоже будет рада увидеться с тобой.

— Прошло так много времени.

— Ты любитель примитивных наслаждений, Оттар. По крайней мере сначала покончи со своей ветчиной и не забывай, что это исторический момент. Ты только что впервые ступил на землю нового мира.

— Ты чокнутый, Барни. Это тот же старый мир, только место называется Винланд. Похоже, что здесь хорошие деревья.

— Мне не забыть этих исторических слов, — произнес Барни.

Глава 14

— Что-то я сегодня неважно себя чувствую, — пожаловалась Слайти, расстегивая огромную позолоченную пряжку на своем поясе. — Должно быть, это воздух, или климат, или что-то вроде этого.

— Конечно, что-то вроде этого, — сказал Барни с полным отсутствием сочувствия. — Воздух. Конечно, это не может быть следствием вчерашней пирушки с викингам на берегу, где вы жарили на кострах моллюсков и устриц и выпили шесть ящиков пива.

Слайти промолчала, однако ее обычно свежая розовая кожа внезапно приобрела зеленоватый оттенок. Барни вытряхнул еще две таблетки в пригоршню, уже почти полную, и протянул ей.

— Вот, проглоти эти пилюли, а я сейчас принесу тебе стакан воды.

— Так много, — еле слышно запротестовала Слайти. — Я не проглочу их.

— Постарайся, ведь нам предстоит целый день съемок. Эти пилюли — испытанное лекарство доктора Барни Хендриксона от похмелья и применяются на другое утро после праздника. Аспирин от головной боли, драмина от тошноты, бикарбонат от изжоги, бензедрин от подавленного настроения и два стаканчика воды для ликвидации обезвоживания организма. Действует безотказно.

Пока Слайти давилась таблетками, в дверь постучала секретарша Барни, и он велел ей войти.

— Ты выглядишь сегодня очень свеженькой, — заметил Барни.

— Я не перевариваю моллюсков, поэтому легла спать очень рано. У меня к вам несколько вопросов. — Она протянула ему бумажку с вопросами и начала водить пальцем по списку. — Так, артисты — о'кей, дублеры — о'кей, операторы — о'кей, да, в бутафорском отделе хотят знать, нужна ли кровь на складном кинжале?

— Конечно, нужна! Мы снимаем настоящий исторический фильм, а не сказку для детского утренника. — Он встал и оправил куртку. — Пошли, Слайти.

— Я приду через минуту, — сказала она умирающим голосом.

— Десять минут — и ни секундой больше, ты снимаешься в первой сцене.

День был ясный, и солнце, уже поднявшись над горным хребтом за их спиной, освещало поселение, бросая длинные тени от земляных хижин и сараев, крытых древесной корой. Норвежские поселенцы уже начали свой рабочий день, и струйка синего дыма поднималась из дыры в крыше самой большой хижины.

— Надеюсь, что Оттар в лучшем состоянии, чем наша героиня, — сказал Барни, вглядываясь в водные просторы. — Посмотри, Бетти, вон там, слева от острова, — это камни или лодка?

— Я оставила свои очки в трейлере.

— Похоже, что это моторная лодка. Смотри, она приближается. Пора бы им уже и возвращаться. Пойдем-ка на берег.

Бетти пришлось почти бежать, чтобы не отстать от Барни, который широким шагом спускался по склону холма вниз к берегу. Теперь лодка была отчетливо видна, и они слышали стук мотора, разносящийся над заливом. Большинство киношников уже собралось около кнорра, и Джино устанавливал камеру.

— Кажется, исследователи возвращаются домой, — обратился он к Барни, указав на приближающуюся лодку.

— Сам вижу и сам позабочусь о них, так что пусть все остальные готовятся к съемкам. После того как я с ними поговорю, мы сразу же начнем снимать эту сцену.

Барни ждал приближения лодки, стоя у самой воды. Текс сидел у подвесного мотора, а Йенс Лин — на носу. У обоих отросли черные бороды и вид был весьма потрепанный.

— Ну? — спросил Барни, не дождавшись, когда лодка достигнет берега. — Что нового?

Лин грустно покачал головой.

— Ничего, — сказал он, — абсолютно ничего вдоль всего берега. Мы ушли так далеко, как только позволили запасы бензина, и не встретили ни единой живой души.

— Но это совершенно невозможно! Я видел этих индейцев собственными глазами, а Оттар даже убил парочку. Они должны находиться где-то поблизости.

Йенс вылез на берег и потянулся.

— Мне хочется отыскать их ничуть не меньше, чем вам. Ведь это уникальные возможности для научных исследований. Конструкция их лодок и резьба на костяном наконечнике стрелы дают основание полагать, что эти индейцы принадлежат к почти неизвестной культуре Дорсетского мыса. Мы почти ничего не знаем об этом племени, всего лишь несколько отрывочных сведений получены при археологических раскопках и почерпнуты из скандинавских саг. И насколько нам известно, последние представители этой культуры исчезли в конце одиннадцатого столетия...

— Меня не столько интересуют уникальные возможности для ваших научных исследований, сколько уникальная возможность для меня закончить съемку этого фильма. Для картины нам нужны индейцы, где они?

— Нам удалось обнаружить несколько стоянок на берегу, однако все они покинуты. Дорсетское племя является кочевым, и индейцы большую часть времени странствуют, следуя за стадами тюленей и косяками трески. Я думаю, что в это время года они перекочевали дальше на север.

Напрягая все силы, Текс вытащил нос моторной лодки на берег, затем сел на борт.

— Конечно, не мне учить дока его делу, но все же...

— Мистика! — презрительно фыркнул Лин.

Текс откашлялся и сплюнул в воду. Было очевидно, что по этому вопросу они уже раньше не сошлись во мнениях.

— В чем дело? Выкладывайте! — приказал Барни.

Тот почесал черную щетину на подбородке и заговорил с неохотой.

— Понимаете, в общем-то док прав. Мы не видели никого и ничего, кроме следов старых лагерных стоянок и куч тюленьих костей. Однако я думаю, что индейцы были где-то рядом, неподалеку, и все время следили за нами. Грохот этой косишки слышен за пять миль. Если эти краснокожие — охотники на тюленей, как утверждает док, то они могут запросто спрятаться, услышав о нашем приближении, и мы ничего не найдем. Я думаю, что они так и делают.

— А удалось вам обнаружить какие-нибудь доказательства этой теории? — спросил Барни.

Сделав несчастное лицо, Текс заерзал на месте, затем нахмурился.

— Только я не хочу, чтобы надо мной смеялись, — задиристо сказал он.

Барни сразу вспомнил о заслутах Текса в качестве инструктора по рукопашной схватке.

— Вот уж что мне никогда не придет в голову, Текс, так это смеяться над тобой, — сказал он совершенно чистосердечно.

— Ну... так вот. Когда я воевал в Азии, мы испытывали такое чувство, будто за нами все время следят. И в пятидесяти процентах случаев так и было. Бах — выстрел снайпера. Мне знакомо это чувство. Так вот, когда мы высаживались на берег, меня охватывало это чувство. Клянусь богом, они где-то совсем рядом.

Барни поразмыслил, хрустнул пальцами.

— Да, пожалуй, ты прав, но я не вижу, как это может нам помочь. Поговорим об этом за ленчем, может быть, придумаем что-нибудь дельное. Нам необходимы эти индейцы.

Съемки первой сцены шли через пень-колоду, в чем, возможно, был виноват Барни. Он не мог заставить себя сосредоточиться. А ведь все должно было бы идти гладко, потому что в основном снимались действия. Орлуг, которого играл Валь де Карло, — лучший друг Тора и его правая рука, но он тайно влюблен в Гудрид, а та боится сказать об этом Тору, не желая причинять ему горе. Однако страсть Орлуга все растет, и, так как Гудрид сказала, что она не полюбит другого человека, пока жив Тор, он, ослепленный любовью к Гудрид, в приступе сумасшествия пытается убить Тора. Он прячется за кораблем и бросается на проходящего мимо Тора. Тот сначала не верит своим глазам, однако, когда Орлуг ранит его в руку, понимает, что происходит. Тогда, действуя лишь одной рукой, безоружный, Тор вступает в схватку с Орлугом и убивает его.

— Ну хорошо, — прохрипел наконец Барни, у которого начало истощаться терпение. — Мы опять сыграем эту сцену, и на этот раз мне бы очень хотелось, чтобы все прошло хорошо, вы помнили бы свои реплики и все остальное, потому что у нас подходит к концу кровь для кинжала и почти не осталось чистых рубашек. По местам, Орлуг, ты стоишь за кораблем, Тор идет к кораблю вниз по берегу. Мотор!

Оттар затопал, проваливаясь в песок и, когда из-за корабля выпрыгнул де Карло, сумел даже изобразить на лице удивление.

— Это ты, Орлуг, — начал он деревянным голосом. — Что ты здесь делаешь, что... Великий Один! Смотрите!

— Стоп! — крикнул Барни. — Этого нет в тексте, Оттар, неужели ты не можешь запомнить несколько слов... — Внезапно он осекся, уставившись туда, куда показывал Оттар.

Из-за острова одна за другой выскальзывали маленькие черные точки и беззвучно гребли по направлению к берегу.

— Мечи, топоры! — приказал Оттар и оглянулся вокруг в поисках оружия.

— Подожди, Оттар! — остановил его Барни. — Не надо оружия и не надо бойни. Постараемся

установить с ними дружеские отношения, может быть, станем торговать с ними. Не забудь, что это мои потенциальные статисты, и я не хочу их спугивать. Текс, держи свой револьвер наготове, но не на виду. Если они начнут драку, ты прекратишь ее...

— С удовольствием.

— ...но не вздумай сам начать, понятно? Это приказ. Джино, ты снимаешь их?

— Полным ходом. Если ты согласишься убрать со сцены представителей двадцатого века, то я сниму подход, высадку — словом, все.

— Вы слышали, что он сказал? Давайте-ка все в сторону, быстро. Лин, быстро надевай одежду викинга. Пойдешь с ними на берег и будешь переводить.

— Как же я буду переводить? Ведь я не знаю ни единого слова на их языке, да он и вообще неизвестен.

— Ничего, научишься. Ты переводчик — стало быть, переводи. Нам понадобится белый флаг или что-то еще, чтобы продемонстрировать наши мирные намерения.

— У нас есть белый щит, — сказал рабочий из бутафорского отдела.

— Сойдет, дайте его Оттару.

Приблизившись к берегу, лодки замедлили ход. Всего их было девять, и в каждой сидело по два или три человека. Вид у них был настороженный, они сжимали в руках копья и короткие луки, однако было непохоже, что они собираются напасть. Несколько норвежских женщин подошли к берегу посмотреть, что происходит, и, казалось, их присутствие ободрило людей в лодках, потому что они подплыли ближе. К группе присоединился Йенс Лин, поспешно зашнуровывая кожаную куртку.

— Поговори с ними, — сказал Барни, — однако стой все время позади Оттара, чтобы казалось, что это он ведет все переговоры.

Дорсетские индейцы подплыли еще ближе, покачиваясь на волнах. Послышались громкие крики.

— Мы тратим на это массу пленки, — заметил Джино.

— Продолжай снимать, всегда можно вырезать то, что не нужно. Передвинься по берегу, чтобы занять позицию поудобнее, когда они высадутся, если они вообще высадутся. Нам нужно как-то привлечь их на берег, может быть, предложить что-нибудь в обмен.

— Ружья и водка, — сказал де Карло. — Вот в основном предметы обмена с индейцами во всех вестернах.

— Никакого оружия в обмен! Эти парни, очевидно, неплохо справляются с тем, что у них есть. — Барни оглянулся, пытаясь подстегнуть свое воображение, и увидел угол походной кухни, выступающей из-за дома Оттара, самого большого из земляных строений. — Пожалуй, это мысль, — пробормотал он и направился к кухне.

Прислонившись плечом к ее стенке, Клайд Роулстон писал что-то на клочке бумаги.

— А я думал, что ты вместе с Чарли занимаешься дополнительными диалогами, — сказал Барни.

— Я обнаружил, что работа над сценарием мешает моим стихам, поэтому решил снова заняться стряпней.

— Истинный художник. Что у тебя есть вкусенького?

— Кофе, чай, пирожки, бутерброды с сыром — все как обычно.

— Вряд ли краснокожие клонут на такой ассортимент. Что еще?

— Мороженое.

— Ага, вот это то, что надо. Вывали-ка его в один из горшков викингов, я сейчас пришлю за ним кого-нибудь. Я уверен, что эти ребята такие же сладкоежки, как и все люди.

Мороженое оказало желаемое действие. Слайти вынесла галлон ванильного мороженого на берег, где уже стояли в воде индейцы, все еще опасаясь выйти на сушу, и, съев несколько ложек сама, начала поварешкой класть мороженое им прямо в сложенные ковшом ладони. Трудно сказать, гормоны ли Слайти или мороженое сыграли тут свою роль, но уже через несколько минут индейцы вытащили кожаные лодки на берег и смешались со скандинавами. Барни остановил-

ся в том месте, где он не мешал съемкам, и внимательно всматривался в индейцев.

— Они больше похожи на эскимосов, чем на индейцев, — пробормотал он про себя. — Однако несколько перьев и боевая раскраска легко исправят все это.

Хотя у пришельцев были плоские лица и азиатские черты лица, типичные для эскимосов, это были крупные и крепкие люди, почти такие же высокие, как викинги. Под сшитыми из тюленьих шкур одеждами, расстегнутыми из-за жары, виднелась бронзовая кожа. Они говорили между собой быстро, высокими голосами и теперь, после высадки, казалось, забыли о своих недавних страхах и с огромным интересом разглядывали новые для них предметы. Самое большое впечатление на них произвел кнорр — такого они никогда не видели. Это было парусное судно, однако несравненно больших размеров.

Барни подозревал Йенса Лина.

— Ну, как дела? Они согласны работать для нас?

— Ты что, спятил? Мне кажется... Учти, что я в этом не уверен... мне кажется, я уже знаю два слова их языка. Унн-на означает, по-видимому, «да», а хенне — «нет».

— Продолжай в том же духе. Нам понадобятся все эти парни и много других для съемки боевых сцен нападения индейцев.

Теперь индейцы и викинги смешались. Вдоль всего берега первые демонстрировали вторым кипы тюленьих шкур, лежавших в лодках. Самые любопытные из пришельцев отправились посмотреть на дома, внимательно разглядывая все, что им попадалось, и взволнованно обмениваясь мнениями друг с другом. Один из индейцев, все еще сжимавший в руке дротик с каменным наконечником, заметил Джино, подошел к нему и заглянул в объектив камеры, дав тем самым оператору великолепный крупный план. Но тут послышался рев, а за ним — пронзительные крики.

Болотистый лут, граничивший с лесом, пересекла корова, за ней бежал бык, который, несмотря на свои небольшие размеры, был злым и опасным животным, казавшимся еще более злым из-за того, что слегка

косил. Обычно он бродил по лагерю свободно, и его не раз прогоняли от трейлеров съемочной группы. Он потряс головой и снова заревел.

— Оттар, — закричал Барни, — быстро прогони эту скотину, а то он напугает индейцев.

Бык не просто напугал дорсетских индейцев, он вселил в них безотчетный ужас. Они никогда раньше не видели такого ревущего и храпящего страшили и теперь оцепенели от страха. Оттар схватил длинную жердь, валявшуюся на берегу, и, крича, кинулся на быка. Бык посмотрел на бегущего викинга, ковырнул землю копытом и, выставив рога, перешел в атаку. Оттар сделал шаг в сторону, обозвал быка нехорошим скандинавским словом и с размаху прошелся жердью по его бокам.

Однако это не возымело ожидаемого действия. Вместо того чтобы развернуться и снова напасть на своего мучителя, бык заревел и бросился к дорсетским индейцам, явно сочтя их темные незнакомые фигуры причиной царящей в лагере суматохи. Индейцы закричали и обратились в бегство.

Паника оказалась заразной, и кто-то крикнул, что варвары перешли в атаку. Викинги тут же схватились за оружие. Двое до смерти перепуганных индейцев оказались отрезанными от берега и кинулись к дому Оттара, пытаясь выломать дверь, но она была заперта. Оттар бросился на защиту своего жилища, и, когда один из индейцев обернулся к нему с поднятым копьем, викинг нанес ему сокрушительный удар жердью по голове. Жердь переломилась пополам, проломив в то же время череп несчастного индейца.

За каких-то шестьдесят секунд все было кончено. Бык, причина всей паники, промчался через ручей и теперь мирно пасся на другом берегу. Лодки из шкур, подгоняемые бешеными рывками, мчались в открытое море. Здесь и там на берегу темнели тюки с тюленьими шкурами, забытые индейцами. У одного из норвежских слуг стрела вонзилась в руку, а двое дорсетских индейцев, включая и того, что пал жертвой Оттара, были мертвы.

— Мадонна миа. — Джино выпрямился, отошел от камеры и вытер рукавом потный лоб. — Ну и темперамент у этих молодцов! Почище, чем у сицилийцев.

— Какая глупая трата человеческих жизней, — сказал Йенс. Он сидел, согнувшись на песке, держась за живот обеими руками. — Они все были напуганы, как дети. Эмоции детей, а тела взрослых мужчин. Вот почему они убивают друг друга.

— Но в результате получится великолепный фильм, — бодро заметил Барни. — Кроме того, мы не имеем права вмешиваться в здешние обычаи. А что с тобой случилось? Кто-то в панике пнул тебя в живот?

— Не имеем права вмешиваться в здешние обычаи! Смешно! Вы губите жизнь этих людей ради своей кинематографической чепухи, а затем пытаетесь избежать последствий своих поступков... — Внезапно его лицо исказилось гримасой боли, и он стиснул зубы.

Барни посмотрел вниз и с ужасом увидел, что между пальцами Лина расплывается огромное красное пятно.

— Ты ранен, — медленно сказал он, не веря своим глазам, затем быстро обернулся. — Текс, пакет первой помощи! Быстрее!

— Что это ты проявляешь такую заботу обо мне? Ты только что видел слугу, у которого стрела вонзилась в руку, и даже глазом не моргнул. Говорят, викинги после битвы зашивали свои раны иголкой с суровой ниткой. Почему бы тебе не дать мне ниток?

— Успокойся, Йенс, ты ранен. Мы позаботимся о тебе.

Подбежал Текс с пакетом первой помощи, опустил его на землю рядом с Йенсом и встал на колени около раненого.

— Как это произошло? — спросил он спокойным, необычно мягким голосом.

— Копье, — сказал Йенс. — Так быстро, что я даже ничего не понял. Я стоял между индейцем и лодками. Он поддался общей панике. Я поднял руки, чтобы успокоить его, поговорить с ним, но тут почувствовал боль в животе, он пробежал мимо и исчез.

— Дай-ка мне осмотреть рану. Я посмотрелся таких ран в Новой Гвинее. Штыковое ранение. — Текс говорил спокойно, со знанием дела, и, когда он потянул Йенса за руки, они вдруг ослабли и беспомощно повисли; быстрым движением ножа Текс разрезал окровавленную одежду. — Неплохо, — сказал он, взглянув на кровоточащую рану. — Чистое проникающее ранение в живот. Ниже желудка и, кажется, не настолько глубокое, чтобы задеть что-нибудь еще. Необходима госпитализация. Там они зашьют дыру, положат внутрь соответствующий брюшной дренаж и напичкают тебя антибиотиками. Но если попытаешься вылечить такое ранение в полевых условиях, через пару дней ты загнешься от перитонита.

— Ты чертовски откровенен, — сказал Йенс, но все же улыбнулся.

— Как всегда, — ответил Текс, доставая дозу морфия и отламывая головку. — Когда человек знает, что с ним происходит, он не жалуется на лечение. И ему легче, и всем остальным. — Тренированной рукой он вонзил острие шприца под кожу Йенса.

— А ты уверен, что медсестра не сможет вылечить меня прямо здесь? Мне бы не хотелось возвращаться...

— Жалованье целиком плюс премиальные, — подбодрил его Барни. — И отдельная комната в госпитале — тебе ни о чем не придется беспокоиться.

— Меня беспокоят не деньги, мистер Хендриксон. Вам трудно это понять, но кроме доллара в мире существует многое другое. Для меня важно то, что я здесь узнаю. Одна страница моих записей ценнее всех катушек вашего целлулоидного чудовища, вместе взятых.

Барни улыбнулся, сделав попытку переменить тему разговора.

— Вы ошибаетесь, доктор, теперь пленки больше не делают из целлулоида. Налажено производство безопасной пленки, она не горит.

Текс присыпал рану сульфопорошком и крепко забинтовал.

— Вы должны попросить доктора приехать сюда, — сказал Лин, беспокоительно глядя на Барни. — Спросите, что он думает насчет моего отъезда. Если я уеду,

фильму конец, я уже больше никогда не вернусь обратно, никогда.

Полный страстного желания все запомнить, он оглядел залив, дома и людей. Текс поймал взгляд Барни, покачал головой и махнул в сторону лагеря съемочной группы.

— Пойду приведу грузовик и скажу профессору, чтобы он готовил свою машину. Пусть кто-нибудь перевяжет руку этому викингу и даст ему пузырек с пенициллиновыми таблетками.

— Привези с собой медсестру, — сказал Барни. — Я останусь с Йенсом.

— Мне хотелось бы рассказать тебе о том, что мне случайно удалось обнаружить, — сказал Йенс, положив ладонь на руку Барни. — Я слышал, как один из людей Оттара, говоря с ним о репитере компаса, установленном на их корабле, назвал его на свой лад, и это звучало как «хюсас-нотра». Я был потрясен. В исландских сагах неоднократно упоминается навигационный инструмент, который так и не удалось опознать. Он называется «хюсас-нотра». Ты понимаешь, что это значит? Вполне возможно, что слово «репитер компаса» вошло в их язык как «хюсас-нотра». Если это так, то влияние, которое мы оказали, прибыв в одиннадцатое столетие, превосходит все, что можно было ожидать. Необходимо изучить все аспекты этого вопроса. Я не могу бросить все это сейчас.

— То, что ты говоришь, Йенс, очень интересно. — Барни посмотрел в сторону лагеря, но грузовика еще не было видно. — Ты должен написать об этом научную статью или что-нибудь в этом роде.

— Осел! Ты не имеешь ни малейшего представления, о чем я говорю. Для тебя времематрон всего лишь хитроумное изобретение, которое можно протитуировать для съемок идиотского фильма...

— Полегче с оскорблениями, — попросил Барни, стараясь сохранить самообладание и не поссориться с раненым. — Никто не рвался на помощь Хьюитту, пока мы не дали ему денег. Если бы не эта картина, ты все еще сидел бы в своем Южнокалифорнийском университете, уткнувшись носом в книги, и не знал бы ничего о тех фактах и обстоятельствах, которые

теперь считаешь такими важными. Я не хочу охаивать твою работу, но и ты не охайвай мою. Увы, так устроен мир. Войны заставляют ученых проституировать, но все великие изобретения были сделаны тогда, когда война могла их оплатить.

— Войны не оплачивают фундаментальных исследований, а именно здесь и делают подлинные открытия.

— Прошу меня извинить, но войны сдерживают врага, и вражеские бомбы падают где-то далеко, так что ученые получают возможность и время для фундаментальных исследований.

— Ловкий ответ, но он меня не устраивает. Что бы ты ни говорил, у нас путешествие во времени используется для создания дешевой картины, и все исторические открытия будут сделаны только случайно.

— Не совсем так, — парировал Барни со вздохом облегчения, заслышав шум приближающегося грузовика. — Мы не вмешивались в твою исследовательскую работу, скорее, помогали ей. У тебя были совершенно развязаны руки. Создавая эту картину, мы вложили деньги во времеатрон, и он стал теперь рабочим капиталом. С теми данными, которые у тебя уже имеются, ты без всякого труда убедишь любой научный фонд вложить деньги в создание нового времеатрона и тогда сможешь вести свои исследования так, как тебе хочется.

— Так я и сделаю.

— Но только не сразу. — Грузовик остановился рядом с ними. — Мы предполагаем пользоваться нашим исключительным правом на знания профессора еще года два, чтобы вернуть наши капиталовложения.

— Конечно, — с горечью сказал Йенс, следя за тем, как с грузовика снимают носилки. — Прибыль прежде всего, а культура пусть идет ко всем чертям.

— Таковы условия игры, — согласился Барни, глядя, как носилки с филологом осторожно помещают в кузов грузовика. — Мы не можем остановить мир и сойти, где хотим, поэтому нужно изучать его законы, чтобы жить в соответствии с ними.

Глава 15

— Лучше умереть героем, чем жить подобно трусу! — взревел Оттар. — Во имя Одина и Фрейи — за мной!

Он распахнул дверь, держа перед собой щит, в который тотчас же вонзились две стрелы. С яростным криком взмахнув топором, он выбежал из горящего здания.

За ним последовали Слайти с мечом в руке, Валь де Карло, изо всех сил дувший в рог, и остальные воины.

— Стоп! Отпечатайте эти кадры, — скомандовал Барни и опустился в раскладное парусиновое кресло. — О'кей, на сегодня хватит. Быстро в кухню на ленч, чтобы можно было упаковать кастрюли и сковородки.

Рабочие из бутафорского отдела поливали из огнетушителей канаву с горящей нефтью, и оттуда несло жуткой вонью. Все прожекторы, кроме одного, погасли. Джино, открыв стенку камеры, вынимал из нее отснятый фильм. Все шло нормально. Барни подождал, когда кончится толкотня у дверей, затем тоже вышел наружу. На перевернутой бочке сидел Оттар, засовывая стрелы обратно в щит.

— Смотри, летят стрелы, — крикнул он, обращаясь к Барни, и поднял щит. Мгновенное действие скрытых пружин, удар — и на щите выросли стрелы со скоростью, неуловимой для человеческого глаза.

— Великолепное изобретение, — согласился Барни. — Мы закончили съемки, Оттар, и собираемся перепрыгнуть через год в следующую весну. Как ты думаешь, будут у вас к тому времени готовы стены вокруг поселения?

— Ясно, будут. Ты выполняй свои обязательства, Оттар выполнит свои. Те стальные пилы и топоры, которые вы нам оставили, помогут нам быстро напилить бревна для стен. Но не забудь оставить нам пищи на зиму.

— Конечно, мы выгрузим припасы еще до отъезда. Все понятно? Есть еще вопросы?

— Понятно, понятно, — пробормотал Оттар, снова сосредоточив все свое внимание на засовывании стрел обратно в щит.

Барни подозрительно посмотрел на него.

— Я уверен, что ты ничего не забудешь, однако на всякий случай давай быстренько повторим все еще разок. Мы оставим вам крупу, сушеные и консервированные продукты — все, что мне удастся раздобыть на складе компании. Таким образом, вам не придется тратить лето и осень на заготовку продовольствия, и вы сможете сосредоточить все свои усилия на строительстве домов и бревенчатой стены вокруг поселения. Если все обстоит так, как говорит док, то дорсетские индейцы не будут беспокоить вас до весны, когда паковый лед подходит к самому берегу, тюлени собираются стаями и выводят на нем потомство. Вот тогда-то охотники и приходят из северных краев, где они сейчас находятся. И даже если они будут беспокоить вас, за бревенчатой стеной вы в безопасности.

— Убьем их, порубим всех на куски.

— Пожалуйста, попытайся обойтись без этого, ладно? Уже снято девяносто процентов картины, и мне бы не хотелось, чтобы всех вас поубивали до того, как мы закончим съемки. В феврале и марте мы проверим, как у вас идут дела, а потом прибудем сюда всей группой, как только узнаем, что краснокожие находятся неподалеку. Предложи им товары в обмен на то, что они согласятся напасть на поселение, сжечь часть его — вот и все. Договорились?

— И виски «Джек Даниэльс».

— Конечно, ведь это указано в твоём контракте.

Их слова были заглушены характерным стоном, исходившим из медной трубы. Звуки были то высокие, то низкие.

— Ты что, подрядился? — спросил Барни у Валь де Карло, который, пролезши в кольцо огромной медной трубы, дул в нее.

— Это великолепный инструмент, — сказал Валь, — слушай. — Он облизнул губы, приложился к трубе, надулся, покраснел и исполнил что-то, отдаленно напоминающее «Музыку вокруг нас».

— Не изменяй драматическому искусству, — сухо заметил Барни, — по части музыки тебе ничего не светит. Знаешь, мне кажется, я видел где-то раньше изображение этой трубы, то есть я не имею в виду музей.

— Такое изображение оттиснуто на каждой пачке датского масла. Это торговая марка.

— Может быть, не помню. Но звучит она как простуженная басовая труба.

— Спайдермэн Спиннеке был бы без ума от нее.

— Вполне возможно. — Барни прищурился, взглянул на де Карло и щелкнул пальцами. — Слушай, это мысль. Этот самый Спайдермэн, ведь он играет на самых странных инструментах в этом своем подвале, в «Замшелом гроте». Я слышал его однажды в сопровождении духовых инструментов и барабана.

Валь кивнул.

— Я тоже бывал у него. В джазе только он один играет на басовой трубе. Шум, который он издает, не поддается описанию.

— Тогда это совсем неплохо, и вполне возможно, что это именно то, что нам нужно. Да, это неплохая мысль.

Оттар продолжал играть с бутафорскими стрелами, а Барни, прислонясь к стене, слушал трубу, когда рядом остановился джип.

— Все готово, можно отправляться, — сообщил Даллас. — Хозяева со склада ожидают нас, и с ними вызвались поехать двое рабочих, которые хотят убедиться, что Голливуд все еще стоит на месте.

— Хватит двоих, чтобы погрузить продукты? — спросил Барни. — К этому времени все остальные разойдутся по домам.

— Более чем достаточно.

— Тогда поехали.

Один из больших грузовиков уже стоял на платформе, а вокруг слонялись с десяток людей. Дверь в контрольную рубку профессора Хьюитта была открыта, и Барни заглянул к нему.

— Значит, суббота, к вечеру, и постарайтесь подогнать как можно точнее.

— До микросекунды. Мы прибудем в Голливуд мгновение спустя после того, как платформа отправилась отсюда в свое предыдущее путешествие.

С большим трудом Барни осознал, что, несмотря на все происшедшее в течение последних месяцев, в Голливуде все еще был вечер субботы, вечер того самого дня, когда была начата операция. Субботние толпы затопили тротуары, площадь у супермаркета была забита автомобилями покупателей, а вдали от города, недалеко от вершины Бенедикт-Кэньон-Драйв, за частным полем для игры в гольф, на верхнем этаже своего особняка Л. М. Гринспэн по-прежнему страдал от сердечных спазм. На мгновение Барни заколебался, не позвонить ли ему и не сообщить ли Л. М. о ходе работы, затем решил, что не стоит. Пусть хозяин студии лежит себе в постели. Может быть, позвонить в больницу и узнать, как дела у Йенса Лина, ведь прошло уже несколько недель — нет, лишь несколько минут. Скорее всего, его даже еще не успели доставить в больницу. Да, нелегко было привыкнуть к путешествиям во времени.

— Фу, какая жара, — сказал один из поваров. — Жаль, что я не догадался захватить темные очки.

Огромные двери съемочного павильона были открыты, и, когда платформа мягко коснулась пола, пассажиры зажмурились от внезапно хлынувшего потока субтропического света. Северное небо над Ньюфаундлендом было всегда бледно-голубым, и солнце там никогда не жгло, как здесь. Барни отодвинул рабочих в сторону, освобождая дорогу для огромного дизельного грузовика, который с ревом съехал на бетонный пол павильона. С праздничным настроением они вскарабкались в кузов, и грузовик тронулся в путь по пустым улочкам студии.

У ворот склада праздничное настроение испарилось.

— Извините, сэр, — заявил охранник, небрежно помахивая дубинкой на кожаном ремне, — я вас не знаю, но, даже если б знал, все равно не пустил бы вас в этот склад.

— Но этот документ...

— Я видел документ, но у меня есть приказ — никого не пускать.

— А ну-ка, дайте мне топор! — крикнул один из рабочих. — Я живо открою эту дверь.

— Убей! Убей! Убей! — завопил другой.

Они провели слишком много времени в одиннадцатом столетии и приобрели свойственное викингам стремление решать большинство проблем простыми методами.

— Не подходите ко мне! — приказал охранник, делая шаг назад и кладя руку на кобуру револьвера.

— Ну, хватит шуток, — распорядился Барни. — Посидите спокойно, пока я улажу этот вопрос. Где телефон? — спросил он у охранника.

Барни позвонил в контору, надеясь, что там кто-то еще есть, попросил прежде всего административный корпус и попал в точку. Сэм, личный бухгалтер Л. М., все еще был в конторе, он, конечно, подчищал бухгалтерские книги.

— Сэм, — сказал Барни, — рад снова говорить с тобой, как у тебя дела... что? Извини, я забыл. Для тебя прошло всего два часа, а для меня несколько месяцев. Нет, что ты, в рот не брал, я же снимал фильм. Совершенно верно, почти готов... Сэм, нет... Сэм, не нервничай... Это совсем не однодневный фильм, так же как сценарий не был одночасовым. Мы работали в поте лица. Послушай, потом я тебе все объясню, но сейчас ты должен мне помочь. Я хочу, чтобы ты поговорил с одним из охранников студии, исключительно толстокожим парнем, наверно, он у нас недавно. Вели ему отпереть дверь продовольственного склада, нам нужно забрать всю крупу и все консервы. Нет, мы еще не проголодались, это товары для обмена с туземцами. Плата за съемки массовых сцен... Сэм, что ты говоришь... Сэм, у нас нет времени на размыш-

ления... послушай, если мы можем заплатить им овсяной крупой вместо зелененьких, какая тебе разница?

Было совсем не легко говорить с Сэмом. Он не любил тратить деньги даже на овсянку — впрочем, он всегда был трудным человеком, — но наконец Барни его убедил. Сэм сорвал злость на охраннике, который вышел из телефонной будки побагровевший от злости.

К половине шестого грузовик был нагружен, а без четверти шесть уже стоял на платформе машины времени. Барни проверил, все ли вернулись с грузовиком, и просунул голову в кабину профессора.

— Отправляйтесь, проф, только подождите, пока я сойду с платформы.

— Значит, вы не вернетесь с нами?

— Совершенно верно. У меня здесь дела. Вы разгрузите платформу, затем возвращайтесь за мной примерно через пару часов, скажем около десяти. Если меня к этому времени не будет здесь, я позволю вам по телефону, что у склада, и введу в курс дела.

Хьюитт почувствовал себя уязвленным.

— По-видимому, вы считаете, что я таксист при машине времени, а я отнюдь не уверен, что это дело мне по душе. Мне казалось, что я доставляю вас в одиннадцатое столетие, где вы снимете фильм, после чего мы возвратимся обратно. Вместо этого я только и делаю, что катаю туда-сюда — из одиннадцатого в двадцатое столетие...

— Успокойтесь, профессор, мы уже вышли на финишную прямую. Вы думаете, я согласился бы потерять два часа, если бы это не было совершенно необходимо? Мы сделаем еще один прыжок во времени, окончим картину, и работа завершена. Все будет готово, останется разве что аплодировать.

Стоя рядом с воротами павильона, Барни увидел, как платформа исчезла в прошлом. Обратно к дикарям первобытной Канады, к потрескавшимся губам и холодным дождям. Пусть себе едут. Сам же Барни собирался отключиться часа на два. Конечно, за это время ему придется проверить кое-какие дела, но значит ли это, что он не имеет права немного развлечься? Сейчас еще не время отдыхать по-настоящему, так

как фильм еще не в коробке на столе у Л. М., но конец был уже виден, и Барни чувствовал усталость от непрерывной многомесячной работы. Первое, что он собирался предпринять, — это заказать себе первоклассный обед в ресторане Чейзена. Уж что-что, а это он может себе позволить. В любом случае не было смысла ехать в «Замшелый грот» раньше чем к девяти вечера.

В его возвращении в Калифорнию двадцатого века было что-то нереальное, фантастическое. Казалось, события развиваются слишком быстро, вокруг слишком много кричащих красок, и от выхлопных газов разболелась голова. Обед, начатый с виски и обильно одобренный шампанским с бренди, под конец помог избавиться от головной боли, и, когда Барни в начале десятого вылезал перед клубом из такси, к нему вернулось хорошее настроение. Он даже ухитрился не обидеться при виде зеленого входа с намаляванными на нем красными черепами и скрещенными костями.

— Остерегайтесь, — простонал загробный голос, когда Барни распахнул входную дверь. — Остерегайтесь, ибо всякий, кто входит в «Замшелый грот», делает это на свой страх и риск. Остерегайтесь...

Магнитофонная запись оборвалась, когда Барни закрыл дверь и на ощупь двинулся вперед по тускло освещенной, застланной черным бархатом лестнице. Занавес из светящихся пластмассовых костей был последней преградой перед входом в святая святых самого клуба. Барни бывал здесь и раньше, так что странность обстановки не произвела на него никакого впечатления. Она не впечатлила его и в первый раз. Тогда она была лишь немного лучше — или хуже — дома призраков на карнавале. Мигали зеленые огни, в углах висела резиновая паутина, а стулья были исполнены в виде гигантских мухоморов. Он был единственным посетителем.

— «Кровавую Мэри», — сказал он официанту, одетому вампиром. — А что, Спайдермэн уже пришел?

— По-моему, он в раздевалке, — пробормотал вампир сквозь пластмассовые клыки.

— Скажи ему, что его хочет видеть Барни Хендрик-сон из «Клаймэктика».

Спайдермэн Спиннеке прибыл раньше заказанного коктейля — тощая сутулая фигура в черном, темные очки.

— Давненько мы с тобой не виделись, — сказал он, скользнув влажными пальцами по ладони Барни. — Как кинобизнес? — Он опустил на стул.

— Да так, перебиваемся с хлеба на воду. Скажи мне, Спайдер, это верно, что ты озвучил пару фильмов?

— Да, я написал музыку для одного пустячка под названием «Сумасшедший твист молодых битников». Надеюсь, что публика быстро забудет о нем. А почему ты спрашиваешь? Неужели ты заинтересовался бедным старым Спайдермэном?

— Может быть, и так, Спиннеке, может быть, и так. Скажи, ты не сумеешь написать музыку для картины и записать ее в исполнении своей группы?

— Для нас все возможно, старик. Но для этого нужно время, а у нас уже есть обязательства.

— Пусть время тебя не беспокоит, я все устрою так, что ты не пропустишь ни единого выступления. Я подумал, что ты найдешь подходящее звуковое сопровождение к картине, которой я сейчас занимаюсь. Захватывающий рассказ о викингах. Слышал о них когда-нибудь?

— Конечно. Волосатые парни с топорами, которыми они рубили встречных на куски.

— В общих чертах да. Примитивный народ, сильные люди. У них есть нечто вроде медной трубы, и это навело меня на мысль. Только духовые инструменты с барабанами соответствуют примитивной свирепости дикарей.

— Неплохо.

— Так как же, сумеешь справиться?

— Ну конечно.

— Превосходно. Вот тебе сотняга в качестве аванса. — Барни извлек из бумажника пять двадцатидолларовых бумажек и бросил их на стол. Костлявые

пальцы Спайдермэна неслышно скользнули по черной скатерти и проглотили их. — Теперь бери своих ребят, и пошли в студию. Там я обо всем расскажу. Через час прикатите обратно.

Что им предстояло сделать в течение этого часа, Барни не сказал.

— Не выйдет. Дуди и я хотим сейчас немного поразмяться, а к одиннадцати придут остальные ребята. Потом мы выступаем до трех ночи. До этого я не могу уйти.

«Кровавая Мэри» легко прошла по пищеводу. Барни посмотрел на часы и быстро убедил себя, что нет смысла уезжать и потом снова возвращаться. Три часа утра, воскресенье — все еще остается масса времени, потому что фильм должен быть представлен только к утру понедельника. Все будет в порядке. Спайдермэн скрылся где-то в укромном уголке, и в десять вечера Барни позвонил профессору Хьюитту. Назначив новое время для randevu — три часа утра, Барни вернулся к своему столу и постарался отключиться, насколько это было возможно при звуках басовой трубы духовых инструментов и барабанов с усилителями. Неоценимую помощь оказали ему дополнительные порции «Кровавой Мэри».

В два часа ночи Барни встал и вышел подышать свежим воздухом, потому что атмосфера в клубе казалась осязаемой от сигаретного дыма и вибрировала от дрожащих ритмов. Ему даже удалось нанять два такси, водители которых обещали прибыть к клубу сразу после трех. Все шло хорошо, очень хорошо.

Было около четырех, когда такси подъехали к входу в павильон. Профессор Хьюитт прохаживался взад и вперед перед дверью, то и дело посматривая на часы.

— Вы необыкновенно пунктуальны, — ядовито заметил он.

— Не так уж плохо, профессор, старина, — сказал Барни, похлопав его по спине, затем повернулся, чтобы помочь вытащить из такси барабан-бас. После этого, построившись цепочкой, все вошли в павильон под звуки «Полковника Боги», извлекаемые Дуди из тромбона.

— А это что за плот? — потускневшие от усталости глаза Спайдермэна уставились на платформу.

— Средство транспорта. Влезай. Наша поездка займет всего несколько минут, даю обещание.

При этих словах Барни поднял руку, чтобы замаскировать хитрую улыбку.

— На сегодня достаточно, — сказал Спайдермэн, оттаскивая тромбон от вибрирующих губ Дуди. Не заметив этого, Дуди продолжал играть еще не меньше пяти секунд, пока не заметил, что больше не издает ни единого звука. — Дошел до ручки, — объяснил Спайдермэн.

Хьюитт фыркнул, когда музыканты в погребальных одеждах вскарабкались на платформу, затем вошел в контрольную кабину, чтобы включить времееатрон.

— Это что, зал ожидания? — поинтересовался Дуди, влезая вслед за профессором в тесную кабину.

— Немедленно убирайся отсюда, болван! — рявкнул профессор.

Дуди что-то пробормотал и попытался исполнить просьбу. Повернувшись, он задел своим тромбоном несколько электронных ламп. Две из них вспыхнули и замигали.

— Ух ты! — сказал Дуди и выронил тромбон. Его медный бок упал на обнаженные провода, ведущие к лампам, и мгновенно замкнул их. Посыпались искры. Свет в контрольной кабине погас.

Барни отрезвел меньше чем за секунду. Он вытащил ошеломленного музыканта из контрольной кабины и загнал его вместе с остальными на дальний конец платформы.

— Как дела, профессор? — тихо спросил он, вернувшись к контрольной кабине, но не услышал ответа. Поглядел на то, как Хьюитт снял заднюю стенку аппарата и начал вышвыривать одну за другой перегоревшие лампы через открытую дверь, он решил не переспрашивать.

Услышав наконец неохотное «да!» в ответ на вопрос, не понадобится ли по крайней мере два часа на

починку времееатрона, Барни отправил музыкантов по домам.

К девяти утра в воскресенье профессор Хьюитт признался, что ремонт займет, очевидно, большую часть дня, не считая времени, которое будет потрачено на поиски новых электронных ламп в воскресенье в Лос-Анджелесе. Барни с фальшью в голосе ответил, что это не страшно, что у них еще много времени. В конце концов, картина должна быть представлена только к следующему утру.

Поздно вечером в воскресенье Барни впервые за все это время заснул, однако уже через несколько минут, вздрогнув, проснулся и больше не мог сомкнуть глаз.

В пять утра в понедельник профессор заявил, что монтаж полностью закончен и он собирается отдохнуть часок. После этого он отправится на поиски недостающих электронных ламп.

В девять утра Барни позвонил в контору студии и узнал, что прибыли ревизоры из банка и ожидают его. Он икнул и поспешно повесил трубку.

В девять тридцать позвонил телефон, и, когда Барни снял трубку, телефонистка сообщила ему, что вся студия перевернута вверх дном — разыскивают его — и что Л. М. лично спрашивал ее, не знает ли она, где находится мистер Хендриксон. Не отвечая, Барни повесил трубку.

В десять тридцать Барни понял, что положение безнадежно, Хьюитт все еще не вернулся и даже не позвонил. И даже если бы он и прибыл сейчас, все

равно было уже слишком поздно. Картину невозможно было закончить к назначенному сроку.

Все пропало. Он попытался спасти положение и потерпел неудачу. Идя к кабинету Л. М., он думал о том, что это похоже на последние шаги приговоренного к смерти — именно так и было на самом деле.

Он остановился перед дверью кабинета, не решаясь войти: в голове мелькнула мысль о самоубийстве как возможном выходе из положения. Затем он решил, что у него на это не хватит храбрости, и толкнул дверь.

Глава 16

— Не входи туда, — сказал голос у него за спиной, и протянувшаяся сзади рука оттащила его от двери, которая автоматически захлопнулась перед его носом.

— Да как вы осмелились! — вскипел Барни, поворачиваясь к своему обидчику.

— Все средства хороши, чтобы помешать тебе сделать ошибку, дурень, — сказал незнакомец и широко улыбнулся, глядя, как Барни отшатнулся от него с отвисшей челюстью и широко раскрытыми глазами.

— Великолепно, какая игра! — сказал человек. — Может, тебе, вместо того чтобы ставить фильмы, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — едва выговорил Барни, глядя на самого себя в своих лучших брюках из рогожки, кожаной куртке летчика и с коробкой фильма под мышкой.

— Ты очень наблюдателен, — заметил второй Барни, ядовито улыбаясь. — Подержи-ка секунду. — Он сунул коробку с фильмом в руки Барни и извлек из заднего кармана бумажник.

— Что?.. — спросил Барни. — Что?.. — Его взгляд остановился на наклейке, где было написано «Викинг Колумб. Часть I».

Второй Барни достал из своего бумажника сложенный лист бумаги и вручил его Барни, который только тут заметил, что правая рука его забинтована и местами сквозь бинт проступили пятна крови.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — спросил Барни, в ужасе глядя на повязку.

В следующее мгновение коробка с фильмом исчезла из его рук и вместо нее пальцы стиснули лист бумаги.

— Передай это профу, — сказал его двойник, — и перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он распахнул дверь кабинета Л. М., пропуская мальчика-посыльного, катившего перед собой тележку, нагруженную дюжиной коробок с фильмом. Посыльный остановился, посмотрел сначала на одного, потом на другого, пожал плечами и исчез в приемной. Второй Барни последовал за ним, и дверь захлопнулась.

— Рука, что случилось с рукой? — слабым голосом спросил Барни, обращаясь к закрытой двери.

Он протянул руку, чтобы открыть дверь, но вздрогнул и передумал. Его внимание привлек лист бумаги, который он все еще сжимал в левой руке. Барни развернул его. Это была половинка страницы обыкновенной писчей бумаги, с одной стороны чистая, на другой стороне тоже ничего не было написано, один только чертеж, поспешно набросанный шариковой ручкой.

Чертеж ничего не значил для Барни. Он сложил его, сунул в бумажник — и тут внезапно вспомнил о коробках с пленкой на тележке.

— Так я закончил фильм! — крикнул он. — Фильм готов, и я только что доставил его в кабинет Л. М. в назначенное время!

Две секретарши, пробежавшие мимо, посмотрели на него и прыснули; он проводил их свирепым взглядом и пошел прочь.

Так что же сказал ему второй Барни? Перестань заниматься глупостями и закончи фильм. Сумеет ли он кончить его? Судя по всему, сумеет, если эти коробки не были пустыми. Но как он может окончить его

теперь, после роковой минуты, и все-таки доставить его в назначенный срок?

— Ничего не понимаю, — бормотал он про себя, шагая к павильону.

Даже при виде профессора, погруженного в работу над времееатроном, вихрь его мыслей не улегся. Он поднялся на платформу и остановился, пытаясь осознать, что же случилось или что должно случиться, однако усталость и шок — следствие разговора с самим собой — временно отразились на его мыслительных способностях.

— Ремонт окончен, — сказал профессор Хьюитт, вытирая руки о тряпку. — Теперь мы можем опять вернуться в тысяча пятый год.

— Поехали, — сказал Барни, протягивая руку к своему бумажнику.

Несмотря на то что для Ньюфаундленда день был солнечным, он казался мрачным после калифорнийского солнца, и воздух был значительно прохладнее.

— Когда мы покинули студию, профессор? — спросил Барни.

— В двенадцать ноль три, в понедельник. И пожалуйста, без жалоб. Мне удалось отремонтировать времееатрон за удивительно короткое время, если принять во внимание тот ущерб, который был причинен этим микроцефалом, идиотом от музыки.

— Никаких жалоб, профессор. Мне начинает казаться, что у нас еще есть шанс закончить съемки картины вовремя. Я только что встретил в студии самого себя и сам видел, как я доставил коробки, на которых было написано «Викинг Колумб».

— Это совершенно невозможно!

— Легко сказать, однако, может быть, вас ожидает такой же шок, какой испытал я сам. Я сказал мне, или он сказал мне, или черт знает кто сказал, чтобы я передал вам вот это. Вам это о чем-нибудь говорит?

Профессор взглянул на лист бумаги и широко улыбнулся.

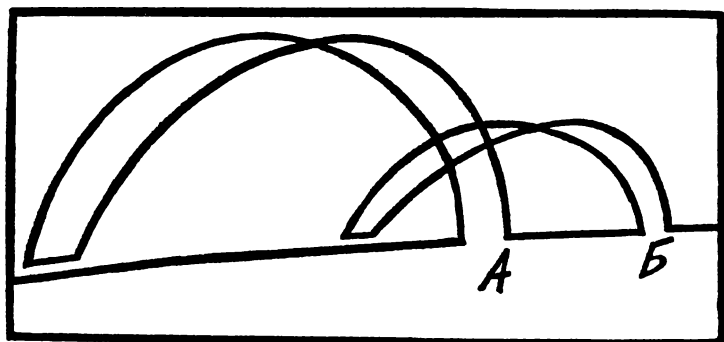
— Ну конечно, — сказал он. — Как я мог забыть об этом! Это же совершенно очевидно, все как на ладони. Как это я ухитрился не заметить! Насколько все это просто!

— Может быть, теперь вы снизойдете до объяснения? — нетерпеливо спросил его Барни.

— На этом чертеже представлены два путешествия во времени, причем интереснее всего малая дуга справа, потому что именно она объясняет, откуда взялся второй Барни Хендриксон с коробками отснятого фильма. Да, можно все еще закончить и доставить готовый фильм до назначенного срока.

— Как? — спросил Барни, напряженно глядя на диаграмму, ровным счетом ничего не понимая.

— Теперь вы окончите съемки, и время, которое вам потребуется после назначенного срока, не имеет никакого значения. Когда картина будет завершена, вы будете находиться в точке Б этого чертежа. Точка А — это тот момент во времени, когда нужно представить готовый фильм. Вы просто возвращаетесь к моменту перед А, доставляете фильм и затем попадаете обратно в Б. До чего же потрясающе просто!

Барни стиснул пальцами лист бумаги.

— Поправьте меня, если я что-нибудь неправильно понял. Вы хотите сказать, что я могу окончить фильм

после назначенного срока и затем вернуться вовремя перед этим сроком и доставить фильм?

— Совершенно верно.

— Мне это кажется безумием.

— Только глупцам разумное кажется безумным.

— Я предам забвению ваше замечание, если вы ответите мне на один вопрос. Этот лист бумаги с чертежом, — Барни потряс перед носом профессора, — кто начертил его?

— Откуда я могу знать, ведь я только что его увидел.

— Тогда подумайте вот над чем. Мне передали этот листок утром в понедельник перед входом в кабинет Л. М. Теперь я показываю его вам. Потом я собираюсь спрятать его в бумажник и носить с собой до тех пор, пока съемки фильма не будут завершены. Затем я перемещаюсь назад во времени для того, чтобы доставить картину Л. М. У дверей его кабинета я встречаю прежнего себя, достаю из бумажника чертеж и передаю его себе, чтобы он был положен в бумажник, и так далее. Вы видите в этом какой-нибудь смысл?

— Конечно. Мне кажется, нет никаких оснований для беспокойства.

— Ах, никаких оснований? Но ведь если все это так, значит, никто не делал чертежа! Он просто путешествует в моем бумажнике, и я передаю его самому себе. Ну-ка, объясните это! — закончил он, торжествуя.

— В этом нет никакой необходимости, объяснение кроется в самом чертеже. Этот лист бумаги представляет собой самостоятельно существующее временное кольцо. Никто не делал этого чертежа. Он существует потому, что существует, и это вполне достаточное объяснение. Если вы хотите понять, что к чему, позвольте проиллюстрировать на примере. Вам известно, что у любой бумаги есть две стороны. Однако если вы возьмете полосу бумаги, повернете один ее конец на сто восемьдесят градусов и соедините концы, то перед вами окажется кольцо Мебиуса — полоска только с одной стороной. Она существует. Сколько бы мы ни твердили, что это невозможно, ничего не

изменится. Факт налицо. То же самое можно сказать о вашем чертеже — он существует.

— Но... откуда он взялся?

— Если вам так уж нужно это знать, то можно сказать, что он взялся из того самого места, куда делась пропавшая сторона кольца Мебиуса.

В мозгу Барни мысли завязались в тугой узел и концы их свободно болтались. Он смотрел на чертеж до тех пор, пока у него не начали слезиться глаза. Кто-то ДОЛЖЕН БЫЛ сделать его. И каждый кусок бумаги ДОЛЖЕН БЫЛ иметь две стороны... Дрожащими пальцами он уложил чертеж в бумажник, спрятал его в карман и подумал, что, может быть, ему удастся забыть обо всем, что произошло.

— Мы готовы к прыжку во времени, как только будет дана команда, — сказал Даллас.

— К какому прыжку во времени? — спросил Барни и, моргая, уставился на стоявшего перед ним трюкача.

— Прыжку в следующую весну тысяча шестого года, о котором мы говорили полчаса назад. Продукты переданы Оттару, группа все упаковала и погрузила и готова сняться с места, как только последует команда. — И он указал на длинную цепочку грузовиков и трейлеров.

— Ах да, в следующую весну, ты прав. Скажи, Даллас, ты знаешь, что такое парадокс?

— Испанский цирюльник бреет всех мужчин в городе, которые не бреются сами. А кто же тогда бреет самого цирюльника?

— Примерно в этом духе, только еще похлеще.

Внезапно Барни вспомнил о забинтованной руке. Подняв к лицу свою правую верхнюю конечность, он внимательно осмотрел ее с обеих сторон.

— Что случилось с моей рукой?

— Мне кажется, она в полном порядке, — сказал Даллас. — Может, хлебнешь глоточек?

— Это не поможет. Я только что встретил самого себя с окровавленной повязкой на руке, и этот «я» не

хотел даже сказать, как это произошло и серьезно ли это. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно. Очевидно, тебе нужно приложиться разочка два.

— Независимо от того, что думаешь ты или твой кореш из каменного века, алкоголь не разрешает всех вопросов. Значит, я — уникальное явление в природе, ибо я — садомазохист. Все остальные, жалкие кретины, ограничиваются тем, что являются садистами по отношению к другим. А вот я получаю удовольствие от того, что являюсь садистом по отношению к себе самому. Ни один нервнобольной не может похвастаться подобным заявлением. — Он вздрогнул. — Пожалуй, мне стоит промочить горло каким-нибудь горячительным.

— Бутылка у меня с собой.

Горячительное оказалось рыночным сортом дешевого виски, на вкус напоминало муравьиную кислоту, и его струя настолько обожгла пищевод Барни, что заставила его забыть о временных парадоксах и собственных садомазохистских наклонностях.

— А ну-ка, Даллас, отправляйся и посмотри, ладно? — сказал он. — Прыгни в март тысяча шестого года и узнай, появились ли уже индейцы. Если Оттар скажет, что еще не появились, то прыгай на неделю вперед, и так до тех пор, пока не увидишь их, а тогда сообщи мне.

Барни отошел в сторону, платформа на неуловимое мгновение исчезла, затем снова опустилась на траву в нескольких футах поодаль. С нее спрыгнул Даллас и подошел к Барни, проведя ладонью по черной щетине.

— Проф считает, что мы отсутствовали десять часов, — сказал Даллас. — Это значит, сверхурочные после...

— Ну ладно, ладно! Что вы узнали?

— Они возвели стену из бревен, и получилось точь-в-точь как форт в картине про индейцев. В начале марта все было спокойно, но во время нашей последней остановки, двадцать первого, они заметили пару индейских лодок.

— Неплохо. Ну что же, давайте тронемся. Скажи профу, пусть принимается за переброску всей съемоч-

ной группы в двадцать второе марта. Все готовы? Все налицо?

— Бетти проверила списки и говорит, что все о'кей. Мы с Тексом устроили поголовную проверку, все здесь, сидят в трейлерах, кроме шоферов, конечно.

— Какая там погода?

— Солнечная, но прохладно.

— Сообщи об этом людям, пусть оденутся потеплее. Я не хочу, чтобы вся группа схватила насморк.

Барни пошел к своему трейлеру за пальто и перчатками. Когда он вернулся к головной машине, началась переброска. Он поднялся на платформу и оказался в 1006 году. Стояла великолепная северная весна. Слабый солнечный свет не мог справиться с холодом, и в низинах и у бревенчатой стены лежал снег. Поселение викингов теперь ничем не отличалось от форта в одном из вестернов. Барни подал сигнал водителю пикапа, который только что приехал на машине времени.

— Подбрось-ка меня к ним, — попросил он.

— Следующая остановка форт Апашей, — сострил шофер.

Несколько викингов уже шли к холму, куда прибывали машины съемочной группы. Пикап проехал мимо них и остановился около узкого входа, где из стены было вытащено бревно и образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. Когда пикап затормозил, из щели вылез Оттар.

— Придется сделать ворота в этом месте, — сказал ему Барни. — Большие двойные ворота с деревянным брусом внутри вместо засова.

— Никуда не годится, слишком широко, слишком легко пробраться внутрь. Вот как надо пролезать.

— Эх, не видел ты хороших фильмов...

Но Барни вдруг осекся при виде Слайти, которая протиснулась в щель вслед за Оттаром. Она была не подкрашена, одета в платье не первой свежести, на плечи ее была накинута шкура карибу. В руках Слайти держала ребенка.

— Что ты здесь делаешь? — раздраженно спросил Барни, чувствуя, что количество сюрпризов, выпавших на его долю за один день, более чем достаточно.

— Я тут давно, — ответила Слайти и сунула палец в рот младенцу, а тот стал причмокивать.

— Послушай, ведь мы только что прибыли, откуда же взялся ребенок?

— И впрямь чудно! — начала она, хихикнув в подтверждение своих слов. — После того как мы прошлым летом приготовились к отъезду, я почувствовала себя в трейлере такой одинокой, что решила отправиться на прогулку. Знаешь ли, подышать свежим вечерним воздухом.

— Нет, не знаю и, кажется, не желаю знать. Ты хочешь сказать, что вместо того, чтобы вернуться со всей группой, ты провела весь год здесь?

— Именно это и произошло, я так удивилась. Я пошла на прогулку, встретила там Оттара, одно за другим, сам знаешь.

— На этот раз знаю.

— И не успела я понять, что случилось, как все уже исчезли. Я перепугалась. Сказать по совести, я плакала, наверно, несколько недель и забеременела, потому что у меня не было с собой противозачаточных пилюль.

— Значит, это твой? — спросил Барни, указывая на младенца.

— Да, правда симпатичный? Мы даже еще не придумали ему имени, но я его назову Снорри Храпун, как зовут того гнома в «Белоснежке», потому что он вечно храпит.

— Никакого гнома по имени Снорри не было, — сказал Барни, мгновенно оценив ситуацию. — Послушай, Слайти, теперь уже назад не поедешь, ничего не переменишь, я имею в виду ребенка и все остальное, и, в конце концов, ты сама виновата, что не осталась в трейлере.

— Что ты, я никого не виню, — сказала она. — Когда я попривыкла, все это оказалось не так уж плохо, да и Оттар все время говорил мне, что вы вернетесь следующей весной, и оказался прав. Единственно, чего мне хочется, так это поесть как следует.

Здесь едят так, что боже упаси! Мне кажется, большую часть зимы я питалась исключительно виски и бисквитами.

— Сегодня вечером у нас будет большая вечеринка в честь тебя, Оттара и ребенка. Бифштексы и вино, полный комплект.

Снорри поднял рев.

— Сейчас же посажу Чарли Чанга за работу, — сказал Барни. — Мы включим ребенка в сценарий. Этот фильм будет полон сюрпризов.

Собственное замечание напомнило ему о раненой руке, он посмотрел на нее, еще раз подивился, где это могло случиться и при каких обстоятельствах, затем засунул ее глубоко в карман для большей безопасности.

Глава 17

Копье с каменным наконечником пробило насквозь борт моторной лотки и вонзилось в деревянный настил на дне.

— Я так и оставил его здесь, чтобы не затыкать дыру, — объяснил Текс. — Еще несколько дротиков упало рядом с нами, но мы уже отплывали от берега.

— Они, наверно, были уж очень поражены или что-нибудь вроде этого, — сказал Барни. — Может быть, их напугал звук мотора.

— Мы подходили на веслах.

— Все равно, должна быть какая-то причина. Дорсетские индейцы — очень миролюбивое племя, вы сами могли в этом убедиться в прошлый раз.

— Может быть, им не понравилось, что их родственников порубили на куски, когда они прибыли с миролюбивыми намерениями, — высказал предположение Даллас. — На этот раз мы не стремились к драке, а они с самого начала встретили нас копьями. Если бы мотор не завелся с первого раза, нам пришлось бы организовывать похороны на море, или попасть в котел к туземцам, или что-нибудь в том же духе. Мы с Тексом на обратном пути обсудили этот вопрос и решили, что должны получить за битву фронтовую прибавку...

— Отметьте это в своих табелях, и я постараюсь сделать, что смогу, но сейчас не приставайте ко мне с такими глупостями. — Барни попытался выдернуть копье из лодки, но оно засело крепко. — У меня есть дела поважнее. Картину почти закончили, кроме совершенно необходимого и исключительно важного эпизода — битвы с индейцами. Мы должны снять эту битву, и, согласитесь, будет несколько затруднительно снимать битву с индейцами без индейцев. В нескольких милях от берега, на льду, находится две тысячи индейцев, я посылаю вас с товарами, подарками и бисером, чтобы вы могли нанять эти две тысячи, а что от вас получаю? Одни оправдания!

Доводы Барни не произвели сколько-нибудь заметного впечатления на трюкачей, и Даллас кивнул на копье. Вдруг воздух огласился медным воплем.

— Почему им надо завывать обязательно здесь? — рывкнул Барни.

— Насколько я помню, это ваше собственное распоряжение, — сказал ему Текс. — Насчет того, что берег — единственное место, где они не будут мешать людям своим дуденьем.

Одетая в черное процессия гуськом под грохот барабанов спустилась на берег. Впереди шел Спайдермэн. Музыканты держали в руках инструменты и складные стулья и были закутаны в экзотические шарфы, оленьи меха и шкуры карибу.

— Вытаскивайте лодку на берег — и пошли отсюда, — распорядился Барни.

— Я — за, — проворчал Даллас. — Их репетиции кого хочешь прикончат.

Спайдермэн, заметив Барни, затрусил к нему по песчаному берегу, прижимая к груди свою трубу. Его красный нос резко выделялся на болезненно бледном лице.

— Барни, нам необходим зал для репетиций! — взмолился он. — Этот свежий воздух утробит нас как пить дать. Кое-кто из моих парней не вылезал из помещения по несколько лет.

— Ничего, пусть прочистят легкие.

— Им больше нравятся прокуренные.

— Ладно, попробую...

— Враг на горизонте! — крикнул Текс. — Взгляните-ка — отряд особого назначения!

Это было удивительное зрелище. Из-за островов в устье залива одна за другой входили лодки дорсетских индейцев, все больше и больше, пока вода не почернела от них. По мере того как лодки приближались, видно было, как над каждой лодкой что-то мелькает в воздухе, и слышалось нарастающее гудение.

— Не похоже на дружеский визит, — заметил Текс.

— Может быть, у них мирные намерения, — сказал Барни без малейшего энтузиазма.

— Хочешь пари? — презрительно предложил Даллас.

— Ну хорошо, тогда мы занимаем... как это называется... оборонительную позицию. Что вы предлагаете?

Текс ткнул пальцем в Далласа:

— Он старший, поэтому пусть отдает приказания.

— Хорошо! — рявкнул Даллас. — Убрать всех гражданских с берега, сообщить Оттару, чтобы он запер свой форт, а все киношники пусть отправляются в лагерь. Там мы выстраиваем автомашины кольцом, трейлеры — внутри и раздаем оружие всем мужчинам, которые были на военной службе. Затем сидим и ждем. Текс, загоняй гражданских в лагерь.

— Вроде неплохо, — согласился Барни. — Но вы, кажется, забыли, что мы приехали сюда для съемки фильма? Пусть Джино со своей камерой расположится на вершине вон того холма, с которого видно все происходящее. И мне понадобится другой оператор с ручной камерой внутри форта, который мог бы снять нападающих индейцев, когда они приблизятся вплотную. — Он перебрал в уме всех возможных кандидатов на должность второго оператора и пришел к неизбежному, хотя и неприятному выводу, что он был единственным, кто мог с этим справиться. — Наверно, мне придется остаться там с Оттаром и его молодчиками.

— Если тебе так уж хочется, — сказал Даллас, задумчиво глядя, как музыканты повернулись и быстрым шагом двинулись обратно, — Джино со своей камерой расположится в кузове грузовика. Грузовик поставим на вершине холма, и в кабине будет наготове

шофер. Поскольку грузовик окажется между берегом и лагерем, его будет прикрывать Текс с дробовиком, я поручаю ему командование. Если он скажет — отступить, грузовик отъедет в тыл. А я пойду с тобой в форт Оттара.

— Ну что ж, неплохо придумано. Пошли.

По мере того как все больше и больше лодок появлялось из-за островов, движение передних замедлялось, словно индейцы накапливали силы для атаки. Но так или иначе это дало возможность людям на берегу подготовиться к обороне. Когда в лагере превратили в жизнь указания Далласа, он и Барни вскочили в джип и затряслись по кочкам, держа курс на поселение викингов. Даллас вооружился револьвером, за плечом у него был пистолет-пулемет, на ремнях крест-накрест повесил гранаты, а на заднем сиденье джипа уложил какие-то зловещего вида металлические ящики. Как только джип въехал в форт, за ними закрылись огромные двустворчатые ворота, и длинный деревянный засов опустился на место. Стоя на подмостках для стрельбы, Барни увидел, как на вершину холма задним ходом въехал грузовик.

— Отчего такой шум? — спросил Оттар.

— Не имею ни малейшего представления, — пожал плечами Барни. — Смотри, они наступают!

По заливу будто волна прокатилась — это лодки из кожи сомкнутым строем двинулись вперед.

Барни установил свою 35-миллиметровую камеру на верху бревенчатой стены и начал снимать наступающие широким фронтом лодки. В это мгновение облака разошлись и солнечные блики заиграли на лопастях бесчисленных весел и на летящих брызгах. Это была мрачная, впечатляющая картина. Черные лодки и одежды гребцов создавали впечатление армады тьмы. По мере того как лодки приближались, какой-то необычный, внушающий страх шум становился все сильнее и сильнее, и Барни прилип к камере и продолжал снимать, радуясь, что он так сильно занят. Он был

уверен, что, если бы не работа, он обратился бы в паническое бегство.

— Я когда-то уже слышал такой шум, — сказал Даллас. — Что-то вроде свиста, только не такой громкий.

— Не припомнишь ли где? — спросил Барни, поворачивая объектив на турели, чтобы снять крупным планом одну из лодок первого ряда. Она была уже совсем близко.

— Ну да, в Австралии. У них там есть туземцы, так называемые аборигены, и один из туземных шаманов вращал над головой жезл, привязанный за веревку, и от этого получался такой шум.

— А, конечно. Многие примитивные племена используют подобный бич. Считается, что он обладает волшебными свойствами. Теперь я начинаю понимать, почему при этом получается такой звук. Очевидно, в каждой лодке есть специальный индеец, который вращает бич над головой.

— Мое волшебство одержит верх над их волшебством, — сказал Оттар, взмахивая топором.

— Не напрашивайся на неприятности, — предупредил Барни. — Мы должны, если это только возможно, избежать кровопролития.

— Что?! — воскликнул потрясенный Оттар. Дух викинга взыграл в нем. — Они хотят воевать — пожалуйста. У нас нет трусов.

Он свирепо уставился в лицо Барни, ожидая ответа.

— Они высаживаются, — сказал Даллас, вставая между двумя мужчинами.

Теперь все сомнения относительно враждебных целей визита исчезли. Как только лодка касалась берега, гребцы вытаскивали ее на песок и брали из нее копы, луки и мягкие колчаны, наполненные короткими стрелами с каменными наконечниками. Барни сконцентрировал все внимание на крупноплановых съемках. Джино, стоявший на холме, должен был заснять всю панораму и все вооружение в деталях.

— Оттар, — сказал Даллас, — прикажи своим людям укрыться и не высовывать головы.

Оттар что-то проворчал, но отдал соответствующее распоряжение. Викингам было нелегко примириться с

необходимостью обороны, но даже викинги не были самоубийцами. Количество атакующих превышало количество обороняющих форт по крайней мере в двадцать раз, и драчливым норвежцам приходилось принимать в расчет такое превосходство.

Над головой просвистели первые стрелы, и дротик воткнулся в стену прямо над камерой Барни. Он быстро присел и просунул объектив в щель между бревнами. Это значительно сузило его поле зрения, однако было несравненно полезнее для здоровья.

— Оружие трусов, — пробормотал Оттар. — Трусливые собаки. Разве так сражаются?!

Со злости он грохнул топором о щит. Викинги презирали лук и стрелы и верили только в рукопашную схватку, которая наводила ужас на противников.

Когда все лодки достигли берега и были разгружены, боевые действия зашли в тупик. Дорсетские индейцы окружили бревенчатую стену, пытаясь проникнуть внутрь. Некоторые из них пробовали карабкаться на стены, однако смертоносные топоры викингов, молниеносно отсекавшие головы и руки, охладили их пыл. Нападающие размахивали оружием и кричали тонкими пронзительными голосами, которые заглушал свист рассекающих воздух бичей. За спинами воинов, в тылу, стояла маленькая группа индейцев. Даллас указал на нее.

— Кажется, это вожди или кто-то вроде этого. Одеты по-другому, в меховые куртки с лисьими хвостами.

— Они больше смахивают на шаманов, — отозвался Барни. — Интересно, что они замышляют?

Индейцы развили бурную деятельность, похоже было, что они выполняли указания людей в меховых одеждах. По их требованию воины бежали к ближайшему лесу и возвращались, нагруженные сучьями.

— Неужели они хотят проломить стену? — спросил Барни.

— Наверно, еще хуже, — задумчиво ответил Даллас. — Скажи, эти дорсетские парни знакомы с огнем?

— Должно быть, Йенс говорил мне, что в развалинах их домов были найдены очаги и зола.

— Именно этого я и боялся, — мрачно заметил Даллас и указал на основание стены, где уже возвышалась гора сухих веток и сучьев.

Все копья, мечи и топоры викингов оказались совершенно бесполезными; гора продолжала расти. Еще через минуту из группы вождей в тылу вырвался человек и побежал через кричащую толпу воинов с горящим факелом в руке. Копья, бросаемые викингами, градом сыпались вокруг него, но, приблизившись к горе из сучьев, он размахнулся и швырнул факел. Описав в воздухе огненную дугу, пылающий факел упал на вершину сушняка, тот затрещал и вспыхнул.

— Я могу положить конец этому прямо сейчас, — сказал Даллас, наклоняясь, чтобы открыть стальные ящики, стоявшие перед ним.

— Нет, — сказал Оттар, опустив руку ему на плечо. — Они хотят драться — пожалуйста. Мы сами справимся с костром.

— Может быть, но при этом вас всех прикончат.

— Ну что ж, мы тоже кое-кого прикончим, — сказал Оттар, со зловещей улыбкой прыгнув с подмостков. — Кроме того, Барни нужны хорошие кадры битвы с индейцами.

Барни заколебался, однако он не мог не обратить внимание на спокойный, невозмутимый взгляд Далласа.

— Конечно, мне нужна картина, — выпалил он. — Но не ценой жизни людей. Пусть Даллас прекратит все это.

— Нет, — твердо сказал Оттар. — У тебя будет хорошая битва для твоего фильма. — Он громко рассмеялся. — Не будь таким грустным, мой старый друг, мы сразимся и за себя тоже. Скоро вы уедете, и, когда мы останемся здесь одни, нам хочется, чтобы эти варвары уже знали, что такое викинги в бою.

В следующее мгновение он исчез.

— Он прав, — заметил Даллас. — Но если дела у них пойдут плохо, мы должны быть готовы прийти на помощь. — Он открыл самый большой ящик и достал оттуда громкоговоритель и моток изоляционного про-

вода. — Я хочу установить эту штуку вдоль стены, как можно дальше отсюда, насколько хватит провода.

— Что это?

— Громкоговоритель для кердлерной установки. Посмотрим, как будут чувствовать себя индейцы, когда услышат этот рев.

Оттар собрал всех своих воинов перед воротами, доверив охрану стен женщинам и подросткам. Двое женщин стояли у ворот, готовые распахнуть их по сигналу Оттара, и Барни, потрясенный, увидел, что одной из этих женщин была Слайти. А он-то думал, что Слайти находится в безопасности, в лагере! Он крикнул, чтобы она вернулась, в то самое мгновение, когда Оттар поднял над головой топор, и его слова потонули в реве сотни глоток викингов. Ворота широко распахнулись, и из них вырвался отряд норвежских воинов. Женщины поспешно заперли ворота на засов.

Это была схватка, которую викинги больше всего любили и которой больше всего наслаждались. Ревущей компактной массой они рванулись вперед и врзались в ряды дорсетских индейцев. Огромное численное превосходство индейцев сейчас не имело значения, потому что они не могли сражаться с этими северными мясниками, защищенными щитами и металлическими шлемами. Действительно, схватка походила на бойню — короткие мечи и боевые топоры викингов разили индейцев направо и налево.

Дорсетские воины повернулись и обратились в бегство: им больше ничего не оставалось. Они бежали под неумолимым натиском залитых кровью убийц. Однако, когда противники разделились на две группы, между ними образовалось свободное пространство, и характер битвы изменился. Дротики полетели в толпу викингов, и стрелы градом посыпались на их щиты. Вот упал один северянин — копьё пронзило ему ногу, — за ним другой. Индейцы начали понимать, что происходит, и держались на расстоянии, осыпая викингов дождем дротиков и стрел. Викинги не могли приблизиться к противнику, а они умели драться только

лицом к лицу. Было ясно, что через несколько мгновений положение северных воинов станет безнадежным. Они будут окружены и перебиты один за другим.

— Если ты можешь что-то сделать, — сказал Барни, — то сейчас самое время, Даллас.

— Ясно. У меня только одна пара затычек для ушей, так что я бы на твоём месте заткнул уши пальцами.

Барни открыл рот, чтобы ответить, но в это мгновение Даллас повернул выключатель, и его голос и все остальные звуки были моментально поглощены совершенно невообразимым, убийственным ревом, который внезапно вырвался из громкоговорителей. Барни инстинктивно заткнул уши и прижал ладони к голове. Даллас, удовлетворенно кивнув, извлек из второго ящика дымовые гранаты и гранаты со слезоточивым газом и начал с профессиональной меткостью бросать их в индейцев.

По-прежнему крепко прижимая ладони к ушам, с лицом, искаженным болезненной гримасой, Барни поднял голову и посмотрел вниз. За несколько секунд положение на поле боя резко изменилось. Кердлер и гранаты были так же незнакомы викингам, как и индейцам, однако викинги при этом тотчас же собрались в еще более тесную группу и ошетинились мечами и копьями для круговой обороны. Реакция дорсетских индейцев была совершенно иной. Ими овладела паника. Ужасающий рев разрывал им барабанные перепонки. Столбы удушающего дыма вырастали вокруг них, они ничего не видели и не могли дышать. Забыв обо всем, они обратились в паническое бегство. Всего минуту назад они были атакующей армией. Теперь же берег был усыпан сотнями бегущих фигур и темными точками трупов, лежащих здесь и там. Все было кончено. Отталкивая друг друга, индейцы прыгали в лодки. Только несколько оставшихся индейцев металась в облаках слезоточивых газов на берегу.

Воины Оттара стояли плечом к плечу, готовые сразиться с любым врагом, будь то люди или сверхъестественные силы. Даже те, кого ослепили бомбы со слезоточивым газом, были готовы к бою, как и их товарищи. Храбрые викинги представляли поистине внушительное зрелище.

Когда Даллас выключил кердлер, тишина, казалось, запульсировала. Уши Барни оглохли, все еще наполненные невероятным, убийственным ревом. Он медленно уронил руки и выпрямился. Дорсетские индейцы побеждены и обращены в бегство, в этом не было сомнения. Викинги опустили щиты и с победными криками размахивали оружием. Голос Далласа, стоявшего рядом, доносился откуда-то издалека, как будто сквозь несколько слоев ваты. Даллас пальцем указывал на грузовик, все еще стоявший на вершине холма.

— Они даже не подумали напасть на грузовик или на лагерь, так что Джино, наверно, крутил свою машину не переставая. — Затем взгляд Далласа упал на ликующих северян, которые оттаскивали горящий сушняк от стены. — Ну, вот тебе и битва с индейцами, вот тебе и твой фильм.

Барни отвернулся от убитых и раненых и начал спускаться с холма.

Глава 18

— Вот закат, которого мы ждали, Барни, — сказал Чарли Чанг. — Только взгляни на эти краски!

— Тогда снимаем, — сказал Барни, глядя на своих людей, собравшихся на склоне холма. — Ты готов, Джино?

— Еще минутки две-три, — попросил оператор, глядя в видоискатель съемочной камеры. — Как только облака немного отнесет в сторону и я смогу снимать прямо на солнце.

— О'кей, — сказал Барни и повернулся к Оттару и Слайти, одетым в лучшие костюмы викингов. На щеке Оттара был резиновый шрам, и виски покрашены в седой цвет. — Итак, это последняя сцена фильма, самая последняя сцена. Я все время ждал, чтобы появились необходимые краски. Все остальное уже готово и уложено в коробки. Эта сцена будет показана в таком порядке: первый эпизод, второй, третий, но мы будем снимать ее иначе: первый, третий и второй. В самом конце ваши силуэты должны быть видны на багровом фоне заката. В первом эпизоде вы поднимаетесь по склону холма, медленно, рука об руку, и останавливаетесь на вершине в том месте, где прочерчена линия. Вы стоите на вершине холма и смотрите в море до тех пор, пока я не крикну: «Дальше!». Тогда Слайти кладет руку на плечо Оттара. Это конец

первого эпизода. Затем Оттар обнимает Слайти за талию и держит руку на талии, пока мы не отступим назад и не снимем ваши фигуры вдалеке на фоне заката. Понятно?

Оба кивнули.

— Готово, — крикнул Джино.

— Одну секундочку. Когда я крикну «стоп», вы остаетесь на холме, мы подкатываем камеру и снимаем следующий эпизод, который весь состоит из разговора. Тоже понятно?

Все прошло без сучка и задоринки. К тому времени Оттар стал почти профессионалом — по крайней мере он выполнял указания Барни без пререканий. Они рука об руку поднялись на вершину холма и остановились, глядя на закат. По склону холма были проложены доски, чтобы камера двигалась медленно и плавно, и рабочие, подгоняемые криками Барни, осторожно откатали камеру от вершины холма так, чтобы фигуры влюбленных постепенно исчезали на багровом фоне.

— Стоп! — крикнул Барни, когда тележка с камерой уперлась в конец дорожки. — Главным героям оставаться на месте. Снимаем дальше, пока еще не стемнело.

Все забегали туда-сюда, но без суеты, каждый знал свое дело. Камеру перекатали обратно к вершине холма, где звукооператоры уже устанавливали магнитофон и микрофоны. Слайти, нахмурившись, зубрила свои реплики, а девушка из сценарного отдела читала Оттару его слова. Солнце уже почти касалось поверхности моря, и небо окрасилось ярким пламенем.

— Готово, — сказал Джино.

— Камера! — скомандовал Барни. — И чтобы никто не произнес ни звука, ни единого звука.

— Вон там, — сказал Оттар, протягивая руку вперед, — там, за океаном, наш дом. Ты не скучаешь по нему, Гудрид?

— Долго я скучала по нему, но больше не думаю об этом. Мы боролись и умирали за эту землю, и теперь она наша. Винланд... этот новый мир, он стал нашим домом.

— Стоп. Отлично, начинайте печатать. По-моему, на этом мы кончили.

Все восторженно закричали, Слайти поцеловала Барни, а Оттар стиснул его руку своей лапой. Это был волнующий момент, потому что картина была почти закончена, оставалось только проявить, отпечатать и смонтировать заключительные сцены — и фильм будет готов. Вечеринка, намеченная на тот же день, обещала стать настоящим большим праздником.

Так оно и случилось. Даже погода пошла им навстречу и позволила, не включая электронагревателей, поднять одну из брезентовых стен столовой. На столе были индейка и шампанское, четыре сорта десерта и неограниченное количество алкогольных напитков. Все члены съемочной группы, большая часть викингов и несколько норвежских женщин приняли участие в празднике. Да, это была веселая вечеринка.

— Я не хочу уезжать, — рыдала Слайти, роняя слезы в шампанское.

Барни успокаивающе похлопал ее по свободной руке, а Оттар с чувством стиснул ей бедро.

— По сути дела, ты никуда не уезжаешь и не оставляешь своего ребенка, — в сотый раз объяснял Барни. Он сам удивлялся собственному терпению, но в этот вечер все было необычно. — Ты знаешь, что Кирстен сойдет с ума, если ты будешь отсутствовать даже короткое время, но в этом нет необходимости. Кроме того, согласишься, что появление ребенка в Калифорнии, когда на прошлой неделе ты даже не была беременна, будет трудно объяснить. Особенно во время рекламной кампании, которая будет организована для фильма. Таким образом, все, что от тебя требуется, — это подождать до выхода фильма на экраны. К тому времени ты решишь, что делать со своим ребенком. Не забудь, что в Калифорнии ты даже не замужем, а у них для таких ситуаций особо строгие законы. Как только ты решишь вернуться, профессор обещал доставить тебя обратно. После твоего отъезда пройдет не больше минуты. Что может быть проще?

— Пройдет много месяцев, — рыдала Слайти, и Барни начал было объяснять ей все в сто первый раз, когда Чарли Чанг тронул его за руку и передал еще один коктейль.

— Я только что беседовал с профом о природе времени, — сказал Чарли.

— Не желаю говорить о природе времени, — сказал ему Барни. — После всего, что случилось за последние две недели, я бы с радостью согласился совсем забыть о времени.

Для всех них это было нелегко. Немногим более четырех дней прошло в Калифорнии — по часам на контрольной панели времееатрона сейчас там был вечер четверга — и это были действительно трудные дни.

Все это время они мотались туда-сюда из одиннадцатого века в двадцатый, монтируя фильм и производя его озвучивание в лабораториях студии. Спайдермэн со своими ребятами записывал музыкальное сопровождение в одном из павильонов. То и дело приходилось перепрыгивать назад в прошлое на один-два дня, чтобы использовать студийное оборудование чуть не все двадцать четыре часа в сутки, и не раз случалось, что одни и те же люди пересекали собственные временные траектории. Барни, сколько ни старался, никак не мог забыть трех профессоров Хьюиттов, оживленно беседующих друг с другом. Он отхлебнул из стакана.

— Нет, ты послушай, — настаивал Чарли Чанг. — Я знаю, что все мы немного чокнутые оттого, что нам то и дело приходится пожимать руки самим себе, но я не это имею в виду. Я хочу спросить, почему мы снимаем фильм именно в этом месте Лабрадора?

— Потому что именно сюда нас доставил профессор.

— Совершенно верно. А почему профессор доставил нас именно сюда?

— Потому что это одно из тех мест, которые они с Йенсом осматривали в поисках поселений, — медленно ответил Барни. Сегодня вечером его терпение было поистине безгранично.

— Тоже верно. А теперь скажи, ты когда-нибудь задумывался над тем, почему Йенсу пришло в голову искать следы поселений именно здесь? Ну-ка, ответьте ему, профессор!

Хьюитт поставил на стол свой стакан и промокнул губы салфеткой.

— Мы решили осмотреть это место из-за раскопок, которые в начале шестидесятых годов проводил в этом месте Хельге Ингстад. Он обнаружил остатки девяти строений, и радиоактивный анализ древесного угля показал, что поселение существовало в самом начале одиннадцатого века, примерно в тысячном году.

— Теперь ты понимаешь, что это значит? — спросил Чарли.

— Объясни мне, — рассеянно ответил Барни, мурлыча про себя песенку «Викинги всегда идут вперед» — музыкальную шапку фильма, которую Спайдермэн наигрывал где-то за их спинами.

— Сейчас тысяча шестой год, — сказал Чарли. — И в поселении Оттара построено девять зданий, причем два из них — всего лишь бревенчатые коробки, мы их сожгли для съемки фильма. Итак, здесь, в Эпавесском заливе, находится поселение норвежцев одиннадцатого столетия, потому что следы этого поселения были обнаружены в двадцатом веке. Таким образом, можно сказать, что во времени существует кольцо без начала и без конца. Мы прибыли сюда, чтобы оставить следы, находка которых заставит нас прибыть сюда, чтобы оставить следы, находка которых...

— Достаточно, — сказал Барни, поднимая руку. — Я уже слышал об этих кольцах времени. Через минуту ты будешь говорить мне, что все старые норвежские саги о викингах — сушая правда именно благодаря нашему фильму или что Оттар не кто иной, как Торфинн Карлсефни, викинг, который основал первое норвежское поселение в Винланде.

— Конечно, — раздался голос Оттара. — Это я и есть.

— Что ты хочешь этим сказать? — быстро мигая, спросил Барни.

— Я и есть Торфинн Карлсефни, сын Торда Лошадиная Голова, сына Торхильда Рупа, дочери Торда...

— Тебя зовут Оттар.

— Конечно, Оттар — имя, так меня зовут люди, короткое имя. Но мое настоящее имя — Торфинн Карлсефни, сын Торда...

— Я припоминаю некоторые саги о Карлсефни, — сказал Чарли. — Когда я работал над сценарием, мне

пришлось перечитать целую гору материалов. В одной из саг сказано, что он прибыл в Винланд, по дороге остановившись в Исландии, и женился на девушке по имени... Гудрид.

— Но ведь так зовут Слайти в нашей картине! — с трудом выговорил Барни.

— Подождите, это еще не все, — продолжал Чарли глухим голосом. — Я вспоминаю, что у Гудрид в Винланде родился ребенок, которого называли Снорри.

— Снорри, — прошептал Барни и почувствовал, как у него волосы встают дыбом. — Один из семи гномов «Белоснежки»...

— Я не понимаю, почему все вы так обеспокоены случившимся, — заметил профессор Хьюитт. — Вот уже несколько недель нам известно о существовании временных колец. То, что мы сейчас обсуждаем, — это уже детали, речь идет всего лишь об одном таком кольце.

— Но что же это означает, профессор, что все это означает? — воскликнул Барни. — Если это именно так, значит, единственная причина, по которой викинги решили поселиться в Винланде, заключается в том, что мы решили снять фильм, показывающий, как викинги поселились в Винланде.

— Ну что ж, эта причина не хуже любой другой, — спокойно заметил профессор.

— Пожалуй, только к этому нужно привыкнуть, — пробормотал Барни.

Потом все говорили, что вечеринка надолго запомнится, и она продолжалась всю ночь до самого рассвета, так что на следующий день удалось сделать очень немного. Однако напряжение заметно упало, и уже не было необходимости в том, чтобы работали все до одного. Люди разбились на маленькие группы и двинулись кто куда. Некоторые решили отдохнуть на Санта-Каталине, хотя большая часть людей хотела поскорее отправиться домой. Они исчезли, радостно размахивая над головой табелями рабочего времени, и в бухгалтерии «Клаймэктик студияз» свет горел всю ночь.

Когда фильм был полностью окончен и была сделана копия, которую Барни аккуратно уложил в металлические коробки, в лагере оставалась всего лишь горстка

людей — в основном шоферы, которые должны были транспортировать машины в двадцатое столетие.

— Боюсь, что нам не скоро удастся подышать таким же свежим воздухом, — сказал Даллас, глядя с холма на поселение викингов на берегу залива.

— Пожалуй, я буду скучать о чем-то гораздо большем, — ответил Барни. — Только теперь начинаю понимать, что все это время я ни о чем, кроме картины, не думал, а сейчас, когда она готова, у меня такое чувство, что произошло что-то намного более значительное, чем нам представлялось раньше, ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Понимаю. Но не забудь, что наши парни увидели Париж только потому, что правительство послало их воевать с немцами. Что происходит, то происходит, вот и все.

— Наверно, ты прав, — заметил Барни. — Только не говори об этом вслух. Уж слишком это похоже на профессорские временные кольца.

— Что случилось с твоей рукой? — внезапно спросил Даллас.

— Похоже на занозу, — ответил Барни.

— Я попрошу медсестру ее выдернуть, пока она еще не закрыла свою лавочку.

— Ладно, только пусть поторопится, через десять минут трогаемся.

Медсестра с шумом распахнула дверь трейлера и подозрительно оглянулась.

— Извините, но все уже заперто.

— Вы меня тоже извините, — твердо сказал Барни, — но придется отпереть. Необходима срочная медицинская помощь.

Взглянув на руку, сестра презрительно фыркнула, однако открыла медицинский шкафчик.

— Никак не могу подцепить занозу пинцетом, — сказала она наконец со скрытым злорадством в голосе, — поэтому придется немного разрезать скальпелем.

Операция заняла всего минуту, и Барни, который думал о более важных вещах, даже не почувствовал боли, пока сестра не помазала крошечную ранку йодом.

— Ой, — сказал он.

— Ну-ну, мистер Хендриксон, такая безделица не может причинить боль, во всяком случае не такому большому мужчине, как вы. — Она открыла дверцу второго шкафчика. — К сожалению, все пакеты первой помощи кончились, поэтому мне придется временно перевязать руку простым бинтом.

Она быстро обмотала ладонь двумя слоями бинта, и Барни вдруг рассмеялся, вспомнив что-то.

— Заноза! — сказал он и, посмотрев вниз, впервые заметил, что на нем были его лучшие брюки из рогожки и кожаная куртка. — Готов поспорить, что у вас в шкафчике есть меркурохром, я просто убежден в этом.

— Какие странные вещи вы говорите! Конечно, есть.

— Тогда намотайте побольше этого бинта, чтобы повязка выглядела огромной. Я покажу ему, что садистский...

— Что? Кому ему?

— Мне, вот кому. Вот как я обращался с самим собой, и теперь я собираюсь отплатить себе. Подумать только, что я осмелился так обращаться с собой!

Сестра замолчала и проворно обмотала руку Барни бинтом, сделав нечто вроде культи, как он и просил. Даже когда Барни схватил пузырек с меркурохромом и щедро полил повязку красной жидкостью, которая закапала чисто вымытый пол, она не произнесла ни единого слова. Когда Барни спустился по лестнке, что-то радостно бормоча себе под нос, за его спиной щелкнул замок.

— Ты ранен? — спросил Оттар.

— Не совсем, — сказал Барни и протянул левую руку, которую Оттар тотчас же стиснул. — Ну, не волнуйся и берегись индейцев.

— Я не боюсь их! Мы заготовили много твердой древесины, наживем целое состояние в Исландии. Ты пригласишь Гудрид обратно?

— По местному времени и двух минут не пройдет, но что будет потом, пусть она сама решает. Ну, пока, Оттар.

— До свиданья, Барни. Приезжай снимать новый фильм и плати «Джеком Даниэльсом».

— Может быть, я так и сделаю.

Это был последний прыжок во времени. Платформа стояла на площадке с вытоптанной травой и многочисленными следами автомобильных шин. Коробки с фильмом лежали в пикапе, единственной машине, которая оставалась на платформе. Даллас сидел за рулем, рядом с ним сгорбилась Слайти с заплаканными глазами и в мятom платье.

— Поехали! — крикнул Барни профессору Хьюиту и в последний раз вдохнул полной грудью свежий морской воздух.

Профессор перебросил всю группу вместе с грузовиками и трейлерами в пятницу, и только Барни с коробками фильма прибыл в понедельник на этой же неделе.

— Дайте мне побольше времени, профессор, — попросил Барни. — Мне нужно быть в кабинете Л. М. в десять тридцать.

Сразу же после прибытия он позвонил и подождал в павильоне посыльного с тележкой. Когда они погрузили фильм на тележку, было уже двадцать минут одиннадцатого.

— Кати теперь к кабинету Л. М., — распорядился Барни. — Я пойду вперед с коробкой номер один.

Он быстро зашагал по коридору и, обогнув угол, увидел знакомую фигуру, уныло, как побитая собака, поднимавшуюся по ступенькам. Барни злорадно усмехнулся, проследовав за самим собой через вестибюль до дверей кабинета Л. М., но тот Барни ни разу не повернул головы. Барни подождал, когда тот толкнет дверь, затем протянул руку через его плечо и отдернул его руку.

— Не входи туда, — сказал он.

— Да как вы осмелились! — крикнул ранний Барни, повернулся, взглянул ему в лицо и отшатнулся, выпучив глаза и дрожа всем телом, словно плохонький актер в третьесортном фильме ужасов.

— Великолепно, какая игра! — воскликнул Барни. — Может, тебе, вместо того чтобы ставить filmy, стоило играть в них, а?

— Ты... Я... — по-идиотски забормотал тот в ответ.

— Ты очень наблюдателен, — сказал Барни. И тут он вспомнил про чертеж. Как было бы хорошо изба-

виться от него. — Поддержи-ка одну секунду, — сказал он, сунув коробку с фильмом в руки своего двойника.

Он не мог достать бумажник из кармана забинтованной рукой, поэтому ему пришлось пустить в ход левую руку. Второй Барни держал коробку и только бормотал что-то себе под нос, пока Барни не сунул ему в руку чертеж и не забрал коробку с фильмом.

— Что случилось с моей рукой... твоей рукой? — в ужасе спросил второй Барни.

«Пожалуй, ему надо сказать», — подумал Барни, но тут он увидел посыльного с тележкой и распахнул дверь.

— Передай это профу, — сказал Барни, пропуская посыльного, и не смог удержаться от того, чтобы не уколоть в последний раз: — И перестань заниматься глупостями. Лучше побыстрее кончай картину.

Он прошел вслед за посыльным не оглядываясь, и дверь за его спиной захлопнулась. Барни не сомневался, что дверь не откроется, и наслаждался тем, что впервые в жизни был в чем-то абсолютно уверен. Эта уверенность помогла ему пройти мимо мисс Заккер, которая пыталась сказать ему что-то о представителях банка; Барни только отмахнулся от нее и открыл дверь в святилище, пропуская посыльного с нагруженной тележкой. Сидевший за своим письменным столом бледный Л. М. взглянул на него, и шесть седовласых людей с непроницаемыми лицами тоже взглянули в сторону двери, чтобы увидеть того, кто осмелился прервать их разговор.

— Прошу извинить меня за опоздание, джентльмены, — сказал Барни спокойным, уверенным голосом. — Но я убежден, что мистер Гринспэн вам уже все объяснил. Мы были за рубежом и только что прибыли обратно с копией фильма, о котором говорил вам мистер Гринспэн. Здесь миллионы, господа, эта картина открывает новую эру в кинематографическом искусстве и обещает невиданные прибыли для «Клаймэктик студิโอ».

Посыльный остановился, коробки с фильмом звякнули, и Сэм, сидевший где-то в самом темном углу кабинета, испустил едва слышный вздох.

Глава 19

— Надеюсь, вы извините меня, если я не буду вставать, — сказал Йенс Лин. — Доктор очень строго относится к послеобеденному отдыху.

— Конечно, конечно, — заверил его Барни. — Ра-на все еще болит?

Йенс лежал в шезлонге в саду своего дома и выглядел намного худее и бледнее, чем во время их последней встречи.

— Не очень, — ответил Йенс. — Она уже заживает. Я могу двигаться; я даже вчера был на премьере. И вынужден признать, что фильм во многих отношениях мне нравится.

— Тебе следовало быть репортером. Один из критиков обвинил нас в попытке снять натуралистический фильм, в попытке, которая потерпела полную неудачу. Он заявил, что статисты в фильме совершенно очевидно взяты из Голливуда и что ему удалось узнать некоторые места калифорнийского побережья, где якобы производились съемки фильма.

— Ну что ж, я понимаю его. Хотя я сам присутствовал при съемках фильма, но, сидя в зрительном зале, я испытывал какое-то чувство нереальности. Наверно, мы так привыкли к чудесам в кино и к тому, что действие фильма происходит в самом необычном месте, что нам все фильмы кажутся нереальными. Но

слушай, если критики относятся к фильму отрицательно, значит, он потерпел неудачу?

— Ни в коем случае! Критики всегда выступают против фильмов, которые делают большие кассовые сборы. Мы уже получили в десять раз больше, чем затратили, а деньги все еще текут рекой. Эксперимент оказался на редкость успешным, и сегодня у нас на заседании обсуждаются съемки следующей картины. Мне просто захотелось навестить тебя и... ты знаешь.. я надеюсь, что ты не...

— Нет, я не сержусь на тебя, Барни. Все это уже прошло. Это я должен извиниться перед тобой за то, что вспылал. Сейчас я вижу все совершенно в другом свете.

Барни расплылся в улыбке.

— Это для меня самая лучшая новость. Должен признаться, Йенс, я чувствовал себя виноватым. Я даже принес с собой дары мира, хотя, собственно говоря, эту штуку раздобыл Даллас, он попросил меня передать ее тебе.

— Боже мой, — сказал Йенс, заглядывая в небольшой пакет и извлекая оттуда зазубренный продолговатый кусок дерева.

— Эту штуку дорсетские индейцы укрепляют на концах бичей. Когда они напали на лагерь Оттара, они крутили их над головами.

— Ну конечно, вот что это такое. — Йенс взял со стола толстый том. — Очень любезно с твоей стороны подумать обо мне. Когда увидишь Далласа, передай ему мое спасибо. У меня тут уже побывало несколько человек из нашей съемочной группы, и они рассказали о событиях, происшедших после моего отъезда. Кроме того, я немало прочел об этом.

Йенс указал на книгу, и Барни вопросительно поднял брови.

— Это исландские саги на старонорвежском языке — именно на этом языке они были написаны. Конечно, почти все саги — лишь устные предания, которые двести лет передавались из поколения в поколение, прежде чем были записаны, однако их точность просто удивительна. Я прочитаю тебе отры-

вок из саги Торфинна Карлсефни и рассказ о гренландцах. Вот: «К концу этого времени было обнаружено множество варваров с юга, затопивших все, подобно реке... они вертели в руках шести, издавая громкие крики». Шести, о которых здесь говорится, и были бичами с такими, как эта, штуками на концах.

— Ты хочешь сказать, что Оттар... Торфинн... и все, что действительно случилось с ним, записано в этих сагах?

— Именно все. Конечно, некоторые места опущены и чуть-чуть искажены, но ведь двести лет, пока саги передавались из уст в уста, — долгий срок. Зато путешествие, строительство поселения, нападение индейцев, даже мороженое и бык, напугавший индейцев во время их первого визита, — все это здесь есть.

— А там говорится... что с ним случилось потом?

— Из того, что там написано, ясно, что Оттар вернулся в Исландию или рассказал историю своих приключений другим норвежцам, которые побывали в Винланде. Насчет его дальнейшей жизни существуют различные версии, но все источники сходятся на том, что он стал богатым человеком и прожил долгую, счастливую жизнь.

— Я рад за Оттара, он это заслужил. Скажи, а там говорится, вернулась ли к нему Слайти?

— Гудрид норвежских саг? Ну конечно. Я читал заметку об этом в одной из газет.

— Да, несомненно, ее написал не рекламный агент Слайти. Она-де бросает кинематографию ради человека, которого любит, и самого лучшего ребенка в мире и удаляется с ними на ранчо, где водопроводная система не самого современного образца, но тем не менее все очень мило и где совершенно восхитительный чистый воздух.

— Совершенно верно.

— Бедная Слайти. Интересно, имеет ли она представление, в каком месте — или в каком времени — находится это ранчо?

Йенс улыбнулся.

— Ты думаешь, это хоть сколько-нибудь важно?

— Пожалуй, ты прав.

Йенс извлек из книги фотокопию газетной статьи.

— Я сберег это для тебя, надеясь, что ты зайдешь. На нее наткнулся один из моих студентов и решил, что это позабавит меня. Статья, появившаяся в «Нью-Йорк таймс», по-моему, в тысяча девятьсот тридцать пятом году.

— «Заседание прервано в результате скандала, — прочитал Барни. — Заседание конгресса Археологического общества было прервано: два делегата подрались в вестибюле... угрозы судебного иска за клевету... заявил, что доктор Перкинс пытался ввести в заблуждение научный мир, показав собравшимся осколок стеклянной бутылки, который он якобы нашел при раскопках поселения викингов в Ньюфаундленде. Было объявлено, что это обман, потому что такого рода стеклянный сосуд никогда не встречался в северных культурах, для них он слишком хорош и, более того, очень напоминает сосуд, используемый для разлива широко известного сорта американского виски...»

Барни улыбнулся и отдал фотокопию.

— Похоже, что Оттару было нелегко избавиться от пустой посуды... — Он поднялся со стула. — Мне неудобно вот так убегать, но я опаздываю на совещание.

— И еще одна деталь. В сагах то и дело упоминается имя человека, который имел, по-видимому, огромное влияние на развитие норвежских поселений в Винланде. Он действующее лицо каждой саги, он принимал участие в одном или нескольких путешествиях и даже продал Торфинну корабль, на котором тот совершил путешествие в Винланд.

— Ну да, это, должно быть... как его там... Торвальд Эрикссон — тот парень, у которого Оттар купил корабль.

— Нет, у него другое имя. Его зовут Бьярни Херлофссон.

— Все это очень интересно, Йенс, но мне действительно нужно бежать.

Барни уже вышел на улицу, когда вдруг до его сознания дошло, что после двухсот лет устных рас-

сказов имя Барни Хендриксона может звучать именно так.

— Они даже меня туда всунули! — охнул он.

— Проходите, мистер Хендриксон, — сказала мисс Заккер и даже слегка улыбнулась. Она была идеальным барометром, и Барни знал, что его акции в «Клаймэктик» находятся на небывалой высоте.

— Мы вас ждем, — сказал Л. М., когда Барни вошел в кабинет. — Сигару?

Барни положил предложенную сигару в нагрудный карман и кивнул сидящим вокруг стола.

— Ну как, нравится? — спросил Л. М., тыча в голову тигра на стене. — Остальное у меня дома, делают чучело.

— Великолепно, — сказал Барни. — Но мне ни разу не приходилось видеть такого тигра.

Голова была почти в ярд длиной, и два огромных кошачьих клыка, каждый не меньше двенадцати дюймов, нависали над нижней челюстью.

— Это мечезубый тигр! — гордо произнес Л. М.

— А вы уверены, что не саблезубый?

— Подумаешь! Сабля тоже разновидность меча, правда? Эти двое, трюкачи... как их там зовут? Дайте мне список. Они организовали что-то вроде сафари, охоту на первобытных зверей, и «Клаймэктик» получает процент с прибылей без всяких затрат, если не считать, что они пользуются некоторым нашим оборудованием.

— Здорово придумано, — сказал Барни.

— Ну все, — сказал Л. М., постучав по столу своей золотой зажигалкой. — Я человек компанейский, не хуже других, а может и получше, но пора приступить к делу. «Викинг Колумб» имел потрясающий успех. Мы должны ковать железо, пока горячо, и создать картину, которая имела бы еще более потрясающий успех. Вот почему мы здесь собрались. Как раз перед вашим приходом, Барни, Чарли Чанг заметил, что картины на религиозные темы снова начинают пользоваться спросом.

— Я не собираюсь это оспаривать, — сказал Барни, но тут же вскинулся: — Л. М., неужели вы...

Л. М. улыбнулся, не слушая его.

— И это, — продолжал он, — наводит меня на мысль о создании самой выдающейся картины на религиозные темы всех времен, картины, успех которой гарантирован.

Содержание

Чувство долга, роман	
<i>перевод с английского В. Быстрова</i>	7
 Чума из космоса, роман	
<i>перевод с английского А. Козловского</i>	159
 Фантастическая сага, роман	
<i>перевод с английского И. Почиталина</i>	335

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга пятая

Составитель В. Быстров

Ответственный за выпуск А. Московкин

Оператор компьютерной верстки Т. Крукле

Главный редактор А. Захаренков

Редактор М. Проворова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Т. Крукле, Е. Ошуркова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Художник А. Кириллов

Подписано в печать 15.12.92. Лицензия № 2-0477 Формат 84×108 32.
Усл. печ. л. 28,56. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1694. С-010

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV 1039, Рига, а/я 22.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия
СССР Министерства печати и информации Российской Федерации.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

**Миры Гарри Гаррисона кн. 5 / Пер. с англ.—Рига:
Полярис, 1992.—543 с.**

ISBN 5-88132-020-4

ЧУВСТВО ДОЛГА

ЧУМА

ИЗ КОСМОСА

**ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
САГА**